

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 1
ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ**

2021

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор В.С. Мирзеханов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**ОддАрне Вестад (США), А.Б. Давидсон (Россия), Штефан Карнер (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), Николаус Катцер (Германия), Доминик Ливен
(Великобритания), Г.Ф. Матвеев (Россия), В.С. Мясников (Россия), В.В. Наумкин (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), А.О. Чубарьян (Россия)**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Йорг Баберовски (Германия), Л.С. Белоусов (Россия), Д.М. Бондаренко (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), Владислав Зубок (Великобритания), Суви Кансикас (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), М.А. Липкин (Россия), Леонид Люкс (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), Мари-Пьер Рей (Франция),
Дональд Рейли (США), Л.П. Репина (Россия), И.М. Савельева (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), В.В. Согрин (Россия), Грегори Фриз (США), Б.Л. Хавкин (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), Франтишек Штеллнер (Чехия)**

Ответственный секретарь И.А. Фадеев

---

*Адрес редакции: 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru*

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 1

JANUARY–FEBRUARY

2021

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY:
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL COUNCIL

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A

Web-site: <http://nni.jes.su>

e-mail: novistor57@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2021

© Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2021

СОДЕРЖАНИЕ**ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ**

- Давыдов И.П.** Как возможна история церкви? («История Церкви» как самостоятельная дисциплина в свете эпистемологии)..... 7
- Елохин К.А.** Историография кубинского гербоведения в XX – начале XXI века..... 18
- Балезин А.С.** Книги танзанийских историков последних десятилетий: вклад в постколониальную библиотеку..... 29

НОВОЕ ВРЕМЯ

- Ястребов А.О.** Литургия власти. Некоторые аспекты религиозной политики Венеции в отношении православной церкви в Новое время..... 44
- Кондрашук Р.А.** Чары Клеопатры: идеал античной красоты на страницах американской прессы рубежа XIX и XX веков..... 60

XX ВЕК

- Согрин В.В.** Двухпартийная система в американской истории. От Дж. Вашингтона до современности..... 69
- Полякова Е.Ю.** Россия – Ирландия: трудный путь к взаимопониманию..... 88
- Ходнев А.С.** Колониализм, империализм и Лига Наций..... 104
- Ачкинази Б.А. Ж.** Клемансо и проблемы «сильной власти» во Франции (1914–1919 годы)..... 117
- Медведева М.К.** Когда интеллектуал становится коллаборационистом: Жак Бенуа-Мешен и его «История германской армии»..... 130
- Анкудинова Н.В.** Интернирование военнослужащих воюющих сторон на территории нейтральной Ирландии во время Второй мировой войны..... 138

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Махмутова М.И.** Специфика Фронта ПОЛИСАРИО как негосударственного актора..... 149
- Покудов З.В., Садыкова Э.Л.** Анализ регионализации военно-политических интересов США и ЕС на примере интервенции в Ливию в 2011 году..... 159
- Веселов В.А.** Развитие ядерной стратегии США в начале XXI века..... 169

ПУБЛИКАЦИИ

- Петрова М.А.** Международное положение России в начале Семилетней войны в инструкциях Коллегии иностранных дел резидентам в Регенсбурге и Гданьске..... 181
- Ланник Л.В.** Диагностика режима: германская военная аналитика о гетманской Украине..... 196
- Бухарин М.Д.** Новые документы по истории изучения Восточного Туркестана из Турфанского собрания..... 214

СООБЩЕНИЯ

- Наумов А.О.** Идеино-политические истоки концепции «мягкой силы» Джозефа Ная..... 223

РЕЦЕНЗИИ

- Орлов А.А.** Британская дипломатия второй половины XVIII века: петербургский вектор (Т.Л. Лабутина. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019) 230
- Соколов А.Б.** Преступность и наказания в Англии XVIII века (С. Васильева, И. Эрлихсон. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века. Очерки интеллектуальной истории. СПб., 2020)..... 233
- Стрелец М.В.** Новое исследование истории международных отношений в Центрально-Восточной Европе (В.А. Зубачевский. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. М., 2019)..... 238

- Сиротинская М.М.** История Холокоста и антигитлеровского Сопротивления в Германии (И.А. Альтман, Б.Л. Хавкин. Национал-социализм, Холокост и антигитлеровское Сопротивление в Германии (1933–1939 гг.): материалы к спецкурсу для студентов РГГУ. М., 2020)..... 241
- Хавкин Б.Л.** От семейной памяти к памяти народа (Память народа. память семьи. Под ред. Н.Э. Вашкау (отв. ред.), А.А. Лакизюк. Липецк, 2020)..... 243
- Буллер А.** (Германия). Восприятие «другого»/«чужого» в культурном пространстве между Россией и Западом («Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб., 2019)..... 246

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Зданевич А.С., Хохолькова Н.Е.** Всероссийская научная конференция «Перелом в истории Африки. Ожидания и реальность»..... 251

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Davidov I.P. How is the History of the Church Possible? (“Church History” as an Independent Discipline in the Light of Epistemology).....	7
Elokhin K.A. Historiography of Cuban Heraldry in the 20 th – the Beginning of 21 st centuries.....	18
Balezin A.S. Books by Tanzanian Historians of Recent Decades: Contribution to the Postcolonial Library.....	29

MODERN HISTORY

Yastrebov A.O. The Liturgy of Power. Some Aspects of the Religious Policy of Venice in Relation to the Orthodox Greeks in Modern Age.....	44
Kondrashuk R.A. Cleopatra’s Charms: The Ancient Beau Ideal in American Press at the Turn of the 19 th and 20 th centuries.....	60

20th CENTURY

Sogrin V.V. Two-Party System in History of the USA. From G. Washington to Modernities.....	69
Polyakova E.Yu. Russia – Ireland: the Hard Path to Mutual Understanding.....	88
Khodnev A.S. Colonialism, Imperialism, and the League of Nations.....	104
Atchkinasi B.A. G. Clemenceau and the Problems of “Strong Power” in France (1914–1919).....	117
Medvedeva M.K. When an Intellectual Becomes a Collaboratorist: Jacques Benoist-Méchin and His “History of the German Army”	130
Ankudinova N.V. The Internment of Belligerent Military Personnel in Neutral Ireland During World War II.....	138

CONTEMPORARY HISTORY

Makhmutova M.I. Specific Features of the Polisario Front as a Non-State Actor.....	149
Pokudov Z.V., Sadykova E.L. Analysis of the Regionalization of Military-Political Interests of the USA and EU on an Example of the Intervention in Libya in 2011.....	159
Veselov V.A. The Development of US Nuclear Strategy at the Beginning of the 21 st century.....	169

PUBLICATIONS

Petrova M.A. The International Position of Russia at the Beginning of the Seven Years’ War in the Instructions of the College of Foreign Affairs to Residents in Regensburg and Gdansk.....	181
Lannik L.V. Diagnostics of the Regime: German Military Analytics about the Hetmanate.....	196
Bukharin M.D. New Documents on the History of Exploration of East Turkestan from the Turfan-Sammlung.....	214

MESSAGES

Naumov A.O. Ideological and Political Origins of the J.S. Nye’s Concept of Soft Power	223
--	-----

REVIEWS

Orlov A.A. British Diplomacy of the Second Half of the 18 th century: the Petersburg Vector (T.L. Labutina. British Diplomats and Catherine II. Dialogue and Opposition. Saint-Petersburg, 2019)	230
Sokolov A.B. Crime and Punishment in England in the 18 th century (S. Vasilieva, I. Ehrlichson. Crime and Punishment in English Social Thought of the 18 th century. Essays on intellectual history. Saint-Petersburg, 2020).....	233
Strelets M.V. A New Study on the History of International Relations in Central and Eastern Europe (V.A. Zubachevsky. Russian Politics in Central and Eastern Europe (the first third of the 20 th century): a Geopolitical Aspect. Moscow, 2019).....	238

Sirovinskaya M.M. History of the Holocaust and Anti-Hitler Resistance in Germany (I.A. Altman, B.L. Khavkin. National Socialism, the Holocaust, and Anti-Hitler Resistance in Germany (1933–1939): materials for a special course for students of RSUH. Moscow, 2020)..... 241

Khavkin B.L. From the Memory of the Family to the Memory of the People (Memory of the People. The Memory of the Family. Eds. N.E. Vaschkau (resp. ed.), A.A. Lakizuk. Lipetsk, 2020)..... 243

Buller A. Perception of the “Other”/“Alien” in the Cultural Space between Russia and the West (“Friend”/“Foe” in cross-cultural communications of the countries of the West and Russia. Saint-Petersburg, 2019)..... 246

ACADEMIC LIFE

Zdanevich A.S., Khokholkova N.E. All-Russian Conference “A Turning Point in the History of Africa. Expectations and Reality”..... 251

DOI: 10.31857/S013038640013374-9

© 2021 г. И.П. ДАВЫДОВ

КАК ВОЗМОЖНА ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ? («История Церкви» как самостоятельная дисциплина в свете эпистемологии)

Давыдов Иван Павлович — доктор философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: ioasaph@yandex.ru

Researcher ID: AAP-3005-2020; *ORCID:* 0000-0002-2512-0127

Аннотация. В статье рассмотрены сходства и различия эпистем и парадигм научного знания с позиций философии науки Томаса Куна, Гастона Башляра, Имре Лакатоша, Мишеля Фуко, Джорджо Агамбена. Если *парадигме*, согласно взглядам Т. Куна и его последователей, присущи нормативизм, методологическая систематичность, регулятивность и некоторые другие признаки позитивного знания, то *эпистеме* — методологическая аморфность, наличие «скрытых структур», априорность гносеологических подходов и т.д. Обобщая, можно зафиксировать философскую дискретность эпистем и континуальность парадигм. История науки может констатировать факт смены научных парадигм в последовательности: *классическая — неклассическая — постнеклассическая — неоклассическая — постпостнеклассическая*. Данное утверждение справедливо при трех допущениях: (а) речь ведется исключительно о гуманитаристике; (б) парадигмы способны сосуществовать одновременно; (в) в ходе «поворотов» («лингвистических» и проч.) возможен резкий переход гуманитарного дискурса (как научного, так и философского) с одной парадигмы на другую, минуя одно или несколько промежуточных звеньев указанной цепи. Дж. Агамбен, опираясь на идеи Аристотеля и Карла Шмитта, политизирует понятие «парадигма» в дискурсе о теологии и говорит о наличии двух «метaparadигм»: (а) политической, т.е. официальной, и (б) экономической, т.е. приватной (политэкономии в таком случае можно представить как совмещение оптик обеих парадигм). Сциентистскую состоятельность истории Церкви как самостоятельной научной дисциплины автор обсуждает с когнитивной и системной точек зрения именно в контексте «метaparadигмального» подхода Дж. Агамбена и прогнозирует возможное совмещение нескольких парадигм и их альтернатив — эпистем в одном научном дискурсе.

Ключевые слова: Церковь, история Церкви, философия истории, философия науки, эпистема, парадигма, «метaparadигма», религиоведение.

I.P. Davidov

How is the History of the Church Possible? («Church History» as an Independent Discipline in the Light of Epistemology)

Ivan Davidov, Department of the Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: ioasaph@yandex.ru

Researcher ID: AAP-3005-2020; ORCID: 0000-0002-2512-0127

Abstract. The article discusses the similarities and differences between the epistemes and paradigms of academic knowledge from the standpoint of the philosophy of science of Thomas Kuhn, Gaston Bachelard, Imre Lakatos, Michel Foucault, Giorgio Agamben. According to the views of T. Kuhn and his followers, if the paradigm is characterized by normativism, methodological systematicity, regularity, and some other signs of positive knowledge, then the episteme is characterized by methodological amorphousness, the presence of “hidden structures”, a priori epistemological approaches, etc. The history of science can state the fact of changing scientific paradigms in the following sequence: classical – non-classical – post-non-classical – neoclassical – post-post-non-classical. This statement is true under three assumptions: (a) we are talking exclusively about the Humanities; (b) different paradigms can coexist simultaneously; (c) in the course of “turns” in the Humanities, a sharp transition of discourse (both scientific and philosophical) from one paradigm to another is possible, bypassing one or more intermediate links of the specified chain. Giorgio Agamben, relying on the ideas of Aristotle and Karl Schmitt, politicizes the concept of “a paradigm” in the discourse on theology and says that there are two “metaparadigms”: (a) political, i.e. official, and (b) economic, i.e. private. The author discusses the scientific validity of Church History as an independent academic discipline from the cognitive and systemic points of view in the context of the “meta-paradigmatic” approach of Giorgio Agamben and predicts possible combination of several paradigms and their alternatives – episteme in one scientific discourse.

Keywords: Church, Church History, philosophy of history, philosophy of science, episteme, paradigm, “metaparadigm”, religious studies.

Объектом данного исследования является эпистемологическая ситуация, сложившаяся на данный момент в отечественной гуманитаристике, а предметом – место академической и педагогической дисциплины «История Церкви» в ряду смежных исторических наук. Актуальность данной теме придает факт все большего институционального обособления в РФ истории Церкви как суботрасли исторической науки от других близкородственных ей («Истории религии» в целом и «Истории христианства» в частности)¹.

Философско-историческая методология детерминирована целью исследования, а именно – попыткой теоретико-методологического осмысления и обоснования уже состоявшегося и нередко просто констатируемого факта размежевания вышеуказанной дисциплины с «соседями по цеху», для чего необходимо было решить следующие задачи:

(а) выяснения сциентистской состоятельности истории Церкви как гуманитарной науки;

---

¹ Доказательством этому служат, например, 1) учреждение в 2007 г. на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова кафедры истории Церкви, которая является преемницей традиций Императорского Московского университета периода 1863–1917 гг.; 2) деятельность Центра по изучению истории религии и церкви Отдела Новой и Новейшей истории ИВИ РАН; 3) существование со 2-й половины 2019 г. профильного академического издания «Российский журнал истории Церкви».

(б) уточнения предметной области истории Церкви как светской науки в контексте ее диалога с конфессиональной церковно-исторической традицией, в частности русской православной;

(в) рассмотрения в сравнительном ключе объекта / предмета религиозоведческого знания, с одной стороны, и объекта / предмета анализируемой дисциплины – с другой;

(г) демонстрации методологических преимуществ философско-политологического «метaparадигмального» подхода в деле эпистемологической «апологии» возрождаемой в российской гуманитаристике суботрасли историко-церковного знания.

Относительной новизной исследования автору видится привлечение в эпистемологический дискурс не столько аргументов философии истории², сколько «метaparадигмального» подхода современного философа Джорджо Агамбена³.

Философия истории, как то убедительно показали, например, Р. Арон, Б. Маккаллах, А. Данто, И.М. Савельева, А.В. Полетаев и другие современные авторы⁴, – поныне остается одной из самых интересных для историков областей философского знания, накопившего со времен античности многовековой опыт сосуществования в одном интеллектуальном пространстве истории и философии.

(А) Сциентистская состоятельность истории Церкви как науки может быть рассмотрена в двух плоскостях – когнитивной и системной, поскольку с точки зрения теории познания (каким бы трюизмом это ни выглядело) следует различать науку как социальный институт; как когнитивную деятельность; как систему верифицируемого знания⁵. Социальная плоскость при этом не элиминируется, она важна для описания науки в диахронном срезе – как кооперации усилий нынешнего и всех предшествующих поколений ученых. Это яркий маркер дифференциации и академической самоидентификации. В зависимости от того, с кем ассоциируют себя современные исследователи Церкви в России – с продолжателями ли дела В.В. Болотова, А.В. Карташева, А.П. Лебедева, М.Э. Поснова, А.А. Васильева, И.И. Соколова и т.д. или же с традицией, например, Н.М. Никольского, И.А. Крывелёва и других советских специалистов, можно сделать выводы о востребованности наследия той или иной научной школы: историко-церковной или же религиозоведческой.

Гносеологией учитываются так называемые «сигнатуры» научных теорий, являющиеся, на наш взгляд, удобным инструментом описания когнитивной деятельности науки⁶. При этом минимальные требования, предъявляемые к естественнонаучной и к гуманитарной теориям, не совпадают, что становится очевидно при их сопоставлении (см. таблицу 1).

Из данных таблицы 1 следует, что гуманитарное знание (к которому относится, разумеется, и история Церкви) мыслится гносеологами менее строгим по сравнению с точными и естественнонаучными дисциплинами. Такой подход созвучен и точке зрения

² Данто А.С. Аналитическая философия истории. М., 2002; Ильин В.В. Философия истории. М., 2003; Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

³ В чуть ли не единственном на сегодня узкопрофильном словаре по философии истории и историографии под редакцией А. Такера Дж. Агамбен вообще не упоминается (см.: A Companion to the Philosophy of History and Historiography / Ed. A. Tucker. Oxford, 2009). И в посвященных «Агамбениане» монографиях и спецвыпусках журналов в качестве «историософа» его не рассматривают, воспринимая только как философа и политолога (см., напр.: Mills C. The Philosophy of Agamben. Ithaca, 2008; The Agamben Effect / Spec. ed. A. Ross // The South Atlantic Quarterly. 2008. Vol. 107. № 1).

⁴ Арон Р. Избранное: введение в философию истории. М. – СПб., 2000; Арон Р. Избранное: измерения исторического сознания. М., 2004; McCullagh B.C. The Logic of History. Putting postmodernism in perspective. London; New York, 2004; The Historic Turn in the Human Sciences / Ed. T.J. McDonald. Ann Arbor, 1996; Warum noch Philosophie? Historische, systematische und gesellschaftliche Positionen / Hrsg. von M. van Ackeren, T. Kobusch, J. Müller. Berlin – Boston, 2011.

⁵ Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994. С. 5–8.

⁶ Ср. с агамбеновской трактовкой сигнатур: Agamben G. The Signature of All Things. On Method. New York, 2009. P. 33–80.

И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, которые, анализируя концептуализацию исторической науки, выделяют (а) «историю-текст», (б) «историю-реальность» и (в) «историю-знание», исходя из логико-семантических категорий (а) знака, (б) значения (денотата) и (в) смысла (коннотата)⁷. Т.е. их метод охватывает сразу три важнейших элемента сигнатуры гуманитарной теории (а отсутствие оценочных суждений может свидетельствовать о склонности к гуссерлианскому принципу «архэ»). Однако такая «диспозитивная» сигнатура при всей своей «лояльности» не снимает с гуманитариев, работающих в сциентистском ключе, обязанности следовать критериям научности, выработанным еще неопозитивизмом и критическим рационализмом (Имре Лакатоша, Бертрана Рассела, Карла Поппера, Рудольфа Карнапа), таким как: истинность, общезначимость, эффективность, объективизм, рациональность, системность, эссенциализм, верификационизм, фальсификационизм⁸.

Таблица 1

Сигнатура естественнонаучного знания	Сигнатура гуманитарного знания
<ul style="list-style-type: none"> – множество фактов; – множество законов; – множество констант; – множество интерпретаций; – множество моделей; – множество формализмов; – множество логических допущений. 	<ul style="list-style-type: none"> – множество знаков-символов; – множество герменевтических процедур; – множество аксиологических оценок; – множество логических средств⁹.

(Б) История Церкви в качестве научной дисциплины, рассматриваемой и как «текст» (т.е. «большой нарратив»), и как «знание», вполне может соответствовать всем вышеназванным критериям научности и в когнитивной, и в системной плоскостях сциентистской оптики, в том числе ретроспективно — церковно-исторические исследования предшественников, конфессионально ориентированные либо же, наоборот, подвергнутые цензуре за свободомыслие, оказываются историко-церковными ровно настолько, насколько их исторический метод отвечает современным светским критериям научности. Конфессионально ориентированная версия истории Церкви, т.е. церковно-историческое «история-знание», — в отличие от строгой исторической науки, — в силу своего происхождения может некритично апеллировать к сакрализованному «истории-тексту», являющемуся продуктом религиозного мышления либо какой-то иной несциентистской формы общественного сознания / мышления (к которым относятся обыденное, мифологическое, магическое, художественное, философское¹⁰). Показательные примеры здесь — отношение к агиографии как к сугубо историческому источнику со стороны В.О. Ключевского и как к церковному преданию со стороны его старшего современника еп. Игнатия (Брянчанинова). А также теолого-аскетологическая интерпретация

⁷ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1: Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 60–69; Неклассическое наследие. Андрей Полетаев / Отв. ред. И.М. Савельева. М., 2011. С. 199–250.

⁸ Карнап Р. Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике. М., 1959; Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983; Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995; Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999; Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовский, В.К. Финн. М., 2000; Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М., 2008.

⁹ Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993. С. 76–87.

¹⁰ И.М. Савельева и А.В. Полетаев в своей работе по ретроспективной социологии учитывают далеко не полный перечень, разграничивая только архаическую мифологию, религию и философию (см.: Социология знания о прошлом. М., 2005. С. 180 и след.).

истории русского православного юродства в сочинениях митр. Серафима (Чичагова)¹¹ и феноменолого-культурологическая — в трудах современного историка-византиниста С.А. Иванова¹². В католической историографии 2-й половины XX в. дело обстоит аналогичным образом: историческая экклесиология, например, Ги Бедуэлла учитывает библейский контекст и эсхатологическую перспективу¹³, в то время как двухтомник Йозефа Лортца построен на светском методологическом фундаменте истории идей¹⁴.

(В) Разумеется, наивный онтологический реализм в философии истории (как светской, так и религиозной) уже давно преодолен¹⁵. И разграничение в эпистемологии имеет смысл проводить не столько между онтологической и трансценденталистской истиной, сколько между корреспондентной и когерентной теориями истины. Как следует уже из этимологии, корреспондентная теория истины подразумевает объективное, внеситуативное, трансцендентное соответствие знания реальности, а когерентная теория истины — наоборот, субъективное, ситуативное, имманентное соответствие элементов некоторой концепции друг другу, попросту их внутреннюю непротиворечивость и взаимосогласованность¹⁶.

На наш взгляд, именно когерентная теория истины в философии религии позволяет выстраивать любые доксологические теологемы. А смещение фокуса внимания с проблемы истины на проблему истинности (атомарного предложения, высказывания, протокольного предложения, суждения) еще больше облегчает теологам задачу конструирования наукоподобной теологии истории (методом «погружения» гегелевской философии истории в онто-теологию). Сторонники этого подхода видят в «научной теологии» свой резон, а именно изучение истории эволюции «веры Церкви», т.е. доксологию. Представляется, что теология, претендующая на научность, должна соответствовать не только критерию верификационизма, но и критерию фальсификационизма, т.е. указывать границы применимости собственных умопостроений. Но на сегодняшний момент даже верификация в теологии истории оказывается избыточным требованием, так как претендующий на универсализм философский теизм оперирует не корреспондентной, а когерентной теорией истины.

В этом ключе религиоведение, понимаемое как комплекс дисциплин, объединенных единым предметным полем — религией во всем многообразии ее проявлений, выгодно отличается от философского теизма, поскольку такие ее составляющие, как история религии, социология религии, социальная антропология остаются верны корреспондентной теории истины и стремятся отвечать всем критериям научности. Другое дело, что история Церкви уже достаточно набрала академический «вес» и автономизировалась как от всеобщей истории, так и от истории религии¹⁷. У религиоведения свой предмет — религия, у истории Церкви свой — христианская церковь как земной социальный институт, а не метафизический конструкт или теологическая метаданность, поэтому целесообразность их демаркации не

¹¹ *Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря*. СПб., 1903.

¹² *Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства*. М., 2005.

¹³ *Бедуэлл Г. История Церкви*. М., 1996.

¹⁴ *Лортц Й. История Церкви*. Т. 1–2. М., 1999–2000.

¹⁵ *Historical Reenactment. From Realism to the Affective Turn* / Eds. I. McCalman, P. A. Pickering. New York, 2010; *McPartland T. J. Lonergan and Historiography. The Epistemological Philosophy of History*. Columbia, 2010.

¹⁶ *Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм*. М., 2011. С. 131–271.

¹⁷ Русскоязычному читателю достаточно обратиться к таким фундаментальным трудам, как, например, многотомник Филипа Шаффа «История христианской Церкви» (СПб., 2007–2010) или же познакомиться с библиотекой кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ: *Общая история Церкви*. Т. I–II / Сост. В.В. Симонова. Кн. 1–2. М., 2017; *Введение в историю Церкви*. Ч. 1: *Обзор источников по общей истории Церкви* / Под ред. В.В. Симонова. М., 2012; Ч. 2: *Обзор историографии по общей истории Церкви* / Под ред. В.В. Симонова. СПб., 2015. Причем эти фолианты самими авторами-составителями позиционируются как учебные (!) издания. Не всякая кафедра религиоведения может похвастаться столь же грандиозными достижениями в области истории (по умолчанию — всех, что заведомо неосуществимо) религий.

вызывает сомнений. Подобное «отпочкование наук» наблюдается историками науки регулярно и свидетельствует об институциональной «взрослости» той или иной суботрасли знания (никто же не оспаривает самостоятельное существование египтологии, библеистики, иудаики, синологии, японистики. Хотя африканистика и ориенталистика могли бы претендовать на интеграцию их компетенций с собственными)¹⁸.

(Г) Очевидно, методология истории церкви, как и всеобщей истории, будет варьироваться в зависимости от парадигмы: классической, неклассической, постнеклассической и неоклассической¹⁹. Разброс подходов здесь очень широк — от «классики» 1910-х годов, например, А.С. Лаппо-Данилевского²⁰ до современной неоклассики²¹. И внутри этого спектра свое место в качестве «неклассической методологической установки» занимает и школа «Анналов»²², и «трансцендентальный томизм» Бернара Лонергана²³. Разнообразие базовых признаков каждой из парадигм антитетичной пары и их преемственность удобно представить в форме таблицы 2.

Таблица 2

Парадигма-«тезис»	Парадигма-«антитезис»
<p>I. КЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА</p> <ul style="list-style-type: none"> – источниковедческая критика исторического источника с целью извлечения из него достоверного факта как фиксации единичного события прошлого; – «смерть героя» как представителя ушедшей эпохи; – «позитивизм» и «неопозитивизм». 	<p>II. НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА</p> <ul style="list-style-type: none"> – диалог историка и автора «истории-текста» с целью интерпретации его содержания при помощи герменевтических процедур; – «погружение» исследователя в аутентичный «культурный слой» бытописателя; – выявление феноменологической природы исторического знания; – «психологизм».
<p>IV. НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА</p> <ul style="list-style-type: none"> – возврат «классики» на новом витке научного знания; – выяснение эпистемологических основ исторической науки; – интерес к методу, обращение к философии науки; – онтологизация эмпирической реальности, превращение истории в «историю-реальность»; – «когнитивизм». 	<p>III. ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА</p> <ul style="list-style-type: none"> – деконструкция «больших нарративов»; – интерес к «нулевой степени» исторического явления как указания на его умышленное отсутствие; – «смерть автора» в пользу читателя-интерпретатора; – интерпретация любых источников, в том числе «нулевой степени», как репрезентантов своего хронотопа; – интертекстуальность; – «постмодернизм».

¹⁸ Любой историк согласится, что, к примеру, архивное дело также имеет право на самоопределение (см. подробнее: *Блоун Ф., Розенберг У.* Происхождение прошлого. «Подлинность» для историков и архивистов. СПб., 2017).

¹⁹ Источниковедение / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015. С. 11–12.

²⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. М., 2006. Что такое «классика» подробно объяснили И.М. Савельева и А.В. Полетаев (см.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Классическое наследие. М., 2010).

²¹ Как мы пишем историю? / Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М., 2013; Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2017 (особо см. статью М.Ф. Румянцевой «Историческая память и презентация истории (неоклассическая vs классическая – неклассическая – постнеклассическая модели исторической науки)». С. 18–48).

²² *Философия и методология истории / Общ. ред. И.С. Кона.* М., 1977. С. 115–142, 216–244.

²³ *McPartland T.J.* Op. cit.

<p>(VI. ?)</p> <ul style="list-style-type: none"> – перспективы не определены; – гипотетичен отказ от куновской теории научных революций в пользу метапарадигм Дж. Агамбена; – но более вероятно параллельное сосуществование нескольких парадигм и их альтернатив – эпистем (М. Фуко). 	<p>V. ПОСТ-ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГИМА</p> <ul style="list-style-type: none"> – влияние акторно-сетевой теории Брюно Латура и Джона Ло на конструирование социальной «истории-реальности»; – кооперация историков с учеными других специальностей по модели горизонтальных, «матричных», а не вертикальных, «штабных» схем менеджмента (в плоскости рассмотрения истории как социального института); – «постпостмодернизм»²⁴.
--	---

Шестой сегмент таблицы 2, видимо, нуждается в пояснении, ибо вопрос вектора эволюции остается открытым. Наша гипотеза состоит в том, что современная гуманитаристика в своем развитии дошла до очередной точки бифуркации, так как «неоклассика» в силу своего консерватизма вряд ли сможет конкурировать на равных с «постпостмодернизмом». Но выход из очередного методологического «тупика» есть. И он заключается в строгом разведении понятий «эпистема» (досл.: знание), «парадигма» (досл.: эталон, образец для подражания) и «метапарадигма». В сравнительном ключе признаки *эпистемы* («археологии знания» М. Фуко) и *парадигмы* (устойчивой формы существования «нормальной науки» между двумя очередными «научными революциями») удобно задать таблицей 3.

Таблица 3

Эпистема (М. Фуко, Г. Башляр) ²⁵	Парадигма (Т. Кун) ²⁶
<ul style="list-style-type: none"> – культурно-познавательное a priori; – «скрытые структуры»; – аморфность условий возможности реализации; – способ «поэтического опрокидывания» вещей в слова; – «ризоматичность» «синхронистических изоморфизмов»; – дискретность. 	<ul style="list-style-type: none"> – a posteriori; – систематичность; – «нормативизм» правил и стандартов получения знания; – теоретичность; – регулятивность; – каузализм как поиск «корня» явления; – континуальность.

Контроверзой куновской «парадигме» является и фукольдианская «эпистема», и агамбеневская «метапарадигма». Как известно, Мишель Фуко исключил почти всю гуманитаристику из «эпистемологического трехгранника», при этом наделив историю многочисленными функциями мемориализации, мифа, трансляции нарратива и т.д., вплоть до прогностики²⁷. В своей «археологии знания» он описал всего три эпистемы европейской цивилизации: ренессансную (построенную на принципах симпатии и подобия), классическую (основанную на принципах тождества и различия) и современную (на принципах формализации и интерпретации). На наш взгляд, пластичность эпистемы адекватно соответствует вышеуказанной сигнатуре гуманитарного знания. Но поскольку

²⁴ Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., 2019.

²⁵ Визгин В.П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М., 1996; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

²⁶ Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. 3rd ed. Chicago, 1996.

²⁷ Фуко М. Указ. соч. С. 367–386.

сам М. Фуко вывел историю за пределы гуманитарных наук, так как она образует «среду» их обитания, справедливо будет предъявлять к истории (и истории Церкви) сциентистские требования классической и неоклассической парадигмы, к которым относится и признание корреспондентной теории истины. Коherentная теория истины, которой оперирует философский теизм, двигаясь в русле плюралистической концепции рациональности, в таком случае будет указывать на следование *эпистеме*, скорее всего, *современной*.

Занимаясь политической теологией Карла Шмитта, Джорджо Агамбен по-своему решал аналогичный вопрос, надстроив теоретическое «здание» *парадигм* «этажом» *метапарадигм* (хотя сам термин «метапарадигма» — не из его лексикона²⁸). С его точки зрения, — которая, по нашему убеждению, сохраняет свою эвристическую значимость не только в политической теологии и теологии истории, но и в философии истории, — таких метапарадигм всего две: политическая и экономическая (в аристотелевском смысле слова *polis* и *oikos*)²⁹. Таким образом, политическая метапарадигма — это публичная сфера («для других»), а экономическая — приватная («для себя»), хотя и там, и там есть место административно-управленческим мононормам (моральным и правовым).

Резюмируя, можно сказать, что историк Церкви, даже будучи воцерковленным верующим или клириком, не будет кривить душой, стремясь работать в строго сциентистском ключе. Это просто значит, что он избрал политическую метапарадигму и, желая быть понятным «для других», придерживается принципов корреспондентной истины, научной объективности и религиозного индифферентизма (последний часто и совершенно неоправданно называют «методологическим атеизмом», но атеизм — это нечто совсем другое). В более тесном кругу общения единомышленников ничто не мешает историку Церкви быть «своим для своих» и в экономической метапарадигме, допускающей интересубъективность и оценочные суждения, заявлять о своей конфессиональной идентичности.

Подводя итоги, подчеркнем, что:

во-первых, история Церкви может и должна мыслиться как строго научная дисциплина, отвечающая всем критериям научности, в том числе критериям истинности, верификации и фальсификации.

Во-вторых, история Церкви должна сохранять дистанцию с теологией и философским теизмом, поскольку их аргументация может не отвечать критериям научности, выработанным неопозитивизмом и критическим рационализмом (И. Лакатоша, Б. Рассела, К. Поппера и др.). Размывание этих критериев современной светской теологией посредством подмены корреспондентной теории истины коherentной представляет отдельную эпистемологическую проблему.

В-третьих, религиоведение, до сих пор испытывающее сильное и решающее влияние со стороны философии религии и философского теизма, — что заставило, например, М. Элиаде попытаться обособить историческую религиоведческую феноменологию, — может претендовать лишь на использование в своем философском синтезе результатов конкретно-исторических исследований эволюции церковных институций и т.п., но не на продуцирование такового знания, поскольку предмет истории Церкви не идентичен предмету не только религиоведения, но и истории религии.

В-четвертых, размежевание по объекту и по предмету исследования близкородственных по методологии гуманитарных дисциплин необходимо проводить с учетом эпистемологического контекста, всякий раз четко осмысливая, в каком парадигмальном или же эпистемическом ключе будет реализована исследовательская программа.

²⁸ The Agamben Dictionary / Eds. A. Murray, J. Whyte. Edinburgh, 2011. P. 26–28, 92–96, 144–147, 156–158, 174–176.

²⁹ Agamben G. The Kingdom and the Glory. For a Theological Genealogy of Economy and Government (Homo Sacer II, 2). Stanford, 2011. P. 1–16.

Библиография

- Арон Р. Избранное: введение в философию истории. М. – СПб., 2000.
 Арон Р. Избранное: измерения исторического сознания. М., 2004.
 Бедуэлл Г. История Церкви. М., 1996.
 Блоуин Ф., Розенберг У. Происхождение прошлого. «Подлинность» для историков и архивистов. СПб., 2017.
 Введение в историю Церкви. Ч. 1: Обзор источников по общей истории Церкви / Под ред. В.В. Симонова. М., 2012.
 Введение в историю Церкви. Ч. 2: Обзор историографии по общей истории Церкви / Под ред. В.В. Симонова. СПб., 2015.
 Визгин В.П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М., 1996.
 Данто А.С. Аналитическая философия истории. М., 2002.
 Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005.
 Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993.
 Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994.
 Ильин В.В. Философия истории. М., 2003.
 Источниковедение / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015.
 Как мы пишем историю? / Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М., 2013.
 Карнап Р. Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике. М., 1959.
 Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М., 2008.
 Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
 Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006.
 Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Сост. архим. Серафим (Чичагов). Изд. 2-е. СПб., 1903.
 Лорци Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. Т. 1–2. М., 1999–2000.
 Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М., 2011.
 Неклассическое наследие. Андрей Полетаев / Отв. ред. И.М. Савельева. М., 2011.
 Общая история Церкви. Т. I–II / Сост. и общ. ред. В.В. Симонова. М., 2017.
 Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., 2019.
 Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983.
 Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999.
 Савельева И.М., Полетаев А.В. Социология знания о прошлом. М., 2005.
 Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003.
 Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
 Савельева И.М., Полетаев А.В. Классическое наследие. М., 2010.
 Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2017.
 Философия и методология истории / Общ. ред. И.С. Кона. М., 1977.
 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
 Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовский, В.К. Финн. М., 2000.
 A Companion to the Philosophy of History and Historiography / Ed. A. Tucker. Oxford, 2009.
 Agamben G. The Kingdom and the Glory. For a Theological Genealogy of Economy and Government (Homo Sacer II, 2). Stanford, 2011.
 Agamben G. The Signature of All Things. On Method. New York, 2009.
 Historical Reenactment. From Realism to the Affective Turn / Eds. I. McCalman, P.A. Pickering. New York, 2010.
 Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. 3rd ed. Chicago, 1996.
 McCullagh B.C. The Logic of History. Putting postmodernism in perspective. London; New York, 2004.
 McParland T.J. Lonergan and Historiography. The Epistemological Philosophy of History. Columbia, 2010.
 Mills C. The Philosophy of Agamben. Ithaca, 2008.
 The Agamben Dictionary / Eds. A. Murray, J. Whyte. Edinburgh, 2011.
 The Agamben Effect / Spec. ed. A. Ross // The South Atlantic Quarterly. 2008. Vol. 107. № 1.
 The Historic Turn in the Human Sciences / Ed. T.J. McDonald. Ann Arbor, 1996.
 Warum noch Philosophie? Historische, systematische und gesellschaftliche Positionen / Hrsg. von M. van Ackeren, T. Kobusch, J. Müller. Berlin - Boston, 2011.

References

- Aron R.* Izbrannoie: Izmereniia istoricheskogo soznaniia [Dimensions of Historical Consciousness]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Aron R.* Izbrannoie: Vvedenie v filosofiui istorii [Introduction to the Philosophy of History]. Moskva - Sankt-Peterburg, 2000. (In Russ.)
- Beduell G.* Istorii Tserkvi [Church History]. Moskva, 1996. (In Russ.)
- Blouin F., Rozenberg U.* Proiskhozhdenie proshlogo. "Podlinnost'" dlia istorikov i arkhivistov [Processing the Past. Contesting Authority in History and the Archives]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)
- Carnap R.* Znachenie i neobkhodimost'. Issledovaniia po semantike i modal'noi logike [Meaning and Necessity. A Study in Semantics and Modal Logic]. Moskva, 1959. (In Russ.)
- Danto A.S.* Analiticheskaia filosofii istorii [Analytical Philosophy of History]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Evolutsionnaia epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i ego kritiki / Sost. D.G. Lakhuti, V.N. Sadovskii, V.K. Finn [Evolutionary Epistemology and the Logic of the Social Sciences: Karl Popper and His Critics / Comp. D.G. Lakhuti, V.N. Sadovskii, V.K. Finn]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Filosofii i metodologii istorii / Obshch. red. I. S. Kona [Philosophy and Methodology of History / Ed. I.S. Kona]. Moskva, 1977. (In Russ.)
- Foucault M.* Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [Words and Things. Archeology of Human Sciences]. Sankt-Peterburg, 1994. (In Russ.)
- Ilin V.V.* Filosofii istorii [Philosophy of History]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Ilin V.V.* Teoriia poznaniia. Epistemologiya [Theory of Knowledge. Epistemology]. Moskva, 1994. (In Russ.)
- Ilin V.V.* Teoriia poznaniia. Vvedenie. Obshchie problemy [Theory of Knowledge. Introduction. General Problems]. Moskva, 1993. (In Russ.)
- Istchnikovedenie / Otv. red. M.F. Rumiantseva [Source Study / Repl. M.F. Rumiantseva]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Ivanov S.A.* Blazhennye pokhaby: Kul'turnaia istoriia iurodstva [Blissful Pokhaby. A Cultural History of Foolishness "in Christ"]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Kak my pishem istoriiu? / Otv. red. G. Garreta, G. Diufo, L.V. Pimenova [How do we write history? / Repl. G. Garreta, G. Diufo, L.V. Pimenova]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Lakatos I.* Fal'sifikatsiia i metodologii nauchno-issledovatel'skikh program [Refutability and Methodology of Academic Research Programmes]. Moskva, 1995. (In Russ.)
- Lakatos I.* Izbrannye proizvedeniia po filosofii i metodologii nauki [Selected Works on Philosophy and Methodology of Science]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Lappo-Danilevskii A.S.* Metodologii istorii [Methodology of History]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Letopis' Serafimo-Divevskogo monastiria / Sost. arhim. Serafim (Chichagov). Izd. 2-e [Chronicles of Serafimo-Divevevo Monastery / Comp. arhim. Serafim (Chichagov)]. Sankt-Peterburg, 1903. (In Russ.)
- Lortz J.* Istorii Tserkvi, rassmotrennaia v sviazi s istoriei idei. T. 1–2 [The History of the Church, Considered in Connection with the History of Ideas. Vol. 1–2]. Moskva, 1959. 1999–2000. (In Russ.)
- Makeeva L.B.* Iazyk, ontologiya i realizm [Language, Ontology, and Realism]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Neklassicheskoe nasledie. Andrei Poletaev / Otv. red. I.M. Savel'eva [Non-Classical Heritage. Andrei Poletayev / Ed. I.M. Savel'eva]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Obshchaia istoriia Tserkvi. T. I–II / Sost. i obshch. red. V.V. Simonova [A General Church History. Vol. I–II / Comp., ed. V.V. Simonov]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Pavlov A.V.* Postpostmodernizm: kak sotsial'naia i kul'turnaia teorii ob'iasniaiut nashe vremia [Postmodernism: How Social and Cultural Theories Explain Our Times]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Popper K.* Logika i rost nauchnogo znaniia. Izbrannye raboty [The Logic of and Increase in Academic Knowledge: Selected Works]. Moskva, 1983. (In Russ.)
- Russel B.* Issledovanie znachenii i istiny [An Inquiry into Meaning and Truth]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V.* Istorii i vremia. V poiskakh utrachennogo. [History and Time. In Search of the Lost]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V.* Klassicheskoe nasledie [Classical Heritage]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V.* Sotsiologiya znaniia o proshlom [Sociology of the Knowledge of the Past]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V.* Znanie o proshlom: teoriia i istoriia. Vol. 1: Konstruirovaniie proshlogo [The Knowledge of the Past: Theory and History. Vol. 1. Constructing the Past]. Sankt-Peterburg, 2003. (In Russ.)
- Sobytiie v istorii, pamiati i narrativakh identichnosti / Pod red. L.P. Repinoi [The Event in History, Memory and Narratives of Identity / Ed. L.P. Repina]. Moskva, 2017. (In Russ.)

- Vizgin V.P.* Epistemologiya Gastona Bashliara i istoriia nauki [Gaston Bachelard's Epistemology and the History of Science]. Moskva, 1996. (In Russ.)
- Vvedenie v istoriiu Tserkvi. Ch. 1: Obzor istochnikov po obshchei istorii Tserkvi / Pod red. V.V. Simonova [Introduction to Church History. Pt I: Review of the Sources on General Church History: Textbook / Ed. V.V. Simonova]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Vvedenie v istoriiu Tserkvi. Ch. 2: Obzor istoriografii po obshchei istorii Tserkvi / Pod red. V.V. Simonova [Introduction to Church History. Pt II: Review of the Historiography on General Church History / Ed. V.V. Simonov]. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)
- A Companion to the Philosophy of History and Historiography / Ed. A. Tucker. Oxford, 2009.
- Agamben G.* The Kingdom and the Glory. For a Theological Genealogy of Economy and Government (Homo Sacer II, 2). Stanford, 2011.
- Agamben G.* The Signature of All Things. On Method. New York, 2009.
- Historical Reenactment. From Realism to the Affective Turn / Eds. I. McCalman, P.A. Pickering. New York, 2010.
- Kuhn T.S.* The Structure of Scientific Revolutions. 3rd ed. Chicago, 1996.
- McCullagh B.C.* The Logic of History. Putting postmodernism in perspective. London; New York, 2004.
- McPartland T.J.* Lonergan and Historiography. The Epistemological Philosophy of History. Columbia, 2010.
- Mills C.* The Philosophy of Agamben. Ithaca, 2008.
- The Agamben Dictionary / Eds. A. Murray, J. Whyte. Edinburgh, 2011.
- The Agamben Effect / Spec. ed. A. Ross // The South Atlantic Quarterly. 2008. Vol. 107. № 1.
- The Historic Turn in the Human Sciences. / Ed. T.J. McDonald. Ann Arbor, 1996.
- Warum noch Philosophie? Historische, systematische und gesellschaftliche Positionen / Hrsg. von M. van Ackeren, T. Kobusch, J. Müller. Berlin – Boston, 2011.

DOI: 10.31857/S013038640009633-4

© 2021 г. **К.А. ЕЛОХИН**

ИСТОРИОГРАФИЯ КУБИНСКОГО ГЕРБОВЕДЕНИЯ В XX – начале XXI века

Елохин Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: kelokhin@gmail.com

Researcher ID: AAM-4858-2020

Аннотация. В последние годы российское гербоведение выходит за рамки отечественной и западноевропейской геральдики. Одним из новых направлений исследований является Латинская Америка. Среди стран Нового Света прежде всего Куба наиболее дружественна России. Исторически Куба была воротами в Америку, поэтому логично начать цикл статей о латиноамериканской геральдике именно с кубинской геральдики. На Кубе интерес к геральдике государственной, родовой, муниципальной не снижался среди исследователей, несмотря на смену режимов. После обретения независимости от Испании в 1898 г. культурные связи с бывшей метрополией не прерывались. Одним из важнейших направлений стало исследование генеалогии и титулатуры местной знати и их гербов. Первые кубинские историки, труды которых были опубликованы в XIX–XX вв., социальной репрезентации в обществе уделяли немного внимания. Кубинское гербоведение в XX в. представлено в основном собственно исследованиями кубинских, испанских и американских специалистов. Геральдика и эмблематика церкви, не только католической, но и других конфессий, все еще ждет своих исследователей. Также ждет своих исследователей эмблематика политических партий и организаций в XX в. По большому счету кубинское гербоведение можно свести лишь к нескольким известным фамилиям, но радует то, что в наши дни появляются новые имена, особенно в смежных исторических дисциплинах. Нельзя не отметить труды наших соотечественников по истории Кубы, без которых данное исследование было бы менее информативным.

Ключевые слова: геральдика, Куба, вексиллология, эмблематика, символика, гербы, знамена, флаги.

К.А. Elokhin

Historiography of Cuban Heraldry in the 20th – the Beginning of 21st century

Kirill Elokhin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: kelokhin@gmail.com

Researcher ID: AAM-4858-2020

Abstract. In recent years, Russian heraldry has gone beyond the scope of local and Western European heraldry. One of the new areas of research is Latin America. Among the countries of the New World, Cuba has been the friendliest one to Russia. Historically, Cuba was the gateway to America, so it is logical to open a series of articles on Latin American heraldry with Cuban heraldry. In Cuba, interest in state, family, and municipal heraldry has not declined among researchers, despite the change of regimes. Despite gaining independence from Spain in 1898, cultural ties with the former metropole were not severed. One of the most important areas was the study of the genealogy and titulature of the local nobility and their coats of arms. The first Cuban historians, whose works were published in the 19th – 20th centuries, paid little attention to social representation in society. Cuban Heraldry in

the 20th century is represented mainly by the relevant research of Cuban, Spanish, and American specialists. The ecclesiastical heraldry and emblem studies, as well as the emblems of political parties and organizations in the 20th century are still waiting for their researchers. By and large, Cuban heraldry studies could be reduced to only a few well-known names, but the good news is that new names appear today, especially in related historical disciplines. The works of Russian researchers on the history of Cuba should be noted since, without them, this study would be less informative.

Keywords: heraldry, Cuba, vexillology, emblem studies, symbols, coats of arms, flags.

Кубинское гербоведение в XX в. представлено исследованиями кубинских, испанских и американских специалистов. В работах отечественных авторов тема формирования и развития на Кубе геральдики и смежных вспомогательных исторических дисциплин не получила развития.

Несмотря на обретение независимости от Испании в 1898 г., культурные связи с бывшей метрополией не прерывались. Одним из важнейших направлений стало исследование генеалогии и титулатуры местной знати и их гербов¹. Но особенно активно они стали исследоваться во второй половине XX в., работа над ними продолжается и в наши дни². В этих работах рассматриваются как действующие титулы испанских грандов, так и оставленные потомками благородных предков, не подтвержденные в Мадриде титулы. Изучаются и современные родственные отношения потомков испанской знати. Первые кубинские историки, труды которых были опубликованы в XIX–XX вв., социальной репрезентации в обществе уделяли немного внимания, описывая лишь одежду состоятельных людей³.

Многое в кубинском гербоведении связано с именем Д. Масната-и-де-Кесады, 6-го маркиза де Санта-Ана-и-Санта-Мария (1926–1988), который в 1950 г. основал Кубинский институт генеалогии и геральдики и оставался его секретарем до 1961 г. В 1956–1961 гг. он был членом Кубинского общества исторических и международных исследований, а с 1950 по 1988 г. – почетным членом Мексиканской академии генеалогии и геральдики. Он исследовал генеалогию завоевателя Кубы и Флориды Васко Поркальо-де-Фигероа-и-де-ла-Серда (ок. 1474–1550) и связанных с ним родством испанских благородных семейств⁴. После прихода к власти Ф. Кастро Д. Масната-и-де-Кесада в 1961 г. был вынужден покинуть родной остров, оставив там свои так и неопубликованные многочисленные труды по геральдике и генеалогии. Он перебрался в США, где занялся преимущественно генеалогическими исследованиями испанской знати.

---

¹ *Suárez de Tangil y de Angulo F. conde de Vallellano*. Nobiliario Cubano. Las Grandes Familias Isleñas. Prólogo póstumo del Excmo Sr. Marqués de Laurencin director de la academia d la Historia, 3 vols. Madrid, 1928; *Santa Cruz y Mallén F. de. Conde de San Juan de Jaruco y de Santa Cruz de Mopox*. Historia de las Familias Cubanas, 9 vols. La Habana, 1940–1986.

² *Nieto y Cortadellas R*. Dignidades Nobiliarias en Cuba. Madrid, 1954; *Idem*. Genealogías habaneras. Prologo: Vicente de Cadenas y Vicent Cronista Rey de Armas, Subdirector del Instituto Salazar y Castro, 2 vol. Madrid, 1979; *Gárate Ojangur M.M.* Títulos nobiliarios en la Cuba española (XVIII–XIX) // *Hidalgía: la revista de genealogía, nobleza y armas*. № 276. Año XLVI. 1999. P. 617–636; *Gómez de Olea y Bustinza J.* La nobleza titulada en la América española. Madrid, 2005; *Zabala y Menéndez M.* Genealogía de los Títulos Nobiliarios Concedidos en Indias. (Coronas de Indias), 3 vols. Sevilla, 2006–2011; *Gonçalvés D.* Le planteur et le roi: l'aristocratie havanaise et la couronne d'Espagne (1763–1838). Bibliothèque de la Casa de Velázquez. Vol. 38. Madrid, 2008; *Sanchez G.* Nobleza Cubana. [s.l.], 2015; *Nieto Sánchez C.* Los procesos de ennoblecimiento en la Cuba colonial // *La administración de Cuba en los siglos XVIII y XIX / Ed. J. Alvarado Planas*. Madrid, 2017. P. 207–218.

³ *Ларин Е.А., Ивкина Л.А.* Историография и общественная жизнь Кубы во второй половине XVIII–XIX веке // *История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX веков*. М., 2010. С. 551–590.

⁴ *Masnata y de Quesada D.E.* La Casa Real de la Cerda. Precisiones, rectificaciones y ampliaciones // *Estudios genealógicos y heráldicos*. Vol. 1. Asociación española de estudios genealógicos y heráldicos. Madrid, 1985. P. 169–230; *Idem*. La identidad de Vasco Porcallo de Mendoza, conquistador de Cuba, de México y de Guatemala. Trujillo, 1992.

Геральдики некоторых кубинских конкистадоров в своей работе касался известный мадридский гербовед К. Лопес-Фанхуль де Аргвельес⁵. К исследованиям по родовой геральдике и генеалогии вплотную примыкает работа, посвященная гербам, изображенным на фарфоре из частных и музейных коллекций второй половины XVIII в.; несмотря на то, что тематика работы ближе к музееведению, мы полагаем, что в данном случае ее привести вполне уместно⁶.

Государственные символы Кубы — герб, знамя, гимн — привлекали внимание исследователей при всех режимах⁷. После смерти Ф. Кастро изменился курс развития государства, произошла смена умонастроений в кубинском обществе. На Кубе этот период называется особым (*periodo especial*)⁸: страна оказалась в глубоком экономическом кризисе, начавшемся с распадом СССР в 1991 г. Положение несколько улучшилось, когда в конце 1990-х годов Венесуэла стала основным торговым партнером и дипломатическим союзником Кубы. Значительное улучшение произошло после 2000 г.

К современной историографии по государственной эмблематике примыкают исследования по фалеристике государственных наград Кубы и знаков различия в вооруженных

---

⁵ *López-Fanjul de Argüelles C.* Las armerías de los conquistadores de Indias // *Historia y Genealogía*. 2014. № 4. P. 151–178. См. также: *Martínez Llorente F.* De re heraldica Indiarum. La concesión de armas a la isla Fernandina o de Cuba (1516) en el contexto de la conquista y colonización de América // *Estudios en homenaje al profesor Luis Vicente Díaz Martín*. Vol. 2. Valladolid, 2002. P. 819–854; *Idem*. El escudo de armas de Cristóbal Colón: estudio de un acrecentamiento heráldico // *Cristóbal Colón y el Descubrimiento del Nuevo Mundo*. Actas del Congreso Internacional “V Centenario de la muerte del Almirante”. Valladolid 15 a 19 de mayo de 2006. T. I. Valladolid, 2006. P. 233–268.

⁶ *Bouchet de la Figuera J.C. du.* Vajillas heráldicas de porcelana europea para la aristocracia cubana // *Revista on line de artes decorativas y diseño*. 2019. № 5. P. 33–54.

⁷ *Naval Regulations of 1909 Updated*, Artículo 3621: Insignia del Presidente de la Republica. Signed by Gerardo Machado, President and Rafael Martínez Ortiz, Secretary of State. Havana, Cuba, 17 April 1929; *Portell Vilá H.* Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y España. La Habana, 1938; *Roig de Leuchsering E.* Banderas oficiales y revolucionarias de Cuba. Oficina del Historiador de la Ciudad de la Habana. La Habana, 1950; *Bandera, himno y escudo de Cuba: notas históricas, disposiciones legales, usos*. República de Cuba. 1950; *Gay-Calbó E.* Las banderas, el escudo y el himno de Cuba. Sociedad Colombista Panamericana. La Habana, 1956; *Idem*. Los símbolos de la nación cubana: las banderas, los escudos, los himnos // *La Habana: Sociedad Colombista Panamericana*. La Habana, 1958. P. 159–163; *Idem*. Los símbolos de la nación cubana: Las Banderas, los escudos, los himnos. Ediciones Boloña. La Habana, 1999; *Iraizoz y de Villar A.* El verdadero origen del escudo nacional // *Colección de Manuscritos de la Biblioteca Nacional José Martí*. La Habana, 1958. P. 24–31; *Мамаев К.* Флаги рассказывают. Л., 1972. С. 106–109; *Басов А.Н.* История военно-морских флагов. СПб., 2003. С. 292; *Arista-Salado y Hernández M.* Introducción a la Simbología Cubana: Boletín Plvs Ultra. Memorias del IX Fórum Municipal de Ciencia y Técnica de la Cultura Plaza de la Revolución, marzo 2006. La Habana, 2006; *Idem*. Los Escudos Cívicos de Cuba. Mención en el Premio Anual Nacional de Investigación Cultural, Centro (hoy Instituto) de Investigación y Desarrollo de la Cultura Cubana “Juan Marinello”. La Habana, 2006; *Idem*. El escudo de la república de Cuba: Precisiones Necesarias // *Hidalguía: la revista de genealogía, nobleza y armas*. № 334–335. Año LVI. 2009. P. 553–576; *Idem*. The Presidential Flags of Cuba from 1909 to the Present // *Raven*. Vol. 17. 2010. P. 85–94; *Знамяеровский А.* Куба // *Флаги*. Всемирная энциклопедия. М., 2009. С. 202. В данном издании приводится неудачная попытка трактования цветов кубинского флага; *Couceiro Rodríguez A.V.* Aquella bandera cubana... la original // *Proceedings of the 24th International Congress of Vexillology*, Washington (DC), USA, 1–5 August 2011. P. 136–158; *Idem*. That Cuban Flag... The Original, 1st. ed. / Eds. B.E. Kaye (Managing Editor), M.G. Scott // *Proceedings of the 24th International Congress of Vexillology*, Washington (DC), USA, 1–5 August, 2011. The Washington Flag Congress, ICV 24, 2011. North American Vexillological Association. March 2012. P. 114–135; *Soto J.A.* Venecia y el origen de la bandera y el escudo cubanos // *El Nuevo Herald*. URL: <https://www.elnuevoherald.com/noticias/septimo-dia/article17385362.html> (дата обращения: 04.04.2020); *Пон М.* Краткая история Кубы. От Колумба до XXI века. Гавана, 2012. С. 81–83.

⁸ *Герра Вилабой С., Лойола Вега О.* Куба. Взгляд на историю. Melbourne — New York, 2012. С. 122–130.

силах⁹. Это регламентируемая сфера, изучающаяся также в рамках специальной исторической дисциплины униформологии.

Стоит отдельно отметить исследование государственной эмблематики Кубы в филателии колониального периода¹⁰, а также республиканского и социалистического: на знаках почтовой оплаты обычно изображались политические деятели, флора и фауна, спортсмены, искусство, архитектура, транспорт, достижения прогресса и прочее, государственные же символы были представлены лишь в немногочисленных выпусках¹¹.

Необходимо сказать несколько слов о нумизматике, одном из важнейших геральдических источников. На Кубе нумизматикой занимается Нумизматический музей, выпустивший ряд публикаций¹². Имеется также большое количество публикаций на эту тему авторов из других стран¹³.

Редко в истории остаются имена создателей государственного флага. Кубинскому флагу в этом отношении повезло: его изобретатель, художник и первый изготовитель нам известны.

В 1840–1854 гг. на Кубе, «неизменно верном острове»¹⁴, была очень популярна идея аннексионизма – присоединения к расположенным вблизи экономически успешным США. «Гаванскому клубу», борвавшемуся против отмены рабства и за присоединение к США, предложил свои услуги генерал испанской армии венесуэльского происхождения Нарсисо Лопес (1797–1851)¹⁵. Сторонники аннексионизма рассматривали независимость от Испании как шаг к вхождению в состав США¹⁶. Именно Н. Лопес предложил проект флага в подражание флагу США. До сих пор именно такой флаг является

⁹ Asociación Bibliográfica Cultural De Cuba. La Medalla Enrique José Varona, su significación espiritual. La Habana, 1941; *Dobal C.* Reglas generales para el uso correcto de las condecoraciones. Academia Cubana de Ciencias Genealógicas. La Habana, 1957; *Medina J.T.* Medallas de Proclamación y Jura de los Reyes de España en América. Santiago de Chile, 1917. Boston, 1972; Handbook on the Cuban armed forces. Directorate for Intelligence Research. Defense Intelligence Agency. April 1979. P. 6–1–6–22; *Echenagusia C.* Medallas de proclamación y jura de los reyes españoles en Cuba. Museo Numismático. La Havana, 1986; *Arista-Salado M.* Condecoraciones cubanas: teoría e historia. T. I. Trafford Publishing, 2010; *Idem.* Condecoraciones cubanas: Apendice Legislativo (1901–1978). T. II. Trafford Publishing, 2011; *Zvidris A.* Guide to the Medals and Insignia of Socialist Cuba. Jūrmala, 2013; *Diaz Gamez A.* Condecoraciones oficiales de la Republica de Cuba 1902–1958. Ordenes y medallas civiles y militares. Distintivos de tiro del ejercito. Catalogo ilustrado. [La Habana, 2015]; *Малкин А.Н.* Культ героической личности в наградах социалистической Кубы. Исследование по социологии наградного дела. М., 2015.

¹⁰ *Quesada E. de.* Estudio de los sellos de telégrafos de Cuba 1868/1896. Federación Española de sociedades filatelicas. Cuadernos de filatelia. Vol. 20. Madrid, 2010. P. 98–202.

¹¹ Почтовые марки республики Куба. Каталог 1959–1977. М., 1979; Catálogo Especializado. Sellos de Cuba. T. I. 1855–1958. Edifil, 2012; Catálogo Especializado. Sellos de Cuba. T. II. 1959–2005. Edifil, 2005.

¹² Numismatica cubana: siglo XVI–siglo XX: [catálogo de la] exposición permanente. Museo numismatico, Banco nacional de Cuba. La Habana, 1978; Boletin informativo del Museo Numismatico. La Habana, 1978; Numiscuba. Colección y numismática. Museo Numismático, Banco Nacional de Cuba, 1980; Cuba, emisiones de monedas y billetes, 1915–1980. Museo Numismático, Banco Nacional de Cuba. La Havana, 1980–1984; Boletín numismático: órgano oficial del Museo numismático, Banco Nacional de Cuba. № 1. La Habana, 1986; *Purón Z., Peralta L.* La situación monetaria en Cuba desde la primera intervención norteamericana hasta la ley monetaria de 1914. Museo Numismatico, Banco Nacional de Cuba. La Havana, 1990.

¹³ *Lismore T.* Las monedas de Cuba (1870–1953). La Habana, 1955; *Burns J.F.* A bibliography of Cuban numismatics. Pittsburgh, 1958; *Alexander D.T.* Cuba's Coins, Politics Stir New Interest // Coin World. Vol. 19. № 848, July 14, 1976. P. 69–70; *Martí A.* La República de Cuba en Armas. Museo Numismático de Cuba. La Havana, 1976; *Beltrán A.* Notas sobre la circulación monetaria y las piezas de necesidad de Cuba // Numisma. № 238. 1996. P. 279–288; *Aledón Cuesta J.M.* La moneda de Cuba. Valencia, 1999.

¹⁴ *Альперович М.С., Слэжкин Л.Ю.* Освободительная борьба кубинского народа в XIX в. и первые годы республики // История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX в.). М., 1991. С. 215.

¹⁵ *Терра Вилабой С., Лойола Вега О.* Указ. соч. С. 18–19. О вексиллологическом разнообразии политической репрезентации в то время на Кубе см.: *Ларионов А., Терехов Я.* Куба. М., 2013. С. 22–27.

¹⁶ *Фонер Ф.С.* История Кубы и ее отношений с США 1845–1895. М., 1964. С. 27–32.

государственным Республики Куба. Нарисовал эскиз флага кубинский писатель Мигель Теурбе Толон (1820–1857), а изготовила знамя двоюродная сестра последнего Эмилия Теурбе Толон (1828–1902) в начале июня 1849 г. Библиография, посвященная этим персонам, обширна, здесь мы приведем лишь некоторые из наиболее известных работ¹⁷.

Генерал Н. Лопес был членом масонской ложи. Специалисты по истории кубинского масонства высказывали мнение, что кубинский флаг был создан на основе масонской эмблематики¹⁸ и что именно масонская ложа в течение многих десятков лет оказывала существеннейшее влияние на внутреннюю и внешнюю политику Кубы¹⁹. Историки изучали связи масонских лож в Центральной Америке (в Коста-Рике, Мексике), Колумбии и на Кубе²⁰, символику кубинской ложи и ее эмблематику, в том числе мемориальную²¹. В XX в. масонство на Кубе ширилось вплоть до 1958 г. После революции 1959 г. при резком сокращении обеспеченных людей сократилась и численность масонских лож. Современное кубинское масонство является очень разнородным по многим критериям: расовым, социально-экономическим, культурным и идеологическим²².

Муниципальная геральдика, в первую очередь Гаваны, привлекала внимание специалистов с 40-х годов XX в. Известный кубинский ученый, основатель Академии истории Кубы Э. Гарсия Энсеньят в исследовании 1943 г. ссылаясь, помимо источников и нескольких работ XIX в., на зарождавшуюся историографию XX в.²³ В наши дни исследования муниципальной геральдики в основном связаны с именем М. Ариста-Салада-и-Эрнандеса, который является членом Национального союза историков Кубы, корреспондентом Венесуэльской ассоциации символики и координатором Клуба символики

¹⁷ *Santovenia y Echaide E.S.* La bandera de Narciso López en el Senado de Cuba. La Habana, 1945; *Portell Vilá H.* Breve biografía de Narciso López. Sociedad Colombista Panamericana. La Habana, 1950; *Idem.* Narciso López y su época, Sociedad Colombista Panamericana. La Habana, 1950–1951; *Normand Cabrera N.* “Emilia, la mujer que bordó la primera bandera cubana” // La Trinchera. URL: <http://www.desdetutrinchera.com/historia/emilia-mujer-bandera-cubana/> (дата обращения: 04.04.2020); *Salas Servando M.* “Emilia Teurbe-Tolón, la patriota que bordó la bandera” // Librinsula. La Isla de los libros. URL: http://librinsula.bnjm.cu/secciones/314/nombrar/314_nombrar_2.html (дата обращения: 04.04.2020).

¹⁸ *Soucy D.* Masonería y Nación: redes masónicas y políticas en la construcción identitaria cubana (1811–1902). España, 2006. P. 103; *Barboza Lizano O.* Los masones: posibles constructores de la Cuba del siglo XXI // Centro de Estudios Latinoamericanos / Ed. K. Dembiez. Warszawa, 2013. P. 195–221.

¹⁹ *Iglesias Cruz J., Gutiérrez Forte J.* Españoles y Cubanos en la Masonería. Manuel Curros Enríquez // Revista de Estudios Históricos de la Masonería Latinoamericana y Caribeña (San José. Costa Rica) 1. № 2 (diciembre 2009–abril 2010). P. 121–129; *Idem.* La masonería en los albores de la República. Las elecciones de 1908: Los masones y sus logias en la política de los primeros años de la República cubana // Congreso Internacional. Actas del XIV Encuentro de Latinoamericanistas Españoles / Eds. E. Rey Tristán, P. Calvo González. Santiago de Compostela, 2010. P. 225–235.

²⁰ *Guzmán-Stein M.* Andrés Cassard y las masonerías cubana y colombiana en la fundación de la masonería centroamericana: relación de un protagonismo personal en tres jurisdicciones (1865–1877) // I Simposio Internacional de Historia de la Masonería Latinoamericana y Caribeña. Cátedra Transdisciplinaria de Estudios Históricos de la Masonería Cubana, del 5 al 8 de diciembre de 2007. La Habana, 2007.

²¹ *Iglesias Cruz J., Gutiérrez Forte J.* La simbología masónica en el Cementerio de Colón // Revista de Estudios Históricos de la Masonería Latinoamericana y Caribeña (San José. Costa Rica) 2. № 1 (mayo-noviembre 2010). P. 59–73; *Romeu J.L.* La Masonería Cubana y su Contribución a la Sociedad Civil // Annual Proceedings. 20 issue, number 0848. 2020. P. 106–121.

²² *Romeu J.L.* Estudio estadístico del auge y declive de la Gran Logia de Cuba durante el periodo de 1945 a 1980 // Revista de Estudios Históricos de la Masonería Latinoamericana y Caribeña (San José. Costa Rica) 3. № 2 (diciembre 2011–abril 2012). P. 158–184.

²³ *García Enseñat E.* El escudo oficial del municipio de la Habana Iniciativa del historiador de la ciudad. El escudo de la Habana: Consideraciones relativas a las armas y ornamentos usados antiguamente y en la actualidad por el ayuntamiento de La Habana. Municipio de La Habana, Administración del Alcalde Dr. Raul G. Menocal, 1943. URL: <https://ufdc.ufl.edu/UF00074417/00001> (дата обращения: 04.04.2020); *Figarola Caneda D.* Escudos primitivos de Cuba: contribución histórica. La Biblioteca nacional. [s.l.], 1913.

Гаваны²⁴. Он рассматривает муниципальную геральдику как выражение культурных ценностей, имеющих особое значение. В своих работах он отмечает разницу между колониальными муниципальными гербами и постколониальными. В последних гербовые фигуры изображаются по иным принципам, отличным от прежних. Появились новые фигуры, связанные с революционной эмблематикой, фасции, фригийский колпак и другие. В работах, посвященных городской антропологии на Кубе, геральдика среди прочих вспомогательных исторических дисциплин упоминается лишь мельком²⁵.

В 1931 г. на Кубе возникла политическая организация ABC, одновременно антиимпериалистическая и антикоммунистическая. Она опиралась на представителей средних слоев общества. В 1932 г. ею была предложена новая экономическая программа развития государства. В идеологии и эмблематике ABC была близка к популярным в то время фашистским организациям. Несмотря на то, что ее методы политической борьбы были террористическими, некоторые исследователи видят в деятельности ABC несбывшийся шанс альтернативного экономического успешного развития для Кубы²⁶. Эта организация имела прелюбопытнейшую репрезентацию в кубинском политическом социуме: шестиконечные звезды с вписанными внутри буквами, несомненно перекликающиеся с масонской репрезентацией²⁷. Несмотря на то, что лозунги, предлагаемые ABC, поддерживались обществом, она так и не стала массовой организацией²⁸.

Религия и религиозность на Кубе всегда имели большое значение. На острове существовало и мирно сосуществует сейчас несколько христианских конфессий, две иудейские общины – сефардов и ашкенази, – а также несколько десятков афро-кубинских спиритуалистических культов. Роль церкви на Кубе исследовалась во второй половине XX в. многократно с разных сторон. Изучались отношения с паствой, влияние церкви на разные слои в обществе при различных политических режимах, межконфессиональные отношения, проводились сравнительные исследования религии в странах Антильского архипелага. Исследователи отмечают, что благодаря пропаганде и агитации из-за рубежа роль церкви возрождается, утраченные позиции в политической сфере и обществе возвращаются, влияние снова увеличивается²⁹.

---

²⁴ *Arista-Salado Hernández M.* El régimen jurídico del escudo de la Habana // *Hidalgía: la revista de genealogía, nobleza y armas.* № 331. Año LVI. 2008. P. 827–838; *Idem.* La cultura precolombina en la Heráldica cívica cubana // *Letras Uruguay.* URL: http://letras-uruguay.espaciolatino.com/aaa/arista-salado_hernandez_maikel/la_cultura_precolombina_en_la_heraldica.htm (дата обращения: 06.04.2020); *Idem.* La cultura precolombina en la Heráldica cívica cubana II // *PLVS VLTRA: Simbología cubana.* Un sitio dedicado a documentar y promover la Simbología cubana. Reciba nuestra cordial bienvenida. URL: http://simbologiacubana.blogspot.com/2010/12/la-cultura-precolombina-en-la-heraldica_31.html (дата обращения: 06.04.2020); *Idem.* Las alegorías femeninas en la heráldica cubana // *Letras Uruguay.* URL: http://letras-uruguay.espaciolatino.com/aaa/arista-salado_hernandez_maikel/las_alegorias_femeninas_en_la_heraldica.htm (дата обращения: 06.04.2020); *Idem.* Heráldica de la villa de Guanabacoa // *PLVS VLTRA: Simbología cubana.* Un sitio dedicado a documentar y promover la Simbología cubana. Reciba nuestra cordial bienvenida. URL: <http://simbologiacubana.blogspot.com/2010/04/heraldica-de-la-villa-de-guanabacoa.html> (дата обращения: 06.04.2020).

²⁵ *Couceiro Rodríguez A.* *Hacia una Antropología Urbana en Cuba.* La Habana, 2009. P. 320–321.

²⁶ *Benjamin J.B.* *The Machadato and Cuban Nationalism, 1928–1932* // *Hispanic American Historical Review.* 55. № 1 (February 1975). P. 79.

²⁷ *Cuadriello J.D.* *El ABC fue otra esperanza de Cuba* // *Espacio Laical.* № 4, 2012. P. 82–88.

²⁸ *Ларин Е.А.* Политическая история Кубы XX века. М., 2007. С. 63–64.

²⁹ *Alonso A.* *Religiosidad e instituciones religiosas en la sociedad cubana actual.* La Habana, 1982; *Batista I.* *Las contribuciones del movimiento ecuménico cubano al pensamiento social de las iglesias en Cuba* // *Cuba Teológica.* Augusto Cotto Center for Ecumenical Information. Matanzas. № 2 (1–2), 1983. P. 70–94; *Berges J., Cárdenas R.* *El protestantismo histórico en Cuba: Su evolución y significado en la sociedad cubana actual* // Unpublished manuscript, CIPS, Department of Socioreligious Studies. Havana, 1986; *Idem.* *Proyecciones sociales y religiosas del pastorado protestante histórico de Cuba* // Unpublished manuscript, CIPS, Department of Socioreligious Studies. Havana, 1990; *Santa Ana J. de.* *Historia del Movimiento Ecuménico en América Latina y el Caribe. Memorias, conquistas y desafíos* //

Из работ по церковной эмблематике можно указать на исследование значения образа Богородицы де ла Кариад-дель-Кобре для беднейших слоев населения³⁰, но назвать его геральдическим нельзя. Тем не менее такие работы существуют, в том числе сигиллографические, и, так же как труды по муниципальной геральдике, принадлежат М. Ариста-Салада-и-Эрнандесу³¹.

Подводя итог, заметим, что интерес к геральдике государственной, родовой, муниципальной не снижался, несмотря на смену режимов. Докоммунистическое гербоведение было сосредоточено в основном на родовой геральдике. Ныне же геральдика изучается гораздо шире. Геральдика и эмблематика церкви, не только католической, но и других конфессий, все еще ждет своих исследователей. Требуется изучения эмблематика политических партий и организаций в XX в. По большому счету, кубинское гербоведение можно свести лишь к нескольким известным фамилиям. Однако радует то, что в наши дни появляются новые имена, особенно в смежных исторических дисциплинах. Нельзя не отметить труды наших соотечественников по истории Кубы, без которых данное исследование было бы менее информативным.

Библиография/References

Альперович М.С., Слэзкин Л.Ю. Освободительная борьба кубинского народа в XIX в. и первые годы республики // История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX в.). М., 1991. С. 214–229.

Басов А.Н. История военно-морских флагов. СПб., 2003.

Герра Вилабой С., Лойола Вега О. Куба. Взгляд на историю. Melbourne - New York, 2012.

Знамяровский А. Куба // Флаги. Всемирная энциклопедия. М., 2009. С. 202.

Ларин Е.А., Ивкина Л.А. Историография и общественная жизнь Кубы во второй половине XVIII–XIX веке // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX веков. М., 2010. С. 551–590.

Ларин Е.А. Политическая история Кубы XX века. М., 2007.

Ларионов А., Терехов Я. Куба. М., 2013.

Малинкин А.Н. Культ героической личности в наградах социалистической Кубы. Исследование по социологии наградного дела. М., 2015.

Мамаев К. Флаги рассказывают. Л., 1972.

Пон М. Краткая история Кубы. От Колумба до XXI века. Гавана, 2012.

Почтовые марки республики Куба. Каталог 1959–1977. М., 1979.

Фонер Ф.С. История Кубы и ее отношений с США 1845–1895. М., 1964.

Alberovich M.S., Slozkin L.Yu. Osvoboditel'naya bor'ba kubinskogo naroda v XIX v. i pervyye gody respubliki [The liberation struggle of the Cuban people in the nineteenth century and the first years of the Republic] // Istoriya Latinskoj Ameriki (s drevneyshikh vremen do nachala XX v.) [History of Latin America (from ancient times to the beginning of the twentieth century)]. Moskva, 1991. S. 214–229. (In Russ.)

Unpublished manuscript, Latin American Council of Churches. Lima, 1988. P. 92–101; *Berges J., Cárdenas R., Carrillo E.* Le pastorat du protestantisme historique à Cuba // Social Compass. 1994. № 42(2). P. 273–291; *Fariñas M.D.* La religión en las Antillas. Paralelismo y transculturación. La Habana, 1995; *Calzadilla J.R.* Religión, cultura y sociedad en Cuba // Papers. Revista Sociología. Vol. 52. 1997. P. 139–153; *Corsé T.E.* Protestante, Revolution, and the Cuba – U.S. Bond. Gainesville, 2007.

³⁰ *Portuondo Zúñiga O.* La Virgen de la Caridad del Cobre. Símbolo de cubanía. Madrid, 2001.

³¹ *Arista-Salado Hernández M.* El armorial eclesiástico: Un patrimonio oculto // Revista Vitral. № 78. Año XIII. Marzo – abril de 2007. P. 52. URL: <http://revistavitral.org/vitral78/suelto.htm> (дата обращения: 06.04.2020); *Idem.* Heráldica de los Obispos de Pinar del Río (1903–2011) // PLVS VLTRA: Simbología cubana. Un sitio dedicado a documentar y promover la Simbología cubana. Reciba nuestra cordial bienvenida. URL: <http://simbologiacubana.blogspot.com/2011/01/heraldica-de-los-obispos-de-pinar-del.html> (дата обращения: 06.04.2020); *Idem.* Un sello art nouveau decimonónico: rareza en las artes visuales cubanas // PLVS VLTRA: Simbología cubana. Un sitio dedicado a documentar y promover la Simbología cubana. Reciba nuestra cordial bienvenida. URL: <http://simbologiacubana.blogspot.com/2009/10/un-sello-art-nouveau-decimononico.html> (дата обращения: 06.04.2020); *Idem.* Escudos de armas en la Catedral de la Habana // PLVS VLTRA: Simbología cubana. Un sitio dedicado a documentar y promover la Simbología cubana. Reciba nuestra cordial bienvenida. URL: <http://simbologia-cubana.blogspot.com/2009/01/la-heraldica-ecclesistica-si-bien-tiene.html> (дата обращения: 06.04.2020).

- Basov A.N.* Istoriya voyenno-morskikh flagov [History of naval flags]. Sankt-Peterburg, 2003. (In Russ.)
- Gerra Vilaboy S., Loyola Vega O.* Kuba. Vzgl'yad na istoriyu [Cuba. A look at history]. Melbourne – New York, 2012. (In Russ.)
- Znamiyerovskiy A.* Kuba [Cuba] // Flagi. Vsemirnaya entsiklopediya [Flags. World encyclopedia]. Moskva, 2009. S. 202. (In Russ.)
- Larin Ye.A., Ivkina L.A.* Istoriografiya i obshchestvennaya zhizn' Kuby vo vtoroy polovine XVIII–XIX veke [Historiography and public life in Cuba in the second half of the XVIII–XIX century] // Istoriya Latinskoy Ameriki v mirovoy istoricheskoy i obshchestvennoy mysli XVI–XIX vekov [History of Latin America in the world historical and social thought of the XVI–XIX centuries]. Moskva, 2010. S. 551–590. (In Russ.)
- Larin E.A.* Politicheskaya istoriya Kuby XX veka [Political history of twentieth-century Cuba]. Moskva, 2007. S. 63–64. (In Russ.)
- Larionov A., Terekhov Ya.* Kuba [Cuba]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Malinkin A.N.* Kul't geroicheskoy lichnosti v nagradakh sotsialisticheskoy Kuby. Issledovaniye po sotsiologii nagradnogo dela [The cult of the heroic personality in the awards of socialist Cuba. Research on the sociology of award-making]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Mamayev K.* Flagi rasskazyvayut [The flags tell]. Leningrad, 1972. (In Russ.)
- Pon M.* Kratkaya istoriya Kuby. Ot Kolumba do XXI veka [A brief history of Cuba. From Columbus to the XXI century]. Gavana, 2012. (In Russ.)
- Pochtovyye marki respubliki Kuba. Katalog [Postage stamps of the Republic of Cuba. Catalog]. 1959–1977. Moskva, 1979. (In Russ.)
- Foner F.S.* Istoriya Kuby i yeye otnosheniy s SSHA [History of Cuba and its relations with the United States]. 1845–1895. Moskva, 1964. (In Russ.)
- Aledón Cuesta J.M.* La moneda de Cuba. Valencia, 1999.
- Alexander D.T.* Cuba's Coins, Politics Stir New Interest // Coin World. Vol. 19. № 848, July 14, 1976. P. 69–70.
- Alonso A.* Religiosidad e instituciones religiosas en la sociedad cubana actual. La Habana, 1982.
- Arista-Salado y Hernández M.* Introducción a la Simbología Cubana: Boletín Plvs Vltra. Memorias del IX Fórum Municipal de Ciencia y Técnica de la Cultura Plaza de la Revolución, marzo 2006. La Havana, 2006.
- Arista-Salado y Hernández M.* Los Escudos Cívicos de Cuba. Mención en el Premio Anual Nacional de Investigación Cultural, Centro (hoy Instituto) de Investigación y Desarrollo de la Cultura Cubana “Juan Marinello”. La Havana, 2006.
- Arista-Salado y Hernández M.* The Presidential Flags of Cuba from 1909 to the Present // Raven. Vol. 17. 2010. P. 85–94.
- Arista-Salado y Hernández M.* El escudo de la república de Cuba: Precisiones Necesarias // Hidalguía: la revista de genealogía, nobleza y armas. № 334-335. Año LVI. 2009. P. 553–576.
- Arista-Salado y Hernández M.* El armorial eclesiástico: Un patrimonio oculto // Revista Vitral. № 78. Año XIII. Marzo – abril de 2007. P. 52. URL: <http://revistavitral.org/vitral78/suelto.htm> (access date: 06.04.2020).
- Arista-Salado y Hernández M.* Heráldica de los Obispos de Pinar del Río (1903–2011) // PLVS VLTRA: Simbología cubana. Un sitio dedicado a documentar y promover la Simbología cubana. Reciba nuestra cordial bienvenida. URL: <http://simbologiacubana.blogspot.com/2011/01/heraldica-de-los-obispos-de-pinar-del.html> (access date: 06.04.2020).
- Arista-Salado y Hernández M.* Un sello art nouveau decimonónico: rareza en las artes visuales cubanas // PLVS VLTRA: Simbología cubana. Un sitio dedicado a documentar y promover la Simbología cubana. Reciba nuestra cordial bienvenida. URL: <http://simbologiacubana.blogspot.com/2009/10/un-sello-art-nouveau-decimononico.html> (access date: 06.04.2020).
- Arista-Salado y Hernández M.* Escudos de armas en la Catedral de la Habana // PLVS VLTRA: Simbología cubana. Un sitio dedicado a documentar y promover la Simbología cubana. Reciba nuestra cordial bienvenida. URL: <http://simbologiacubana.blogspot.com/2009/01/la-heraldica-eclesistica-si-bien-tiene.html> (access date: 06.04.2020).
- Arista-Salado y Hernández M.* El régimen jurídico del escudo de la Habana // Hidalguía: la revista de genealogía, nobleza y armas. № 331. Año LVI. 2008. P. 827–838.
- Arista-Salado y Hernández M.* La cultura precolombina en la Heráldica cívica cubana // Letras. URL: http://letras-uruguay.espaciolatino.com/aaa/arista-salado_hernandez_maikel/la_cultura_precolombina_en_la_heraldica.htm (access date: 06.04.2020).
- Arista-Salado M.* Condecoraciones cubanas: teoría e historia. T. I. Trafford Publishing, 2010.
- Arista-Salado M.* Condecoraciones cubanas: Apéndice Legislativo (1901–1978). T. II. Trafford Publishing, 2011.

Arista-Salado M. La cultura precolombina en la Heráldica cívica cubana II // PLVS VLTRA: Simbología cubana. Un sitio dedicado a documentar y promover la Simbología cubana. Reciba nuestra cordial bienvenida. URL: http://simbologiacubana.blogspot.com/2010/12/la-cultura-precolombina-en-la-heraldica_31.html (access date: 06.04.2020).

Arista-Salado M. Las alegorías femeninas en la heráldica cubana // Letras Uruguay. URL: http://letras-uruguay.espaciolatino.com/aaa/arista-salado_hernandez_maikel/las_alegorias_femeninas_en_la_heraldica.htm (access date: 06.04.2020).

Arista-Salado M. Heráldica de la villa de Guanabacoa // PLVS VLTRA: Simbología cubana. Un sitio dedicado a documentar y promover la Simbología cubana. Reciba nuestra cordial bienvenida. URL: <http://simbologiacubana.blogspot.com/2010/04/heraldica-de-la-villa-de-guanabacoa.html> (access date: 06.04.2020).

Asociación Bibliográfica Cultural De Cuba. La Medalla Enrique José Varona, su significación espiritual. La Habana, 1941.

Barboza Lizano O. Los masones: posibles constructores de la Cuba del siglo XXI // Centro de Estudios Latinoamericanos / Ed. K. Dembicz. Warszawa, 2013. P. 195–221.

Batista I. Las contribuciones del movimiento ecuménico cubano al pensamiento social de las iglesias en Cuba // Cuba Teológica. Augusto Cotto Center for Ecumenical Information, Matanzas. № 2 (1–2). 1983. P. 70–94.

Beltrán A. Notas sobre la circulación monetaria y las piezas de necesidad de Cuba // Numisma. № 238. 1996. P. 279–288.

Benjamin J.B. The Machadato and Cuban Nationalism, 1928–1932 // Hispanic American Historical Review. 55. № 1 (February 1975). P. 79.

Berges J., Cárdenas R. El protestantismo histórico en Cuba: Su evolución y significado en la sociedad cubana actual // Unpublished manuscript, CIPS, Department of Socioreligious Studies. Havana, 1986.

Berges J., Cárdenas R. Proyecciones sociales y religiosas del pastorado protestante histórico de Cuba // Unpublished manuscript, CIPS, Department of Socioreligious Studies. Havana, 1990.

Berges J., Cárdenas R., Carrillo E. Le pastorat du protestantisme historique à Cuba // Social Compass. № 42 (2). 1994. P. 273–291.

Boletín informativo del Museo Numismático. La Habana, 1978.

Boletín numismático: órgano oficial del Museo numismático, Banco Nacional de Cuba. № 1. La Habana, 1986.

Bouchet de la Figuera J.C. du. Vajillas heráldicas de porcelana europea para la aristocracia cubana // Revista on line de artes decorativas y diseño. № 5. 2019. P. 33–54.

Burns J.F. A bibliography of Cuban numismatics. Pittsburgh, 1958.

Calzadilla J.R. Religión, cultura y sociedad en Cuba // Papers. Revista Sociología. Vol. 52. 1997. P. 139–153.

Catálogo Especializado. Sellos de Cuba. T. I. 1855–1958. Edifil, 2012.

Catálogo Especializado. Sellos de Cuba. T. II. 1959–2005. Edifil, 2005.

Corsé T. E. Protestante, Revolution, and the Cuba - U.S. Bond. Gainesville, 2007.

Couceiro Rodríguez A.V. That Cuban Flag... The Original ed. / Eds. B. E. Kaye, B. Edward (Managing Editor), M. Scott Guenter // Proceedings of the 24th International Congress of Vexillology, Washington (DC), USA, 1-5 August, 2011. The Washington Flag Congress, ICV 24, 2011. North American Vexillological Association. March 2012. P. 114–135.

Couceiro Rodríguez A. Hacia una Antropología Urbana en Cuba. La Habana, 2009.

Cuadriello J. D. El ABC fue otra esperanza de Cuba // Espacio Laical. 2012. № 4. P. 82–88.

Cuba, emisiones de monedas y billetes, 1915–1980. Museo Numismático, Banco Nacional de Cuba. La Habana, 1980–1984.

Díaz Gamez A. Condecoraciones oficiales de la Republica de Cuba 1902–1958. Ordenes y medallas civiles y militares. Distintivos de tiro del ejército. Catalogo ilustrado. [La Habana, 2015].

Dobal C. Reglas generales para el uso correcto de las condecoraciones. Academia Cubana de Ciencias Genealógicas. La Habana, 1957.

Echenagusia C. Medallas de proclamación y jura de los reyes españoles en Cuba. Museo Numismático. La Habana, 1986.

Handbook on the Cuban armed forces. Directorate for Intelligence Research. Defense Intelligence Agency. April 1979.

Fariñas M.D. La religión en las Antillas. Paralelismo y transculturación. La Habana, 1995.

Figarola Caneda D. Escudos primitivos de Cuba: contribución histórica. La Biblioteca nacional. [s.l.], 1913.

Gárate Ojangur M.M. Títulos nobiliarios en la Cuba española (XVIII–XIX) // Hidalguía: la revista de genealogía, nobleza y armas. № 276. 1999. P. 617–636.

García Enseñat E. El escudo oficial del municipio de la Habana Iniciativa del historiador de la ciudad. El escudo de la Habana: Consideraciones relativas a las armas y ornamentos usados antiguamente y en la actualidad por el ayuntamiento de La Habana. Municipio de La Habana, Administración del Alcalde Dr. Raul G. Menocal, 1943. URL: <https://ufdc.ufl.edu/UF00074417/00001> (access date: 04.04.2020).

Gay-Calbó E. Las banderas, el escudo y el himno de Cuba. Sociedad Colombista Panamericana. La Habana, 1956.

Gay-Calbó E. Los símbolos de la nación cubana: las banderas, los escudos, los himnos // La Habana: Sociedad Colombista Panamericana. La Habana, 1958. P. 159–163.

Gay-Calbó E. Los símbolos de la nación cubana: Las Banderas, los escudos, los himnos. Ediciones Boloña. La Habana, 1999.

Gómez de Olea y Bustínza J. La nobleza titulada en la América española. Madrid, 2005.

Gonçalvès D. Le planteur et le roi: l'aristocratie havanaise et la couronne d'Espagne (1763–1838). Bibliothèque de la Casa de Velázquez. Vol. 38. Madrid, 2008.

Guzmán-Stein M. Andrés Cassard y las masonerías cubana y colombiana en la fundación de la masonería centroamericana: relación de un protagonismo personal en tres jurisdicciones (1865–1877) // I Simposio Internacional de Historia de la Masonería Latinoamericana y Caribeña. Cátedra Transdisciplinaria de Estudios Históricos de la Masonería Cubana, del 5 al 8 de diciembre de 2007. La Habana, 2007.

Iglesias Cruz J., Gutiérrez Forte J. La simbología masónica en el Cementerio de Colón // Revista de Estudios Históricos de la Masonería Latinoamericana y Caribeña (San José. Costa Rica) 2. № 1 (mayo-noviembre 2010). P. 59–73.

Iglesias Cruz J., Gutiérrez Forte J. Españoles y Cubanos en la Masonería. Manuel Curros Enríquez // Revista de Estudios Históricos de la Masonería Latinoamericana y Caribeña (San José. Costa Rica) 1. № 2 (diciembre 2009-abril 2010). P. 121–129.

Iglesias Cruz J., Gutiérrez Forte J. La masonería en los albores de la República. Las elecciones de 1908: Los masones y sus logias en la política de los primeros años de la República cubana // Congreso Internacional. Actas del XIV Encuentro de Latinoamericanistas Españoles / Eds. E. Rey Tristán, P. Calvo González. Santiago de Compostela, 2010. P. 225–235.

Iraizoz y del Villar A. El verdadero origen del escudo nacional // Colección de Manuscritos de la Biblioteca Nacional José Martí. La Habana, 1958. P. 24–31.

Lismore T. Las monedas de Cuba (1870–1953). La Habana, 1955.

López-Fanjul de Argüelles C. Las armerías de los conquistadores de Indias // Historia y Genealogía. 2014. № 4. P. 151–178.

Martí A. La República de Cuba en Armas. Museo Numismático de Cuba. La Habana, 1976.

Martínez Llorente F. De re heraldica Indiarum. La concesión de armas a la isla Fernandina o de Cuba (1516) en el contexto de la conquista y colonización de América // Estudios en homenaje al profesor Luis Vicente Díaz Martín. Vol. 2. Valladolid, 2002. P. 819–854.

Martínez Llorente F. El escudo de armas de Cristóbal Colón: estudio de un acrecentamiento heráldico // Cristóbal Colón y el Descubrimiento del Nuevo Mundo. Actas del Congreso Internacional “V Centenario de la muerte del Almirante”. Valladolid 15 a 19 de mayo de 2006. T. I. Valladolid, 2006. P. 233–268.

Masnata y de Quesada D.E. La Casa Real de la Cerda. Precisiones, rectificaciones y ampliaciones // Estudios genealógicos y heráldicos. Vol. 1. Asociación española de estudios genealógicos y heráldicos. Madrid, 1985. P. 169–230.

Masnata y de Quesada D.E. La identidad de Vasco Porcallo de Mendoza, conquistador de Cuba, de México y de Guatemala. Trujillo, 1992.

Medina J.T. Medallas de Proclamación y Jura de los Reyes de España en América. Santiago de Chile, 1917. Boston, 1972.

Naval Regulations of 1909 Updated, Artículo 3621: Insignia del Presidente de la Republica. Signed by Gerardo Machado, President and Rafael Martínez Ortiz, Secretary of State. Havana, Cuba, 17 April 1929.

Nieto y Cortadellas R. Dignidades Nobiliarias en Cuba. Madrid, 1954.

Nieto y Cortadellas R. Genealogías habaneras. Prologo: Vicente de Cadenas y Vicent Cronista Rey de Armas, Subdirector del Instituto Salazar y Castro, 2 vol. Madrid, 1979.

Nieto Sánchez C. Los procesos de ennoblecimiento en la Cuba colonial // La administración de Cuba en los siglos XVIII y XIX / Ed. J. Alvarado Planas. Madrid, 2017. P. 207–218.

Normand Cabrera N. “Emilia, la mujer que bordó la primera bandera cubana” // La Trinchera. URL: <http://www.desdetutrinchera.com/historia/emilia-mujer-bandera-cubana/> (access date: 04.04.2020).

Numismática cubana: siglo XVI–siglo XX: [catálogo de la] exposición permanente. Museo numismático, Banco nacional de Cuba. La Habana, 1978.

Numiscuba. Colección y numismática. Museo Numismático, Banco Nacional de Cuba. La Habana, 1980.

- Portell Vilá H.* Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y España. La Habana, 1938.
- Portell Vilá H.* Breve biografía de Narciso López. Sociedad Colombista Panamericana. La Habana, 1950.
- Portell Vilá H.* Narciso López y su época, Sociedad Colombista Panamericana. La Habana, 1950–1951.
- Portuondo Zúñiga O.* La Virgen de la Caridad del Cobre. Símbolo de cubanía. Madrid, 2001.
- Purón Z., Peralta L.* La situación monetaria en Cuba desde la primera intervención norteamericana hasta la ley monetaria de 1914. Museo Numismático, Banco Nacional de Cuba. La Habana, 1990.
- Quesada E. de.* Estudio de los sellos de telégrafos de Cuba 1868/1896. Federación Española de sociedades filatéticas. Cuadernos de filatelia. Vol. 20. Madrid, 2010.
- Roig de Leuchsering E.* Banderas oficiales y revolucionarias de Cuba. Oficina del Historiador de la Ciudad de la Habana. La Habana, 1950.
- Bandera, himno y escudo de Cuba: notas históricas, disposiciones legales, usos. República de Cuba, 1950.
- Romeu J.L.* La Masonería Cubana y su Contribución a la Sociedad Civil // Annual Proceedings. 20 issue. number 0848. 2020. P. 106–121.
- Romeu J.L.* Estudio estadístico del auge y declive de la Gran Logia de Cuba durante el periodo de 1945 a 1980 // Revista de Estudios Históricos de la Masonería Latinoamericana y Caribeña (San José. Costa Rica) 3. № 2 (diciembre 2011-abril 2012). P. 158–184.
- Salas Servando M.* “Emilia Teurbe-Tolón, la patriota que bordó la bandera” // Librinsula. La Isla de los libros. URL: http://librinsula.bnjm.cu/secciones/314/nombrar/314_nombrar_2.html (access date: 04.04.2020).
- Sanchez G.* Nobleza Cubana.[s.l.], 2015.
- Santa Ana J. de.* Historia del Movimiento Ecuménico en América Latina y el Caribe. Memorias, conquistas y desafíos // Unpublished manuscript, Latin American Council of Churches. Lima, 1988. P. 92–101.
- Santa Cruz y Mallén F. de.* Conde de San Juan de Jaruco y de Santa Cruz de Mopox. Historia de las Familias Cubanas, 9 vols. La Habana, 1940–1986.
- Santovenia y Echaide E.S.* La bandera de Narciso López en el Senado de Cuba. La Habana, 1945.
- Soto J.A.* Venecia y el origen de la bandera y el escudo cubanos // El Nuevo Herald. URL: <https://www.elnuevoherald.com/noticias/septimo-dia/article17385362.html> (access date: 04.04.2020).
- Soucy D.* Masonería y Nación: redes masónicas y políticas en la construcción identitaria cubana (1811–1902). España, 2006.
- Suárez de Tangil y de Angulo F.* Conde de Vallengano. Nobiliario Cubano. Las Grandes Familias Isleñas. Prólogo póstumo del Excmo Sr. Marqués de Laurencín director de la academia d la Historia, 3 vols. Madrid, 1928.
- Zabala y Menéndez M.* Genealogía de los Títulos Nobiliarios Concedidos en Indias. (Coronas de Indias), 3 vols. Sevilla, 2006–2011.
- Zvidris A.* Guide to the Medals and Insignia of Socialist Cuba. Jūrmala, 2013.

DOI: 10.31857/S013038640013375-0

© 2021 г. А.С. БАЛЕЗИН

КНИГИ ТАНЗАНИЙСКИХ ИСТОРИКОВ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ: ВКЛАД В ПОСТКОЛОНИАЛЬНУЮ БИБЛИОТЕКУ

Балезин Александр Степанович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: alex.balezin@yandex.ru

Researcher ID: H-6886-2016

Аннотация. В статье анализируются книги, выпущенные с 1990-х по 2017 г. Они, как правило, малотиражны, не поступали в библиотеки нашей страны и не вывешены в интернете. Некоторые из них изданы на языке суахили, что еще более ограничивает их читательскую аудиторию. Книги истории Занзибара и истории Танганьики (Танзании) можно разделить на две группы. В первой группе — «Путеводитель по истории Занзибара» Али Мохаммеда, «Борьба за освобождение Занзибара» Б. Мрины и В. Маттоке, «Краткая история Занзибара» коллектива авторов, «История и консервация Каменного города Занзибара» также группы авторов и «Пан-африканизм или прагматизм? Уроки объединения Танганьики с Занзибаром» И. Шивджи. Во второй — «Багамою: великолепие на берегу моря» С. Каджери и Й. Хеншеля, «Новая история Танзании» И. Кимамбо с соавторами, «Аспекты колониальной истории Танзании» Л. Мбогони и три школьных учебника — два по истории Восточной Африки 1988 и 1992 гг. и один по истории всей Африки, изданный в 2015 г.

Работы последних трех десятилетий, созданные танзанийскими историками, являются несомненным вкладом в постколониальную библиотеку. Написанные разными поколениями, они значительно углубляют представления об истории Танзании за счет привлечения новых источников, расширения круга изучаемых проблем, рассмотрения истории одной африканской страны во взаимоотношениях с внешним миром. Для всех характерна жесткая критика европоцентризма, поиск идентичности на различных уровнях, часто попытка совместить несовместимое. Охват материала может быть самым разнообразным — от фундаментальных исследований до локальных, от истории только Танганьики или только Занзибара до истории всего восточноафриканского региона и даже всего Африканского континента. Также присутствует разнообразие жанров — от глубоких научных исследований, рассчитанных на специалистов, до популярных изданий и школьных учебников. Все более разнообразной становится и тематика исследований.

Ключевые слова: танзанийская историография, африканские страны, история Танзании, история Занзибара, школьные учебники, критика европоцентризма, идентичность, постколониальная библиотека.

A.S. Balezin

Books by Tanzanian Historians of Recent Decades: Contribution to the Postcolonial Library

Alexander Balezin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: alex.balezin@yandex.ru

Researcher ID: H-6886-2016

Abstract. This article analyzes books that the author personally purchased in Tanzania in 1996 and at the end of 2018. They were published from the 1990s to 2017. As a rule, they are of low circulation, not available in Russian libraries and are not posted on the Internet. Some of them are published in Swahili, which further narrows their readership.

The books analyzed are devoted, separately, to the history of Zanzibar and Tanganyika (Tanzania). In the first group – “Guide to the history of Zanzibar” by A. Mohammed, “The Struggle for the Liberation of Zanzibar” by B. F. Mrina and W.T. Matoke, “A Brief History of Zanzibar” and “The History and Conservation of Zanzibar Stone Town” by groups of authors and “Pan-Africanism or pragmatism? Lessons of Tanganyika – Zanzibar Union” by I. Shivji. In the second group: “Bagamoyo: the Beauty on the Beach” by S. Kajeri and J. Henschel, “A New History of Tanzania” by I. Kimambo and co-authors, “Aspects of Colonial Tanzania History” by L. Mbo-goni and three school textbooks – two on the history of East Africa issued in 1988 and 1992 respectively and one on the history of all Africa issued in 2015.

The books of the past three decades, written by Tanzanian historians, are an unquestionable contribution to the post-colonial library. Written by different generations, they significantly expand the understanding of the history of Tanzania by attracting new sources, expanding the range of issues studied, and examining the history of one African country in relations with the outside world. Every book is characterized by a harsh criticism of Eurocentrism, search for identity at various levels, and often an attempt to combine the incompatible. The scope of the material can be remarkably diverse – from basic research to local, from the history of only Tanganyika or only Zanzibar to the history of the entire East African region and even the entire African continent. There is also a variety of genres – from deep special studies designed for specialists, to popular publications and school textbooks. Research topics are becoming more and more diverse.

Keywords: Tanzanian historiography, African countries, history of Tanzania, history of Zanzibar, school textbooks, criticism of Eurocentrism, identity, postcolonial library.

В последние годы все чаще предметом научного обсуждения становятся проблемы постколониализма. При этом имеется в виду, что постколониализм – это не то, что было «после колониализма», а некая новая система взглядов, которую обычно противопоставляют понятию «ориентализм», введенному в научный оборот, как известно, профессором Колумбийского университета Э. Саидом.

Исследования, связанные с проблемами постколониализма, весьма широки по тематике и, безусловно, перспективны для африканистов. Об этом свидетельствует, в частности, прошедшая в июне 2020 г. под эгидой Ярославского университета конференция, проблематика которой была обозначена как «Африка: постколониальный дискурс»¹.

Главный организатор этой конференции, профессор Т.М. Гавристова, предложила понятие «постколониальная библиотека», которую в опубликованной незадолго до конференции статье противопоставила «колониальной библиотеке»².

Эти понятия кажутся мне весьма плодотворными для историографических исследований по Африке, и в данной статье я попытаюсь рассмотреть с этой точки зрения книги, приобретенные мною лично в Танзании в 1996 г. и в конце 2018 г. Выпущены они с 1990-х по 2017 г. Они, как правило, малотиражны, не поступали в библиотеки нашей страны и не вывешены в интернете. Некоторые из них изданы на языке суахили, что еще более ограничивает их читательскую аудиторию. Тем интереснее их проанализировать.

Танзанийские авторы естественным образом фокусируют свои исследования на истории родной страны.

¹ См. Африка: постколониальный дискурс. Тезисы докладов участников Всероссийской конференции 25–26 июня 2020 года. Ярославль, 2020.

² Гавристова Т.М. Африка: «постколониальная библиотека» // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 80–85.

КНИГИ ПО ИСТОРИИ ЗАНЗИБАРА³

Начну с книги, стоящей несколько особняком. Она широко продается на Занзибаре, вплоть до сувенирных лавок. Небольшая по объему, она богато иллюстрирована. Правда, качество иллюстраций, как и самой книжки, рассыпающейся на отдельные листы после первого пролистывания, оставляет желать лучшего.

Ее автор — уроженец Занзибара Амир Мохаммед назвал свое детище «Путеводитель по истории Занзибара»⁴. Она была впервые издана на английском языке в 1991 г. и выдержала не одно переиздание (1997, 2006, 2011, 2014 гг.). Книга рассчитана на самые широкие круги читателей, не в последнюю очередь гостей острова — об этом свидетельствует список исторических достопримечательностей, которым она заканчивается. Автор кратко освещает основные этапы истории Занзибара — Империю Зинджей, португальское владычество, правление Оманских султанов (где главные аспекты — создание гвоздичных плантаций, а также работорговля и ее отмена), подъем национализма — арабского и африканского. Об установлении британского протектората при этом говорится вскользь, отмечается, что сам термин «протекторат» подразумевает защиту, «но на самом деле эта защита была ничем иным как колонизацией»⁵.

Далее подробно излагается межпартийная борьба накануне независимости, провозглашение независимости и объединение с Танганьикой. Именно подъем национализма автор представляет как основное содержание колониальной эпохи на Занзибаре, причем рассматривает отдельно арабский и африканский национализм.

Занзибарскую революцию автор оценивает следующим образом: «Они (лидеры революции. — А.Б.) хотели превратить Занзибар в полностью эгалитарное общество, дав африканской общине социальный и экономический лифт, как и другим этническим группам... Они запретили все объединения на расовой основе, все политические партии, кроме Афро-Ширази, и попытались привить обществу радикальную социалистическую идеологию и внедрить национальную солидарность вместо расовых конфликтов»⁶.

А.А. Каруме, первый президент Занзибара и Пембы, предстает прогрессивным политическим лидером: «Хотя Каруме рассматривается некоторыми занзибарцами как безжалостный тиран, он также обладал экстраординарными качествами как руководитель и как личность. Он был независимым мыслителем и бесстрашно принимал решения. Бывший моряк, превратившийся в политика, стал руководителем африканцев Занзибара и победителем в бурных политических событиях. Благодаря своему динамизму и красноречию он приобрел множество сторонников и вошел в историю как человеколюбивый отец народа, которому не найти замены»⁷. Здесь автор идет вразрез с общепринятыми оценками Каруме. Ведь даже на самом Занзибаре память о нем старались предать забвению, и некогда помпезный музей, посвященный его жизни и деятельности, был в 1980-е годы разрушен.

Автор резко критикует объединение Занзибара с Танганьикой как «союз, полностью навязанный народу Занзибара»⁸. Эта позиция также не совпадает с официальной.

Книгу А. Мохаммед заканчивает словами: «История может быть нашим величайшим противником и нашим величайшим союзником в формировании будущего Занзибара. Это зависит только от нашего выбора»⁹.

---

³ Под словом «Занзибар» в данной статье имеется в виду не только остров (Унгуджа на суахили), но несколько сотен крупных и мелких островов, обитаемых и нет, самым большим из которых является Пемба.

⁴ *Mohammed A.A. A Guide to a History of Zanzibar. Zanzibar, 2014.*

⁵ *Ibid.* P. 21.

⁶ *Ibid.* P. 87.

⁷ *Ibid.* P. 96.

⁸ *Ibid.* P. 139.

⁹ *Ibidem.*

Полагаю, попытка показа самоценности истории Занзибара, ориентированная к тому же на иностранцев, в первую очередь иностранных туристов, а также переоценка некоторых позиций как западной, так и национальной историографии позволяют отнести книгу А. Мохаммеда к образцам постколониальной литературы.

Однако А. Мохаммед вряд ли смог бы изложить сложности межпартийной борьбы, в частности периода, называемого «зама за сиаса» (бурное время политики), не будь книги, изданной на суахили еще в 1980 г.: «Борьба за освобождение Занзибара» двух молодых танзанийцев Б. Мрины и В. Маттоке, в то время преподавателей партийного колледжа Кивукони¹⁰.

Об этом колледже — кузнице партийных кадров — следует сказать особо. Он был открыт по инициативе тогда еще премьер-министра Танзании Дж. Ньерере в 1961 г., и на тот момент в нем обучалось 43 слушателя, а преподаватели все были иностранцы из стран Запада, а также ГДР, ЧССР и Югославии. С 1970 г. в колледже преподавали исключительно танзанийцы, а обучение велось на суахили¹¹.

В колледже Кивукони, обучавшем будущих партийных руководителей, имелись отделения идеологии и политики, экономики, менеджмента, пропаганды, а также истории. Колледж имел филиал и на Занзибаре, где также было отделение истории. Обучение на отделении истории предполагало, в частности, знания в области экономического, политического и культурного развития народов Танзании, роли и последствий работоторговли, установления колониального господства и антиколониальной борьбы народов Танзании и Африки, истории партий Национального союза африканцев Танганьики (ТАНУ) и Афро-Ширази (АШП) и создания объединенной партии Чама Ча Мипиндузи (ЧЧМ), рождение и развитие идеологии «уджамаа»¹². Как видно, помимо чисто идеологических задач здесь явно прослеживается отход от европоцентризма и стремление к утверждению новой идентичности, нашедшей отражение в идеологии «уджамаа».

Книга Мрины и Маттоке является первым исследованием, показывающим антиколониальную борьбу на Занзибаре изнутри, на основе местных источников.

Она начинается с колониальных амбиций империалистических держав, Берлинской конференции по Конго 1884 г. и раздела Африканского континента. Но авторы этим не ограничиваются, они пишут об арабском колониализме на островах, особо подчеркивают значение создания султаном Сейидом Саидом гвоздичных плантаций и развития работоторговли. В частности они пишут: «Арабский колониализм расширился, и Сейид Саид начал торговое сотрудничество с зарубежными странами, такими как страны Ближнего и Дальнего Востока, Англия, Франция, Германия, Индия и США, особенно после того, как европейские страны начали искать рынки сбыта и территории для разграбления богатств и полезных ископаемых»¹³.

Авторы подробно разбирают разные аспекты британского колониализма на Занзибаре и Пембе — экономические (включая их очень важный аспект — поземельные отношения), систему колониального управления, систему образования с ее предпочтениями для арабов, демографические проблемы.

Основное содержание книги — антиколониальная борьба, которую они делят на два этапа: до и после образования партии Афро-Ширази. Авторы подробно анализируют зарождение и эволюцию политических организаций на Занзибаре, ход и результаты всех выборов в Законодательное собрание, приводят подробнейшие и уникальные статистические данные. Среди источников для их исследования — внутренние документы всех ведущих политических партий, пресса, материалы национального архива в Дар-эс-Саламе.

¹⁰ *Mrina B.F., Mattoke W.T.* Mapambano ya ukombozi Zanzibar. Dar es Salaam, [s.a.].

¹¹ Chuo cha CCM Kivukoni. Dar es Salaam. Tanzania. 1981/82. Dar es Salaam, [s.a.]. У. 3. Брошюра двуязычная, но есть некоторые расхождения в английском и суахилийском текстах. Я придерживаюсь суахилийского варианта как наиболее аутентичного.

¹² *Ibid.* У. 6.

¹³ *Mrina B.F., Mattoke W.T.* *Op. cit.* У. 22.

Занзибарскую революцию и преобразования, проведенные под руководством АШП, авторы оценивают в целом весьма положительно. Однако они говорят и о трудностях, с которыми столкнулось население островов: «С одной стороны, это трудности, испытываемые всеми молодыми странами, а с другой — показывающие, что революция, возможно, была незакончена, что были некоторые меры, не предпринятые после января 1964 г., чтобы революция была завершена»¹⁴.

Авторы подчеркивают, что принятый в 1966 г. устав партии Афро-Ширази провозглашал ее целью построение общества, «полностью исключающего возможность эксплуатации человека человеком или группой лиц — внутренней или внешней»¹⁵. Курс партии ТАНУ на построение общества «уджамаа», пишут авторы, обусловил возможность объединения двух партий в одну¹⁶. Это, как и само объединение Танганьики с Занзибаром, авторы в отличие от А. Мохаммеда оценивают положительно.

Таким образом, главные достоинства книги Мрины и Маттоке — ее антиколониальная направленность и глубоко фундированная история политической борьбы на Занзибаре. В оценке занзибарской революции и объединения Занзибара с Танганьикой Мрина и Маттоке так же, как и А. Мохаммед, субъективны. А противоположность оценок как раз и объясняется тем, что в первом случае автор — занзибарец, а во втором — жители материковой части Объединенной республики.

Следующая книга, также изданная на языке суахили, является плодом совместного творчества целого ряда занзибарских ученых: это материалы Первой национальной конференции по истории и культуре Занзибара, состоявшейся в декабре 1992 г. Сборник «Краткая история Занзибара»¹⁷ открывает краткое предисловие первого на тот момент лица Островов — президента и председателя революционного совета Занзибара Салмина Амура, правившего с 1990 по 2000 г. После второго предисловия Х. Омара, одного из двух составителей сборника от имени Департамента архивов документов и древностей, приводится текст речи С. Амура на открытии конференции. Все это должно было подчеркнуть значимость издания.

Главный пафос этой книги — как и предыдущей, чисто научной и основательно фундированной (в ней, в частности, много ссылок на источники из занзибарского архива) — показ самоценности и самобытности истории Занзибара и его жителей в самые разные эпохи, начиная с давних времен и до периода независимости. Тут и история первых городов на островах Занзибар, Пемба и Кильва, причем написанная с учетом результатов последних раскопок и с многочисленными фотографиями найденных в их ходе артефактов, и история «Старого города» Занзибара, и даже мелкого и менее известного острова Тумбату.

В ссылках присутствуют имена классиков историографии Занзибара, но авторы дополняют их новыми сведениями, полученными ими самими на основании местных источников. Так, А.Х. Амейр в статье о правителях Занзибара дооманского периода пишет: «Историки, писавшие о доколониальной истории Занзибара, такие как сэр Джон Грей, Фримен-Гренвилл и Ингрэмс, рассказывают больше о XVIII и XIX вв. Таким образом, сведений об истории и экономике предыдущих столетий очень мало... настоящая статья — попытка дополнить эти знания новой информацией»¹⁸.

Самой интересной, на мой взгляд, является статья И.Н. Шарифа и А.Мазруи «История суахилийцев как идеологической и экономической общности»¹⁹. Аламин Мазруи, уроженец одного из центров суахилийской цивилизации острова Ламу, получивший образование в Кении и США, племянник знаменитого американского профессора кенийского происхождения Али Мазруи.

¹⁴ Ibid. U. 117.

¹⁵ Ibid. U. 108.

¹⁶ Ibid. U. 110.

¹⁷ Historia fupi ya Zanzibar. Kimehaririwa na K.S. Khamis na H.H. Omar. Zanzibar, 1994.

¹⁸ Ameir A.H. Utawala wa Mwinzi Mkuu // Historia fupi... U. 80.

¹⁹ Shariff I.N., Mazrui A. Historia ya Mswahili na fungamano za kiikikadi na kiuchumi // Historia fupi... K. 130–148.

Авторы пишут в преамбуле к статье: «Идентичность суахилийцев вызывала оживленные дискуссии между учеными на конференциях в Восточной Африке и за ее пределами. В настоящей статье мы придерживаемся позиции, что эти дискуссии — результат длительных исследований идентичности суахилийцев людьми, суахилийцами не являвшимися. Дискуссии обуславливались различными политическими процессами в мире белого человека, которые приносили изменения в их результаты. Эти результаты, попав под воздействие неокOLONиализма в Восточной Африке, обусловили новые проблемы в идентичности самих суахилийцев. Историческое искажение идентичности суахилийцев и есть отправная точка данной статьи»²⁰.

Итак, поиски новой идентичности, отход от казавшихся незыблемыми постулатов «колониальной библиотеки», смешение жанров — все это делает рассматриваемую книгу явным образцом библиотеки постколониальной. Приходится только пожалеть, что она суахилиязычная, — это значительно ограничивает ее читательскую аудиторию.

Своеобразным продолжением этой книги является английское издание «История и консервация Каменного города Занзибара», вышедшее в свет годом позже²¹. Эта книга также основана на материалах Первой международной конференции по истории и культуре Занзибара, и ей также предпослано предисловие тогдашнего президента Занзибара Салмина Амура. В нем подчеркивается, что Занзибар является неотъемлемой частью суахилийской цивилизации. Здесь же отмечается, что конференция финансировалась не только правительством Занзибара, но и Оманом, Францией, Норвегией, Швецией и Британским Советом. Отсюда, вероятно, и значительно лучшее качество издания книги, чем сборника на суахили²².

Из 50 сделанных на конференции докладов для книги были отобраны лишь посвященные Каменному городу, который на суахили называется «Мджи Мкогнве» (древний город) и является главной достопримечательностью Занзибара. Книга вышла под редакцией Абдул Шерифа, профессора Дар-эс-Саламского университета, автора ряда работ по истории Занзибара и главного куратора Занзибарского музея. В издание вошли не только английский вариант его статьи «Краткая история Каменного города Занзибара»²³, опубликованной в предыдущей книге на суахили, но введение²⁴ и статья «Мечети, торговцы и Землевладельцы в Каменном городе Занзибара»²⁵. Во введении А. Шериф подчеркивает, что участники конференции пытались определить место Занзибара в широком историческом контексте, проследить этапы формирования его сложной этносоциальной структуры, особенности складывания идентичности и эволюции после 1964 г. Особой задачей становится сохранение Каменного города в наши дни²⁶.

Эта книга высвечивает еще несколько проблем формирования постколониальной библиотеки в африканских странах: необходимость в ряде случаев финансовой помощи Запада и вопросы сохранения исторического наследия — памятников архитектуры, архивов и пр. Важно, чтобы финансовая зависимость и сотрудничество с западными коллегами не оборачивались зависимостью мысли. В данном случае, хотя в книге всего два автора-занзибарца, остальные статьи написаны иностранцами, главным образом европейцами, все же «командные высоты» — концепция книги, подбор статей — остались за А. Шерифом. По объему его статьи вместе со статьей А.А. Иссы о захоронениях элиты в Каменном городе в XIX в.²⁷ составляют половину объема книги.

²⁰ Ibid. U. 130.

²¹ The History and Conservation of Zanzibar Stone Town / Ed. A. Sheriff. London, 1995.

²² Ibid. P. IX–X.

²³ Sheriff A. An Outline History of Zanzibar Stone Town // The History and Conservation... P. 8–29.

²⁴ Sheriff A. Introduction // Ibid. P. 1–7.

²⁵ Sheriff A. Mosques, Merchants & Landowners in Zanzibar Stone Town // Ibid. P. 46–66.

²⁶ Sheriff A. Introduction. P. 1–7.

²⁷ Issa A.A. The Burial of the Elite in Nineteenth-Century Zanzibar Stone Town // The History and Conservation... P. 67–81.

Автор следующей книги Исса Шивджи также занзибарец, профессор Дар-эс-Саламского университета в 1970–2006 гг. Он назвал свою книгу «Пан-африканизм или прагматизм? Уроки объединения Танганьики с Занзибаром»²⁸. Автор, будучи профессором юриспруденции, рассматривает юридические аспекты этого объединения, его последствия именно с правовой точки зрения.

Начинает он с истории политической борьбы на Занзибаре накануне революции, того самого «зама за сиаса», которое подробно исследовано в книге Мрины и Маттоке. Правда, хотя их книга присутствует в библиографии, И. Шивджи ссылается на другие исследования. Автор характеризует занзибарскую революцию как политическую, а не социальную, поскольку, по его мнению, она не имела программы радикальных преобразований в обществе. Он считает ее популистской, а политическую риторику А. Каруме «узконационалистической и шовинистической»²⁹. По его мнению, революция 1964 г. длилась 100 дней, а потом переросла в контрреволюцию. Связывает он это как с внутренними факторами, так и с внешними³⁰.

Отмечая, что союзное государство создавалось практически руками Ньерере и в интересах Танганьики, Шивджи называет его юридическую и политическую основу «шаткой» и подчеркивает, что она оставалась таковой в течение целых 13 лет, до принятия в 1977 г. новой конституции Объединенной республики³¹.

Вынесенный в подзаголовок вопрос «пан-африканизм или прагматизм?» И. Шивджи решает в пользу второго. Причем одновременно он показывает эволюцию самого пан-африканизма из антиколониальной и демократической идеологии именно в прагматическую плоскость.

Книга имеет богатую источниковую базу. Тут и архивные источники, причем не только из занзибарского архива, но и из лондонского Паблик рекорд офис, и официальные публикации партий ТАНУ, АШП и ЧЧМ, и мемуары участников событий, в том числе неопубликованные, и пресса.

Книга И. Шивджи как попытка переосмысления идентичности Занзибара, сделанная с позиций, идущих вразрез с официальной точкой зрения танзанийских властей, также является вкладом в антиколониальную библиотеку.

ИСТОРИЯ ТАНГАНЬИКИ И ТАНЗАНИИ

Начать этот раздел представляется целесообразным с маленькой – 56 страниц – брошюры, ее содержание – локальная история города Багамоё: «Багамоё: великолепие на берегу моря»³². Книга издана на английском языке, ее авторы Самахани Кеджери и Йохеннес Хеншель. Год издания книги не указан, но в тексте упоминается, что работа над ней закончена в июне 1993 г. Книга похожа на «Путеводитель по истории Занзибара» А. Мохаммеда, хотя она значительно меньше по объему. Она также начинается с исторического очерка – от заселения этой местности до момента написания книги, – а заканчивается перечислением исторических достопримечательностей города.

К концу XIX в., подчеркивают авторы, «Багамоё стал цветущим центром торговли, культуры и исламской религии»³³. Они показывают роль города как конечного на материке перевалочного пункта в работоторговле. Не забыты такие важные вехи в истории города, как основание и рост «Христианской деревни свободы», заселяемой выкупленными католическими миссионерами рабами, а также антиколониальные восстания народа хехе под предводительством Мквавы и восстание Бушири.

²⁸ *Shivji I. J.* Pan-Africanism or Pragmatism? Lessons of Tanganyika-Zanzibar Union. Dar es Salaam, 2008.

²⁹ *Ibid.* P. 68.

³⁰ *Ibid.* P. 57.

³¹ *Ibid.* P. 97–99.

³² *Kajeri S. M., Henschel J.* Bagamojo: The Beauty at the Beach. Tabora, [s.a.].

³³ *Ibid.* P. 17.

Упадок Багамойо начался после переноса в 1891 г. германскими колониальными властями столицы протектората в Дар-эс-Салам. Но авторы находят признаки развития экономики и культуры города и в XX в. Интересны включенные в текст повествования интервью, взятые авторами у старейших жителей города³⁴.

Кеджери и Хеншель всячески подчеркивают мультикультурность города. В главке о Сева Хаджи, мусульманине индийского происхождения, богатом торговце, они рассказывают, что он построил школу для детей всех рас, больницу, делал пожертвования католической миссии³⁵. Они отмечают адаптивность суахилийской культуры: «Суахилийская культура – африканская и восточная одновременно, бантусская и исламская, являющаяся примером сложной встречи различных культур»³⁶. Говоря о полиэтничном составе населения города, они называют Багамойо «плавильным котлом»³⁷. Книга заканчивается главой «Багамойо сегодня», в которой рассказывается о современной жизни города, его экономике, культурной жизни и пр.³⁸

В целом можно сказать, что эта книга – утверждение идентичности города Багамойо и его жителей, что дает право отнести ее к постколониальной библиотеке. Не случайно помимо хрестоматийной трактовки названия города «оставь свое сердце» (в смысле «оставь надежду, ты попал в рабство и тебя никто не спасет») предлагается другая – «успокой свое сердце, все трудное осталось позади»³⁹.

Заодно отмечу еще одну черту, которую, видимо, можно также считать в ряде случаев присущей книгам такого рода – они могут создаваться в сотрудничестве с европейцами, при наличии некоего единомыслия. В данном конкретном случае по косвенным данным можно предположить, что второй соавтор – миссионер немецкого происхождения, также житель Багамойо.

Классик танзанийской национальной историографии Исариа Кимамбо, о котором в коллективном труде «Историческая наука в странах Африки» говорилось как о ярком представителе Дар-эс-Саламской школы «Новой историографии»⁴⁰ в соавторстве с танзанийским и американским коллегами выпустил в 2017 г. книгу «Новая история Танзании»⁴¹. Причем «новая» в данном случае означает заявку на новый взгляд. Книга эта сделана на основе курса истории Танзании, который профессор И. Кимамбо прочитал в Дар-эс-Саламском университете в 2002 г. Книга призвана заменить «классическую» «Историю Танзании», вышедшую еще в 1969 г. под редакцией того же И. Кимамбо и его коллеги, другого видного представителя Дар-эс-Саламской школы, возглавлявшего ее в то время А. Дж. Тему⁴². Уже в книге 1969 г., где перу Кимамбо принадлежали главы по доколониальной истории страны, он выступал против ряда постулатов «колониальной библиотеки», в частности хамитской теории и переоценки роли внешних влияний, «племенных исследований», которые он считал необходимым заменить региональными.

Интересно, что в предисловиях нигде не говорится о существовании другой классической работы по истории страны – книги Джона Илиффе «Современная история Танганьики», вышедшей в Кембридже в 1979 г.⁴³ В библиографии она, конечно, упоминается, и даже в тексте есть на нее ссылки. Между тем Дж. Илиффе также представитель Дар-эс-Саламской школы, его фундаментальный труд в 616 страниц переиздавался еще не раз в 1984, 1987, 1989 и 1994 гг. В его книге история Танганьики доводится до получения ею

³⁴ Ibid. P. 30–33, 40–41.

³⁵ Ibid. P. 38–40.

³⁶ Ibid. P. 33.

³⁷ Ibid. P. 42–45.

³⁸ Ibid. P. 46–51.

³⁹ Ibid. P. 4.

⁴⁰ Историческая наука в странах Африки. М., 1979. С. 170.

⁴¹ *Kimambo I.N., Maddox G.H., Nyanto S.S. A New History of Tanzania. Dar es Salaam, 2017.*

⁴² *A History of Tanzania / Eds. I.N. Kimambo and A.J. Temu. Nairobi, 1969.*

⁴³ *Iliffe J. A Modern History of Tanganyika. Cambridge, 1979.*

независимости в 1961 г. Илиффе, в свою очередь, в библиографии упоминает и книгу под редакцией Кимамбо и Тему и другие их публикации. В 2007 г. Илиффе выпустил объемный труд по истории всего Африканского континента⁴⁴, на который также нет ссылки в книге Кимамбо с соавторами.

Профессор Кимамбо в предисловии отмечает, что книга «значительно отличается от своей предшественницы»⁴⁵. В ней история Танзании доводится до рубежа XXI в., т.е. включает еще около четырех десятилетий, насыщенных сложными и противоречивыми событиями. Интересно, что история Занзибара в ней занимает очень небольшое место, а о занзибарской революции и объединении с Танганьикой говорится вкратце и в позитивном ключе⁴⁶.

В книге использованы многочисленные новые источники, обнаруженные за эти годы, – археологические, лингвистические, устной традиции и пр. Авторы рассматривают историю страны в ее связях и взаимосвязях с внешним миром на всех ее этапах. Они пытаются по-новому взглянуть на антиколониальную борьбу, концепцию «уджамаа», правление президентов, сменивших у власти Дж. Ньерере. Последняя глава книги называется «От неокOLONIALИЗМА к глобализации», в ней авторы пытаются определить место страны в современном мире.

А во введении авторы подчеркивают, что их книга «сплетет человеческое измерение истории Танзании. Она основывается на расширяющихся исследованиях историков и других специалистов внутри страны и извне»⁴⁷. И в заключительном разделе «Послесловие. Заметки об источниках и методике» говорится об исследователях, в центре внимания которых оказываются такие проблемы, как «либерализация экономики, многопартийная демократия, идеи расы, гражданства, политики»⁴⁸.

Полагаю, идея авторов создать альтернативу предшествующей «Истории Танзании», которую также уже нельзя рассматривать как элемент «колониальной библиотеки», их стремление рассматривать историю страны в контексте глобальных проблем и современного постколониального дискурса в целом позволяют отнести эту книгу к постколониальной библиотеке.

Еще одним танзанийским автором, внесшим вклад в постколониальную библиотеку, является Лоренс Мбогони. Его книга «Аспекты колониальной истории Танзании» (2013 г., перепечатана в 2016 г.)⁴⁹ – яркий пример смешения жанров, о чем пишет Т.М. Гавристов⁵⁰. Это скорее сборник статей, в которых рассматриваются отдельные исторические проблемы. Среди них – имеющие общеисторическое значение – «цивилизаторская миссия» колониализма в Танганьике, работоторговля на Занзибаре в колониальные времена. Рассматриваются и более частные, но мало исследованные проблемы здравоохранения на Занзибаре в колониальные времена, радиовещание и кинопроизводство в Танганьике. Некоторое проблемы, такие как, например, неумеренное употребление алкоголя, адюльтер и насилие в среде белых колониальных чиновников, браконьерство, рассматриваются как «кейз стадиз». Не обошлось и без истории занзибарской принцессы Сальме, дочери султана Сейда Саида, чей брак с гражданином Германии вызвал скандал, а его последствия чуть не сказались на колониальном разделе региона. Правда, эта история не нова, в частности я писал о ней еще в 2009 г.⁵¹

⁴⁴ *Iliffe J. Africans. The History of a Continent. Cambridge, 2007.*

⁴⁵ *Kimambo I.N. Preface // A New History of Tanzania. P. XI.*

⁴⁶ *A New History of Tanzania. P. 163.*

⁴⁷ *Introduction // Ibid. P. 6.*

⁴⁸ *Postscript: A Note on Sources and Methods // Ibid. P. 214.*

⁴⁹ *Mbogoni L. Aspects of Colonial Tanzania History. Dar es Salaam, 2016.*

⁵⁰ *Гавристов Т.М. Указ. соч. С. 83.*

⁵¹ *Балезин А.С. Занзибарская принцесса из России, жительница Германии. Через гаремный скандал к схватке европейских держав // Под небом Африки моей. История, языки, культура народов Африки. Вып. 4. М., 2009. С. 84–93.*

В первой главе книги Л. Мбогони пишет: «В этом сборнике эссе я попытался исследовать воздействие колониализма и колониального управления на жизни и опыт как колонизаторов, так и колонизируемых в стране, известной сейчас как Танзания»⁵².

Во многом пафос книги сводится как раз к критике «колонизаторов» с самых разных сторон. В частности, Мбогони пишет: «Основными носителями британской “цивилизаторской миссии” были прежде всего и в основном офицеры колониальных войск. От них ожидалось, что они будут вести примерную жизнь в соответствии с британскими нравами. Более того, предполагалось, что они не будут вести себя так, чтобы подрывать репутацию колониальных войск. Но наряду с офицерами колониальных войск любой белый человек должен был вести себя таким образом, чтобы не подрывать расовое превосходство европейцев в глазах колонизируемых»⁵³.

Реальные случаи из жизни «цивилизаторов», приведенные в книге, как раз и призваны раз за разом опровергать этот тезис. Таким образом, книга Мбогони не просто написана с антиколониальных позиций. Она на ряде конкретных и достаточно локальных примеров показывает неблагоприятность поведения британских колонизаторов в Танганьике и на Занзибаре.

Книга Л. Мбогони, как и книги И. Кимамбо с соавторами, и И. Шивджи, вышла в Дар-эс-Саламском издательстве «Мкуки на ньота», специализирующемся на издании научной и научно-популярной литературы.

Следующие три книги – учебники истории для школ и колледжей, причем история Танзании рассматривается в них в более широком контексте восточноафриканского региона или даже всего Черного континента.

Издательство Дар-эс-Саламского университета под эгидой Института разработки программ по истории Восточной Африки в 1988 г. выпустило учебник для средних школ «Восточная Африка с 1850 г. до наших дней»⁵⁴. Он написан большим коллективом авторов, преимущественно, если не исключительно, танзанийских, и презентуется как «вторая книга по истории для средних школ», т.е. является продолжением учебника, в котором изложена более ранняя история региона.

Книга написана с антиколониальных позиций, в разделах о колониализме в ней делается упор на колониальную эксплуатацию народов Восточной Африки. Даже в тех областях, где были достигнуты положительные результаты, подчеркиваются негативные аспекты. Так, например, строительство железных дорог способствовало упадку Багамойи и разрушению традиционных экономик⁵⁵, колониальная система образования была ущербной и отвечала исключительно интересам развития колониальной экономики⁵⁶ и т.п.

Большое внимание уделяется формированию и эволюции антиколониализма в регионе – отдельно по каждой стране, включая и Занзибар. Несмотря на сжатость изложения, авторы не упустили ни одной важной детали, сопроводив рассказ интересными иллюстрациями.

Последний раздел учебника посвящен периоду независимости – за более чем 20 лет до момента написания книги. Союз Танганьики с Занзибаром рассматривается авторами в положительном ключе как «важный шаг в укреплении восточноафриканского единства»⁵⁷.

Подводя итоги независимому развитию восточноафриканских стран, авторы отмечают три его важнейшие черты. Первая – политическое, идеологическое и экономическое разнообразие трех восточноафриканских стран. Вторая – неоколониальная экономика, унаследованная при получении независимости, в частности привязанность

⁵² Mbogoni L. Op. cit. P. 3.

⁵³ Ibid. P. 4.

⁵⁴ East Africa From 1850 to the Present. Dar es Salaam, 1988.

⁵⁵ Ibid. P. 60.

⁵⁶ Ibid. P. 70–72.

⁵⁷ Ibid. P. 100.

к иностранному капиталу. А третья – реакционная сущность мелкой буржуазии, сменившей колонизаторов. По мнению авторов, «подлинная независимость может быть достигнута только путем отмены существующих внутренних производственных отношений и разрушения существующих связей с международным капиталом. Это может быть достигнуто только путем социалистической трансформации»⁵⁸.

Книгу характеризует формационный подход к истории – в данном случае к истории восточноафриканского региона. В вводной главе повествуется, как он выглядел до 1850 г., авторы делят существовавшие там формы социальной организации на общинные, рабовладельческие и феодальные⁵⁹.

В 1992 г. издательство Дар-эс-Саламского университета выпустило, а в 1994 г. переиздало учебное пособие «Аспекты африканской истории. Восточная Африка», написанное выпускником и сотрудником Дар-эс-Саламского университета Г. Ньирендой⁶⁰.

Во введении автор настаивает, что учебники по истории Танзании должны быть написаны исключительно самими танзанийцами: «Никто за пределами Танзании не может написать историю для танзанийской молодежи. Поэтому я настаиваю, что мы не можем импортировать книги по истории из Европы. Не просто потому, что у нас не хватает иностранной валюты, а потому, что никто извне не может интерпретировать историю для самих танзанийцев. А это потому, что именно мы знаем философию нашего народа, наши программы и, что самое главное, наших школьников»⁶¹.

Уже на первых страницах книги автор, знакомя с основными категориями исторической науки (источники, датировки и пр.), вводит понятия «производительные силы» и «производственные отношения»⁶². Однако он выходит за рамки марксистской теории социально-экономических формаций, пишет о формировании вождеств у ряда народов региона и отличиях вождей от родовых старейшин⁶³. Также в отличие от сторонников «пятичленки» он не называет государства Восточноафриканского Междуречья феодальными⁶⁴.

Автор начинает изложение истории восточноафриканского региона с самых древнейших времен, с каменного века. Подробно рассказывает об истории его заселения, исследует все волны миграции из разных частей континента. В нескольких главах он также рассматривает связи региона с другими частями света, ставя его в контекст мировой истории – тут и контакты со странами Индийского океана, и с Европой, и с Новым Светом. Подробно анализирует реакцию африканцев на колониальное проникновение европейских держав, акцентируя внимание на антиколониальном сопротивлении. Вкратце, на двух страницах, говорит и о сотрудничестве африканцев с колониальными властями, называя его при этом «пассивным сопротивлением»⁶⁵.

В центре внимания автора – антиколониальная борьба – пресловутый «африканский национализм». Это, пишет Г. Ньиренда, «очень важное движение в Восточной Африке, потому что оно привело к независимости эти страны». Он определяет национализм как «выражение национального самосознания», «результат понимания народом колониальной эксплуатации и угнетения», «то же самое, что антиколониализм или борьба за самоуправление»⁶⁶. И далее на без малого 30 страницах он рассматривает антиколониальную борьбу отдельно в Кении, Уганде, Танганьике и на Занзибаре вплоть до получения независимости. Причем, заканчивая книгу строками о занзибарской революции, он умудряется не

⁵⁸ Ibid. P. 113.

⁵⁹ Ibid. P. 1–8.

⁶⁰ Nyirenda H.D. Aspects of African History. East Africa. Dar es Salaam, 1994.

⁶¹ Ibid. P. V.

⁶² Ibid. P. 5–6.

⁶³ Ibid. P. 18–19.

⁶⁴ Ibid. P. 20–23.

⁶⁵ Ibid. P. 58.

⁶⁶ Ibid. P. 70.

упомануть имя А. Каруме: «Революцию возглавила маленькая, но хорошо вооруженная группа. Власть захватила партия Афро-Ширази»⁶⁷. При этом в предыдущих разделах нашлось место для лидеров «национализма» - Дж. Кениатты, А.М. Обете и Дж. Ньерере.

Таким образом, этот учебник, также написанный с антиколониальных позиций, демонстрирует отход от формационной теории, но не лишен влияния политической конъюнктуры.

Однако учебник «Понимая историю Африки», изданный в Танзании почти четверть века спустя, вновь демонстрирует формационный подход к истории, который, как известно, уже давно считается большинством африканистов непродуктивным в воссоздании прошлого народов Черного континента. Его авторы – два молодых танзанийца Дж. Бигирвамунгу и С. Деогратиас⁶⁸. Базирующийся на новой программе 2010 г. для исторических отделений колледжей, он освещает историю Африканского континента с доколониальных времен до обретения независимости.

Уже на первых страницах книги заявлен решительный отход от европоцентризма: «Африканские общества были способны контролировать и управлять окружающей средой и развиваться в культурной, экономической, технологической и политической сферах и до прихода колонизаторов»⁶⁹.

Критике европоцентристского взгляда на историю Африки посвящены целых шесть страниц книги, причем упоминаются даже античные авторы. Показана также роль афроцентристского взгляда на историю Черного континента как ответной реакции. О европейских исследованиях послевоенного периода авторы пишут, что в них история Африки иногда по незнанию, но чаще намеренно была «замаскирована, искажена и изуродована»⁷⁰.

Свою задачу молодые танзанийские историки видят в «представлении африканской истории в ее полноте, объективно и точно»⁷¹. Такая реконструкция, подчеркивают они, должна проводиться с использованием местных источников, уникальных для Африки, – устной традиции, археологических источников, письменных документов, данных исторической лингвистики и антропологии⁷².

Не могу отказать себе в удовольствии вспомнить тут первую коллективную монографию нашего Центра африканских исследований в Институте всеобщей истории РАН (тогда сектора истории Африки) «Источниковедение африканской истории», вышедшую в далеком 1977 г. В предисловии к ней подчеркивалось: «Действительно адекватная картина исторического прошлого народов Африки может быть восстановлена лишь при широком использовании всех типов и видов источников, созданных на месте самими этими народами»⁷³.

Авторы учебника «Понимая историю Африки», стараются показать историю континента и своей страны, независимо от периода которой посвящен отдельный большой (до четверти объема книги) раздел, в связях и взаимосвязях с внешним миром. В частности, в ней есть такие главы, как «Люди африканского происхождения в Новом Свете», «Влияние внешних сил и подъем национализма». Авторы большое внимание уделяют проблемам образования в доколониальные времена, колониальный период и в независимой стране.

В то же время, демонстрируя стремление к отходу от старых концепций исторического развития, авторы остаются приверженцами марксистско-ленинских категорий и пресловутой «пятичленки». В первой главе они подробно объясняют понятие «производительные силы», «производственные отношения», «прибавочная стоимость», «классы»

⁶⁷ Ibid. P. 96–97.

⁶⁸ *Bigirwamungu J., Deogratias S. Understanding African History. Dar es Salaam, 2015.*

⁶⁹ Ibid. P. XVIII.

⁷⁰ Ibid. P. XXVI.

⁷¹ Ibid. P. XVIII.

⁷² Ibid. P. XXVI.

⁷³ Источниковедение африканской истории. М., 1977. С. 5.

«способ производства», «общественная формация»⁷⁴. При этом подчеркивают, что «к началу XIX в. большинство африканских обществ переживало общинный способ производства, другие находились на стадии феодального способа производства. Были также общества, имевшие черты как феодального, так и рабовладельческого способа производства».

«Марксистские положения о смене общественно-экономических формаций как о естественно-историческом процессе усвоили, правда с различной степенью глубины», представители «социалистической ориентации» в африканской историографии, отмечал в 1990 г. по моде советских времен отечественный исследователь африканской историографии Д.П. Урсу⁷⁵. Однако с тех пор многое изменилось в самой Танзании, а в изучении истории Африки стал превалировать цивилизационный подход. Полагаю, что в наши дни широкое тиражирование и внедрение в умы подрастающих поколений формационного подхода к истории Африки вызывает сожаление.

В случае учебника 2016 г. мы имеем дело с той самой «попыткой соединить несоединимое», которую Т.М. Гавристова называет одной из характерных черт работ современных африканских исследователей, создающих «постколониальную библиотеку»⁷⁶.

Учебники по истории, написанные в Африке, на встрече экспертов ЮНЕСКО в 2009 г. получили такую характеристику: «В большинстве африканских стран немногие учебники по истории на самом деле соответствуют политической ориентации государств, в них все еще преобладает до некоторой степени европоцентризм. Более того, в последние годы проявилась опасная тенденция: создатели учебных программ в разных странах пытаются “национализировать” историю, игнорируя общие корни и взаимодействие различных африканских культур и цивилизаций»⁷⁷. Путь к преодолению этого явления международному сообществу видится в создании стереотипных учебников по истории на основе «Всеобщей истории Африки» ЮНЕСКО для всех стран Африканского союза⁷⁸.

К чести танзанийских авторов к их учебникам из этих упреков можно отнести в некоторой степени лишь политическую ангажированность, иногда даже идущую вразрез с официальными установками. Однако они резко выступают против европоцентризма и пытаются рассматривать историю своей страны во взаимосвязях с процессами, происходящими во всем восточноафриканском регионе и в целом на континенте и даже за его пределами. Внимание к различным аспектам доколониальной истории, эксплуататорской сущности колониализма, истокам, этапам и формам антиколониальной борьбы позволяет отнести эти книги к постколониальной библиотеке.

Таким образом, полагаю, рассмотренные здесь книги последних трех десятилетий, созданные танзанийскими историками, являются несомненным вкладом в постколониальную библиотеку. Написанные разными поколениями, они значительно расширяют представления об истории Танзании за счет привлечения новых источников, расширения круга изучаемых проблем, рассмотрения истории одной африканской страны во взаимоотношениях с внешним миром. Для всех характерна жесткая критика европоцентризма, поиск идентичности на различных уровнях, часто попытка совместить несовместимое. Охват материала может быть самым разнообразным – от фундаментальных исследований до локальных, от истории только Танганьики или только Занзибара до истории всего восточноафриканского региона и даже всего Африканского континента. Также присутствует разнообразие жанров – от глубоких научных исследований,

⁷⁴ Bigirwamungu J., *Deogratias S.* Op. cit. P. 1–3.

⁷⁵ Урсу Д.П. Историография истории Африки. М., 1990. С. 214.

⁷⁶ Гавристова Т.М. Указ. соч. С. 83.

⁷⁷ Pedagogical Use of the General History of Africa. Expert Meeting. UNESCO Paris (Fontenoy, Room XIII) 16 and 17 March 2009. Concept Note. Paris, 2009. P. 3.

⁷⁸ См.: Балезин А.С. Африканские историки и «Всеобщая история Африки» ЮНЕСКО // Африка. История и историки / Под ред. А.Б. Давидсона. М., 2014. С. 328–337.

рассчитанных на специалистов, до популярных изданий и школьных учебников. Все более разнообразной становится и тематика исследований.

Наблюдается определенное различие между книгами, написанными жителями материковой части страны и занзибарцами. Книги последних более политически ангажированы, причем главной болевой точкой для них остается, даже спустя более полувека, объединение Занзибара с Танганьикой. Что касается танганьиканцев, то в учебниках для средних школ они тиражируют формационный подход к истории, практически отсутствующий в серьезных исследовательских работах.

Библиография

Африка: постколониальный дискурс. Тезисы докладов участников Всероссийской конференции 25–26 июня 2020 года. Ярославль, 2020.

Балезин А.С. Занзибарская принцесса из России, жительница Германии. Через гаремный скандал к схватке европейских держав // Под небом Африки моей. История, языки, культура народов Африки. Вып. 4. М., 2009. С. 84–93.

Балезин А.С. Африканские историки и «Всеобщая история Африки» ЮНЕСКО // Африка. История и историки / Под ред. А.Б. Давидсона. М., 2014. С. 328–337.

Гавристова Т.М. Африка: «постколониальная библиотека» // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 80–85.

Историческая наука в странах Африки. М., 1979.

Источниковедение африканской истории. М., 1977.

Урсу Д.П. Историография истории Африки. М., 1990.

Bigirwamungu J., Deogratias S. Understanding African History. Dar es Salaam, 2015.

Chuo cha CCM Kivukoni. Dar es Salaam, Tanzania. 1981/82. Dar es Salaam, [s.a.].

Mohammed A.A. A Guide to a History of Zanzibar. Zanzibar, 2014.

East Africa From 1850 to the Present. Dar es Salaam, 1988.

The History and Conservation of Zanzibar Stone Town / Ed. A. Sheriff. London, 1995.

A History of Tanzania / Eds. I.N. Kimambo and A.J. Temu. Nairobi, 1969.

Historia fupi ya Zanzibar. Kimehariwa na K.S. Khamis na H.H. Omar. Zanzibar, 1994.

Liffé J. A Modern History of Tanganyika. Cambridge, 1979.

Liffé J. Africans. The History of a Continent. Cambridge, 2007.

Kajeri S. M., Henschel J. Bagamoyo: The Beauty at the Beach. Tabora, [s.a.].

Kimambo I.N., Maddox G.H., Nyanto S.S. A New History of Tanzania. Dar es Salaam, 2017.

Mbogoni L. Aspects of Colonial Tanzania History. Dar es Salaam, 2016.

Mrina B.F., Mattoke W.T. Mapambano ya ukombozi Zanzibar. Dar es Salaam, [s.a.].

Nyirenda H.D. Aspects of African History. East Africa. Dar es Salaam, 1994.

Pedagogical Use of the General History of Africa. Expert Meeting. UNESCO Paris (Fontenoy, Room XIII) 16 and 17 March 2009. Concept Note. Paris, 2009.

Shivji I.J. Pan-Africanism or Pragmatism? Lessons of Tanganyika-Zanzibar Union. Dar es Salaam, 2008.

References

Afrika: postkolonial'nyi diskurs. Tezisy dokladov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii 25–26 iunია 2020 g. [Africa: post-colonial discourse. Abstracts of reports of participants of the all-Russian conference on June 25–26, 2020]. Iaroslavl', 2020. (In Russ.)

Balezin A.S. Zanzibarskaia printsessa iz Rossii, zhitel'nitsa Germanii. Cherez Garemnii skandal k skhvatke evropeiskikh derzhav [Zanzibar Princess from Russia, a resident of Germany. Through the GA-remny scandal to the clash of European powers] // Pod nebom Afriki moi. Istoriia, iazyki, kul'tura narodov Afriki. Vyp. 4 [Under the sky of my Africa. History, languages, and culture of the peoples of Africa. Issue 4]. Moskva, 2009. S. 83–94. (In Russ.)

Balezin A.S. Afrikanские историки и "Всеобщая история Африки" ЮНЕСКО [African historians and UNESCO's universal history of Africa] // Африка. История и историки / Под ред. А.Б. Давидсона [Africa. History and historians / Ed. A.B. Davidson]. Moskva, 2014. S. 328–337. (In Russ.)

Gavristova T.M. Afrika: "postkolonial'naia biblioteka" [Africa: "postcolonial library"] // Aziia i Afrika segodnia [Asia and Africa of this day]. 2020. № 3. S. 80–85. (In Russ.)

- Istoricheskaia nauka v stranakh Afriki [Historical science in the countries of Africa]. Moskva, 1979. (In Russ.)
- Istochnikovedenie afrikans koi istorii [Source studies of African and history]. Moskva, 1977. (In Russ.)
- Ursu D.P.* Istoriografiia stran Afriki [Historiography of the history of Africa]. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Bigirwamungu J., Deogratias S.* Understanding African History. Dar es Salaam, 2015.
- Chuo cha CCM Kivukoni. Dar es Salaam. Tanzania. 1981/82. Dar es Salaam, [s.a.].
- Mohammed A.A.* A Guide to a History of Zanzibar. Zanzibars, 2014.
- East Africa From 1850 to the Present. Dar es Salaam, 1988.
- The History and Conservation of Zanzibar Stone Town / Ed. A. Sheriff. London, 1995.
- A History of Tanzania / Eds. I.N. Kimambo and A. J. Temu. Nairobi, 1969.
- Historia fupi ya Zanzibar. Kimehariwa na K.S. Khamis na H.H. Omar. Zanzibar, 1994.
- Iliffe J.* A Modern History of Tanganyika. Cambridge, 1979.
- Iliffe J.* Africans. The History of a Continent. Cambridge, 2007.
- Kajeri S.M., Henschel J.* Bagamoyo: The Beauty at the Beach. Tabora, [s.a.].
- Kimambo I.N., Maddox G.H., Nyanto S.S.* A New History of Tanzania. Dar es Salaam, 2017.
- Mbogoni L.* Aspects of Colonial Tanzania History. Dar es Salaam, 2016.
- Mrina B.F., Mattoke W.T.* Mapambano ya ukombozi Zanzibar. Dar es Salaam, [s.a.].
- Nyirenda H.D.* Aspects of African History. East Africa. Dar es Salaam, 1994.
- Pedagogical Use of the General History of Africa. Expert Meeting. UNESCO Paris (Fontenoy, Room XIII) 16 and 17 March 2009. Concept Note. Paris, 2009.
- Shivji I.J.* Pan-Africanism or Pragmatism? Lessons of Tanganyika-Zanzibar Union. Dar es Salaam, 2008.

DOI: 10.31857/S013038640009578-3

© 2021 г. А.О. ЯСТРЕБОВ

ЛИТУРГИЯ ВЛАСТИ. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ВЕНЕЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Ястребов Алексей Олегович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: mirofore@gmail.com

Researcher ID: ABB-8823-2020

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности взаимоотношений государства и православной церкви в столице и заморских владениях Венецианской республики в конце XVI–XVII в. Обзор истории государственно-конфессиональных отношений с православными начинается с греческой общины столицы, история которой наиболее подробно освещена источниками. Сам характер контактов столичных греков с духовными и светскими властями был более целостным, чем на периферии, и следовал некоей причинно-следственной логике, из которой исходили все стороны диалога. Религиозная же политика Венеции в заморских колониях отличалась пестротой и неоднородностью в разные эпохи и на разных территориях. Данные связи, обусловленные множеством факторов и обстоятельств (позиция папства, положение православных в Османской империи и др.), казалось бы, были подчинены логике сиюминутных интересов, ради которых обе стороны либо шли на взаимные уступки, либо (явно или неявно) диктовали друг другу свои условия. Однако, насколько мы можем судить по дошедшим до нашего времени документам, этот сложный диалог мог состояться лишь благодаря тому, что его участников объединяла культурная матрица, которая позволяла найти общий язык и пройти многовековой совместный путь среди отнюдь не простых обстоятельств жизни итальянского Средневековья и раннего Нового времени.

Взаимообогащение культур и духовных традиций венецианцев и греков явилось не только частью византийского периода истории Венеции – оно продолжилось в течение всей эпохи совместного проживания венецианцев и греков в столице и в заморских колониях республики.

Ключевые слова: Венеция, Stato da Mar, православная церковь, государственно-церковные отношения, Крит, Ионические острова, юрисдикционализм, Церковь Венеции.

А.О. Yastrebov

The Liturgy of Power. Some Aspects, Religious Policy of Venice in Relation to the Orthodox Greeks in Modern Age

Alexey Yastrebov, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: mirofore@gmail.com

Researcher ID: ABB-8823-2020

Abstract. This article examines the features of the relationship between the state and the Orthodox Church in the capital and overseas possessions of the Most Serene Republic in the late 16th–17th centuries. The review of the history of State-Church relations with the Orthodox begins with the Greek community of the capital, the history of which is most documented. The very nature of the contacts of the Greeks of the city of Venice with the spiritual and secular authorities is more complete than on the periphery, obeying a certain cause-and-effect logic, from which all sides of the dialogue proceeded. On the contrary the religious policy of Venice in the overseas colonies was varied and heterogeneous in different epochs and territories.

These connections, due to a variety of factors and circumstances, seemed to be subordinated to the logic of momentary interests, for which both sides either made mutual concessions, or explicitly or implicitly dictated their terms to each other. However, as far as we can judge from the documents that have come down to us, this complex dialogue could have taken place only because its sides were united by a cultural matrix that allowed them to find a common language and pass a centuries-old joint path among the difficult circumstances of life in the Italian middle Ages and modern Age.

The mutual enrichment of cultures and spiritual traditions was not only a legacy of the Byzantine period of the history of Venice, it continued throughout the era of joint residence of Venetians and Greeks in the capital and in the overseas colonies of the Republic.

Keywords: Venice, Stato da Mar, Orthodox Church, State-Church relations, Crete, Ionian Islands, jurisdictionalism, Church of Venice.

Как известно, Венеция долгое время находилась в поле культурного притяжения Византии. Оба государства связывали не только общие политико-экономические интересы, но и духовные традиции. К моменту падения империи в 1453 г. история их взаимоотношений приближалась к тысячелетию и не закончилась с исчезновением Ромейской державы¹.

Поэтому неудивительно, что у Безмятежнейшей республики² православных подданных оказалось больше, чем у других европейских государств, ведь кроме символического усвоения традиции империи она унаследовала и ее народ, оставшийся в пределах своих исконных земель³. Отношение к его религии власти прагматично измеряли влиянием греческого или славянского элемента в столице или в каждой конкретной заморской провинции. Если в Далмации и Албании православные составляли меньшинство, а потому их мнение учитывалось менее, то на островах Эптаниса и на Крите администрация должна была считаться с местным епископатом и духовенством⁴.

Так, например, в марте 1648 г. в разгар Кандийской войны⁵ (1645–1669 гг.) венецианский чиновник на Кифире, набиравший рекрутов для отправки на театр военных действий, встретил ожесточенный отпор старейшин. Он сообщает затем в депеше на имя дожа, что православный епископ по его просьбе обошел дом за домом все семьи,

¹ См.: *Zorzi A.* La Repubblica del Leone. Firenze, 2019. P. 16–67. Согласно документам 992 и 1082 гг., Венеция в ту эпоху по-прежнему признавала Византию своим сюзереном. См.: *Fedalto G.* I veneziani tra Chiesa Greca e Chiesa Latina // *Quarta crociata. Venezia, Bisanzio, Impero latino / A cura di G. Ortalli, G. Ravagnani, P. Schreiner.* Venezia, 2006. P. 293.

² Светлейшая или Безмятежнейшая (ит.: *Serenissima*) – официальный титул Венецианской республики.

³ В данном очерке не затрагивается период, связанный с деятельностью в столице митрополита филладельфийского Мелетия Типальда (на кафедре – 1685–1713 гг.). О нем см.: *Βελοῦδης Ι.* Ἐλληνῶν ὀρθοδόξων ἀποικία ἐν Βενετία. Βενετία, 1893. Σ. 80–89.

⁴ Эптаниса (новогр. *Επτάνησα*, «Семиостровие») – греческое название Ионических островов Кефалонии, Керкиры (вен. – *Corfù*), Закинфа (вен. – *Zante*), Левкады (вен. – *Santa Maura*), Кифиры (вен. – *Serigo*), Итаки, Паксоса, принадлежавших Венеции с конца XV в. вплоть до ее падения в 1797 г.

⁵ Кандия – венецианское название Крита.

убеждая подчиниться, после чего все призывники явились на сборный пункт⁶. Из приведенного примера видно, что важнейшим вопросом в отношениях с христианами восточной Церкви была их лояльность в периоды войн Светлейшей республики с Османской империей, в которых именно земли Доминиона являлись полем битвы, и отношение местного населения к обеим сторонам конфликта становилось порой решающим для исхода борьбы. Кипрская (1570–1573 гг.) и затем Кандийская (1645–1669 гг.) войны показали важность греческого фактора в оборонной стратегии государства, вот почему вопросы вероисповедания подданных находились под непосредственным контролем центральных органов государственной власти.

Важнейшей особенностью государственно-конфессиональных отношений в столице и в заморских владениях республики является ее дифференцированный подход к православным не только в разные эпохи, но и на разных территориях, где она встречается с неоднородной социальной средой и традициями, такими, например, как органы самоуправления или церковные структуры. Безмятежнейшая управляет отдельными частями Далмации с 1202 г., островами Критом с 1210 г., Кифирой с 1363 г., Корфу и Паксосом с 1386 г., Эвбеей с 1390 г., Закинфом с 1485 г., Кипром с 1489 г., Кефалонией с 1500 г., Итакой с 1503 г., Левкадой с 1684 г. и, наконец, Пелопоннесом с 1699 г., т.е. входит в свои права в различные исторические периоды и в непохожих условиях.

Таким образом, при составлении картины взаимоотношений республики и восточной Церкви должны учитываться факторы эпохи и места действия, характеризовавшие курс Венеции в тот или иной период.

В СТОЛИЦЕ

Приток греческих беженцев был связан напрямую с падением Константинополя и с предшествовавшим этому процессом распада Восточной римской империи⁷. В этот период имело место еще одно важное событие: в 1438–1439 гг. прошел Ферраро-Флорентийский собор, по результатам которого состоялось заключение вероисповедного соглашения между Греческой и Латинской Церквями, полагавшего, как казалось в тот момент его авторам, конец длившемуся к тому времени уже 400 лет разделению христианских Востока и Запада⁸.

Республика приняла беженцев охотно. Знатные эмигранты были приняты с должным вниманием, им с самого начала обеспечили надлежащие права. В 1485 г. им было предоставлено гражданство, что само по себе являлось важной привилегией. Категория граждан была ненамного многочисленнее круга патрициев, представляя собой второй после них класс общества, на который опиралось правительство⁹. Данный факт свидетельствует, с одной стороны, о доверии к пришельцам, а с другой — об их высоком профессиональном уровне, позволившем им спустя сравнительно небольшое время после прибытия занять важное положение в гражданской иерархии столицы.

---

⁶ Archivio di Stato di Venezia (далее: ASVe). Dispacci Rettori. Candia. Filza 21. См. также: *Minchella G.* Frontiere aperte. Musulmani, ebrei e cristiani nella Repubblica di Venezia (XVII secolo). Roma, 2014. P. 167–168.

Титул «doge», восходящий к латинскому *dux*, пришел в Венецию из Византии. В 697 г. титул «дуки» (δοῦκας) присвоен византийскому военному губернатору провинции Адриатики, подчинявшемуся экзарху Равенны, и сохранился вплоть до падения республики.

⁷ Греческие эмигранты проживали в лагуне и в более раннюю эпоху. См.: *Βελοῦδης I.* Op. cit. Σ. 8–13; *Cecchetti B.* La Repubblica di Venezia e la corte di Roma. T. I. Venezia, 1874. P. 455–457; *Fedalto G.* Ricerche storiche sulla posizione giuridica ed ecclesiastica dei greci a Venezia nei secoli XV e XVI, Firenze, 1967. P. 16–23.

⁸ *Fedalto G.* Op. cit. P. 7, 25.

⁹ *Minchella G.* Op. cit. P. 97. Сенат отдельно оговаривал, что следует «предоставлять гражданство адвокатам, докторам, фармацевтам, нотариусам и другим представителям светских профессий, а также и священникам, которые не принадлежат к благородному сословию».

Не забудем о тех, кто оказался незаменимым в коммерции, кораблестроении, мореходстве и военном деле. Особенно в последнем случае: большинство всадников корпуса легкой кавалерии, являвшейся ядром сухопутных войск Серениссимы, составляли так называемые «страдиоты» греческой веры — эллины, албанцы, славяне¹⁰.

К процессу взаимодействия сторон нужно прибавить и то очевидное, пусть не выраженное вначале осознание венецианцами того факта, что они принимают живую культуру Византии, рецепируя тем самым ее наследие. Пройдет совсем немного времени, и Венеция вслед за виссарионовым титулом «Второй Византии» получит от Альда Мануция звание «новых Афин», став рассадником классической и ромейской культуры¹¹.

Исторический момент для переселения с берегов Босфора на берега Адриатики можно условно назвать «удачным» в плане открывшейся конъюнктуры в церковном вопросе. Принятие Греческой церковью унии, пусть и отвергнутой де-факто епископами, клиром и народом после возвращения членов объединительного собора по своим епархиям на Востоке, обеспечило надежную «дымовую завесу» прибывшим в Италию беженцам, а отношение просвещенных пап эпохи Возрождения способствовало «мягкому» вхождению новых граждан в итальянскую конфессиональную среду¹². Столетие между «великим переселением эллинов» и началом Контрреформации оказалось весьма плодотворным для создания и укоренения православного присутствия на Апеннингах, хотя позиция Рима по поводу юрисдикции греков была всегда формально одинаковой — Флорентийская уния юридически лежала в основе всех действий римских понтификов и гражданских властей в отношении «греческой веры»¹³. Колебалась лишь строгость применения правил.

В нашем случае, особенно в XVI столетии, приходится иметь дело даже не с тремя, а с четырьмя участниками сложного межконфессионального диалога, развернувшегося в Венеции. Если расположить заинтересованные стороны по принципу взаимной симпатии, то список будет выглядеть следующим образом: греки-эмигранты, венецианские власти, Рим в лице первосвященников (в разное время гуманистов или реакционеров) и католические патриархи Венеции, представлявшие собой во все времена наиболее консервативную часть этого спектра. Если с течением времени Ватикан и латинские патриархи будут сближаться друг с другом в степени ограничений конфессиональной свободы, то правительство будет занимать более взвешенную позицию. Наиболее ясно она прозвучит на заседаниях Тридентского собора, послужившего началом Контрреформации¹⁴.

Тем не менее вопрос о предоставлении грекам места для отправления культа первое время не приобретал осязаемой формы. Итальянцы не могли не понимать, что, оказав последователям «схизматической» веры гостеприимство, так сказать, гуманитарного свойства, они не могли сразу же без конфликта с Римом оказать и вероисповедное, ведь споры вокруг недавно завершившегося Ферраро-Флорентийского собора оставались очень горячими, были живы участники тех событий. Тот факт, что эмигранты лишь «прикрывались» его решениями, не смущал власти, но должно было пройти некоторое время, прежде чем они смогли пойти навстречу духовным потребностям новых

¹⁰ Birtachas S. La memoria degli stradioti nella letteratura italiana del tardo Rinascimento // Tempo, spazio e memoria nella letteratura italiana. Omaggio ad Antonio Tabucchi / A cura di Z. Zografidou. Salonicco, 2012. P. 124–142.

¹¹ Omont H. Inventaire des manuscrits grecs et latins donnés à Saint Marc par le cardinal Bessarion // Revue des Bibliothèques. Vol. IV. 1894. P. 139.

¹² См.: Birtachas S. Verso lo stato moderno in Italia. Aspetti del giurisdizionalismo veneziano all'alba dell'età barocca: la sovranità sui sudditi greci nelle colonie d'oltremare // I greci durante la venetocrazia: uomini, spazio, idee (XIII–XVIII sec.). Atti del Convegno Internazionale di Studi. Venezia, 3–7 dicembre 2007 / A cura di Ch. Maltezou, A. Tzavara, D. Vlasi. Venezia, 2009. P. 85.

¹³ См.: Fedalto G. Ricerche storiche... P. 25.

¹⁴ Тогда послы Республики будут защищать права греков на собственный обряд и традиции. См.: Sarpi P. Istoria del Concilio Tridentino, seguita dalla “Vita di Padre Paolo” di Fulgenzio Micanzio / A cura di C. Vivanti. Vol. II. Torino, 2011. P. 1309.

подданных¹⁵. Мнимое принятие греками унии позволило дожам удовлетворить их просьбы и в 1456 г. предоставить им первую церковь для публичных богослужений¹⁶. Далее, в 1485 г. состоялось решение об уже упомянутом даровании гражданства.

Затем греки, ободрившиеся могущественным покровительством республики, в 1498 г. обратились к правительству с просьбой разрешить им официально вернуться под юрисдикцию православного константинопольского патриарха, в чем им было отказано. Впрочем, правительство постаралось дать нечто взамен: Совет Десяти, венецианская «служба безопасности», выдал им разрешение на создание юридически оформленного братства — наделенной широкими правами ассоциации, землячества, какие были распространены в Европе в Средневековье и в Новое время.

Греки, получив поначалу от государства отказ в юрисдикционной независимости от местных духовных властей, поступили по-своему и отправили гонца в Рим, к папе Александру VI. Последний в ответ издал буллу, разрешающую им перейти в ведение латинского патриарха Константинопольского, что было большой удачей¹⁷. 28 июля 1498 г. Совет Десяти отреагировал на это с сожалением, обратившись к патриарху Джованни Миккелью (родом венецианцу) с просьбой довести до сведения Святейшего отца соображения Совета относительно нецелесообразности перевода греков в его юрисдикцию, тем самым наглядно продемонстрировав болезненное отношение к нахождению их подданных под любой другой духовной властью, кроме их собственной, местной.

Тем не менее следующий ход вновь делает братство и 4 октября 1511 г. подает Совету Десяти, продолжившему курировать «греческие дела», ходатайство о разрешении на строительство отдельной церкви из-за нехватки места в церкви Св. Власия в районе Каstellо, предоставленной грекам для богослужений. Этот храм община вынуждена была делить с католическим приходом. Свое обращение братчики подписали эмоционально: «Ваши воины и защитники Вашего славного государства», готовые «жить и умереть под сенью Ваших превосходительств»¹⁸. Члены Совета признали за эллинами право на отправление религиозного культа, не отказав в строительстве церкви, но и не дали ходатайству дальнейшего хода.

Однако греческая эмиграция в Венецию продолжилась: республика под ударами турок теряла территории на Балканах — власти вынуждены были находить компромисс между требованиями консервативных патриархов Венеции и нуждами новых подданных¹⁹. В этот раз на помощь грекам (и венецианским властям) вновь пришел Ватикан:

---

¹⁵ *Cecchetti B.* Op. cit. P. 463–464; *Pisani P.* I cristiani di rito orientale a Venezia e nei possedimenti veneziani (1439–1791) // *Ateneo Veneto*, anno 20. Vol. 1. Fasc. 3. Venezia, 1897. P. 365, 367.

¹⁶ *Μανούσακας Μ.* Η πρώτη άδεια (1456) της βενετικής γερουσίας για το ναό των Ελλήνων της Βενετίας και ο καρδινάλιος Ισίδωρος // *Θησαυρίσματα* 1. 1962. Σ. 109–118. Это разрешение не помешало Совету Десяти в 1479 г. отказать грекам в их просьбе о постройке собственной церкви. *Cecchetti B.* Op. cit. P. 459. Под угрозой крупного штрафа грекам было запрещено совершать богослужения где-либо, кроме предоставленной им церкви Св. Власия. Исключение было сделано для двух знатных гречанок — изгнанницы Анны Палеологини, дочери последнего великого дуки Луки Нотара, и Евдокии Кантакузины, жены кондотьера Матфея Спандуниса, в домах которых позволили совершать службы частным образом, каковое разрешение, впрочем, действовало всего в течение двух лет и затем было отозвано. См.: *Βελούδης Ι.* Op. cit. Σ. 14.

¹⁷ *Fedalto G.* *Ricerche storiche...* P. 124.

¹⁸ *Cecchetti B.* Op. cit. P. 461; Ср.: *Fedalto G.* *Ricerche storiche...* P. 43.

¹⁹ В те годы патриаршью кафедру занимал Антонио Контарини (1509–1524 гг.).

«Патриарх Венеции» — титул епископов Венеции с 1451 г. Исторически венецианский патриархат восходит к патриархатам Аквилеи (основан в 558 г.) и Градо.

Беженцы прибывали тремя большими волнами: 1453–1454 гг. — константинопольские греки, 1571–1573 гг. — киприоты, 1647–1666 гг. — критяне. Между критянами и выходцами с Ионических островов, с одной стороны, и уроженцами Румелии (материковой Греции) — с другой, внутри общины были сложные взаимоотношения.

папа Лев X 18 мая и 3 июня 1514 г. издает одну за другой две буллы, в которых позволяет эллинам построить «капеллу» во имя Св. Георгия и, что самое главное, утверждает свою прямую власть над нею²⁰.

Однако благоволение римских первосвященников было переменчивым. Если Лев X еще раз подтвердил в 1521 г. права греческих клириков в Италии и подчеркнул их независимость от католических епископов, то папы Климент VII в 1528 г. и Павел III в 1542 г. эти привилегии отозвали²¹.

Двадцатилетие Тридентского собора (1545–1563 гг.) знаменовало собой сворачивание диалога католической церкви не только с протестантизмом, но и с православием. С ее стороны не приходилось более ждать никаких иных голосов, кроме обличительных²². Булла Пия IV от 1564 г. вновь подчинила общину местным латинским властям, а двумя годами позже этот же понтифик запретил пребывание на территории Италии греческих епископов, принадлежавших юрисдикции константинопольского патриарха. Его преемник Григорий XIII с целью положить конец связям христиан восточного обряда с их церковным главой основал в 1573 г. «Конгрегацию по реформе греков Италии» (*Congregazione per la riforma di greci viventi in Italia*).

К счастью, эллины успели использовать благоприятные времена и в ходе борьбы за автономию в XVI столетии сумели-таки достроить храм, который был торжественно освящен в 1573 г., как раз в тот момент, когда была основана упомянутая конгрегация²³.

Если столетием ранее община получила поддержку из Рима «через голову» местных духовных и светских властей, то теперь ситуация складывалась иначе. Папство более не собиралось играть с греками в автономию, оставаясь на страже своих интересов через латинского патриарха. Зато внутри- и внешнеполитические обстоятельства делают государственную власть, оказавшуюся в затруднительном положении перед лицом османской угрозы, тактическим союзником православных²⁴.

Не только угроза со стороны ислама заставляла венецианцев искать союзников среди своих же подданных. Выше упоминалось о византийском «гене» Республики Св. Марка. Устройство здешней церкви было особым²⁵. Оно повторяло в некоторых чертах восточные образцы, в том числе в отношении традиции «симфонии церкви и государства», с тою лишь разницей, что глава католической церкви сам был сувереном, и республика, хотя всегда настаивала на особых правах государства в церковных вопросах, не могла диктовать ему свою волю, как это делали василевсы по отношению к константинопольским патриархам. Зато она могла попытаться создать нечто новое из того, что имела в своем распоряжении, чтобы обезопасить себя от излишнего влияния Рима. И здесь эллины неожиданно для себя оказались на особом положении.

Не случаен тот факт, что как только папа запретил любое, даже краткое, пребывание греческих епископов в Италии, в Венеции получил постоянную резиденцию

²⁰ *Pisani P.* Op. cit. P. 367–368.

²¹ Впрочем, последний в 1549 г. вновь их признал.

²² П. Сарпи писал: «Этот собор, мыслившийся и созывавшийся благочестивыми людьми, чтобы вновь соединить церковь, начинавшую разделяться, напротив, так утвердил раскол и озлобил стороны конфликта, что сделал противоречия непримиримыми» (*Sarpi P.* Op. cit. P. 7). Отец Паоло Сарпи – венецианский историк и естествоиспытатель-коперниканец, государственный деятель, профессор Падуанского университета. «Канонический богослов» или «юрисконсульт» республики по церковным вопросам, защитник самостоятельного курса государства в диалоге с Ватиканом.

²³ Об истории венецианской общины и особенно о строительстве храма во имя св. Георгия см.: *Βελούδης Ι.* Op. cit. Σ. 7–105.

²⁴ Всегда, как сказано выше, с поправкой на политическую конъюнктуру.

²⁵ См.: *Le origini della Chiesa di Venezia. Contributi alla storia della chiesa veneziana / A cura di F. Tonon.* Vol. 1. Venezia, 1987.

православный митрополит²⁶. Этому предшествовали репрессивные меры папских институций (Конгрегации по реформе греков, Конгрегации епископов и монашества и Сант-Уффицио), которые в основном касались трех областей: Южной Италии (славной своей древностью «Великой Греции»), Венеции и Венецианского Доминиода-Мар.

В результате Риму только на землях королевства Обеих Сицилий и удалось добиться существенных результатов в латинизации эллинов²⁷. На территориях Республики Св. Марка ситуация для Ватикана складывалась менее благоприятно. Контрреформация и ее карательные меры совпали с приходом к власти представителей так называемого «молодого» патрициата²⁸. Партия «молодых», идеология которой влияла на политику Венеции вплоть до Кандийской войны, характеризуется жестким отношением к притязаниям Рима в области церковной гегемонии и так называемым «юрисдикционализмом» — ревностным соблюдением государственного суверенитета во всех вопросах, в том числе церковных. Антиавстрийская, антииспанская и антипапская риторика этой партии сблизила ее в области внешней политики с Францией и со странами Реформы.

Власти постарались сделать все, чтобы, по выражению В. Фрайезе, «инкапсулировать» римские институции: Святую инквизицию опекал Совет над ересями (*Tre savi contro l'eresia*), папского нунция и греков — Совет Десяти и Совет «эксекуторов против богохульства» (*Esecutori contro la bestemmia*)²⁹. В дальнейшем Венеция предпримет еще ряд мер, чтобы ограничить влияние Ватикана. В этом контексте усиление роли православной церкви, вернее предоставление восточным христианам большей свободы, было одним из инструментов противодействия Римской курии, а вместе с тем и методом укрепления союза с балканскими народами, подданными как республики, так и Османской империи. Как уже было сказано, динамика и последствия Кипрской войны заставили аристократию пересмотреть свое отношение к православным подданным. Во-первых, поддержка эллинов на землях республики и на территории Порты в борьбе с последней была залогом успеха в войне, во-вторых, после потери Кипра новая волна греков-эмигрантов наводнила столицу республики, усилив «греческий фактор» в общественной жизни Венеции³⁰.

²⁶ Пизани полагает, что опасность распространения протестантских взглядов среди греков подтолкнула тогда Венецию и Рим к тому, чтобы допустить «схизматического» митрополита в лагуну: *Pisani P.* Op. cit. P. 369. Подробнее см.: *Peri V.* Chiesa Latina e Chiesa greca nell'Italia posttridentina (1564–1596) // *La Chiesa greca in Italia dell'VIII al XVI secolo: atti del Convegno storico interecclesiale*: (Bari, 30 apr.–4 magg. 1969). Padova, 1972–1973. P. 271–469; *Fedalto G.* La Comunità greca, la Chiesa di Venezia, la Chiesa di Roma // *I greci a Venezia: atti del convegno internazionale di studio*; Venezia, 5–7 novembre 1998 / A cura di M.F. Tiepolo, E. Tonetti. Venezia, 2002. P. 83–102.

²⁷ О политике окатоличивания греков и албанцев на землях Южной Италии см.: *Peri V.* Chiesa romana e rito greco. G. A. Santoro e la Congregazione dei Greci (1566–1596). Brescia, 1975.

²⁸ *Ippolito A.M.* Politica e carriere ecclesiastiche nel secolo XVII. I vescovi veneti fra Roma e Venezia. Napoli, 1993.

²⁹ *Frajese V.* Sarpi scettico. Stato e Chiesa a Venezia tra Cinque e Seicento. Il Mulino, Bologna, 2007. P. 330, 339; Ср.: *Pisani P.* Op. cit. P. 363.

³⁰ См. серию публикаций С. Биртахаса по этой теме: *Μπίρταχας Σ.* Μορφές πρόσληψης της Μεταρρύθμισης και μηχανισμοί πειθάρχησης στην Ιταλία στα μέσα του 16 ου αιώνα: Κύπριοι βενετοί υπήκοοι στη ρωμαϊκή Ιερά Εξέταση // *Κυπριακά Σπουδαί*. Τ. 73. 2009. Λευκωσία, 2011. Σ. 157–169; *Idem.* Ουμανισμός, Μεταρρύθμιση και Αντιμεταρρύθμιση στη βενετική Κύπρο: αφομοίωση, αντίσταση και νέες ταυτότητες // Δ' Ευρωπαϊκό Συνέδριο Νεοελληνικών Σπουδών. Γρανάδα, 9–12 Σεπτεμβρίου 2010. Πρακτικά. Ταυτότητες στον ελληνικό κόσμο (από το 1204 έως σήμερα). Τ. Γ'. Επιμέλεια Δημάδης Κ. Α. Αθήνα: Ευρωπαϊκή Εταιρεία Νεοελληνικών Σπουδών, 2011. Σ. 665–674; *Idem.* Διανόηση, αίρεση και καταστολή στο Βενετικό Κράτος. Από τα κέντρα στις περιφέρειες: η περίπτωση της Κρήτης // *Πεπραγμένα Ι' Διεθνούς Κρητολογικού Συνεδρίου [Φιλολογικός Σύλλογος Ο Χρυσόστομος]*. Χανιά, 1–8 Οκτωβρίου 2006. Τ. Β1 Χανιά, 2010. Σ. 221–236.

Впоследствии республика ревностно охраняла православных от нападок католических проповедников³¹, а когда в 1582 г. папа Григорий XIII попытался навязать новый календарь, правительство сообщило послу республики в Риме, что без соизволения константинопольского патриарха подобное нововведение не может быть принято ни в столице, ни тем более в заморских владениях³².

Важнейшим инструментом Рима, с помощью которого осуществлялся контроль за «чистотой» католической веры в европейских государствах, были инквизиционные трибуналы, существовавшие, конечно, и на территории Венецианской республики. Тем не менее власти явно стремились избегать судебных процессов против православных: в XVI в. в сравнении с 803 случаями, касавшимися перехода в протестантизм, и 43 — в иудаизм, известны лишь 5 дел, возбужденных против «греков-схизматиков»³³. В XVII в. насчитывается 15 случаев и ни одного в XVIII в.³⁴ Показательно, что ограничение власти инквизиции не связано, как можно подумать, с Реформацией — государственная комиссия «Трех над ересями» была создана еще в XIII в.³⁵

СТАТО-ДА-МАР: КРИТ И ИОНИЧЕСКИЕ ОСТРОВА³⁶

Границы республики в ее восточных владениях были подвижными, в разные эпохи она господствовала в разных областях Балкан и в бассейнах Адриатического, Ионического и Эгейского морей, владела Эвбеей, Критом и Кипром. Поэтому неизбежно отношение к Греческой Церкви местных венецианских властей, представленных генерал-проведиторами, капитан-генералами, ректорами или синдиками, т.е. начальниками конкретных городов и округов в заморских провинциях, зависело от обстоятельств, но всегда было подчинено «государственной целесообразности»³⁷.

Если в столице и в Далмации православные составляли меньшинство, то на островах Стато-да-Мар большая часть населения исповедала «греческую веру»³⁸. Как следствие, подход властей менялся в сторону большей терпимости.

³¹ Если священники с церковного амвона осмеливались выступать против Греческой церкви, они были обязаны в следующей проповеди опровергать свои обвинения в адрес греков: *Cecchetti B.* Op. cit. P. 88–89. Так, в 1596 г. в Венеции был обвинен доминиканец, сравнивший греков с лютеранами: *Chambers D., Pullan B., Fletcher J.* Venice: A Documentary History, 1450–1630. Toronto, 2001. P. 236–237. Подобный случай произошел и в 1644. См.: *Δολαπτόγλου Α.Α.* Η ελέμβαση της Βενετικής λογοκρισίας υπέρ των ορθοδόξων το 1644 // *Θεσσαυρίσματα*. Т. 43. 2013. Σ. 221–232; *Cecchetti B.* Op. cit. P. 469.

³² *Fedalto G.* Ricerche storiche... P. 137. Неподсудность греков Риму в церковных вопросах была сформулирована Сарпи в 1609 г. и с тех пор стала официальной позицией республики. См.: *Frajese V.* Op. cit. P. 366–367.

³³ *Δολαпτόγλου Α.Α.* Op. cit. Σ. 222–223.

³⁴ *Cecchetti B.* Op. cit. P. 3–7.

³⁵ Показателен случай некоего Филиппо де Прассиниса, греческого купца из Венеции, который в ноябре 1633 г. по собственной инициативе явился в трибунал инквизиции и открыто заявил о своей принадлежности к православию. Более того, он оспаривал самое право инквизиции входить в вопросы, связанные с православными, что указывает на знакомство с «Главами» Сарпи. Инквизиторы ничего не смогли с ним поделать, поскольку его декларация не укладывалась ни в одну из покаянных форм «spontanea comparitio» («явки с повинной»). Грек был отпущен без каких-либо последствий (*Minchella G.* Op. cit. P. 38–39, 107).

³⁶ В настоящей статье оставлены без внимания такие важные колонии, как Кипр и Пелопоннес. Первый был захвачен турками в 1571–1573 гг. и частично выпадает из интересующего нас периода. Пелопоннес, вновь завоеванный венецианцами в ходе Морейской войны, достоин отдельного исследования.

³⁷ *Ragion di Stato* — понятие, впервые описанное Макиавелли в «Государе», но сформулированное несколько позже Джованни Делла Каза в «Увещании», обращенном к Карлу V (1547 г.). Утверждает принцип преобладания общественного интереса над нормами морали и религии. Венецианцы придерживались этого правила во все эпохи. Они формулировали его по-другому: «Прежде всего мы венецианцы, а потом уж христиане».

³⁸ О положении православных на территории Западных Балкан см.: *Ivetic E.* Cattolici e ortodossi nell'Adriatico orientale veneto, 1699–1797 // *Geografie confessionali. Cattolici e ortodossi nel crepuscolo della Repubblica di Venezia (1718–1797)* / A cura di E. Ivetic, G. Gullino. Milano, 2009. P. 49–120.

В 1212 г. Крит в ходе раздела византийского наследства с титулом королевства вошел в систему владений Венецианской республики. Сразу же была упразднена митрополия, главой православных и латинян провозглашен католический архиепископ, а непосредственное управление осуществляли «протопапасы»³⁹. Эти священники получали жалование от республики, имели обязательство участвовать в католических и гражданских церемониях по случаю важных событий и должны были по замыслу властей нейтрализовать влияние константинопольского патриарха, который стремился не порывать связей со своей паствой, рассылая эмиссаров с различными поручениями⁴⁰. Те помимо сбора милостыни настраивали местное население против венецианцев, а также могли использоваться турками как соглядатаи. Критяне же охотно принимали пришельцев, снабженных документами за подписью константинопольского патриарха. Это вполне объяснимо, поскольку со стороны властей не было особой симпатии к восточной духовной традиции. Суждения государственных чиновников на местах в оценках «греческой веры» были уничижительны, их оценки священников колебались от «невежд» до «опасных смутьянов», а народ и духовенство платили им тем же⁴¹.

С утратой Кипра венецианцы стали более чувствительны в вопросах отношения к православным⁴². Например, очередная попытка латинского архиепископа Кандии в 1598 г. ввести нормы, предписанные Тридентским собором, натолкнулась на традиционное сопротивление местного клира⁴³. Тогда сенат, как и ранее дож Да Понте (1578 г.)⁴⁴, обратился к прелату с требованием прекратить действия, чреватые дальнейшей эскалацией, и открыто декларировал свою юрисдикцию в вопросе восточной веры: «Архиепископ Кандии должен воздержаться от визитации греческих церквей, пусть он не изменяет греческих обрядов и действует обычно, согласно установленным законам. Да не будет нововведений, от которых могут произойти несогласие и возмущение, как уже случалось в этом королевстве. Но пусть он обращается с этим народом с мягкостью, каковая требуется и по причине близости к нему, и по самой деликатности вопроса, касающегося религии, т.е. особенно чувствительного. Необходимо обращаться к душам людей, а того, что в их улучшении и исправлении невозможно достичь с помощью угроз или церковного прещения, следует постараться обрести во благовремени молитвами, примерной жизнью и делами благочестия.

---

³⁹ «Протопресвитер», здесь — пост, аналогичный современным благочинным в Русской православной церкви.

⁴⁰ ASVe. Collegio. Relazioni. Filza 80. См. также: *Manoussacas M.* L'isola di Creta sotto il dominio veneziano. Problemi e ricerche // *Venezia e il Levante fino al secolo XV* / A cura di A. Pertusi. Firenze, 1973. P. 490; *Tomadakis N.* La politica religiosa di Venezia a Creta verso i cretesi ortodossi dal XIII al XV secolo // *Ibid.* P. 783–800. Похожая ситуация была и на Корфу, где так же, как и на Крите, епископская кафедра была упразднена в XIII в. Православным была предоставлена возможность сформировать «конгрегацию», в которую входили священники и миряне из знатных семей острова. Они избирали «протопапаса», называвшегося «великим», чтобы отличаться от прочих протоиереев. Такая же структура церковного управления была введена на Крите и Эвбее.

⁴¹ *Minchella G.* Op. cit. P. 260; ASVe. Collegio. Relazioni. Filza 74.

⁴² *Skoufari E.* La Chiesa ortodossa nelle Isole Ionie. Un bilancio sulla storiografia greca // *Geografie confessionali. Cattolici e ortodossi nel crepuscolo della Repubblica di Venezia (1718–1797)* / A cura di G. Gullino, E. Ivetic. Milano, 2009. P. 174.

⁴³ Нормы касались в первую очередь вопросов брака, в частности необратимости помолвочного обета, а также существенно расширялась компетенция венецианского нунция в судебных вопросах, что означало прямую юрисдикцию Рима над подданными Серениссимы. В этом случае как венецианцы, так и греки были заинтересованы в том, чтобы эти нормы не применялись.

⁴⁴ См.: *Fedalto G.* Ricerche storiche... P. 94. Архиепископ Лоренцо Вентури пытался обязать кандидатов в священство произносить латинское исповедание веры.

Таковые методы суть единственные возможные пути достижения желаемого»⁴⁵. Отсюда видно, что латинские епископы, поставленные венецианцами на островах, имели высокую степень ответственности перед властью и в отношении православных должны были исполнять задачи в первую очередь гражданского порядка⁴⁶.

Естественно, на острове стоял вопрос о священнических хиротониях. Согласно постановлению властей, кандидат в священство должен был обратиться к епископам Модона (Мефони, венецианская крепость на Пелопоннесе) или Кефалонии, подданным республики⁴⁷. Кафедра Кефалонии, Закинфа и Итаки была образована в 1452 г. по распоряжению последнего правителя Эпира и Ионических островов Леонардо III Токко и, таким образом, имела свою историю и признание уже в латинский период⁴⁸. Высокий «спрос» на поставление в священные степени объяснялся еще и тем, что духовенство освобождалось от военной и галерной службы, поэтому уклонисты активно пользовались этой возможностью⁴⁹.

Вообще проблема юрисдикции была весьма острой для православной паствы на территориях, принадлежавших Венецианской республике, ведь последняя не желала, чтобы ее подданные находились под управлением иностранного патриарха, зависимого от заведомо враждебной державы.

Кроме епископа (с 1628 г. — архиепископа) Кефалонии и Закинфа на архипелаге имелись еще две кафедры — архиепископство Левкады и епископство Кифиры. Чтобы обезопасить себя от вредного, по их мнению, влияния константинопольского патриарха, венецианцы установили порядок выборов архиереев, запретив их назначение из Стамбула⁵⁰.

Сохранилось множество донесений о прискорбно низком моральном и образовательном уровне местного духовенства⁵¹. Это легко объяснимо: венецианские «ректоры» исходили из принципа «чем хуже, тем лучше», надеясь, что народ без надлежащего пастырского окормления скорее примет латинство. Но с течением времени стало ясно, что такая позиция себя не оправдала⁵². И если на Крите и в Далмации власти не позволяли находиться православному епископу, они должны были позаботиться хотя бы о правильном иерархическом устройстве подчиненных им областей. С первых лет основания филладельфийской кафедры власти делегировали митрополитам управление

⁴⁵ Ibid. P. 91, 111.

⁴⁶ В частности, в вопросах брака критский архиепископ выступал как подданный Венеции, а не Рима, и судил согласно гражданским законам, укоренившимся в тех местах со времен Византии. См.: *Frajese V.* Op. cit. P. 440.

⁴⁷ Так же, как и кандидаты с Корфу и Эвбеи. См. краткий обзор истории православной иерархии Ионических островов у Дж. Федальто: *Fedalto G.* Chiesa e religiosità ortodossa nelle Isole Ionie: Eugenio Vulgaris e Angelo Maria Querini // *Geografie confessionali. Cattolici e ortodossi nel crepuscolo della Repubblica di Venezia (1718–1797)* / A cura di G. Gullino, E. Ivetic. Milano, 2009. P. 148–151. Еще в 1471 г. Совет Десяти издал постановление, что на Крите могут осуществлять служение только священники, рукоположенные епископами — подданными республики. См.: *Cecchetti B.* Op. cit. P. 458. N. 3.

⁴⁸ На деле кандидаты в священство обращались к тем епископам, которые жили на территории Османской империи, а часто греческие архиереи сами нелегально прибывали «на заработки» и посвящали множество разного чина священно- и церковнослужителей. После 1630 г. часто ездили на поставление на более близкую Кифиру, где согласно распоряжению сената была учреждена кафедра.

⁴⁹ Т.е. процветала симония — торговля церковными должностями. То же явление наблюдалось и на Ионических островах.

⁵⁰ По закону епископы должны были происходить из местных общин. См.: *Skoufari E.* Op. cit. P. 171–172.

⁵¹ ASVe. Collegio. Relazioni. Filza 79.

⁵² Более того, имеются многочисленные свидетельства о переходе венецианцев-колонистов в православие, особенно вдали от столицы (*Minchella G.* Op. cit. P. 279–281).

церквями Далмации⁵³. Относительно же распространения юрисдикции столичной кафедры на Ионические острова и Крит существуют разные мнения⁵⁴.

Что касается Эптаниса, то митрополит Гавриил вместе с представителями общины ходатайствовал за жителей Чериго-Кифиры, не желавших мириться с латинским епископом в качестве своего духовного главы, и в 1611 г. Колледж при доже постановил разрешить пребывание на Кифире греческого епископа, в добавление к епископу Кефалонии и Дзанта (Закинфа)⁵⁵.

В самом деле, ситуация на архипелаге была для католической церкви еще более сложной, чем на Крите. Здесь прелатам и миссионерам приходилось иметь дело с двумя православными епископскими кафедрами и мощной народной оппозицией латинству. В отличие от более изолированного Крита рядом находилась граница Османской империи, и антизападные настроения подогревались близостью единоверцев, не испытывавших в веротерпимой Порте особых притеснений по религиозному признаку⁵⁶.

Венецианские власти были обязаны учитывать данные обстоятельства при построении своей вероисповедной политики в этой области. Например, Антонио Веньер, проведитор Закинфа в 1583–1584 гг. настоятельно советовал католическому епископу острова не употреблять в богослужбном круге новый календарь, незадолго перед тем введенный папой Григорием XIII. В ответ на непреклонность прелата Веньер снял с себя ответственность за протесты и выражение публичного презрения к римскому понтифику и западной церкви со стороны народа, которое не замедлило выразиться самым бурным образом⁵⁷. Выше упоминался случай проявления активного неповиновения жителей Кифиры в вопросе о наборе на военную службу и эффективное вмешательство православного архиерея.

---

⁵³ Первый митрополит филладельфийский Гавриил Севир скончался как раз во время архипастырского визита в те края. См.: *Ivetic E.* Op. cit. P. 106.

⁵⁴ Митрополит Гавриил пытался по согласованию с патриархом Иеремией II первоначально получить резиденцию именно на Крите, но был выдворен оттуда властями. См.: *Birtachas S.* Un secondo vescovo a Venezia: il metropolita di Filadelfia (secoli XVI–XVIII) // *I Greci a Venezia. Atti del Convegno internazionale di studio / A cura di M.F. Tiepolo.* Venezia, Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti. 2002. P. 105–106. Далее, С. Биртахас считает, что кроме Далмации и Истрии в ведении филладельфийского митрополита находились также Ионические острова. Речь идет о разрешении митрополиту Афанасию Валерианосу (патриаршие хрисовулы 1644 и 1651 гг.) посвящать епископа Кефалонии и Закинфа в случае, если он не был направлен туда константинопольским патриархом по объективным причинам (*Ibid.* P. 110–111, 120). Дж. Минкелла полагает, что вообще все заморские владения Серениссы с XVII в. были подчинены митрополиту филладельфийскому с кафедрой в Венеции (*Minchella G.* Op. cit. P. 265). Однако этот вопрос остается, на наш взгляд, дискуссионным. Неизвестно ни одного случая, когда митрополит простирает свою власть куда-либо за пределы Венеции, за исключением Далмации, хотя впоследствии митрополит-униат Мелетий Типальд и настаивал на своей юрисдикции над Ионическими островами.

⁵⁵ *Frajese V.* Op. cit. P. 368. «Колледж Мудрецов», «Превосходительный Колледж», «Колледж» — одна из древнейших институций государственной власти республики. Основан с целью ограничения власти дожа. Первоначально состоял из шести членов, по числу районов островной Венеции, символизируя представителей народа, который в древние времена на ассамблее-вече («*Concio*») избирал дожа.

⁵⁶ Конечно, суждения о положении православных при турках, с одной стороны, и латинянах — с другой, были и будут самыми разными. Ср., например, противоположные мнения: *Skoufari E.* Op. cit. P. 168–169; *Fedalto G.* Chiesa e religiosity ortodossa. P. 153. Здесь я имею в виду, конечно, не имевший место произвол высших сановников Османской империи или чиновников на местах в отношении иерархии и духовенства, а юридический статус православной церкви и ее главы, который во владениях Порты существенно отличался в лучшую сторону от положения православной церкви в западных пределах.

⁵⁷ О соблюдении юлианского календаря католиками на Ионических островах говорит Мелетий Типальд в 1699 г. См.: *Ястребов А.О.* Новые сведения о деятельности митрополита Мелетия Типальда на рубеже XVII–XVIII веков // «Восстанет цесарь в опустевшей земле». К 70-летию профессора Н.С. Борисова. СПб., 2020. С. 304.

Процент смешанных браков, как и в случае с Критом, был весьма высок, и число венетянцев, живших *alla greca*, — значительно. Согласно донесениям венецианского байюла⁵⁸, на Корфу «католическая религия была близка к исчезновению»⁵⁹.

Особо отметим, что смешанные браки были официально разрешены на Эптаниса дожем и сенатом, причем спровоцировано это решение было опять-таки негибким, вернее, прямо грубым поведением католического епископа Корфу, который попытался расторгнуть брак между греком и итальянкой, заключенный за полгода до этого: женщину по его приказу выкрали и пытались вывезти с острова. Ответом властей было пространное постановление, в котором разрешалось заключать смешанные браки, причем дети от этих союзов принимали веру отца, т.е. в случае с упомянутой супружеской четой — православие⁶⁰.

Подводя итог рассмотрению государственно-конфессионального диалога Республики Св. Марка с подданными «греческой веры», сделаем некоторые замечания относительно реализации ее политики в данной области, а также упомянем об ее результатах и последствиях.

В первую очередь необходимо обратить внимание на столичное землячество, создавшее уникальный прецедент — зарождение и развитие православной общины в сердце католической Европы было бы невозможно без благопритествовавшей этому конфессиональной политики государства, покоившейся на основах византийской традиции. Вместе с тем собственный, венецианский принцип главенства *Ragion di Stato*, которым неизменно руководствовались власти столицы, также сыграл свою благотворную роль в процессе утверждения греческого меньшинства в «городе мостов и каналов». Широкое самоуправление и независимый правовой статус обезопасили общину перед лицом миссионерских поползновений папства⁶¹.

На заморских территориях власти применяли другую тактику. Православные здесь составляли большинство, они могли представлять собой опасность или стать могущественным союзником. Феодалный гнет и презрительное отношение латинян сыграли свою отрицательную роль, а чувствительный урон, наносимый Османской империей, заставил власти корректировать свои подходы⁶².

---

⁵⁸ Впервые должность *Bajulus* упоминается в 1265 г. при византийском императоре Иоанне VIII Палеологе в договоре, согласно которому оговаривались права венецианской общины в Константинополе. Впоследствии байюлами назначали и послов, исполнявших единовременные поручения. Должности байюлов Константинополя и Корфу (где, конечно, пост был не посольским, а скорее представительским) просуществовали до падения Республики.

⁵⁹ *Minchella G.* Op. cit. P. 284.

⁶⁰ *Lunzi G.* Della condizione politica delle isole Jonie sotto il dominio Veneto preceduta da un compendio della storia delle isole stesse dalla divisione dell'impero Bizantino. Venezia, 1858. P. 367–368. См. также: *Cecchetti B.* Op. cit. P. 472. В том, что касается смешанных браков, участия православного духовенства в католических церемониях, принесения присяги гражданским властям, жители архипелага подвергались критике со стороны греков, живших на территории Порты. Так, в Афонском монастыре Ивирон был обнаружен манускрипт под названием «Заблуждения и провинности керкирейцев или корфиотов, из-за которых мы от них отвращаемся». См.: *Πηρόλης Κ.* Η Ανατολική Εκκλησία της βενετοκρατούμενης Επτανήσου: σε ανάξληψη μιας ανέφικτης “κανονικότητας” // Ζ' Πανότιο Συνέδριο. Λευκάδα, 26–30 Μαΐου 2002. Τ. Α/Β. Αθήνα, 2004. Σ. 481–512. Поэтому смешанные браки — «завоевание» греков архипелага — столь же яростно критиковались православными консерваторами, сколь и католическими.

⁶¹ Краткую историю греческой общины Венеции и ее борьбы за свои права см. подробнее: *Ястребов А.О.* Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. М., 2018. С. 55–60.

⁶² Существует много свидетельств тяжелого положения крестьян незадолго до начала Кандийской войны. Массовое бегство греков в Османскую империю и готовность перейти на сторону противника были одним из факторов, которые побудили турок начать войну. См.: *Minchella G.* Op. cit. P. 161–163.

Крит, одно из первых завоеваний Серениссимы, и последовавшие за ним Кипр и Корфу не имели православного архиерея. Латинские епископы были начальниками и над греческим, и над католическим клирами, но не имели права вмешиваться в канонические вопросы «восточного обряда».

Обратим внимание, что венецианцы стремились сделать органы церковного управления максимально независимыми от Римского престола, с одной стороны, и от патриаршей кафедры — с другой. Епископы островов избирались местным населением согласно заведенному порядку, а протопресвитеры — своими «конгрегациями», составленными из клира и мирян. Этому примеру следовала и община столицы, которая не имела права (да и не хотела, чему есть документальные свидетельства⁶³) принимать патриарших кандидатов на пост митрополита филладельфийского, а избирала его из членов клира собора Св. Георгия или приглашала соискателя с «Семи островов»⁶⁴.

Таким образом реализовывался один из вариантов «Церкви Венеции», где греческие священники подчинялись латинским епископам, а те, в свою очередь, государственным властям, а не Риму⁶⁵. Венецианцы пытались создать структуру, полностью подчиненную государственной власти, причем, по их мнению, легитимную и укорененную в данной традиции на протяжении столетий⁶⁶.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, как взаимопроникновение культур вновь, как и в период покорения римлянами Греции, зачастую приводило завоевателей с Апеннин к принятию духовной и культурной традиции эллинов. Невероятно, но факт: в обстановке формального государственного покровительства католицизму и в незавидном положении «холопской» церкви последняя стала прибежищем многих венецианцев-колонистов. Итальянцы перенимали греческие обычаи, роднились с местными, среди которых оставалось много представителей византийской аристократии, изучали их язык и обычаи⁶⁷. Обеднение представителей знатных венецианских родов приводило их к переходу в православие. Джироламо Тревизан, генерал-проведитор Кандии в своем донесении сенату от 1627 г., описывая это явление, приводит поговорку: «Когда кто-то обогащается, становится латинянином, когда беднеет — греком»⁶⁸.

Похожая ситуация складывалась и на Кифире, куда, как и на Крит, константинопольский патриарх ежегодно тайно направлял экзарха в сане епископа, тогда как католические миссии не могли похвастаться большим числом проповедников. Не хватало даже приходских священников. На этом фоне переходы в православие выглядели как естественный процесс. Характерно, что, по словам авторов прошения папе Урбану VIII в 1631 г., венецианские градоначальники, «ректоры», сами будучи латинянами, мало заботились о поддержке католической Церкви. Например, на Закинфе за все время правления венецианцев число ортодоксальных храмов превышало 600, тогда как католических было всего 12⁶⁹.

⁶³ См.: *Fedalto G. Ricerche storiche...* P. 102.

⁶⁴ *Skoufari E.* Op. cit. P. 173.

⁶⁵ Право назначения епископов сохранялось за венецианцами до 1509 г., когда после поражения при Аньяделло папа Юлий II потребовал лишить венецианцев этой привилегии. Однако впоследствии ситуация стала для венецианцев более благоприятной.

⁶⁶ См.: *Frajese V.* Op. cit. P. 442–443.

⁶⁷ Например, написанный в начале 40-х годов XVII в. венецианцем Винченцо Корнаро эпос «Эротокрит» стал настоящим шедевром новогреческой литературы. Корнаро был одним из авторов-участников критской Академии, писавших на местном диалекте греческого языка. См.: *Βακαλόπουλος Α.* Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. IV. Τουρκοκρατία 1669–1812. Η οικονομική άνοδος και ο φωτισμός του γένους. Θεσσαλονίκη, 1973. Σ. 154–155.

⁶⁸ *Minchella G.* Op. cit. P. 280. Тамашнее население претерпевало все нараставший экономический кризис, вызванный феодальным методом хозяйствования, и число обедневших итальянцев значительно превосходило число богатых.

⁶⁹ *Skoufari E.* Op. cit. P. 174.

По мере ослабления республики возрастает тенденция к сохранению сложившихся иерархических структур. Если Крит, Кипр и Эвбея, перешедшие под власть Венеции еще в крестоносный период, лишились своей иерархии, то на «новых территориях», в частности в Морее, власти не усложняли отношения с местным епископатом. Это говорит, конечно, отнюдь не о возросшей веротерпимости, а о постепенном изменении политики в сторону размежевания католиков и православных, сближения власти с Римской церковью и постепенном угасании идеи независимой «Венецианской Церкви».

Особняком стоит община Венеции, где епископская кафедра была основана по воле государственной власти с целью лучшего контроля над православным меньшинством столицы и Далмации. В результате эта институция, как мы видели, сумела отстоять свою независимость и до рубежа XVII–XVIII столетий служила маяком для всех христиан «греческой веры» Италии и славянского побережья Балкан.

Венецианское «Семиостровие» оказалось единственным регионом с эллинским населением, оставшимся вне турецкого владычества. Существует обширная историография, посвященная Латинской Греции, и в частности венецианским владениям в Средиземноморье и Адриатике⁷⁰. И большинство ученых отмечает положительный эффект многолетнего правления Республики Св. Марка. В юридической и административной областях власти развили в подданных ту важную привычку к главенству закона и соблюдению их прав, которая в самом скором времени поможет им самим управлять собственным, первым греческим независимым государством – Республикой Семи островов⁷¹, а чуть позже даст необходимые навыки при строительстве свободной Эллады. Не случайно первой столицей новой державы стал Навплий – *Napoli di Romania*, многовековая венецианская твердыня Пелопоннеса, а ее первым главой – выпускник Падуанского атenea корфий И. Каподистрия.

Привитый итальянцами вкус к самоуправлению дал жителям столицы и островитянам необходимые навыки административной ответственности и правовой защищенности не только в социальной, но и в церковной сфере. Выше было показано, как эффективно пользовались греки своими правами для защиты своего вероисповедания в столице и в заморских владениях.

Отдельно следует отметить культурный вклад венецианцев в развитие Доминиона. На фоне опустошенной материковой Греции с ее разрушенными античными и христианскими памятниками владения Серениссимы находились в сравнительно благополучном состоянии. Фортификация и градостроительство периода венецократии и сейчас формируют культурный облик Греции; высшее образование будущие кадры свободной Эллады получали преимущественно в Падуанском университете, а развитие гражданское и церковное делопроизводство оставило исследователям неисчерпаемый источник архивных данных о греческом населении столицы и Стато-да-Мар⁷².

Несмотря на упомянутые ограничения в отношении православной церкви, власти сыграли особую роль и в упорядочении религиозной жизни Венеции и островов. На рубеже XVII–XVIII вв. был издан ряд постановлений, касавшихся практических сторон быта духовных лиц, устройства монастырей и церковных землевладений. Предписывалось вести метрические книги, как это делалось с самого начала и в Венеции, составлялись описи имевшихся документов, для чего была проведена перепись церковей и клира. Например, на Корфу результатом описей дел «великих протопапасов» стало собрание из 25 тыс. рукописных документов, объединенных в 80 фондов⁷³. Имена и биографии духовных лиц и благодетелей, бытовавшие обряды, списки приходских советов, описи

⁷⁰ Подробную библиографию см.: *Skoufari E. Op. cit. P. 159–185.*

⁷¹ Существовала в 1800–1815 гг.

⁷² На фоне зачастую почти полного отсутствия исторических известий о положении церкви остальной части Греции.

⁷³ *Skoufari E. Op. cit. P. 179.*

имущества храмов, регистры даже уже не существовавших к тому времени церквей, размеры жалования клириков в разные эпохи — эти и другие сведения были сохранены для грядущих поколений.

Наконец, и что исключительно важно: постепенно взаимоотношения с католическими властями, особенно в XVII и XVIII столетиях, приобрели более позитивный и взаимно уважительный характер⁷⁴. Православные в большие праздники церковного года посещали с поздравлениями католических епископов, тогда как последние, в свою очередь, поздравляли греков со значимыми датами восточного литургического календаря. В различных латинских храмах, где хранились чтимые святыни, были устроены отдельные капеллы для адептов восточной Церкви. Есть известия о том, что на Корфу эллины наравне с итальянцами чтят святых Франциска Ассизского и Антония Падуанского, для чего массово приходили в католические церкви в дни их памяти⁷⁵.

Переработка западной культурной традиции, являющаяся характерной чертой народного стиля островов, послужила обогащению местной культуры: и поныне в православном соборе на Керкире можно слышать за богослужением не характерное для остальной Греции партесное пение и орган, инструмент, некогда заимствованный латинянами у Византии и затем вернувшийся и живущий в локальной религиозной традиции Эптаниса⁷⁶. На Крите в XVII в. (и впоследствии на островах архипелага) сложились традиции иконописного искусства, известного под именем итало-критской школы. Образцы икон этого стиля можно видеть в соборе Св. Георгия в Венеции и на островах бывших венецианских колоний.

Библиография/ References

Ястребов А.О. Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. М., 2018.

Ястребов А.О. Новые сведения о деятельности митрополита Мелетия Типальда на рубеже XVII–XVIII веков // «Восстанет цесарь в опустевшей земле». К 70-летию профессора Н.С. Борисова. СПб., 2020. С. 296–306.

Yastrebov A.O. Novye svedeniia o deiatel'nosti mitropolita Meletiiia Tupal'da na rubezhe XVII–XVIII vekov [New information on the activity of the Metropolitan Meletius Typald at the turn of the XVII–XVIII centuries] // “Vosstanet tsesar' v opustevshei zemle”. K 70-letiiu professora N.S. Borisova [Collection in Honor of 70th Anniversary of Professor N.S. Borisov]. Sankt-Peterburg, 2020. P. 296–306. (In Russ.)

Yastrebov A.O. Russko-venecijskie diplomaticheskie i cerkovnye svjazi v jepohu Petra Velikogo [Russian-venetian diplomatic and cultural relations in the Peter the Great age. Russia and the greek community of Venice]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Birtachas S. La memoria degli stradioti nella letteratura italiana del tardo Rinascimento // Tempo, spazio e memoria nella letteratura italiana. Omaggio ad Antonio Tabucchi / A cura di Z. Zografidou. Salonicco, 2012. P. 124–142.

Birtachas S. Un secondo vescovo a Venezia: il metropolita di Filadelfia (secoli XVI–XVIII) // I Greci a Venezia. Atti del Convegno internazionale di studio / A cura di M.F. Tiepolo. Venezia, 2002. P. 105–106.

Birtachas S. Verso lo stato moderno in Italia. Aspetti del giurisdizionalismo veneziano all'alba dell'età barocca: la sovranità sui sudditi greci nelle colonie d'oltremare // I greci durante la venetocrazia: uomini, spazio, idee (XIII – XVIII sec.). Atti del Convegno Internazionale di Studi. Venezia, 3–7 dicembre 2007 / A cura di Ch. Maltezou, A. Tzavara, D. Vlassi. Venezia, 2009. P. 83–97.

Cecchetti B. La Repubblica di Venezia e la corte di Roma. T. I. Venezia, 1874.

Chambers D., Pullan B., Fletcher J. Venice: A Documentary History, 1450–1630. Toronto, 2001.

Fedalto G. Chiesa e religiosità ortodossa nelle Isole Ionie: Eugenio Vulgaris e Angelo Maria Querini // Geografie confessionali. Cattolici e ortodossi nel crepuscolo della Repubblica di Venezia (1718–1797) / A cura di G. Gullino, E. Ivetic. Milano, 2009. P. 148–151.

⁷⁴ Об этом важная монография П. Григориу: *Γρηγορίου Π. Σχέσεις Καθολικών και Ορθόδοξων. Αθήνα*, 1958.

⁷⁵ Подобная практика также вызывала, как уже говорилось, упомянутое негодование афонских монахов.

⁷⁶ *Skoufari E.* Op. cit. P. 184.

Fedalto G. I veneziani tra Chiesa Greca e Chiesa Latina // Quarta crociata. Venezia, Bisanzio, Impero latino / A cura di G. Ortalli, G. Ravegnani, P. Schreiner. Venezia, 2006. P. 239–276.

Fedalto G. La Comunità greca, la Chiesa di Venezia, la Chiesa di Roma // I greci a Venezia: atti del convegno internazionale di studio. Venezia, 5–7 novembre 1998 / A cura di M.F. Tiepolo, E. Tonetti. Venezia, 2002. P. 83–102.

Fedalto G. Ricerche storiche sulla posizione giuridica ed ecclesiastica dei greci a Venezia nei secoli XV e XVI. Firenze, 1967.

Frajese V. Sarpi scettico. Stato e Chiesa a Venezia tra Cinque e Seicento. Bologna, 2007.

Ippolito A.M. Politica e carriere ecclesiastiche nel secolo XVII. I vescovi veneti fra Roma e Venezia. Napoli, 1993.

Ivetic E. Cattolici e ortodossi nell'Adriatico orientale veneto, 1699–1797 // Geografie confessionali. Cattolici e ortodossi nel crepuscolo della Repubblica di Venezia (1718–1797) / A cura di E. Ivetic, G. Gullino. Milano, 2009. P. 49–120.

Le origini della Chiesa di Venezia. Contributi alla storia della chiesa veneziana / A cura di F. Tonon. Vol. 1. Venezia, 1987.

Lunzi G. Della condizione politica delle isole Jonie sotto il dominio Veneto preceduta da un compendio della storia delle isole stesse dalla divisione dell'impero Bizantino. Venezia, 1858.

Manoussacas M. L'isola di Creta sotto il dominio veneziano. Problemi e ricerche // Venezia e il Levante fino al secolo XV / A cura di A. Pertusi. Firenze, 1973. P. 473–514.

Minchella G. Frontiere aperte. Musulmani, ebrei e cristiani nella Repubblica di Venezia (XVII secolo). Roma, 2014.

Omont H. Inventaire des manuscrits grecs et latins donnés à Saint Marc par le cardinal Bessarion // Revue des Bibliothèques. Vol. IV. 1894. P. 129–187.

Peri V. Chiesa Latina e Chiesa greca nell'Italia postridentina (1564–1596) // La Chiesa greca in Italia dell'VIII al XVI secolo: atti del Convegno storico interecclesiale: (Bari, 30 apr.–4 magg. 1969). Padova, 1972–73. P. 271–469.

Peri V. Chiesa romana e rito greco. G. A. Santoro e la Congregazione dei Greci (1566–1596). Brescia, 1975.

Pisani P. I cristiani di rito orientale a Venezia e nei possedimenti veneziani (1439–1791) // Ateneo Veneto. Anno 20. Vol. 1. Fasc. 3. Venezia, 1897. P. 362–384.

Sarpi P. Istoria del Concilio Tridentino, seguita dalla “Vita di Padre Paolo” di Fulgenzio Micanzio / A cura di C. Vivanti. Vol. I–III. Torino, 2011.

Skoufari E. La Chiesa ortodossa nelle Isole Ionie. Un bilancio sulla storiografia greca // Geografie confessionali. Cattolici e ortodossi nel crepuscolo della Repubblica di Venezia (1718–1797) / A cura di G. Gullino, E. Ivetic. Milano, 2009. P. 159–185.

Tomadakis N. La politica religiosa di Venezia a Creta verso i cretesi ortodossi dal XIII al XV secolo // Venezia e il Levante fino al secolo XV / Pertusi A. (a cura di). T. II. Firenze, 1973. P. 783–800.

Zorzi A. La Repubblica del Leone. Firenze, 2019.

Βακαλόπουλος Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. IV. Τουρκοκρατία 1669–1812. Η οικονομική άνοδος και ο φωτισμός του γένους. Θεσσαλονίκη, 1973.

Βελούδης Ι. Ελλήνων ορθοδόξων αποικία εν Βενετία. Βενετία, 1893.

Γρηγορίου Π. Σχέσεις Καθολικών και Ορθοδόξων. Αθήνα, 1958.

Δολαπτσόγλου Α.Α. Η επέμβαση της βενετικής λογοκρισίας υπέρ των ορθοδόξων το 1644 // Θησαυρίσματα. Τ. 43. 2013. Σ. 221–232.

Μανούσακας Μ. Η πρώτη άδεια (1456) της βενετικής γερουσίας για το ναό των Ελλήνων της Βενετίας και ο καρδινάλιος Ισίδωρος // Θησαυρίσματα. Τ. 1. 1962. Σ. 109–118.

Μπίρταχας Σ. Διάνοση, αίρεση και καταστολή στο Βενετικό Κράτος. Από τα κέντρα στις περιφέρειες: η περίπτωση της Κρήτης // Πεπραγμένα Ι΄ Διεθνούς Κρητολογικού Συνεδρίου [Φιλολογικός Σύλλογος Ο Χρυσόστομος]. Χανιά, 1–8 Οκτωβρίου 2006. Τ. Β 1. Χανιά, 2010. Σ. 221–236.

Μπίρταχας Σ. Μορφές πρόσληψης της Μεταρρύθμισης και μηχανισμοί πειθαρχησης στην Ιταλία στα μέσα του 16 ου αιώνα: Κύπριοι βενετοί υπήκοοι στη ρωμαϊκή Ιερά Εξέταση // Κυπριακά Σπουδαί. Τ. 73. 2009. Λευκωσία, 2011. Σ. 157–169.

Μπίρταχας Σ. Ουμανισμός, Μεταρρύθμιση και Αντιμεταρρύθμιση στη βενετική Κύπρο: αφομοίωση, αντίσταση και νέες ταυτότητες // Δ΄ Ευρωπαϊκό Συνέδριο Νεοελληνικών Σπουδών. Γρανάδα, 9–12 Σεπτεμβρίου 2010. Πρακτικά. Ταυτότητες στον ελληνικό κόσμο (από το 1204 έως σήμερα). Τ. Γ΄. Επιμ. Κ. Α. Δημάδης. Αθήνα, 2011. Σ. 665–674.

Πιτσάκης Κ. Η Ανατολική Εκκλησία της βενετοκρατούμενης Επτανήσου: σε αναζήτηση μιας ανέφικτης “κανονικότητας” // Ζ΄ Πανιώνιο Συνέδριο. Λευκάδα, 26– 30 Μαΐου 2002. Τ. Α/Β. Αθήνα, 2004. Σ. 481–512.

DOI: 10.31857/S013038640013377-2

© 2021 г. Р.А. КОНДРАШУК

ЧАРЫ КЛЕОПАТРЫ: ИДЕАЛ АНТИЧНОЙ КРАСОТЫ НА СТРАНИЦАХ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ РУБЕЖА XIX и XX веков

Кондрашук Руслан Андреевич – магистр исторических наук, аспирант Аспирантской школы по историческим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

E-mail: RuslanKondrashuk1992@gmail.com

Researcher ID: ABB-3319-2020

Аннотация. Рубеж XIX и XX вв. оказался временем значительных социально-экономических изменений в жизни американского общества. Одним из основных следствий этих процессов стало постепенное переосмысление положения женщины в обществе, что привело и к серьезному пересмотру стандартов красоты, активное участие в котором принимали теперь и сами женщины. В это же самое время рынок крупных городов активно насыщался предложением всевозможных товаров и услуг, обещавших обретение внешней привлекательности. Важной платформой, предоставившей место как для дискуссий, так и для маркетинга, стала активно развивающаяся массовая печать, пришедшая на смену прежней партийной прессе. Жившие за счет доходов с рекламы, массовые издания начали активно обращаться к женской аудитории. Авторы полемических статей и рекламных объявлений использовали множество различных доводов, чтобы повлиять на своих читательниц. В числе прочего журналисты обращались и к наследию античности. Знания о классической древности, обращение к которым было принято в старых изданиях, по-прежнему сохраняли свой высокий статус. На основании материалов американской массовой печати рубежа XIX и XX вв. в статье демонстрируется, как образы античного прошлого, особенно женщин греко-римского мира (Аспасии, Клеопатры), использовались для продвижения практик ухода за собой, а также в рекламе определенных товаров и услуг. Это позволяет понять, к каким риторическим стратегиям прибегали сторонники и противники различных черт образа жизни «новой женщины», и какое место в их аргументации играло обращение к примерам из прошлого.

Ключевые слова: история США, гендерная история, индустрия красоты, массовая печать, рецепция античности.

R.A. Kondrashuk

Cleopatra's Charms: The Ancient Beau Ideal in American Press at the Turn of the 19th and 20th centuries

Ruslan Kondrashuk, Higher School of Economics (Moscow, Russia).

E-mail: RuslanKondrashuk1992@gmail.com

Researcher ID: ABB-3319-2020

Abstract. The turn of the 19th and 20th centuries became an era of crucial socio-economic changes for the United States. One of the main consequences of these processes was a gradual rethinking of the position of women in society, which led to a serious revision of beauty standards, in which women themselves now took an active part. At the same time, the markets of large cities was actively saturated with

the offer of all kinds of goods and services that promised to gain external attractiveness. An important platform that provided space for both discussion and marketing was the rapidly developing mass media, which replaced the former party press. Living at the expense of revenues from advertising, the mass periodicals began to actively appeal to their female audience. The authors of polemic articles and advertisements used different arguments to convince the new readership. Quite often, the journalists turned to the legacy of Antiquity, which still preserved its high status. Based on the materials of mass periodicals of large American cities at the turn of the 19th and 20th centuries, this article shows how journalists used ancient history to promote self-care practices and advertise certain goods and services. It helps to appreciate rhetorical strategies employed by supporters and opponents of various features of the new woman's lifestyle and the place historical analogies occupied in their argumentation.

Keywords: American history, gender history, beauty industry, mass media, reception of classical antiquity.

Представления о женской красоте и ее идеал постоянно менялись на протяжении всей человеческой истории, однако стремление добиться привлекательности никогда не ослабевало. Долгое время секреты женских чар передавались из уст в уста и ограничивались узким кругом семей и небольших социальных групп. Масштабные социально-экономические изменения в американском обществе конца XIX в. повлекли за собой не просто пересмотр представлений о красоте, но и образование огромного рынка товаров и услуг для ее достижения. Одновременно происходило переосмысление положения самой женщины в обществе. Процесс эмансипации привел не только к освобождению от множества традиционных правил и установок, но и к необходимости создания новых. Обретая все больше самостоятельности, женщины уже не хотели слепо следовать принятым стандартам красоты и стали претендовать на то, чтобы быть равноправными участниками процесса их конструирования¹. Таким образом, началась «демократизация красоты»², которая вписалась в общую тенденцию приобщения как можно большего числа граждан к тем возможностям, которые раньше были доступны единицам³.

Среди тех ценностей, что открылись для большинства американцев, оказались и знания об античности. Долгое время они оставались маркером белого мужчины из высших слоев общества. Даже девушек из почтенных фамилий ограничивали в стремлении овладеть древнегреческим и латынью⁴. К концу XIX в. они все-таки добились права изучать классические дисциплины наравне с мужчинами. В это время распространяется убеждение о том, что новая женщина должна быть образованной⁵. Конечно, далеко не все шли учиться в колледж, но для получения общих знаний этого и не требовалось. Дамы из обеспеченных семей собирались в литературные кружки, на которых помогали друг другу просвещаться⁶, приобщаясь среди прочего к наследию Древней Греции и Рима⁷. Цель таких клубов состояла не только в приятном времяпрепровождении; обращаясь к прошлому, женщины хотели лучше разбираться в настоящем. Примеры из истории

¹ *Blanchard M.W.* Boundaries and the Victorian Body: Aesthetic Fashion in Gilded Age America // *The American Historical Review*. Vol. 100. № 1. 1995. P. 22.

² *Schweitzer M.* "The Mad Search for Beauty": Actresses' Testimonials, the Cosmetics Industry, and the "Democratization of Beauty" // *The Journal of the Gilded Age and Progressive Era*. Vol. 4. № 3. 2005. P. 255–292.

³ *Boorstin D.* *The Americans: The Democratic Experience*. New York, 1974. Passim.

⁴ *Fowler R.* "On Not Knowing Greek": The Classics and the Woman of Letters // *Classical Journal*. Vol. 78. № 4. 1983. P. 337–340; *Winterer C.* *Victorian Antigone: Classicism and Women's Education in America, 1840–1900* // *American Quarterly*. Vol. 53. № 1. 2001. P. 73.

⁵ *Spring J.* *Educating the Consumer-Citizen: A History of the Marriage of Schools, Advertising, and Media*. Mahwah, 2003. P. 28–40.

⁶ *Shannon L.E.* *Monuments to the "New Woman": Public Art and Female Image-Building in America, 1876–1940*. Iowa City, 2013. P. 8–10.

⁷ См., например: *The Chautauqua Circles* // *The Seattle Post-Intelligencer*. 11.XII.1893. P. 3; *Colorado Daily Chieftain*. 1.I.1901. P. 28; *County and Vicinity* // *Wyoming County Times*. 20.II.1902. P. 8.

становились образцом для сравнений и источником аргументации в их дискуссиях о важных проблемах современности.

Интерес к античности постепенно распространился среди менее зажиточных слоев населения и был усвоен американками из нарождавшегося среднего класса вместе с другими особенностями культуры более состоятельных женщин. Важнейшую роль в этом процессе сыграла массовая печать, задача которой состояла не просто в передаче информации, но в формировании городской культуры с ее непривычным ритмом жизни и новыми социальными нормами⁸. До конца XIX в. большинство газет были партийными и содержались за счет средств политических организаций, доход периодических изданий не очень зависел от тиражей, а содержание выпусков концентрировалось на обсуждении важнейших вопросов политической повестки дня. Однако в растущих городах для прессы появился новый источник финансирования — реклама. Основным читателем газет теперь оказался не избиратель, как это было ранее, а покупатель⁹. С этого времени периодические издания начали рассматривать женщин как свою потенциальную аудиторию и менять наполнение выпусков для их привлечения. Весомую часть печатных материалов составляли дискуссии на тему образа «новой женщины» и ее положения в меняющемся обществе. Обсуждение стандартов красоты и способов ее обретения стало не просто вопросом о внешности, но о том, какой должна быть женщина и на что она имеет право. Так или иначе, к этой теме обращались и в серьезных полемических статьях, и в рекламных объявлениях всевозможных средств достижения заветной привлекательности.

В заметках, посвященных этим вопросам, встречалось множество упоминаний об античности, что объясняется как интересом самих читателей, так и доступностью информации о Древней Греции и Риме, в первую очередь широко распространенных классических текстов и литературы об античности. Кроме того, в печати часто использовали отрывки из популярных лекций и речей общественных деятелей, которые нередко прибегали к ссылкам на примеры из истории. Особенно популярные статьи многократно перепечатывались газетами всей страны. Впрочем, не обходилось и без сомнительной информации, вроде заметки о том, будто римские женщины имели моду отпускать пышные бороды, с чем якобы боролся даже сам Цицерон¹⁰.

В историографии весьма популярно изучение восприятия античного наследия в массовой культуре, но к прессе исследователи рецепции античности обращаются лишь эпизодически. Между тем интерес представляют не только особенности обращения к опыту прошлого в эпоху формирования массового общества, но и то, как оно использовалось в дискуссиях по поводу складывавшихся черт новой эпохи. В том числе, по вопросу о положении женщины в обществе, которое начало серьезно меняться в конце XIX в., что выражалось как в борьбе за право голоса, так и в вопросе о том, каким должен стать уклад жизни «новой женщины». В предлагаемой статье рассматривается обращение к истории античности в дискуссиях о различных способах обретения привлекательности: использовании косметики, применении лекарственных средств, ношении корсета, а также занятии спортом.

Конец XIX в. стал временем активного развития индустрии косметических средств. Стоит отметить, что в то время американцы разделяли косметику на средства, воздействующие на кожу (cosmetics), например кремы и лосьоны, и средства для макияжа, только наносящиеся на нее (paints, enamels). Конечно, первое было предпочтительнее второго, ведь яркий макияж считался отличительным знаком девушек легкого поведения. Однако и против ухаживающей косметики существовало предубеждение, что это

⁸ *Schudson M. Discovering the News: A Social History of American Newspapers. New York, 1981. P. 102–106.*

⁹ *Baldasty G.J. The Commercialization of News in the Nineteenth Century. Madison, 1992. P. 129.*

¹⁰ *Bearded Belles of Ancient Rome // Freeland Tribune. 10.I.1898. P. 3; The New Roman Woman // Kansas City Journal. 23.I.1898. P. 3.*

способ создания искусственной красоты¹¹. Подобные представления, а иногда и просто неосведомленность женщин о новых возможностях городской жизни служили препятствием для развития индустрии красоты. Поэтому пресса не только сообщала о последних предложениях на рынке, но и боролась со старыми предрассудками. На страницах американской печати описывался широкий спектр средств и действий, к которым прибегали женщины античности ради достижения привлекательности: можно было встретить статьи о средствах для макияжа¹², способах ухода за волосами¹³ и заботе о своем теле¹⁴.

Впрочем, простого перечисления конкретных античных практик и сопоставления их с современными веяниями мало. Нужно было еще доказать, что древние гречанки и римлянки не просто обращались к определенным процедурам, но что именно они являлись источником их прославленной неотразимости. В этом случае требовались уже не общие, а конкретные и наглядные примеры. Например, в статье «Поразительные стили» («Startling Styles») красоту Аспасии и Клеопатры связывали с обильным макияжем¹⁵. В другой популярной заметке привлекательность женщин их времени тоже приписывали косметике, но понимали ее уже в широком смысле, вплоть до украшений одежды¹⁶. Успехи египетской царицы в обольщении римских полководцев также объясняли различными косметическими средствами, к которым прибегала Клеопатра¹⁷. Имя Клеопатры использовалось и для рекламы конкретных товаров: продавцы косметики обещали своим покупателям такой же цвет лица, как у египетской царицы¹⁸ (на страницах тех же газет утверждали, что он был очень светлый¹⁹). Ну и, конечно, многие косметические средства называли в ее честь²⁰. Одна компания создала целую линейку товаров с именем Клеопатры и обещала клиентам такой же уровень очарования²¹. В честь Аспасии, в свою очередь, назвали один из салонов красоты в Сан-Франциско²².

Если древние гречанки были практически эталоном красоты, то образ римлянок чаще ассоциировался с излишествами и пороком. Конечно, такие сравнения скорее делались относительно имперского периода истории Рима. Женщин эпохи Республики чаще рассматривали в качестве хранительниц домашнего очага. Впрочем, авторы газетных заметок не так часто утруждали себя уточнением, каких именно римлянок они имели в виду.

В случае с римскими матронами большое внимание уделялось не только макияжу, но также и тому размаху, с которым он делался: указывалось число рабов, которые ухаживали за хозяйкой, описывались функции каждого из них²³. Однако особое внимание

¹¹ Peiss K. Hope in a Jar: The Making of America's Beauty Culture. Philadelphia, 2011. P. 10–12, 26–29, 39–40.

¹² Ancient Beauty Recipes // The East Hampton Star. 19.I.1894. P. 6; Cosmetics Used at Thebes // Wheeling Daily Intelligencer. 10.III.1898. P. 6; The Quest of Beauty // Madera Mercury. 6.VI.1908. P. 2.

¹³ New Decorations in Flowers // The Sun. 7.IX.1890. P. 23; Hair Dressing Among the Ancients // Wyoming County Times. 24.XII.1891. P. 6; Hair Dyeing an Ancient Art // Roanoke Times. 4.IV.1894. P. 3.

¹⁴ How to Bathe // Penn Yan Express 20.VI.1883. P. 5; Anointing the Body // The Roslyn News 12.III.1887. P. 1; Soap Evolution of Economy // The Marion Enterprise. 22.X.1909. P. 1.

¹⁵ Startling Styles // Memphis Daily Appeal. 13.VIII.1882. P. 2.

¹⁶ About Cosmetics // Sullivan County Record. 6.VII.1894. P. 6.

¹⁷ Cleopatra's Beauty // The Saint Paul Globe. 16.VIII.1900. P. 9; Cleopatra Used Cosmetics // The Sun. 11.X.1900. P. 2.

¹⁸ The San Francisco Call. 22.II.1891. P. 8.

¹⁹ Cleopatra and Her Nose // Los Angeles Herald. 8.III.1883. P. 2; A Historical Widow // On the St. Lawrence and Clayton Independent. 3.VIII.1894. P. 6.

²⁰ Omaha Daily Bee. 1.V.1895. P. 26; New York Tribune. 8.XII.1901. P. 14; Cleopatra Toilet Articles // The Semi-Weekly Leader. 26.VI.1909. P. 4.

²¹ The Watertown Herald. 21.V.1898. P. 8; The Watertown Herald. 13.VIII.1898. P. 6.

²² The San Francisco Call. 5.XII.1890. P. 4.

²³ A Roman Lady // Richmond Dispatch. 15.X.1890. P. 6; Belles of Old Rome // Amador Ledger. 20.VI.1902. P. 1; Woman's Extravagance is not a Modern Acquirement // Washington Herald. 17.IV.1910. P. 6.

американские газеты уделяли не просто общим фактам из жизни средней римлянки, а самым вопиющим примерам вычурных трат известных женщин. Например, в прессе часто упоминали, что Пoppея Сабина, вторая жена Нерона, всегда путешествовала со стадом из 500 ослиц²⁴. Дело в том, что ослиное молоко считалось у римлян полезным для кожи: из него делали маски для лица, вымачивая в нем хлебный мякиш. Пoppея же принимала целые ванны из ослиного молока.

В общем, интерес к таким историям вполне соответствовал повышенному вниманию новой журналистики к сенсационным материалам и экстравагантным поступкам. Однако экскурсии в прошлое преследовали и другие цели. Сейчас покупка косметики и поход в салон красоты – обычное дело, но в то время это еще было диковинным занятием, требовавшим определенных расходов, которые могли отпугнуть некоторых дам. В газетах же подчеркивали, что на фоне излишеств римлянок эти траты просто меркнут и не кажутся столь существенными²⁵.

Увеличение интереса к косметическим средствам в конце XIX в. связано также с набиравшим популярность мнением, что идеальная девушка должна быть здоровой и физически крепкой. В рекламе самых разных препаратов и микстур писали, что красота невозможна без здоровья²⁶, в других и вовсе утверждали: «Красота и есть здоровье»²⁷. В таких заметках привлекательность представлена неразрывно связанной с внутренним состоянием женщины. Любопытно, что в одном колледже, наоборот, одевая девушек в греческие платья, стремились добиться здоровья подопечных через красоту²⁸. Хотя и в этой ситуации признавалась их неразрывная взаимосвязь, идеал которой был воплощен в древних гречанках и римлянках.

Авторы рекламных объявлений лекарственных средств использовали образ античных красавиц также для продвижения своих товаров. В основном это касалось специальных препаратов для женщин, например травяной настойки Лидии Пинкхэм. При освещении достоинств микстуры говорилось, что даже Венера Милосская не смогла бы остаться красивой, если бы ее организм был истощен женскими недугами²⁹. Кстати, саму миссис Пинкхэм еще задолго до публикации упомянутой рекламы в шутку прозвали Венерой медицинской (*Venus de medicine*), по аналогии с Венерой Медичи (*Venus de Medici*)³⁰. Вряд ли это прозвище ей дали за ее внешность, ибо желая подчеркнуть, что слава Клеопатры как великой красавицы на самом деле неоправданна, профиль ее скульптурного изображения сравнили с лицом миссис Пинкхэм³¹.

Впрочем, редкие выпады в адрес египетской царицы не наносили большого вреда ее репутации. Рекламщики средства для ухода за полостью рта «Созодонт» и вовсе сделали Клеопатру в буквальном смысле лицом своей фирмы. Сначала они просто придумали слоган: «"Созодонт" – чары Клеопатры»³². Возможно, такой фразы им показалось недостаточно, ведь читатели могли не понять, в чем именно заключались ее чары. Тогда было

²⁴ The Magnificence of Nero // *The Dansville Express*. 23.III.1882. P. 1; *The Extravagance of Roman Women* // *Jersey City News*. 14.III.1891. P. 2; *Olden Time Beauties* // *The Gilboa Monitor*. 30.VI.1910. P. 2.

²⁵ *The Extravagance of Roman Women* // *Jersey City News*. 14.III.1891. P. 2; *Woman's Extravagance is not a Modern Acquirement* // *Washington Herald*. 17.IV.1910. P. 6.

²⁶ См., например: *The Pokepsie Evening Enterprise*. 7.VI.1899. P. 7; *The Ogdensburg Journal*. 27.II.1900. P. 1; *A Woman's Great Idea* // *Cazenovia Republican*. 9.VI.1910. P. 3.

²⁷ См., например: *The Beauty of Health* // *The Daily Palladium*. 23.XII.1897. P. 4; *Catarrh Cured by P.P.P.* // *The Evening Gazette*. 16.III.1897. P. 2; *The Face and Complexion* // *Eastern State Journal*. 5.VI.1885. P. 6.

²⁸ *Way to Health through Beauty* // *New York Tribune*. 19.I.1900. P. 5.

²⁹ *Perfect Woman* // *The San Francisco Call*. 12.IV.1905. P. 7; *The Cohoes Republican*. 13.IV.1906. P. 6; *The Press Democrat*. 12.IV.1905. P. 7.

³⁰ *Gouverneur Free Press*. 20.VI.1883. P. 4.

³¹ *Portville Review*. 31.XII.1909. P. 4.

³² *Sacramento Daily Record-Union*. 18.XI.1880. P. 3.

составлено объявление, в котором отмечалось, что римские полководцы внимательно слушали Клеопатру, потому что она показывала им свои неотразимые зубы³³. Чуть позже маркетинг компании стал еще изобретательнее: они вспомнили знаменитую историю о том, как египетская царица выпила жемчужину, растворив ее в уксусе (правда, в изложении журналистов жемчужин стало несколько, а уксус чудесным образом превратился в вино). По мнению авторов объявления, место жемчужинам – во рту женщины, что станет вполне реальным, если использовать «Созодонт»³⁴.

К образам античной красоты прибегали также в рекламе медицинских услуг, например в объявлении доктора, предлагавшего помощь в борьбе с воспалением слизистой оболочки носа, которое приводит к отекам и сильному насморку. В рекламной заметке говорилось, что симптомы болезни отражаются на привлекательности женщины, становясь темным пятном на прекрасной картине. В объявлении отмечалось, что если бы Аспасия, Клеопатра или Семирамида страдали от таких же симптомов, то они не имели бы славы великих красавиц, а их самих сторонились и избегали³⁵. Подобные статьи строились по сходному шаблону: восхваление античной красоты, замечание по поводу ее связи с физическим здоровьем древних гречанок и советом заглянуть на консультацию к определенному врачу³⁶. Кроме того, авторы рекламных объявлений любили обращать внимание на то, что Купидон отворачивается от чахлах и болезненных женщин³⁷.

В конце XIX в. в Америке с новой силой разгорелись дискуссии о необходимости корсета. Многие врачи уже в середине столетия предупреждали о вреде, который он наносит женскому здоровью³⁸. К их позиции также присоединились писатели, публицисты и общественные деятели. Постепенно борьба с корсетами превратилась в движение реформы одежды (Dress Reform)³⁹. Помимо аргумента об ущербе здоровью, реформаторы обращали внимание на неудобство и эстетическую непривлекательность тугую шнуровку.

Выступая против корсета, реформаторы одежды должны были предложить достойную замену. Более удобной, безвредной для здоровья, а главное, красивой альтернативой стало греческое платье, свободный женский наряд, создатели вдохновлялись античными образцами. Среди его главных достоинств особенно выделяли простоту и естественность⁴⁰. Любопытно, что представление об искусственной красоте макияжа было препятствием для распространения косметики, но слабо влияло на популярность корсетов. Тем не менее их противники ссылались на то, что тугая шнуровка – это попытка изменить свое тело, данное Творцом. В одной статье истоки этого стремления находили в поздней Римской империи, а идею стягивать талию связывали с тягой к роскоши и излишествам и называли варварской⁴¹. Простота же греческого платья напрямую соотносилась со скромностью его носительниц⁴². В другой статье специально оговаривали,

³³ Cleopatra! // Sacramento Daily Record-Union. 20.XI.1880. P. 3; Cleopatra! // Sacramento Daily Record-Union. 26.IV.1884. P. 2.

³⁴ Cleopatra Drank Pearls // Sacramento Daily Record-Union. 15.X.1885. P. 2; Cleopatra Drank Pearls // Sacramento Daily Record-Union. 25.XI.1886. P. 2; The Indianapolis Journal. 4.VII.1889. P. 5.

³⁵ A Good Samaritan (A Blight on Beautiful Women) // Los Angeles Herald. 5.IV.1896. P. 2.

³⁶ The Statues of Venus // Evening World. 11.XI.1893. P. 2; The Statues of Venus // The Sun. 12.XI.1893. P. 19; Exercise and Grecian Beauty // Evening World. 13.II.1904. P. 4.

³⁷ См., например: The New Rochelle Pioneer. 8.IX.1894. P. 5; The Brockport Republic. 18.V.1899. P. 4; Chico Daily Record. 25.I.1900. P. 2.

³⁸ Verbrugge M.H. Able-Bodied Womanhood: Personal Health and Social Change in Nineteenth-Century Boston. New York, 1988. P. 17–18; *Mattingly C. Appropriate[ing] Dress: Women's Rhetorical Style in Nineteenth-Century America*. Carbondale, 2002. P. 39–40.

³⁹ *Mattingly C.* Op. cit. P. 14.

⁴⁰ Simplicity Adds to Woman's Beauty // Northern Tribune. 11.IV.1891. P. 3; Back to Nature and The Greek // The San Francisco Call. 5.XII.1909. P. 5; Greeks Had Perfect Figure // Los Angeles Herald. 26.XII.1909. P. 2.

⁴¹ Beauty Lies in Curves // The Record-Union. 15.XII.1892. P. 6.

⁴² Dress and Health // The Indianapolis Journal. 3.II.1895. P. 6.

что желание украсить драпировку золотой или серебристой бахромой может выглядеть фривольно, что совсем не согласуется с древнегреческим идеалом⁴³. Таким образом, и в этом случае проводилось противопоставление древних гречанок как примера для подражания и римлянок как образца безнравственного поведения.

Стоит отметить, что в то время существовала еще одна популярная альтернатива тугой шнуровке — блумер (костюм с шароварами). Однако здесь обращение к античности было не слишком уместным. То, что в Древней Греции и Риме не носили штанов, было хорошо известно, это упоминалось даже в рекламе магазина одежды⁴⁴. Собственно, в одной статье заметили, что ношение шаровар скорее подходит восточным народам — вавилонянам и индусам, но не наследникам античной цивилизации. Древние гречанки не ходили в штанах, предпочитая им хитоны. У каждой нации есть своя мода, штаны для женщин явно за пределами допустимой нормы для американок⁴⁵. Впрочем, и в этом случае нашли те, для кого был важен сам факт оправдания историей⁴⁶.

Долгое время в Америке был распространен идеал хилой и чахлой девушки, что во многом диктовалось представлением о женщинах как о слабом поле. Она требует защиты и покровительства, а значит, и выглядеть должна соответствующе⁴⁷. Тугая шнуровка способствовала такому физическому состоянию женщины. Кроме того, многие отмечали, что даже своим строением корсет напоминает ей о подчиненном положении, словно запирая женское тело в клетку⁴⁸. Один из авторов заметил, что в сравнении с античными статуями у американок не только узкая талия, но еще и миниатюрные ноги, что также говорит о слабости и болезненности современных дам⁴⁹.

Распространение идеала здорового женского тела привело к популяризации занятий спортом⁵⁰, однако даже такая полезная практика встречала сопротивление некоторых консерваторов, которые считали, что физические нагрузки лишь истощают женский организм⁵¹, а также делают девушек менее женственными⁵². Античная цивилизация с ее гораздо более внимательным отношением к телу помогала легитимировать культуру атлетических упражнений. Красота гречанок на этот раз связывалась с их физическим состоянием и постоянными тренировками⁵³. Аспасия и Клеопатра своей привлекательностью якобы также были обязаны внимательному отношению к собственному здоровью⁵⁴. По мнению одного журналиста, эти великие женщины не повлияли бы на историю, если бы не обладали притягательными формами⁵⁵. Обращались к опыту прошлого и за конкретными советами. В некоторых газетах публиковали подробные описания гимнастических занятий для женщин по античным методикам⁵⁶.

Вопрос о здоровье и атлетических упражнениях был связан как с дискуссиями о красоте, так и с более общими и важными дебатами о положении женщины в меняющемся

⁴³ Fads and Fashion for the Ladies // *Aspen Democrat-Times*. 2.IV.1910. P. 2.

⁴⁴ Unmentionables // *The Indianapolis Journal*. 1.III.1891. P. 8.

⁴⁵ Freaks of Fashion // *The San Francisco Call*. 15.II.1893. P. 4.

⁴⁶ What Shall the New Woman Wear, Skirts or Bloomers // *Los Angeles Herald*. 15.IX.1895. P. 14.

⁴⁷ *Verbrugge M.H.* Op. cit. P. 17–18.

⁴⁸ *Davies M.* Corsets and Conception: Fashion and Demographic Trends in the Nineteenth Century // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 24. № 4. 1982. P. 622; *Dasler Johnson W.* Cultural Rhetorics of Women's Corsets // *Rhetoric Review*. Vol. 20. № 3–4. 2001. P. 213.

⁴⁹ Small Feet // *The Sun*. 21.XI.1890. P. 3; *The Sun*. 13.II.1891. P. 3.

⁵⁰ *Verbrugge M.H.* Op. cit. P. 42–44; 98–99.

⁵¹ A Jeremiad on Athletic Girls // *The Sun*. 26.VIII.1900. P. 6; Athletics Not Beneficial to Women // *The Whitesville News*. 15.X.1903. P. 3.

⁵² A Jeremiad on Athletic Girls // *The Sun*. 26.VIII.1900. P. 6.

⁵³ Calisthonic Dancing // *The Pokeepsie Evening Enterprise*. 23.II.1905. P. 6.

⁵⁴ Health and Beauty // *Pacific Rural Press*. 19.V.1894. P. 388.

⁵⁵ Fashion Demands Beauty Shall Have Brawn // *The Brooklyn Daily Eagle*. 25.V.1902. P. 4.

⁵⁶ More Muscle Than Cry // *Los Angeles Herald*. 5.I.1896. P. 16; Newest System of Physical Training Based on Greek Methods // *The Brooklyn Daily Eagle*. 15.VI.1902. P. 40.

обществе. Идеал чахлой девушки был близок тем, кто видел ее слабой и беззащитной, не способной обойтись без мужского покровительства. Представление о физически крепкой женщине разделялось сторонниками эмансипации, которые считали, что она может быть независимой и не нуждается в опеке⁵⁷. В таком случае привлекательность становилась не самоцелью, а одной из характерных черт новой женщины, активной и самостоятельной. Образы Аспасии и Клеопатры часто оказывались не просто эталонами красоты, но и примерами самодостаточных героинь, оставивших заметный след в истории⁵⁸.

Многочисленные перемены, произошедшие в американском обществе на рубеже XIX и XX вв., привели не только к серьезному пересмотру эталона женской красоты, но и к рождению областей бизнеса, предлагавших способы ее достижения. Возникшая в то же время массовая печать стала важной площадкой для продвижения как общих взглядов, так и конкретных товаров и услуг. Среди аргументов, к которым прибегали в газетных статьях и рекламных объявлениях, большую роль играла история античности, которая по-прежнему сохраняла свой высокий статус в американском обществе.

Можно выделить четыре основных приема ее использования.

Во-первых, конструирование преемственности: ссылка на опыт прошлого позволяла показать, что мода на какой-либо товар или способ достижения привлекательности — не увлечение последнего времени, а давняя традиция. Античность в этих примерах оказалась престижнее прочих исторических эпох. Однако если в Древней Греции или Риме не находилось ничего подходящего, то многие авторы не пренебрегали опытом других стран.

Во-вторых, возвращение к естественности: среди некоторых американцев существовало убеждение, что античность олицетворяла золотой век гармонии с природой. Образ жизни эллинов виделся как лишенный ненужных наслоений и излишеств, считавшихся проблемой современного общества. Возвращение к идеалу прошлого должно было исцелить пороки настоящего.

В-третьих, это сравнение с эталоном: античность была связана с представлением о прекрасном, что выражалось в преклонении перед красотой древних гречанок в целом и отдельных женщин, таких как Аспасия и Клеопатра, в частности. Единой позиции по поводу их привлекательности не сложилось, а значит, каждый мог связать их красоту с определенными приемами или средствами.

В-четвертых, нормализация. Идеализируя эллинок, газеты предлагали следовать их примеру, и быть скромными, не предаваясь излишествам. В то же время образ жительниц Римской империи использовался для оправдания новых расходов, необходимых для ухода за собой. На фоне утопавших в роскоши римлянок траты даже богатых американок выглядели довольно скромно.

Библиография / References

- Baldasty G.J.* The Commercialization of News in the Nineteenth Century. Madison, 1992.
Blanchard M.W. Boundaries and the Victorian Body: Aesthetic Fashion in Gilded Age America // The American Historical Review. Vol. 100. № 1. 1995. P. 21–50.
Boorstin D. The Americans: The Democratic Experience. New York, 1974.
Dasler Johnson W. Cultural Rhetorics of Women's Corsets // Rhetoric Review. Vol. 20. № 3–4. 2001. P. 203–233.
Davies M. Corsets and Conception: Fashion and Demographic Trends in the Nineteenth Century // Comparative Studies in Society and History. Vol. 24. № 4. 1982. P. 611–641.
Fowler R. "On Not Knowing Greek": The Classics and the Woman of Letters // The Classical Journal. Vol. 78. № 4. 1983. P. 337–349

⁵⁷ *Morantz R.M.* Making Women Modern: Middle Class Women and Health Reform in 19th Century America // Journal of Social History. Vol. 10. № 4. 1977. P. 493–494.

⁵⁸ Facts about Great Women // Kansas City Journal. 2.I.1898. P. 13; Aspasia // New York Times. 1.VII.1900. P. 25.

Mattingly C. Appropriate [ing] Dress: Women's Rhetorical Style in Nineteenth-Century America. Carbondale, 2002.

Morantz R.M. Making Women Modern: Middle Class Women and Health Reform in 19th century America // Journal of Social History. Vol. 10. № 4. 1977. P. 490–507.

Peiss K. Hope in a Jar: The Making of America's Beauty Culture. Philadelphia, 2011.

Schudson M. Discovering the News: A Social History of American Newspapers. New York, 1981.

Schweitzer M. "The Mad Search for Beauty": Actresses' Testimonials, the Cosmetics Industry, and the "Democratization of Beauty" // The Journal of the Gilded Age and Progressive Era. Vol. 4. № 3. 2005. P. 255–292.

Shannon L.E. Monuments to the "New Woman": Public Art and Female Image-Building in America, 1876–1940: Academic Dissertation. Iowa City, 2013.

Spring J. Educating the Consumer-Citizen: A History of the IIIriage of Schools, Advertising, and Media. Mahwah, 2003.

Verbrugge M.H. Able-Bodied Womanhood: Personal Health and Social Change in Nineteenth-Century Boston. New York, 1988.

Winterer C. Victorian Antigone: Classicism and Women's Education in America, 1840–1900 // American Quarterly. Vol. 53. № 1. 2001. P. 70–93.

DOI: 10.31857/S013038640013378-3

© 2021 г. **В.В. СОГРИН**

ДВУХПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ. ОТ ДЖ. ВАШИНГТОНА ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, председатель Российской ассоциации историков-американистов; Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: vsogrin@yandex.ru

Researcher ID: ABI-7132-2020; ORCID: 0000-0002-5707-2879

Аннотация. В статье анализируются этапы развития американской двухпартийной системы начиная с президентства Дж. Вашингтона, основное же внимание уделяется двухпартийности в 1960–2010-е годы. В прежних работах автор сосредоточивался преимущественно на внутриполитических основаниях этого этапа, но в данной статье стремится, наряду с прочими факторами, раскрыть важную роль внешнеполитических причин в этом процессе. 1960-е годы стали десятилетием антиколониальных революций в Африке и успехов Советского Союза в распространении своего влияния в странах третьего мира. Америка ответила на вызовы СССР и третьего мира. В самих США произошел всплеск левого радикализма. Белая молодежь, все более вовлекавшаяся в новое левое движение и создававшая контркультуру, участники массового движения чернокожих стали требовать разрушения системы «внутреннего колониализма» и радикального обновления американского общества. Среди иммигрантов обладали выходцы из неевропейских стран, чьи ценности зачастую резко противостоят американским. Результатом этого стало зарождение мультикультурализма, который приобрел немало сторонников среди белых американцев. В отличие от республиканцев Демократическая партия пыталась нейтрализовать независимые политические действия с помощью реформ и предприняла попытки включения в свою социальную базу новых общественно-политических движений. В то время как республиканцы следовали защите верховенства белой расы и традиционных ценностей, демократы привержены идеям мультикультурализма. Немалую роль стали играть отношения с Китаем, чье возрастающее влияние всё больше тревожит многих американских политиков. Конфликт двух партий достиг пика в период президентства республиканца Д. Трампа.

Ключевые слова: этапы двухпартийной системы в США, культурные войны, мультикультурализм и трампизм.

V.V. Sogrin

Two-Party System in the History of the USA. From G. Washington to Modernities

Vladimir Sogrin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vsogrin@yandex.ru

Researcher ID: ABI-7132-2020; ORCID: 0000-0002-5707-2879

Abstract. The article analyzes the stages of development of the American two-party system since the presidency of George Washington, while the main focus is on bipartisanship in the 1960s-2010s. Previously, the author focused on the internal political foundations of this stage, but in this article, along with other factors, seeks to reveal the important role of foreign policy reasons in this process. The 1960s became a decade of anti-colonial revolutions in Africa and the USSR's success in spreading its influence in the Third World. America responded to the challenges of the USSR and the Third World. In the United States itself, there was a surge of left-wing radicalism. White youth, involved in the new left movement and creating a counterculture, and the mass movement of blacks demanded the destruction of internal colonialism and a radical renewal of the American society. Immigration was dominated by immigrants from non-European countries. Multiculturalism was born. Unlike the Republicans, the Democratic Party tried to neutralize independent political action through reforms and made attempts to incorporate new movements into its social base. Republicans followed the defense of white supremacy and traditional values, while Democrats were committed to multiculturalism. The conflict between the two parties reached its peak during the presidency of the Republican D. Trump.

Keywords: Stages of an American two-party system, cultural wars, multiculturalism and Trumpism.

Автор ранее обращался к истории двухпартийной системы США¹. И если я вновь взялся за эту тему, то объяснение в необычайной остроте, которую конфликт двух американских партий приобрел в последние годы. Он стал одной из главных тем американских и мировых СМИ, включая российские. С их анализом я во многом не согласен, а рассмотрение современного конфликта в контексте более чем двухвековой истории двухпартийной системы позволит, на мой взгляд, прийти к более взвешенным выводам относительно современного противоборства.

Первая регулярность в истории партийно-политической системы Соединенных Штатов состоит в том, что на всех этапах она выступала как двухпартийная система. Ее участники менялись, но их взаимоотношения неизменно выстраивались в двухпартийность, которая в подавляющем большинстве случаев не оставляла шансов на успех для третьих партий.

Большинство исследователей сходятся в том, что на протяжении американской истории существовало пять партийно-политических систем (первая в 1790–1810-е годы, вторая в 1820–1840-е годы, третья в 1850–1890-е годы, четвертая в 1890–1930-е годы, пятая – с 1930-х годов до наших дней). При этом третья, четвертая и пятая системы включали одних и тех же участников – Демократическую и Республиканскую партии. Но часть исследователей полагает, что со второй половины 1960-х годов в Соединенных Штатах произошла новая партийно-политическая перегруппировка. На первый план вышли социокультурные вопросы. Изменилась социальная опора партий. Автор статьи в прежних работах критически относился ко второй периодизации, склоняясь в пользу первой. Но сегодня я вижу аргументы в пользу выделения последнего периода в качестве новейшего этапа двухпартийности.

В американской литературе распространена концепция В. Ки и У. Бернхэма о *критических выборах*². Под ними понимают такие общенациональные выборы, которые происходят в периоды общественно-политических кризисов, влекут серьезные перемены в расстановке и соотношении основных политических сил. В качестве первых критических выборов выделяют президентские выборы 1800 г., которые выигравший их Т. Джефферсон приравнивал в свое время к политической революции и которые позволили оформиться первой двухпартийности. Практически единодушно признаются критическими выборы 1828 г., в результате которых сложилась новая двухпартийная система *демократы – виги*, произошли изменения

¹ См., например: *Согрин В.В.* Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 3–27; *Его же.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.

² *Key V.O. jr.* A Theory of Critical Elections // *Journal of Politics*. Vol. 17. 1955. P. 3–18; *Burnham W.D.* Critical Elections and the Mainsprings of American Politics. New York, 1970.

в политическом курсе правительства, обновился и поменял конфигурацию электорат. Также не возникает сомнений относительно критического характера выборов 1860 г., расколовших нацию надвое, утвердивших двухпартийную систему *республиканцы – демократы*. Дискуссии существуют относительно критического характера выборов 1896 г. Часть исследователей считает их критическими, но другие доказывают, что выборы 1896 г. не внесли принципиальных изменений в систему двухпартийности. Никто из исследователей не сомневается в критическом характере выборов 1932 г., которые резко изменили соотношение сил в двухпартийной системе в пользу Демократической партии, привязали к ней городские средние слои, рабочий класс, чернокожих американцев, привели к глубоким переменам в политическом курсе правительства. Исследователи, признающие самостоятельным современный этап, считают критическими выборы 1968 г.

Основу взаимоотношений внутри двухпартийной системы составляли два принципа – *консенсус и альтернативность*. Консенсус – это согласие между партиями в отношении федеральной Конституции и основ американского общественно-политического строя. Альтернативность, заключающаяся в выработке и предложении двумя партиями отличающихся способов достижения стабильности, создает между ними реальное соперничество, утверждает конкуренцию на политическом рынке, дает американцам возможность выбора политического «товара».

Начала двухпартийности зародились в США после их образования в конце XVIII в. Дж. Вашингтон, первый президент США (1789–1797 гг.) был против национальных партий (фракций, как он их называл). Но по иронии истории на два ключевых министерских поста он назначил ярых оппонентов и создателей первых партий А. Гамильтона и Т. Джефферсона. В качестве двух национальных партий выступили федералисты и джефферсоновские республиканцы³. Их соперничество отразило конфликт двух главных социально-экономических интересов нации – торгово-промышленного, оплотом которого были северо-восточные штаты, и аграрного, доминировавшего в южных и западных штатах. Это были буржуазно-собственнические интересы. Сколько-нибудь серьезной политической оппозиции им не возникло ни «справа», ни «слева». Антиколониальная революция конца XVIII в. нанесла сокрушительный удар по аристократическим элементам колониальной эры, которые теоретически могли составить оппозицию нарождавшейся двухпартийности «справа». Оппозиция «слева» также не имела для себя основательной почвы: в молодых Соединенных Штатах существовали широкие и реальные возможности вхождения представителей нижних слоев в собственнические слои, так что ментальность белого мужского населения, составившего тогда американский электорат, была буржуазной.

Первый случай нарушения консенсуса произошел в связи с англо-американской войной 1812–1815 гг. Англичане, мстя американцам за разрыв с метрополией в 1776 г., были виновниками «второй англо-американской войны», под каковым названием она вошла в историю. Но федералисты, тесно связанные торгово-экономическими интересами с Англией, тогда ведущей капиталистической державой, саботировали позицию джефферсоновских республиканцев, находившихся у власти. Избиратели «прокатили» их на выборах 1816 г., после чего федералисты сошли с исторической сцены, и в стране утвердилось однопартийное правление их оппонентов, названных национальными республиканцами.

Однопартийное правление продлилось около 10 лет. В отсутствие конкуренции национальные республиканцы коррумпировались, а новые исторические реалии вызвали их раскол и возникновение оппозиционной фракции джексонских демократов. Успех последних на выборах 1828 г. дал жизнь новой, второй двухпартийной системе. Она включала Демократическую партию и партию Виггов (так назвали себя бывшие национальные республиканцы, не согласные с Э. Джексоном и его сторонниками).

---

³ Полное название – Республиканско-демократическая партия, но в литературе закрепилось краткое – джефферсоновские республиканцы.

Это был конфликт между теми слоями белого населения, которые уже обросли определенными статусами, правами и привилегиями, и теми слоями, которые таковыми были обделены, но все более активно претендовали на них. Эти ущемленные социальные слои формировались и из пионеров-фермеров, осваивавших западные территории, и из начинающих предпринимателей и нарождавшегося рабочего класса, и из европейских иммигрантов, которые оказывались на нижних социальных ступенях в сравнении с урожденными белыми американцами. Их интересы и требования в совокупности и вызвали к жизни «джексоновскую демократию».

Эпоха «джексоновской демократии» ознаменовалась расширением электората за счет нижних белых слоев, облегчением им доступа к западным землям, антимонопольным экономическим законодательством и возрождением двухпартийности. М. Ван Бюрен, ближайший помощник Джексона, сменивший его на президентском посту, первым среди американских политиков увидел в однопартийном правлении национальных республиканцев, к которым до конца 1820-х годов принадлежал и сам, не благо, а зло. Однопартийное правление, доказывал Ван Бюрен, не способно утвердить национальное согласие, на практике его главное следствие состоит в другом — распространении коррупции и узурпации власти. Обоснованию преимуществ двухпартийной системы, конкуренции партий, создававшей, по его убеждению, возможность совершенствования общества и демократии, он посвятил специальную книгу⁴.

Но между Демократической партией и вигами при всех серьезных различиях сохранялся консенсус в отношении первооснов американской цивилизации. Наименьшими были расхождения в негритянском вопросе. На протяжении практически всего джексоновского периода партиям удавалось сохранять компромисс во взрывоопасном вопросе (Конгресс одобрил отказ от обсуждения темы рабства). Джексон проводил жесткую антииндейскую политику, а в сгоне индейских племен с их исконных территорий видел верное средство заселения западных земель белыми поселенцами, т.е. расширения демократии для белых.

Резкое обострение конфликта Севера и Юга на рубеже 1840–1850-х годов имело в своей основе земельный спор: два региона вступили в дискуссию по поводу распределения между ними огромных территорий, отнятых у Мексики в ходе войны 1846–1848 гг. Южане твердо настаивали на том, что рабовладельческие штаты имеют право на равный доступ к новым территориям, а северяне проявили решимость поставить предел территориальному распространению рабовладения. Южане отвергали уступки свободным штатам, а в последних стали набирать силу те, кто решительно противился уступкам рабовладельцам.

Белые американцы в свободных штатах были убеждены, что две расы несовместимы, идея их интеграции утопична, вредна и опасна. Огромную популярность в северных штатах приобрела идея о необходимости полного разделения белой и черной рас посредством возвращения всех негров в Африку или же их вывоза в Латинскую Америку. Правда, среди небольшой части белых американцев в 1830-х годах распространилась идея, что не только рабовладение, но в равной степени разделение и неравноправие двух рас несовместимы с основополагающими ценностями демократической цивилизации. Так оформилось аболиционистское (от слова abolish — отмена) движение, выдвинувшее две радикальные цели — повсеместная отмена рабства и обеспечение чернокожих равных с белыми гражданскими и политическими правами на территории самих США. Но к аболиционистам враждебно относилось большинство белых северян, а на Юге аболиционизм был приравнен к уголовному преступлению и запрещен.

С 1850-х годов все больше жителей северных штатов стало рассматривать рабовладельческий Юг как враждебную цивилизацию, в корне отличную от Севера. Можно говорить о том, что в 1850-е годы в северных штатах произошла идеологическая революция,

---

⁴ Современное издание: *Van Buren M. Inquiry Into the Origins and Course of Political Parties in the United States.* New York, 1967.

сравнимая по глубине с той, которая свершилась в североамериканских колониях в десятилетие перед Войной за независимость. Общественное мнение северных штатов 1850-х годов являло собою разительный контраст с ситуацией 1830–1840-х годов: тогда в отношении Юга не было не только вражды, но и сколько-нибудь массового негативного отношения.

В июле 1854 г. большая часть вигов и демократов из свободных штатов объявили о создании Республиканской партии, потребовавшей недопущения рабства на новых территориях. Существенный урон понесло северное крыло Демократической партии, ставшее одним из главных доноров республиканцев. Наиболее чувствительными оказались потери вигов. 1854 г. сокрушил вигов как национальную политическую силу. Двухпартийная система виги – демократы не смогла решить проблему рабства, и во второй раз после англо-американской войны 1812–1815 гг. двухпартийность распалась.

Зародилась новая двухпартийная система демократы – республиканцы⁵. Республиканцы с самого начала опирались на широкую белую либерально-демократическую коалицию. Они исходили из несовместимости ценностей либерализма и демократии, с одной стороны, и рабовладения – с другой. По этой причине партия именуется антирабовладельческой, но это определение применительно к республиканцам нуждается в осмыслении. Умеренные, лидером которых, как и Республиканской партии в целом, выступал А. Линкольн, вчерашний виг, ориентировались на длительную эволюционную отмену рабовладения посредством запрета его распространения на свободные земли. Умеренные, соглашаясь, что отмена рабства отвечает интересам чернокожих, исходили из того, что сама Республиканская партия осуждает и отвергает рабство, имея в виду интересы белой Америки. Республиканцы хотели с помощью раздачи простым гражданам свободных земель помочь им реализовать «американскую мечту». Доказывая невозможность бесконечного сосуществования свободы и рабства, они одновременно доказывали, что сколько-нибудь длительное совместное существование белой и черной рас исключено. Но рабовладельцы не сомневались в том, что целью Севера было разрушение рабовладельческой цивилизации, хотя такая цель Линкольном, победившим на выборах осенью 1860 г., не провозглашалась. 4 февраля 1861 г., за месяц до вступления Линкольна в президентскую должность, 11 южных штатов из 15 провозгласили образование собственного государства и обнародовали рабовладельческую конституцию. Южане во главе с Демократической партией начали войну.

Последовавшее в ходе Гражданской войны восприятие Линкольном и Республиканкой партией идеи отмены рабства определялось политической целесообразностью. После неудач северян летом – осенью 1862 г. они были готовы использовать против южан любые средства, в том числе вопреки своей программе и провозглашенной изначально цели и отмену рабовладения. Логика запущенной в жизнь социально-политической революции обусловила последний революционный акт Гражданской войны – полную отмену рабства в США. На завершающем этапе войны Линкольн и республиканцы отказались от идеи вывоза чернокожих в Африку и склонились к наделению их равными с белыми гражданскими и политическими правами.

Реконструкция 1865–1877 гг. – режим чрезвычайного управления, введенный Республиканской партией и Конгрессом в поверженных южных штатах, – сопровождалась принятием демократических мер в пользу чернокожих. В южных штатах были проведены конституционные конвенты, во время их избрания несколько сот тысяч взрослых южан были поражены в избирательных правах, зато правом голоса были наделены взрослые чернокожие мужчины. В результате число черных избирателей существенно превысило число белых. Новые конституции южных штатов своим демократизмом даже превзошли

---

⁵ Новую Республиканскую партию, действующую поныне, следует отличать от Республиканско-демократической партии Т. Джефферсона, как и от национальных республиканцев.

конституции северных штатов. В 1870 г. федеральная Конституция была дополнена 15-й поправкой, наделявшей чернокожих избирательным правом во всех США.

Вскоре после завершения «исправления» Юга в нем обозначились реставрационные тенденции. В южных штатах укреплялся откровенный расизм — апартеид, отнявший у чернокожих часть гражданских и политических прав при помощи введения имущественного и образовательного цензов на выборах, раздельного пользования транспортом, больницами, школами и т.д. Республиканская партия не обнаружила готовности сопротивляться этому, а в 1876—1877 гг. пошла на прямую сделку с Демократической партией, означавшей окончательное прекращение политики Реконструкции. Значение имело и то, что сохранение за неграми равных гражданских и политических прав не пользовалось поддержкой среди основной массы белого населения.

В последней трети XIX в. стремительно возрастали масштабы финансирования корпорациями обеих главных партий. Обе оказались тесно привязаны к финансово-промышленному капиталу. Сами партии превратились в подобие корпораций, озабоченных не только борьбой за власть, но и обогащением. В руководстве и организации практической деятельности обеих партий возобладали авторитарно-вождистские методы, известные как боссизм. В противовес им возникли протестные движения, включавшие фермерство, рабочих, интеллигенцию, женское движение, некоторые религиозные деноминации. Появились сильные третьи партии — Популистская и Социалистическая, составлявшие серьезную конкуренцию двухпартийной системе.

В начале XX в. эти движения переросли в национальное прогрессистское движение, сопровождавшееся демократическими реформами. Реформаторская часть американской политической элиты, в первую очередь Демократическая партия, но отчасти и республиканцы, сначала примкнула к прогрессистскому движению, а потом и возглавила его. Важную роль играло желание нейтрализовать третьи партии, и эта цель была достигнута, особенно в период президентства демократа В. Вильсона в 1913—1921 гг. США миновали опасные социальные рифы. Более того, в последний год пребывания у власти реформатора В. Вильсона состояния ведущих американских корпораций в среднем были в 2—3 раза выше, чем в год его прихода к власти. Социальный мир со средним и нижним классами оказался для большого бизнеса экономически выгоднее, нежели конфронтация и стремление к всевластию.

После Первой мировой войны на ведущее место в двухпартийности выдвинулась Республиканская партия, защищавшая социал-дарвинистскую модель развития американской цивилизации. Следующий этап двухпартийности был вызван мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг., начатым финансовым крахом США. Демократ Ф. Д. Рузвельт, победивший на *критических выборах 1932 г.*, подчинил свою партию либерально-демократическому курсу спасения американской цивилизации. Республиканец Г. Гувер, его соперник на выборах 1932 г., оценивая платформу оппонента, нареченную Новым курсом, увидел в ней угрозу американским первоосновам: «Данная кампания представляет нечто большее, нежели соперничество двух партий, это соперничество двух философий правления»⁶.

В начале реформаторской деятельности Рузвельт добился поддержки своих мероприятий даже части оппозиционной Республиканской партии, исходившей из того, что страна столкнулась с угрозой национальной катастрофы и Рузвельту нужно дать шанс на смелые эксперименты по спасению американской цивилизации. Но уже во второй половине 1933 г., а наиболее активно в 1934 и 1935 гг. зазвучали острая критика президента. На ведущей позиции среди оппонентов Рузвельта обосновались «левые» и «правые» радикалы, поставившие под угрозу создание Рузвельтом массовой социальной опоры. В оппозиции ему выступили и ортодоксы его партии, в первую очередь из южных расистских штатов.

⁶ Цит. по: *Freidel F. Franklin D. Roosevelt: A Rendezvous with Destiny*. Boston, 1990. P. 77.

В левом политическом спектре главным оппонентом выступала Социалистическая партия США. Н. Томас, лидер этой успешной третьей партии, считал, что экономический кризис 1929–1933 г. свидетельствовал о «перезрелости» капитализма, исторической возможности и обусловленности перехода к социализму, который должен был быть осуществлен посредством демократических выборов⁷. На президентских выборах 1932 г. Томас занял третье место, собрал 882 тыс. голосов (в три с лишним раза больше, чем в 1928 г.) и воспринял свой успех как доказательство осуществимости его социалистических устремлений. Но после того как Рузвельт в 1935 г. провел социальные реформы, совпадавшие с ближайшими требованиями Социалистической партии, влияние социалистов стало резко падать (на президентских выборах 1932 г. Томас занял третье место, собрал 882 тыс. голосов, в 1936 г. собрал 187, в 1940 – 99, в 1944 – 80 тыс. голосов). На закате лет Томас объяснил причину падения влияния партии лаконично: «Что же выбило почти полностью почву из-под наших ног? Причина может быть выражена в одном слове – Рузвельт. Больше можно ничего не добавлять»⁸.

Ведущей силой среди правых радикалов был луизианский политик Хью Лонг. Он потребовал обложить беспрецедентными налогами состояния и наследства миллионеров. Миллионеры сохранялись, но мультимиллионеры элиминировались⁹. В сентябре 1935 г. он был смертельно ранен. Дело Лонга продолжили его единомышленники, критиковавшие сверхбогатых, но также жестко отвергавшие коммунизм и социализм. В 1935 г. последователи Лонга образовали Национальную юнионистскую партию. Однако к этому времени Рузвельт уже в полной мере осознал силу и опасность социального радикализма хоть правого, хоть левого толка. С весны 1935 г. он начал осуществлять «новый курс», имевший ярко выраженную социальную окраску, – провел законы о пособиях по безработице, пенсиях по старости, широком признании прав профсоюзов, предложил резко повысить налоги на корпорации и мультимиллионеров. Третья партия, от лево- до праворадикальных, к концу 1930-х годов потерпели фиаско, а республиканцы на целых два десятилетия оказались в политическом нокдауне.

Нейтрализуя «третьи партии», Рузвельт был непримирим и в отношениях с теми сторонниками элиты, которые активно выступали против государственного вмешательства в экономику. Они ультимативно требовали остановить рост государственных расходов, восстановить сбалансированный бюджет, прекратить «разорительные» общественные работы. Рузвельт подчеркивал, что нельзя бросать тень на весь бизнес, частное предпринимательство и индивидуализм, что, наоборот, эти фундаментальные установления нужно защитить от капиталистических цезарей – «жирных котов»¹⁰.

Среди экономических мероприятий рузвельтовского президентства к нововведениям относятся механизмы регулирования денежной эмиссии, банковско-финансовой сферы, фондового рынка. Немалым достижением стала выдвинутая Рузвельтом и воплощавшаяся в жизнь концепция «заправки насоса» – расширения покупательной способности основных слоев общества как фундаментального механизма борьбы с перепроизводством и экономическими кризисами. За годы президентства Рузвельта реальная заработная плата американских рабочих выросла на 80%¹¹. Реформы не привели к принципиальному изменению

⁷ *Thomas N. Fascism or Socialism? The Choice Before Us*. London, 1934. P. 7, 15, 24–26, 33, 65–67, 92, 165; *Ibid.* After the New Deal, What? New York, 1936. P. 12, 43, 46, 77, 187.

⁸ *Seidler M.B.* Norman Thomas: Respectable Rebel. Syracuse, 1961. P. 313.

⁹ *The Great Depression. Opposing Viewpoints* / Ed. W. Duddley. San Diego (Ca.), 1994. P. 55–59; *Polenberg R.* The Era of Franklin D. Roosevelt 1933–1945. A Brief History with Documents. Boston – New York, 2003. P. 128–132.

¹⁰ Nothing to Fear: The Selected Addresses of Franklin Delano Roosevelt. Cambridge, 1945. P. 20, 22, 63–64, 66–68.

¹¹ *Encyclopedia of American Economic History* / Ed. G. Porter. Vol. 1. New York, 1980. P. 244; *Robertson R.M., Walton G.M.* History of American Economy. New York, 1979. P. 482.

классовой структуры США. Но большая часть нижнего белого класса, существенно упрочив свое материальное положение в 1930–1940-е годы, подошла вплотную к среднему классу.

На рузвельтовском этапе серьезно изменилась социальная база Демократической и Республиканской партий. Важнейшим изменением в соотношении электората двух главных партий стал переход на сторону демократов большинства городских избирателей. Среди городских избирателей, поддерживавших демократов, было особенно заметно увеличение числа рабочих. На сторону Демократической партии перешло большинство иммигрантов. Влияние демократов возросло среди темнокожих избирателей. Это произошло несмотря на то, что Рузвельт не покушался на расовую сегрегацию, суды Линча и лишение негров гражданских и политических прав в южных штатах. Темнокожие избиратели северных штатов были благодарны Рузвельту за социальные законы в интересах нижних слоев, к которым они в подавляющем большинстве относились, и в 1936 г. предпочли Демократическую партию Республиканской¹². Резко возросла поддержка Рузвельта среди женщин.

С середины XX в. в США зарождается и развивается постиндустриальное общество. Стала говорить об утверждении «общества двух третей», под которыми подразумевался средний класс. В последнем, в свою очередь, происходило возрастание «нового» среднего класса, который, в отличие от «старого» среднего класса, принадлежал не к собственникам, а состоял из работников, связанных с интеллектуальным трудом, – «белых воротничков». В эволюции партийно-политической системы в постиндустриальной Америке наблюдалось упрочение позиций двухпартийности. Партийно-политическая система США законсервировалась как двухпартийная, не оставляя практически шансов третьим партиям. Это стало важным отличием нового этапа от предшествующих периодов, когда третьи партии неоднократно бросали серьезный вызов двухпартийной системе.

Основу двухпартийной системы продолжали составлять *консенсус* и *альтернативность*. Возникла потребность включения в сферу консенсуса новых компонентов. Таким компонентом стало «социальное государство». Его основы были заложены Демократической партией в эпоху Нового курса, а Республиканская партия в течение двух десятилетий сопротивлялась включению его в сферу межпартийного консенсуса. Но с 1950-х годов и она признала, что без этой составляющей социально-экономическая стабильность в США невозможна.

Консенсус внутри двухпартийной системы имел пределы. Идеологию Демократической партии неизменно называли *либеральной*, а идеологию Республиканской партии – *консервативной*. Либерализм стал равнозначен социальному либерализму, а консерватизм так или иначе воспроизводил постулаты классического, или индивидуалистического, либерализма. Роль Республиканской партии состояла в активизации предпринимательской активности и экономической свободы, имеющих негативным следствием углубление неравенства, смягчение крайностей которого стало задачей Демократической партии.

Обратимся теперь к двухпартийной системе 1960–2010-х годов. Прежде я, подобно большинству исследователей, уделял главное внимание внутривнутриполитическим факторам возникновения и резкого подъема движения темнокожих и женского движения. Но сегодня считаю важным полнокровно раскрыть роль внешнеполитической причины. 1960-е годы стали десятилетием антиколониальных революций в Африке и успехов СССР в распространении своего влияния в «третьем мире». В конечном итоге СССР потерпел поражение в холодной войне, но в 1960-х годах он ее вел успешно¹³, и это влияло на внутреннюю политику США. 1960 г. вошел в историю как «год Африки». Колониальные страны одна за другой освобождались от зависимости, и советское руководство успешно склоняло бывшие колонии западных стран на свою сторону.

¹² *Kirkendall R.* The New Deal and American Politics // Fifty Years Later: The New Deal Evaluated / Ed. H. Sitkoff. Philadelphia, 1985. P. 22–27; *McJimcey G.* The Presidency of Franklin Delano Roosevelt. Lawrence (Kansas), 2000. P. 142.

¹³ *Согрин В.В.* Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 13–34; 2016. № 1. С. 19–43.

В самих США белая молодежь, вовлекавшаяся в «новое левое» движение и активно творившая контркультуру, массовое движение темнокожих, сменивших свое обозначение с негров на афроамериканцев, требовали разрушения «внутреннего колониализма» и радикального обновления американского общества.

Двухпартийная система отреагировала на новые мировые реалии и массовые протестные движения внутри страны противоречиво. Республиканцы следовали консервативному курсу. В 1964 г. кандидатом в президенты США от Республиканской партии был выдвинут Б. Голдуотер, лидер праворадикальной фракции. Он потерпел сокрушительное поражение. В отличие от республиканцев Демократическая партия, находившаяся у власти все 1960-е годы, подобно Ф. Д. Рузвельту, пыталась нейтрализовать независимые политические действия с помощью реформ и предприняла попытки включения в свою социальную базу массовых движений протеста.

Демократ Дж. Кеннеди, отвечая на вызовы СССР, в президентской инаугурационной речи 20 января 1961 г. объявил свою страну родоначальницей подлинной революции, а современные Соединенные Штаты ее наследником¹⁴. В 1968 г. левый либерал Ю. Маккарти успешно стартовал на первичных выборах Демократической партии. На рубеже 60–70-х годов на ведущую позицию в Демократической партии вышло леволиберальное крыло. В 1972 г. оно добилось выдвижения кандидатом в президенты от Демократической партии Дж. Макговерна и принятия партией радикальной программы. Необычным был состав Национального съезда партии. 15% участников составляли чернокожие американцы, 38% – женщины, 21% – молодежь до 30 лет, 86% – делегаты, избранные впервые (в 1968 г. соответствующие этим категориям проценты составляли 5,5; 13; 4; 55).

Вступивший в 1963 г. после убийства Дж. Кеннеди в президентскую должность Л. Джонсон объявил демократизацию законов о гражданских и политических правах одним из своих главных приоритетов. Обещания были подтверждены серией законов 1964–1965 гг., реанимировавших и развивших знаменитые конституционные и законодательные акты 1860–1870-х годов. Закон о гражданских правах, одобренный Конгрессом США 2 июля 1964 г., запретил расовую дискриминацию во всех местах общественного пользования, включая школы, больницы, транспорт, а также при приеме на работу. Еще раньше, в январе 1964 г. вступила в силу 24-я поправка к федеральной Конституции, отменявшая избирательный налог, который служил одним из главных препятствий для участия темнокожих в выборах. В августе 1965 г. Конгресс США одобрил Закон об избирательном праве, отменивший ценз грамотности, второе главное препятствие для участия темнокожих в выборах.

Под влиянием афроамериканцев возник *мультикультурализм*. Его сторонники считали, что все расовые и этнические культуры равны и ни одна из них не может ставиться и цениться выше других. Мультикультурализму поспособствовал иммиграционный закон 1965 г., который можно рассматривать как американский ответ на стремление СССР привлечь на свою сторону народы Азии и Африки. Прежние запреты на иммиграцию для не белых были отменены. В следующие три десятилетия в США переселились более 7 млн выходцев из стран Азии – в 15 раз больше, чем за предшествовавшие три с половиной столетия. Одним из следствий закона явилось резкое сокращение иммиграции из Европы. Нарастала иммиграция из Африки.

Иммиграционный закон 1965 г. особенно широко распахнул двери для латиноамериканской иммиграции. Для нее была введена специальная категория «нелегальные иммигранты», снявшая барьеры на пути любого числа переселенцев. Доминировать среди иммигрантов, как легальных, так и нелегальных, стали мексиканцы, до того прибывавшие в США, как правило, по специальным разрешениям на временные работы. Теперь, прибыв на временную работу, они все чаще предпочитали назад не возвращаться. Мексиканцы, прежде

---

¹⁴ Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 гг. / Ред. Э.А. Иванян. М., 2001. С. 429–430.

известные как «мокрые спины», а теперь нареченные в качестве особой и главенствующей латиноамериканской группы *чиканос*, массами устремились в США.

Произошли изменения в индейском вопросе. До 60-х годов американские власти придерживались в отношении индейцев политики ассимиляции. Их численность сокращалась, снизившись к 1960-м годам до 400 тыс. человек. В 1961 г. представители 67 индейских племен одобрили на съезде в Чикаго декларацию, обосновывавшую «право выбрать собственный образ жизни». Возникло несколько индейских организаций, поставивших целью борьбу за воплощение этого права в жизнь. В 1968 г. Конгресс США одобрил Закон о гражданских правах индейцев (Indian Civil Rights Act), гарантировавший индейцам сохранение собственного жизненного уклада. К началу XXI в. численность коренных американцев достигла 2 млн.

В 1960-х годах в полной мере оформились два главных компонента американского социального государства — социальное страхование, охватывающее всех американцев, и социальное вспомоществование, предназначенное для обездоленных слоев. Достижение минимальных жизненных стандартов для всех, в том числе самых приниженных социальных слоев, было вменено в обязанность американскому капиталистическому государству.

Но Демократическая партия сочетала реформаторский курс внутри страны с жесткой неокOLONиальной внешней политикой, оказавшейся провальной и ставшей главной причиной уступки ею политической власти республиканцам в 1970-х годах. США при демократах потерпели серьезные неудачи в Юго-Восточной Азии (поражение во Вьетнаме), сдали позиции на Ближнем Востоке и даже в Латинской Америке. Новый республиканский президент Р. Никсон не посягнул на социальные реформы демократов, а даже их углубил. Во внешней политике он вообще избрал политику *разрядки* с СССР.

От холодной войны США не отказались. В конфликте с СССР ими было предложено еще одно средство — *права человека*. Г. Киссинджер, внешнеполитический помощник Никсона, так характеризовал новое средство, одобренное в 1975 г. США и европейскими странами, включая СССР: «Наиболее важным положением Хельсинкских соглашений явилась так называемая “третья корзина” по вопросам прав человека... “Третьей корзине” было суждено сыграть ведущую роль в исчезновении орбиты советских спутников... Американская делегация, безусловно, внесла свой вклад в выработку заключительного акта Хельсинкских соглашений... Как выяснилось, герои-реформаторы в Восточной Европе использовали “третью корзину” как фундамент сплочения в борьбе за освобождение своих стран от советского владычества... Конференция выдвинула *наши* стандарты человеческого поведения»¹⁵.

Концепция прав человека была провозглашена З. Бжезинским, внешнеполитическим помощником президента от Демократической партии Дж. Картера (1977–1981 гг.), основополагающей в борьбе с СССР. Американские стандарты прав человека включили также свободу нетрадиционных семейных и сексуальных отношений, легализацию однополых браков, сообщества ЛГБТ, молодежную контркультуру. Молодежная контркультура активно пропагандировала свободную любовь и предлагала женщине полное равноправие с мужчиной в удовлетворении сексуальных запросов. Контркультура осветила не только свободу женщины в выборе и смене партнера-мужчины, но и свободу лесбийских отношений (так же как и отношений гомосексуальных). Они были включены в американский социокультурный мейнстрим и были восприняты в странах Западной Европы, спутниках США.

Важным фактором стал взлет женского движения. Оно было стимулировано еще законом о гражданских правах 1964 г. Этот закон, предназначенный его разработчиками для отмены режима сегрегации в отношении темнокожих, в конечном варианте включил положение о запрете дискриминации при найме на работу и оплате труда не только по расовому, но и половому признаку. Одно из важнейших требований женского движения заключалось

¹⁵ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 690–692.

в том, чтобы обязательства по уходу за детьми, ведению домашнего хозяйства, возлагавшиеся прежде исключительно на женщин, теперь были в равной степени распределены между мужем и женой¹⁶.

Федеральное правительство одобрило программу «позитивных действий», предназначенную прежде для чернокожих, а также для женщин. В 1973 г. Верховным судом США было одобрено право женщин на аборт, а в 1977 г. правовое обоснование Верховного суда было дано пресечению «сексуальных домогательств». Нововведения повлияли на изменение социальной опоры партий. Значительная часть рабочего класса и городских средних слоев стала поддерживать Республиканскую партию, а демократы упрочили свои позиции среди молодежи, женщин, расово-этнических меньшинств.

Р. Рейган и республиканцы в 80-х годах не посягали на новые социокультурные явления, глава США в конце президентства издал указ о легализации 11 млн незаконных мигрантов из Мексики. Вместе с тем, следуя постулатам неоконсерватизма, Рейган и республиканцы сократили многие программы помощи бедным и резко расширили возможности для капиталистического рынка и обогащения верхнего класса.

После завершения холодной войны между демократами и республиканцами произошло некоторое сближение по экономическим вопросам. Но сохранялись и углубились расхождения в социокультурных вопросах. Наибольшим был консенсус во внешней политике, но и здесь были отличия. Демократы правили при президентах У. Клинтоне (1993–2001 гг.) и Б. Обаме (2009–2017 гг.), а республиканцы при Дж. Буше-младшем (2001–2009 гг.) и Д. Трампе (2017–2021 гг.).

В экономике постиндустриальной Америки укреплялись позиции корпораций. При анализе распределения материальных благ между разными экономическими классами обнаруживается следующая закономерность: если в период от окончания Второй мировой войны до 1970-х годов преобладающей была тенденция сокращения неравенства между главными экономическими классами, то с середины 1970-х годов возобладали тенденция его расширения и углубления. Верхний экономический класс делегировал значительное количество представителей в правящую национальную элиту. Элите принадлежит ведущая роль и в экономике, и в политике, и в средствах массовой информации¹⁷.

Выбор при Клинтоне руководством Демократической партии новой экономической стратегии оказал позитивное воздействие на внутреннее развитие США. Клинтоновские *неолибералы*, они же *новые демократы*, выступили с развернутой критикой модели социального либерализма эпохи Кеннеди – Джонсона. Бедняки и безработные, согласно доктрине неолиберализма, вместо того чтобы становиться получателями благотворительной помощи со стороны государства, должны подключаться к программам переподготовки рабочей силы для востребованных отраслей национальной экономики. Демократическая составляющая экономической политики, как и приверженность идее реформированного, но все же сильного социального государства, отличала неолиберализм от рейгановского неоконсерватизма. Вместе с тем неолиберализм в ряде отношений сблизился с рейгановским консерватизмом. Но новые демократы утверждали, что предлагают стратегию «третьего пути», отличную как от рузвельтовского либерализма, так и от рейгановского консерватизма¹⁸.

Приоритеты экономической политики новых демократов раскрылись в период восьмилетнего президентства Б. Клинтона. На главном месте среди них было опережающее развитие информационных технологий и знаний, превращение «электронной экономики» в локомотив экономического развития. Клинтон сохранял позитивное отношение

¹⁶ Evans S.M. *Born for Liberty. A History of Women in America*. New York – London, 1989.

¹⁷ Dye Th.R. *Who's Running America? The Bush Restoration*. Upper Saddle River. New York, 2002. P. 13–14, 24, 38–39, 50.

¹⁸ Wadden A. *A Clinton Legacy? A New Democrat in Governance*. Hounmills – Basingstone – Hampshire, 2002. P. 12.

к системе социального страхования. Но что касается системы вспомоществования, то в отношении нее Клинтон занял позицию, во многом сходную с подходом республиканцев. В 1994 г. республиканцы в Конгрессе США смогли провести законопроект о сокращении социального вспомоществования, который двумя годами позже был одобрен президентом-демократом и в 1997 г. вступил в силу под названием «О согласовании личной ответственности и возможности трудоустройства». Этот закон объединил важные программы социального вспомоществования с программой переподготовки рабочей силы и установил максимальный срок получения пособий по программам вспомоществования в пять лет. Согласно закону, глава семьи, получающий пособие, должен был в течение двух лет, воспользовавшись возможностью переподготовки рабочей силы, устроиться на работу. В противном случае семья лишается пособия. В законе 1998 г. «Об инвестициях в рабочую силу» обязательства государства в сфере подготовки и переподготовки рабочей силы в противовес социальному вспомоществованию были расширены.

Б. Обама, первый темнокожий американец, мулат (отец – уроженец Кении, мать – белая американка), избранный в 2008 г. президентом США, а в 2012 г. переизбранный на эту должность, воспринимался многими как «левый» либерал, противостоящий неолиберальному большинству демократов. В действительности он вполне вписывался в неолиберальный мейнстрим Демократической партии¹⁹. «Головной болью» для Обамы, победившего на президентских выборах в условиях острого финансово-экономического кризиса, оказались проблемы восстановления национальной экономики и сокращения безработицы. Обама начал спасать банки и промышленные корпорации, предоставляя им щедрые государственные кредиты.

Несмотря на беспрецедентные расходы на пожарные меры спасения экономики, Обама с момента вступления в президентскую должность продвигал радикальную реформу государственного всеобщего медицинского страхования, также требовавшую огромных затрат. В конце марта 2010 г. Обама скрепил своей подписью закон, принятия которого демократы тщетно добивались со времен Г. Трумэна.

Острыми и нараставшими были социокультурные противоречия. Америка разделялась на либералов, отстаивавших постмодернистские *права человека*, опиравшихся на мультикультурализм, равенство прав мужчин и женщин, рас и этносов, ЛГБТ и консерваторов, приверженных ценностям традиционным. Национальный социокультурный раскол вел к оформлению «двух Америк».

Некоторые группы избирателей – белые пожилые американцы, «синие воротнички», жители сельской местности – оказывали все большую поддержку республиканцам в существенной мере по причине собственной приверженности традиционным социокультурным нормам. По этой же причине наблюдался дрейф в сторону Республиканской партии избирателей-католиков, которые до начала «культурных войн» неизменно отдавали предпочтение Демократической партии. В то же время женщины, среди которых наблюдалось снижение приверженности традиционным семейным ценностям, стали в большей мере оказывать поддержку демократам.

Обама и демократы последовательно расширяли поддержку постмодернистских ценностей на законодательном уровне. Все большее количество штатов, следуя решению Верховного суда США начала 1970-х годов (дело «Роу против Уэйда»), признавали право женщин на аборт. Увеличивалось количество штатов, одобрявших однополые браки. Если до 2008 г. однополые браки были признаны только в Калифорнии, то в период президентства Обамы их признали более чем в 10 штатах, в том числе в штате Нью-Йорк. Успехом для сторонников нетрадиционных ценностей явилось решение Верховного суда США в июне 2013 г., приравнявшее однополые браки к традиционным. Резко возросла толерантность в отношении геев со стороны масс американцев. Если в 1982 г. только 31%

¹⁹ Обама Б. Дерзость надежды. СПб., 2008. С. 39, 65.

опрошенных признавали геев равными во всех отношениях остальным гражданам, то в 2008 г. таковых было 57%²⁰.

Плохо продвигалась интеграция в единую нацию белой и черной рас. Более того, как показывали социологические опросы, латентный расизм в ряде отношений усиливался среди как черных, так и белых. Согласно данным национальных опросов, число белых, считавших черных по умственным способностям равными своей расе, в период с 1942 по 1963 г. увеличилось с 41% до 73%. Но к 2008 г. их доля снизилась до 48%. В целом уровень латентного расизма, имевшего и видимые проявления, например нежелание белых жить в одних районах с черными или отдавать своих детей в общие школы, не обнаруживал заметной тенденции снижения.

Разнонаправленными были тенденции отношения американского большинства к ряду других этносов. Снизился уровень антисемитизма, зато после терактов 11 сентября 2001 г., организованных в США радикальными исламистами, заметно усилилось негативное отношение к этническим группам мусульманского вероисповедания. А наибольшую стабильность негативного толка демонстрировало отношение граждан США к массовой нелегальной иммиграции, костяк которой составляли выходцы из Латинской Америки, в первую очередь из Мексики. Латиноамериканская иммиграция стала главенствующей в США, при этом многомиллионная нелегальная иммиграция по массовости не уступала легальной. Отношение населения США к иммиграции в целом оставалось положительным (две трети опрошенных считали ее благом для страны), но нелегальная иммиграция подвергалась все большей критике. В Республиканской партии большинство считало, что иммиграция для экономики полезна, но нелегальную иммиграцию необходимо ограничивать. Но демократ Обама осенью 2012 г. принял беспрецедентный президентский указ, предоставлявший гражданство 800 тыс. молодых нелегальных иммигрантов (до 30 лет), проживавших на территории Соединенных Штатов не менее 5 лет, окончивших американскую школу и не нарушавших законы страны.

Республиканцы смогли прийти к власти в 2001 и 2017 гг. В ходе президентских выборов 2000 г. Верховный суд фактически объявил главой государства республиканца Дж. Буша-младшего собственным решением. Исход национальных выборов, в которых предпочтения избирателей распределялись практически поровну между демократом А. Гором и республиканцем Дж. Бушем-младшим, зависел от подсчета голосов в штате Флорида. Поскольку результаты подсчета оказались спорными, потребовалось вмешательство судебной власти. Верховный суд штата Флорида принял решение пересчитать вручную 45 тыс. голосов (из более чем 6 млн опущенных бюллетеней). С учетом того, что перевес Буша в тот момент составлял всего 100 с небольшим голосов, пересчет спорных бюллетеней мог радикально изменить итог выборов. Республиканцы, опасаясь этого, обратились с протестом в Верховный суд США, в котором преобладали выдвиженцы президентов-республиканцев. Большинство членов Верховного суда (5 против 4) заявили, что время пересчета спорных голосов истекло, и присудили победу во Флориде, а следовательно и на общенациональных выборах Бушу. В результате Буш-младший, проиграв по количеству голосов рядовых избирателей Гору, 50 456 156 против 50 992 335, сумел собрать больше голосов выборщиков (271 против 266) и стать президентом США.

В Республиканской партии, вернувшей себе в 2000 г. президентскую власть и большинство в Конгрессе, господствовали консерваторы. Основным был *неоконсерватизм*. Неоконсерваторы признавали позитивными экономические следствия массовой иммиграции, требуя запрета ее нелегальных форм. Этническое многообразие не исключало, согласно их доктрине, сохранения англосаксонского «плавильного котла», утверждавшего единую гражданскую нацию.

---

²⁰ Simon R.J., Abdel-Moneism M.A. Public Opinion in the United States. Studies of the Race, Religion, Gender and Issues that Matter. New Brunswick, 2010. P. 45.

Оригинальным идеологическим постулатом Буша-младшего стала концепция «сострадательного консерватизма». Буш требовал переложить заботу о нижних слоях, бедных и сырых американцах с государства на добровольные группы и индивидуумов. А движущей силой «сострадательного консерватизма» должны были стать религиозные организации. Буш самым активным образом поощрял их к участию в конкурсах на получение правительственных грантов, предназначенных для помощи бедным слоям. Также он был заинтересован в приобщении их к процессу приватизации государственных программ социального вспомоществования.

Среди президентов-консерваторов Буш избрал образцом для подражания Рейгана. Как и Рейган, он настаивал на необходимости дерегулирования экономики, поощрения частной инициативы, сокращения налогов, в первую очередь на бизнес, уменьшения программ социального вспомоществования. Негативным следствием экономической политики Буша-младшего явился всё больший рост социального расслоения и общественного неравенства. Даже официальная статистика свидетельствовала о сохранении тенденции углубления неравенства между экономическими классами²¹. Число миллиардеров в период президентства Буша увеличилось почти вдвое. Существенно выросли также число и процент живущих ниже черты бедности²². Администрации Буша не удалось выполнить и обещание по утверждению сбалансированного бюджета и сокращению государственного долга.

В сфере свободного предпринимательства, максимально освобожденного от государственных ограничений, наблюдалось резкое снижение этических норм и контроля за его поведением со стороны гражданского общества и власти. В банковском секторе и на фондовых рынках США стали нарастать финансово-спекулятивные махинации. Финансово-спекулятивные «пузыри» первоначально наиболее активно возникли в сфере информационных технологий и интернет-бизнеса, а затем в строительстве. Спекулятивная ипотека привела к тому, что количество семей, владеющих собственными домами, достигло 70 %. Многие из них были некредитоспособными, искусственно подсаженными на ипотечную иглу. С помощью финансово-спекулятивных «пузырей» корпорациям удалось сколотить баснословные состояния.

Главной причиной возникновения и роста бюджетного дефицита стали военные расходы, особенно увеличившиеся после начала Соединенными Штатами в 2001 г. военных действий в Афганистане, а в 2003 г. в Ираке. Финансово-экономический кризис, разразившийся в 2008 г., окончательно дискредитировал внутривнутриполитическую стратегию неоконсерватизма. Буш в панике обратился к кейнсианским средствам спасения экономики и финансов, использованным еще Ф.Д. Рузвельтом. Бюджетный дефицит и государственный долг резко выросли. В ноябре 2008 г. избиратели наказали неоконсерваторов отстранением Республиканской партии от власти. Она была вверена Демократической партии и ее лидеру Б. Обаме.

Но в 2016 г. президентом вновь был избран республиканец-миллиардер Д. Трамп. 8 ноября 2016 г. в ходе американских президентских выборов за кандидата от Демократической партии Хиллари Клинтон проголосовало 65,8 млн избирателей, за республиканца Д. Трампа – 62,9 млн. Благодаря мажоритарной системе выборов по штатам Трамп заручился поддержкой 306 выборщиков, а Клинтон – 232 при необходимом минимуме 270 голосов, необходимых для избрания президентом США. 19 декабря при голосовании выборщиков Трамп получил 304 голоса, а Клинтон – 227.

Победа Трампа стала сенсацией, опровергнув выводы социологических опросов и мнения подавляющего числа аналитиков, предсказавших победу Х. Клинтон. Представители Демократической партии, как и поддерживавшие ее средства массовой информации, располагавшие подавляющим большинством среди американских СМИ, для объяснения неудачи демократов прибегнули к циничному политтехнологическому ходу – победа Трампа

²¹ Statistical Abstract of the United States 2011. Washington, 2010. P. 454.

²² Ibid. P. 464.

была объявлена результатом вмешательства в ход выборов российских властей. Однако причины успеха республиканцев коренятся в чисто американских реалиях.

В программе Трампа были отвергнуты многие принципы неоконсерватизма, а сама более близка так называемому палеоконсерватизму (исконный консерватизм). Влияние палеоконсерватизма возросло и упрочилось. Он не завоевал большинства ни в Республиканской партии, ни тем более в стране, но его влияние оказалось достаточным среди простых граждан для победы Д. Трампа на президентских выборах.

Что касается внутривнутриполитических причин, то они возникли в последней трети XX в., начиная с 1960-х годов. Тогда, как уже было показано, вследствие возвращения чернокожим гражданских и политических прав, предоставленным им еще в годы Гражданской войны и Реконструкции, но затем отнятым белой расой, в первую очередь на Юге, а также вследствие контркультурной, сексуальной и гендерной революций внутри самой белой расы, социальных реформ и создания «государства всеобщего благосостояния», Америка вступила в эпоху *культурных* (точнее социокультурных) *войн*.

«Левый» социолог И. Валлерстайн, доказывая, что США после холодной войны ответственны за реализацию надежд «всего мира» на «равные права на свободу, жизнь, стремление к счастью», вместе с тем утверждал, что этот идеал, декларируемый самими Соединенными Штатами, несовместим с американской системой либерального капитализма. Он выступил с пророчеством: «Мы уже стали сталкиваться с трудностями в наших нынешних спорах о том, кто заплатит по огромному векселю, доставшемуся стране от катастрофы спекулятивных сберегательных банков, и кто заплатит за облегчение тяжести национального долга. По мере роста экологического сознания... встанут вопросы о том, кто оплатит очистку... опасных свалок всевозможного мусора, которые мы, несомненно, будем регулярно обнаруживать в последующие десятилетия... Миграционные потоки достигнут рекордных уровней. Как сможет Америка остановить нелегальную иммиграцию, исчисляемую в миллионах и даже десятках миллионов? Ответ — никак»²³.

В 1990-е годы в американском консерватизме возник *палеоконсерватизм*. Его главным идеологом стал Патрик Бьюкенен. В 1964 г. он оказался на стороне Б. Голдуотера, в последующем был ближайшим советником Р. Никсона, Дж. Форда, Р. Рейгана. После этого он для себя и своих сторонников использовал название *палеоконсерваторы* (т.е. сторонники «исконного» консерватизма, см. ниже)²⁴. Важной причиной возможного краха США, по Бьюкенену, является мультикультурализм. Бьюкенен приводит многочисленные данные о радикальной перемене этнической и религиозной основ американской цивилизации. Поскольку англосаксы обречены оказаться в меньшинстве, победа к середине XXI в. будет на стороне враждебных им этносов и вероисповеданий.

Особое место во взглядах Бьюкенена занял анализ взаимоотношений белой расы и афроамериканцев. Бьюкенен полемизирует с укоренившимся в США политкорректным видением, заключающимся в том, что в результате широкого наделяния темнокожих с 1960-х годов равными политическими и гражданскими правами, введения практики расовых квот, основной расовый конфликт в Соединенных Штатах резко пошел на убыль. Он же доказывает, что «черный расизм», наоборот, постоянно нарастает.

Критике подверглась и глобализация. Бьюкенен приводит цифры падения национального производства как результат подчинения американскими транснациональными корпорациями глобализации интересам собственной прибыли. Из-за утечки капиталов транснациональных корпораций за рубеж катастрофически сократились налоговые поступления в американскую казну. Соответственно возрастал государственный долг. Бьюкенен предлагает радикальные меры для устранения «порочных» для его страны следствий глобализации:

²³ Валлерстайн И. Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995. № 4. С. 73–77.

²⁴ Многие его работы были переведены на русский язык: Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2008; *Его же*. Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. М., 2006; *Его же*. На краю гибели. М., 2008.

введение и усиление жесткой протекционистской политики, выход США из ВТО и МВФ, ликвидация НАФТА (соглашение о свободной торговле между США, Мексикой и Канадой, заключенное администрацией Клинтона). А либеральный экономический режим в отношениях с Мексикой, доказывает Бьюкенен, способствует массовому свободному проникновению латиноамериканских иммигрантов в США.

В 2016 г. соотношение незаконных и законных иммигрантов в США составило пять к одному. Отношения к незаконной иммиграции для многих американских граждан стало главной темой избирательной кампании 2016 г. В области иммиграции Трамп рассчитывал расследовать и выкорчевать злоупотребления визовыми программами, а самое главное – построить стену на границе США с Мексикой (более 3 тыс. миль) и максимально ограничить нелегальную иммиграцию. Трамп также обещал отменить закон Обамы о государственном обязательном медицинском страховании и вернуть традиционное страхование. Он провозгласил радикальное сокращение налогов на бизнес. Одной из целей было возвращение транснациональных корпораций в США, а вместе с этим воссоздание в стране миллионов рабочих мест. На съезде Республиканской партии Трамп пошел на определенные уступки ее неоконсервативному большинству. Предвыборная программа претерпела ряд изменений. Но внутривнутриполитические пункты Трампа практически остались без изменений. Критика постмодернистских социокультурных ценностей, начертанных на знамени Демократической партии, была в программе республиканцев предельно жесткой.

Показательно процентное соотношение на президентских выборах 2016 г. республиканских и демократических голосов избирателей. Мужчины – 52 : 41, женщины – 41 : 51, белые – 57 : 37, небелые – 21 : 74. Образованная часть избирателей голосовала за кандидата Демократической партии – 52 : 42, а менее образованная за Д. Трампа – 51 : 44.

В программе внешней политики прозвучало обещание сосредоточиться на борьбе с международным терроризмом. Как рефрен повторялось обещание договориться с Россией о совместной борьбе с Исламским государством. Постоянно звучала критика в адрес НАТО. Финансирование его Соединенными Штатами объявлялось несправедливым, предлагалось увеличить военные расходы европейских союзников. Трамп требовал радикально пересмотреть экономические отношения с Китаем, обуздать последний, поскольку он утвердил режим нечестной конкуренции с Соединенными Штатами.

Программа вызвала гнев либеральной прессы США, Демократической партии и европейских союзников. Одновременно она породила «завышенные ожидания» со стороны российского руководства (в Государственной Думе отмечали победу Трампа шампанским), а оппоненты Трампа пустили в ход конспирологическую доктрину о Трампе – «агенте Москвы».

Придя к власти, Трамп повел последовательную борьбу против иммиграции. Преодолевая сопротивление демократов и части консерваторов в Конгрессе США, он президентскими указами запустил строительство стены на границе с Мексикой, начал ограничивать выдачу виз выходцам из мусульманских стран, планировал резкое ограничение и отмену гринкарт, наметил иные меры по резкому сокращению гражданства в США для небелых индивидуумов.

В 2017 г. был принят закон о сокращении налогов на бизнес. От него выиграли верхние слои. Два года спустя, по данным опроса авторитетного Центра Пью, 46% считали действующую налоговую систему справедливой, 52% – несправедливой. Трампу не удалось отменить закон Б. Обамы о государственном медицинском страховании, но он горд уже тем, что добился отмены штрафов за просрочку обязательного медицинского страхования.

В период после окончания холодной войны наименьшими были различия между двумя партиями во внешней политике. В 1992 г. в ходе президентских выборов в Соединенных Штатах обе соперничающие партии декларировали победу США в холодной войне. Президентство демократа Клинтона явилось важным этапом формирования Вашингтоном внешнеполитического курса США в качестве единственной сверхдержавы. Под руководством

США блок НАТО добился переустройства Югославии по собственным проектам. Такие определения, как «гуманитарная интервенция», «расширение демократии», «страны-изгои», «незаменимое государство», все более активно использовались для обоснования внешнеполитической практики. Особое значение Клинтон и демократы придавали переустройству мирового экономического порядка. Мир, согласно их концепции, вступил в «эру глобализации», и США надлежит стать ее вдохновителем и лидером.

Гегемонистская стратегия легла и в основу политики неоконсерваторов, пришедших к власти в результате победы на президентских выборах 2000 г.²⁵ Ставка неоконсерваторов на силовое утверждение американского миропорядка имела следствием появление в их арсенале доктрины «смены режимов» («regime change»). Демократ Б. Обама в начале президентства пытался учесть мировые реалии. Но затем он подчинился воле политического класса и имперской стратегии в политической практике, восприняв доктрину «смены режимов». Ее следствием был военно-политический хаос в государствах Ближнего Востока, всплеск радикального исламизма, создание террористического Исламского государства, бегство сотен тысяч арабских семей и граждан в Европу. Доктрина «смены режимов» была использована на постсоветском пространстве. Два его государства, Украина и Грузия, избрали имперское покровительство США.

Трамп, безусловно, ярый приверженец американского мирового лидерства, вместе с тем внес в американскую внешнюю политику определенные нововведения. В США даже заговорили о *доктрине Трампа*²⁶. Был сделан упор на подчиненность внешней политики безопасности США, трактовавшейся широко, включавшей не только военное превосходство, но также экономическое лидерство во всех отраслях, среди них и в традиционных, например в обрабатывающей промышленности.

Одной из основных целей Трампа избрал борьбу с Китаем, выходящим на первую позицию в мировой экономике. По убеждению Трампа, это произошло из-за размещения американскими транснациональными корпорациями производств в Китае и использования последним «нечестной конкуренции» с США. Трамп ввел ввозные пошлины на китайские товары в размере 250 млрд долл. и потребовал от американских корпораций вывода предприятий из Китая. Также он потребовал от союзников отказа от приобретения китайской продукции. Антикитайская политика Трампа принесла определенные результаты. Некоторые ТНК начали переводить производства во Вьетнам, Таиланд, другие развивающиеся страны, да и в сами Соединенные Штаты. Трамп увидел в этом серьезную причину роста рабочих мест в своей стране, восстановления многих отечественных отраслей и укрепления национальной безопасности.

Придя к власти, Трамп начал доказывать, что он гораздо более жесткий, нежели Б. Обама и Х. Клинтон, противник России. Он отказался от переговоров о сокращении стратегического ядерного вооружения, принял решение о выходе США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, продолжил широкое одобрение антироссийских санкций. Президент сделал все, чтобы заставить Германию остановить проект российского газопровода «Северный поток – 2». Несмотря на обвинение Украины в поддержке оппонентов из Демократической партии, он продолжил оказание Киеву военной помощи. Важнейшей целью Трамп объявил устранение социализма в мире, в первую очередь в Латинской Америке. Причем под социализмом он понимал любые социальные программы, зачисляя в социалисты Обаму и Демократическую партию.

Трамп насторожил союзников по НАТО требованиями увеличения расходов на оборону в сумме 100 млрд долл. Одновременно он настаивал на развитии Соединенными Штатами современной системы противоракетной обороны и требовал не жалеть средств на собственные вооруженные силы. В интересах национального бизнеса США начали проводить

²⁵ Подробно см.: *Согрин В.В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия Империя. М., 2015.

²⁶ *Foreign Policy*. 4.IV.2019.

протекционистскую политику даже в отношениях с союзниками (в 2017–2018 гг. приток прямых иностранных инвестиций в США уменьшался с 471,8 млрд долл. в 2016 г. до 251,8 млрд долл. в 2018 г.).

Как внутренняя, так и внешняя политика Трампа подверглась ожесточенной критике со стороны Демократической партии и верных ей либеральных СМИ. Некоторые российские эксперты (особенно журналисты) обрушились на Демократическую партию США как на «либерастов», а часть из них даже начали прогнозировать социалистическую революцию в результате ее победы. Это не так. Главным спонсором партии являются ТНК, и партия, выполняя их волю, следует требованию Клинтона и неолибералов – руководить мировой глобализацией. Но победить с помощью «товара», приемлемого для одного верхнего класса, невозможно. Демократы сделали ставку на мультикультурализм, который, по их расчетам, должен обеспечить поддержку большинства избирателей, с учетом того, что его одобряют многие белые американцы, особенно молодежь, женщины, и все небелые этносы. Направляющей поддержкой Демократической партии пользовались политкорректное женское движение «Я тоже» («Me too»), агрессивное движение чернокожих и части белых «Жизни черных имеют значение» («Black lives matter»). Либеральная политкорректность наносит сокрушительные удары по традиционной американской цивилизации, истории белых американцев, в первую очередь англосаксов. Но демократы ради победы над республиканцами готовы встать на колени перед чернокожими, лишь бы сокрушить политических оппонентов. В прошлом в конкурентной политической борьбе демократы не раз поглощали сторонников «левых» самых разных мастей. В этот раз успех Демократической партии, по ее расчетам, должны обеспечить радикальная политкорректность и мультикультурализм. Придя к власти, партия готова интегрировать «левые» движения с помощью либерально-социальных реформ.

Библиография

- Бьюкенен П.* На краю гибели. М., 2008.
- Бьюкенен П.* Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. М., 2006.
- Бьюкенен П.* Смерть Запада. М., 2008.
- Валлерстайн И.* Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995. № 4. С. 67–77.
- Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 гг. / Ред. Э.А. Иванян. М., 2001. С. 429–430.
- Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
- Обама Б.* Дерзость надежды. СПб., 2008.
- Согрин В.В.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.
- Согрин В.В.* Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 13–34; 2016. № 1. С. 19–43.
- Согрин В.В.* Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 3–27.
- Согрин В.В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия Империя. М., 2015.
- Burnham W.D.* Critical Elections and the Mainsprings of American Politics. New York, 1970.
- Dye Th.R.* Who's Running America? The Bush Restoration. Upper Saddle River. New York, 2002.
- Encyclopedia of American Economic History / Ed. G. Porter. Vol. 1. New York, 1980.
- Evans S.M.* Born for Liberty. A History of Women in America. New York – London, 1989.
- Freidel F.* Franklin D. Roosevelt: A Rendezvous with Destiny. Boston, 1990.
- Key V.O. jr.* A Theory of Critical Elections // Journal of Politics. Vol. 17. 1955. P. 3–18.
- Kirkendall R.* The New Deal and American Politics // Fifty Years Later: The New Deal Evaluated / Ed. H. Sitkoff. Philadelphia, 1985.
- McJimsey G.* The Presidency of Franklin Delano Roosevelt. Lawrence (Kansas), 2000.
- Nothing to Fear: The Selected Addresses of Franklin Delano Roosevelt. Cambridge, 1946.
- Polenberg R.* The Era of Franklin D. Roosevelt 1933–1945. A Brief History with Documents. Boston – New York, 2003.
- Robertson R.M., Walton G.M.* History of American Economy. New York, 1979. P. 482.

- Seidler M.B.* Norman Thomas: Respectable Rebel. Syracuse, 1961.
Simon R.J., Abdel-Moneism M.A. Public Opinion in the United States. Studies of the Race, Religion, Gender and Issues that Matter. New Brunswick, 2010.
 Statistical Abstract of the United States 2011.
 The Great Depression. Opposing Viewpoints / Ed. W. Duddley. San Diego (Ca.), 1994.
Thomas N. After the New Deal, What? New York, 1936.
Thomas N. Fascism or Socialism? The Choice Before Us. London, 1934.
Van Buren M. Inquiry Into the Origins and Course of Political Parties in the United States. New York, 1967.
Wadden A. A Clinton Legacy? A New Democrat in Governance. Hounmills – Basingstone – Hampshire, 2002.

References

- Buchanan P.* Na kraiu gibeli [On the Edge of Death]. Moskva, 2008. (In Russ.)
Buchanan P. Pravye i ne-pravye. Kak neokonservatory zastavili nas zabyt' o reiganovskoi revoliutsii i povliiali na prezidenta Busha [Right and Wrong. How Neoconservatives Made Us Forget About the Reagan Revolution and Influenced President Bush]. Moskva, 2006. (In Russ.)
Buchanan P. Smert' Zapada [Death of the West]. Moskva, 2008. (In Russ.)
 Inauguratsionnye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha 1789–2001 gg. / Red. Ye.A. Ivanian [Inaugural Speeches of US Presidents from George Washington to George Bush 1789–2001 / Ed. E. A. Ivanyan]. Moskva, 2001. (In Russ.)
Kissinger G. Diplomatiia [Diplomacy]. Moskva, 1997. (In Russ.)
Obama B. Derzost' nadezhdy [The Audacity of Hope]. Sankt-Peterburg, 2008. (In Russ.)
Sogrin V.V. Demokratiia v SShA. Ot kolonial'noi ery do XXI veka [Democracy in the USA. From the Colonial Era to the XXI Century]. Moskva, 2011. (In Russ.)
Sogrin V.V. Dinamika sopernichestva SSSR i SShA v period "kholodnoi voiny" [Dynamics of Competition between the USSR and the USA during the "Cold War". 1945–1991] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary History]. 2015. № 6. P. 13–34; 2016. № 1. P. 19–43. (In Russ.)
Sogrin V.V. Politicheskaia vlast' v SShA: kharakter i istoricheskie etapy [Political Power in the USA: Character and Historical Stages] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary History]. 2004. № 2. P. 3–27. (In Russ.)
Sogrin V.V. SShA v XX–XXI vekakh. Liberalizm. Demokratiia. Imperiia [USA in the XX–XXI centuries. Liberalism. Democracy. Empire]. Moskva, 2015. (In Russ.)
Wallerstein I. Amerika i mir: segodnia, vchera i zavtra [America and the World: Today, Yesterday and Tomorrow] // Svobodnaia mysl' [Free thought]. 1995. № 4. P. 67–77. (In Russ.)
Burnham W.D. Critical Elections and the Mainsprings of American Politics. New York, 1970.
Dye Th.R. Who's Running America? The Bush Restoration. Upper Saddle River. New York, 2002.
 Encyclopedia of American Economic History / Ed. G. Porter. Vol. 1. New York, 1980.
Evans S.M. Born for Liberty. A History of Women in America. New York – London, 1989.
Freidel F. Franklin D. Roosevelt: A Rendezvous with Destiny. Boston, 1990.
Key V.O. jr. A Theory of Critical Elections // Journal of Politics. Vol. 17. 1955. P. 3–18.
Kirkendall R. The New Deal and American Politics // Fifty Years Later: The New Deal Evaluated / Ed. H. Sitkoff. Philadelphia, 1985.
McJimcey G. The Presidency of Franklin Delano Roosevelt. Lawrence (Kansas), 2000.
 Nothing to Fear: The Selected Addresses of Franklin Delano Roosevelt. Cambridge, 1946.
Polenberg R. The Era of Franklin D. Roosevelt 1933–1945. A Brief History with Documents. Boston – New York, 2003.
Robertson R.M., Walton G.M. History of American Economy. New York, 1979.
Seidler M.B. Norman Thomas: Respectable Rebel. Syracuse, 1961.
Simon R.J., Abdel-Moneism M.A. Public Opinion in the United States. Studies of the Race, Religion, Gender and Issues that Matter. New Brunswick, 2010.
 Statistical Abstract of the United States 2011. Washington, 2010.
 The Great Depression. Opposing Viewpoints / Ed. W. Duddley. San Diego (Ca.), 1994.
Thomas N. After the New Deal, What? New York, 1936.
Thomas N. Fascism or Socialism? The Choice Before Us. London, 1934.
Van Buren M. Inquiry Into the Origins and Course of Political Parties in the United States. New York, 1967.
Wadden A. A Clinton Legacy? A New Democrat in Governance. Hounmills – Basingstone – Hampshire, 2002.

DOI: 10.31857/S013038640013379-4

© 2021 г. **Е.Ю. ПОЛЯКОВА**

РОССИЯ – ИРЛАНДИЯ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ

*Полякова Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

E-mail: poleyu@mail.ru

Researcher ID: ABE-5020-2020

Аннотация. В 2023 г. исполнится 50 лет со времени установления дипломатических отношений между Россией (тогда СССР) и Ирландской Республикой. В статье говорится о сложных взаимоотношениях между Россией (СССР) и Ирландской Республикой на пути установления дипломатических отношений. Первые попытки налаживания двусторонних контактов между Ирландией и Советской Россией были в 1919 г., однако в тот период дипломатические и торговые отношения не были установлены. В конце 1920-х – начале 1930-х годов были предприняты новые шаги к сближению между двумя странами, но переговоры о заключении торгового соглашения были прерваны ввиду неблагоприятной внешнеполитической обстановки. На пути нормализации советско-ирландских отношений стояли сложившиеся стереотипы, антисоветская позиция ирландских правительств, поддерживаемая католической церковью. Особое внимание в статье уделено деятельности созданного в 1945 г. общества «Ирландия – СССР», целью которого было развитие дружбы и взаимопонимания между народами Ирландии и Советского Союза, а также установление дипломатических и торговых связей между двумя странами. С советской стороны партнером выступало Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), в 1957 г. преобразованное в Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами (ССОД). В отсутствие дипломатических отношений контакты осуществлялись через дружественные общества «Британия – СССР» и «Шотландия – СССР». В начале 1970-х годов в условиях подготовки к Хельсинкскому совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе между Москвой и Дублином начались переговоры об обмене дипломатическими миссиями, которые успешно завершились в сентябре 1973 г.

Ключевые слова: Россия, Ирландия, Советский Союз, Ирландское Свободное Государство, Дойл, советско-ирландские отношения, торговый договор, общество «Ирландия – СССР».

E.Yu. Polyakova

Russia – Ireland: the Hard Path to Mutual Understanding

Elena Polyakova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: poleyu@mail.ru

Researcher ID: ABE-5020-2020

Abstract. In 2023, it will be 50 years since the establishment of diplomatic relations between Russia (then the USSR) and the Republic of Ireland. The article deals with the complicated relationships between Russia (the USSR) and the Republic of Ireland on the path to establish the diplomatic relations. Ireland and the Soviet Russia tried to make the first contacts in 1919, but they failed to establish the trade and diplomatic relations at that time. At the end of the 1920th – beginning of the 1930th the countries undertook new attempts of rapprochement, but the negotiations were interrupted because of unfavourable international situation. Hostile perceptions and anti-Soviet position of Irish governments backed by the Catholic Church prevented the normalization of the Soviet-Irish relations. The special attention is

devoted to the activity of the “Ireland – USSR Society” established in 1945 with the aim to develop friendship and mutual understanding between the people and to establish the trade and diplomatic relations between these two countries. The same activity in the Soviet Union was carried out by the the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries, which became the Union of Soviet Societies for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries in 1957. At the beginning of the 1970s in the connection with the forthcoming Helsinki conference on security in Europe the negotiations started about the establishment of the diplomatic missions in Moscow and Dublin. They were successfully culminated in September 1973.

Keywords: Russia, Ireland, Soviet Union, Irish Free State, Dáil Éireann, Soviet-Irish relations, trade agreement, Ireland – USSR Society.

В 2023 г. исполнится 50 лет со времени установления дипломатических отношений между Россией (тогда СССР) и Ирландской Республикой, двумя странами, обрамляющими Европу с востока и запада, далекими как по географическому, так и политическому положению и имеющими мало общего в прошедшей истории. И если контакты между английским и русским монархами были установлены еще в середине XVI в., и отношения между странами последовательно развивались, то расположенная на европейской окраине маленькая Ирландия не входила в сферу интересов российского государства, а после Унии 1801 г., когда ирландский парламент был ликвидирован и Ирландия вошла в состав Соединенного Королевства, она вообще перестала быть субъектом международного права.

Борьба Ирландии за международное признание в качестве независимого государства началась в январе 1919 г. Именно тогда победившие в Ирландии в ходе послевоенных всеобщих парламентских выборов в Соединенном Королевстве представители молодой радикальной партии Шин Фейн объявили о создании в стране собственного парламента – Дойла, провозгласившего Ирландскую Республику. Попытка добиться ее международного признания на послевоенной мирной конференции в Версале окончилась неудачей, но уже в 1919 г. среди первых четырех министерств, созданных по решению Дойла, было министерство иностранных дел, начались первые шаги ирландской дипломатии. При министерстве была учреждена консульская служба и назначены консулы в Буэнос-Айресе, Женеве, Генуе, Нью-Йорке. Тогда же, в 1919 г., в США была предпринята попытка налаживания двусторонних контактов между Ирландией и Советской Россией. Оба правительства нуждались в международном признании и искали взаимной поддержки. В положении молодых государств было много общего: дипломатическая изоляция, отказ быть признанным международным сообществом, ведение военных действий, экономическая блокада. И Россия, и Ирландия стояли перед сложнейшими экономическими проблемами, и, казалось, перспектива взаимной поддержки должна была толкать их навстречу друг другу.

Весной 1919 г. в Нью-Йорке состоялся обмен письмами между представлявшим интересы ирландского правительства П. МакКартером и непризнанным официально посланником РСФСР Л. Мартенсом, возглавлявшим там русское бюро. А через год был подготовлен проект договора между РСФСР и Республикой Ирландией, предусматривавший взаимную помощь в обеспечении международного признания суверенитета обеих стран. В июне 1920 г. на заседании Дойла было принято решение об отправке в Москву миссии с целью установления дипломатических отношений с правительством РСФСР.

Однако ирландская сторона на протяжении нескольких месяцев тянула с решением вопроса. Осторожность ирландцев объяснялась несколькими причинами, в частности боязнью устанавливать тесные контакты с коммунистическим государством, продиктованной неуверенностью в долговечности и прочности его существования, а также неприятием идей социалистической революции и диктатуры пролетариата. Существенную роль играл и международный аспект, а именно опасения негативной реакции

в Европе на союз с большевиками. Кроме того, ирландские лидеры надеялись на быстрое признание со стороны США и не хотели «дискредитировать» себя связями с Советами.

Настороженность проявляли и в России. Большевистское руководство было критически настроено по отношению к буржуазно-националистическому характеру ирландской революции и ее реакционным (по мнению большевиков) лидерам. Помимо этого, в политическом плане вопрос признания Ирландской Республики зависел от перспективы англо-российских отношений.

Тем не менее в начале 1921 г. ирландский представитель прибыл в Россию, но время уже было упущено. За прошедший год ситуация изменилась. Окончание гражданской войны и интервенции привело к значительному укреплению международного положения советского государства и расширению его договорных отношений с другими странами. Россия вела переговоры о заключении торгового соглашения с Англией (которое состоялось в марте 1921 г.) и потому, естественно, не могла вступать в официальные отношения с Ирландией, формально находившейся в составе Соединенного Королевства. В июне 1921 г. ирландский посланец покинул Москву.

Дипломатические и торговые отношения между Россией и Ирландией не были установлены. Сказалась сложная международная обстановка и дипломатическая изоляция, в которой находилась Россия. Заключение торгового соглашения с Англией – первого крупного международного соглашения – означало признание России де-факто, прорыв изоляционистского кольца, а дипломатическое признание Ирландской Республики могло отрицательно сказаться на судьбе соглашения. Немаловажное значение имел и классовый подход, и специфическая ментальность советского руководства. Все это предопределило неудачу ирландской миссии в России¹, и попытки сближения в начале 1920-х годов не получили дальнейшего развития.

Они были вновь предприняты в 1927–1928 гг. на фоне разрыва дипломатических отношений между СССР и Великобританией и прекращения действия англо-советского договора 1921 г. В секретном письме членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК ВКП(б) «О торговле с Ирландией» в сентябре 1927 г. нарком торговли и снабжения А.И. Микоян писал, что «этот вопрос ныне приобретает более важное значение в условиях англо-русского разрыва и предполагает возможности получения в Ирландии более нормальных условий нашей торговли, чем мы это имеем в Англии, и, исходя из предыдущих заверений министра ирландского правительства, можно ожидать благоприятного отношения Ирландии к организации там нашего торгового аппарата»².

Микоян полагал, что кроме политической стороны торговли с Ирландией представляет интерес для сбыта советских товаров, таких как лесоматериалы и нефтепродукты, а также продукции сельского хозяйства (пшеницы, кукурузы, муки, отрубей, сахара и др.). В отношении импорта «Ирландия почти никакого интереса для нас не представляет, – писал он. – Ирландия, вероятно, будет настаивать на том, чтобы мы вывозили продукты молодой ирландской промышленности, как то: с.х. машины, автомобили, трактора и пр. Мы же могли бы покупать в Ирландии некоторое количество лошадей, шерсти, возможно, тонкорунных овец и пр.»³. Микоян обращался с просьбой принять постановление о разрешении Наркоминторгу создать свой торговый аппарат в Ирландии и наладить торговые отношения с ней.

Предложение А.И. Микояна было одобрено и решено «считать желательным установление непосредственных торговых связей с Ирландией ...учреждение нашего торгового представительства»⁴. НКВД и Наркомторгу было поручено проработать возможность

¹ Подробно об этом см.: *Полякова Е.Ю.* Первые шаги ирландской дипломатии. Миссия в Москву // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 116–127.

² Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 4. Д. 570. П. 42. Л. 157.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 154.

осуществления этого плана. Переписка между А.И. Микояном и возглавлявшим Наркомат иностранных дел Г.В. Чичериным свидетельствует о готовности к конкретным действиям.

Ввиду отсутствия дипломатических отношений связь с ирландским правительством могла осуществляться через советских представителей в Лондоне и Париже, куда и поступило соответствующее предложение. Из Лондона в Дублин был направлен секретарь англо-русского парламентского комитета В.П. Коутс, прошедший переговоры с представителями ирландского правительства и депутатами Доила от Рабочей партии. Англо-русский парламентский комитет был преемником Комитета «Руки прочь от России», в него входили главным образом лидеры тред-юнионов и лейбористские парламентарии. Это объясняло контакты Коутса с ирландскими лейбористами, которые в тот период были представлены в парламенте. Они дали понять, что могли бы приветствовать приезд российских представителей с целью расширения торговли между СССР и Ирландией, однако выдвинули определенные условия. Рабочая партия потребовала полного отказа советской стороны от поддержки и содержания Дж. Ларкина⁵ и возглавляемого им Союза транспортных и неквалифицированных рабочих. Дело в том, что Ларкин был влиятельной фигурой, он приезжал в Москву в 1924 г. на V съезд Коминтерна, являлся членом Исполкома Коминтерна и в период обострившейся борьбы за руководство ирландским рабочим движением претендовал на лидерство в нем.

Ирландские лейбористы, писал Микояну из Парижа в начале декабря 1927 г. находящийся на связи с Коутсом советский дипломат, «брались доказать факт, известный также ирландскому правительству, что Дж. Л. (Ларкин. — *Е.П.*) существует на “русские деньги”. ...Они могут публично поддержать ирландское правительство в “русском вопросе”... только в том случае, если всякая прямая и косвенная поддержка Дж. Л. со стороны “русских” (т.е. правительства или Коминтерна, Профинтерна и др.) будет прекращена. Из вышеизложенного Вы можете усмотреть, что дальнейшие разговоры с ирландцами в настоящий момент едва ли могут привести к каким-либо результатам»⁶.

Тем не менее в протоколе прошедшего в конце декабря совещания в Наркомторге по вопросам взаимоотношений с Ирландским Свободным Государством (ИСГ с 1922 г.) отмечается, что «за учреждение торгпредства говорит тот положительный эффект, который должен произвести на внешний мир факт организации торгового представительства Союза в Британском доминионе, решившемся на независимую от Англии политику в этом вопросе. С другой стороны, следует иметь в виду, что учреждение в Ирландии торгпредства произведет самое тяжелое впечатление в самой Англии, которая, вероятно, будет рассматривать этот акт как направленный к срыву ее политики в отношении СССР»⁷.

Дело в том, что британские доминионы, коим являлась Ирландия, не обладали суверенитетом в области внешней политики, и их отношения с не входящими в Содружество странами определялись из Уайтхолла. Ирландское Свободное Государство стало пионером в расширении внешнеполитических прав доминионов. В 1924 г. (это был первый случай в международной практике самостоятельного представительства доминиона) ирландский полномочный представитель был аккредитован при правительстве США. В течение нескольких последующих лет состоялась аккредитация дипломатических миссий во Франции, Германии, Ватикане.

На совещании рассматривалось несколько вариантов взаимодействия с ИСГ от учреждения официального торгпредства до акционерного общества. Осуществлять взаимодействие предполагалось через Комиссариат иностранных дел.

⁵ Ларкин Джеймс — выдающийся деятель ирландского рабочего движения первой трети XX в. Один из основателей Ирландского союза транспортных и неквалифицированных рабочих, Ирландской лейбористской партии, Ирландской рабочей лиги (проброзра компартии).

⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. Д. 570. П. 42. Л. 161.

⁷ Там же. Л. 163.

Интересна реакция замнаркома иностранных дел М.М. Литвинова. В письме Мико-яну в начале января 1928 г. он сообщал, что НКВД не может официально обращаться к ирландскому правительству без его предварительного согласия. При этом Литвинов считал «невероятным» получение согласия ирландского правительства на организацию в Дублине советского консульства. Литвинов писал: «Если еще можно предположить допущение в Ирландию торгового представителя... то вступление в консульские отношения с СССР привело бы Ирландию к слишком резкому конфликту с Великобританией»⁸.

Литвинов считал, что поездка Коутса в Дублин и его контакты с ирландскими лейбористами «испортили дело» и необходимо послать человека для переговоров непосредственно с ирландским правительством. Литвинов предложил воспользоваться контактами с ирландским представителем при Лиге Наций в Женеве М. Мак Уайтом, который в разговоре с Литвиновым одобрил идею установления торговых связей с СССР. Описывая эту встречу (на которой присутствовал А.В. Луначарский) в письме в Дублин в Министерство внешних сношений, Мак Уайт сообщал, что он перечислил товары, которые могла бы поставлять Ирландия: лошади, шкуры, кожу, шерсть, селедку. По мнению Мак Уайта, это было то, в чем нуждалась Россия. Он указал собеседникам, что между ИСГ и Великобританией не существует паспортного контроля, поэтому необходимы гарантии со стороны СССР: в случае приезда советского торгового представителя в Ирландию он не должен без разрешения британских властей пересекать британо-ирландскую границу⁹. Разговор был достаточно конкретный, и Литвинов посоветовал заместителю Мико-яна Хинчуку направить Мак Уайту письмо с просьбой содействовать получению ирландской визы направляемому в Дублин советскому представителю. Письмо Хинчука от 28 февраля 1928 г. находится в бумагах Мак Уайта в архиве Дублинского университета¹⁰.

Однако Мак Уайт не смог оказать содействия, несмотря на заверения о заинтересованности ирландской стороны. Ирландское правительство не дало согласия на приезд советских представителей. Как объяснял Мак Уайт, Ирландия в тот период вела с Англией «нечто вроде таможенной войны, и Англия в виде репрессии закрыла доступ в ирландские порты (под предлогом якобы эпизоотии). Ирландское правительство считало бы неудобным в данный момент осложнять отношения с Англией фактом выдачи виз советским хозяйственникам. В этом факте дескать Лондон увидел бы демонстративный шаг со стороны Ирландии»¹¹. Это косвенно подтверждает весьма уклончивый ответ ирландского министра внешних сношений П. Мак Джиллигана на заданный в Дойле вопрос, считает ли он СССР дружественным государством и планирует ли установить с ним торговые или дипломатические отношения¹². Как и в 1921 г., Англия оказалась непреодолимым барьером на пути установления каких-либо отношений между Россией и Ирландией, и попытки налаживания контактов были заморожены.

Однако они возобновились после восстановления дипломатических отношений между СССР и Великобританией, и в начале 1930-х годов вопрос о советско-ирландских торговых связях вновь оказался в повестке дня. В документах Департамента внешних сношений ИСГ от 9 апреля 1930 г. упоминается о проекте временного торгового соглашения с Союзом Советских Социалистических Республик, а 16 апреля министр иностранных дел британского правительства А. Гендерсон в письме к советскому послу в Лондоне Г.Л. Сокольникову информирует его о готовности ирландского правительства обменяться нотами с правительством Союза Советских Социалистических Республик

⁸ Там же. Л. 162.

⁹ Documents on Irish Foreign Policy. Vol. III. 1926–1932. Dublin, 2002. P. 162.

¹⁰ Copy of a letter from L. Khintchouk, Le commissaire du peuple adjoint pour le commerce extérieur et intérieur de l'URSS, Moscow, to MacWhite, seeking to re-establish trade relations between the USSR and the Irish Free State. In French. - Archive Department UCD.P194/167.

¹¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. Д. 570. П. 42. Л. 166.

¹² Dail Eireann Debate. 21 November 1928. Vol. 27. № 4. Col. 23.

для подписания на основе режима наибольшего благоприятствования временного соглашения до заключения торгового договора¹³. Обращают на себя внимание формулировки: во всех внешнеполитических документах указанного периода ирландское правительство называется правительством Его Величества в Ирландском Свободном Государстве, что соответствует статусу доминиона и подчеркивает отсутствие самостоятельности в решении внешнеполитических вопросов. Об этом свидетельствует и отсутствие министерства иностранных дел, замененное департаментом внешних сношений.

Дело в том, что 16 апреля 1930 г. было подписано временное англо-советское торговое соглашение, действие которого распространялось на доминионы и колонии, кроме Южно-Африканского Союза и Ирландского Свободного Государства. Это подтолкнуло ирландское правительство к решению начать переговоры о заключении самостоятельного соглашения с СССР. По сообщению газеты «Правда», при подписании соглашения Гендерсон «сделал две декларации от имени правительства Южно-Африканского Союза и от имени ирландского правительства о том, что к этим доминионам не применяется предусмотренный в статьях 4 и 6 порядок распространения соглашения на доминионы. Одновременно Гендерсон вручил тов. Сокольникову ноту о том, что ирландское правительство готово обменяться с советским правительством нотами, которые установили бы, на основе наибольшего благоприятствования, временный порядок торговых взаимоотношений впредь до заключения постоянного торгового договора между Ирландией и СССР»¹⁴.

В ответном письме от 26 апреля того же года Сокольников сообщил о готовности советского правительства заключить указанное соглашение, а в последующем и постоянный торговый договор, и о предоставленных ему полномочиях провести соответствующие переговоры¹⁵.

В документах департамента говорится о заинтересованности Ирландии в установлении независимых от Великобритании торговых контактов с Советским Союзом, создании в Дублине советской торговой миссии и даже «установлении в ближайшем будущем дипломатических отношений»¹⁶.

В июне 1930 г. представители ирландского правительства посетили советское посольство в Лондоне и договорились о подготовке временного торгового соглашения. В соответствии с договоренностью советской стороной был подготовлен проект «Договора о торговле и мореплавании между Союзом ССР и Ирландским Свободным Государством», но он был отклонен под давлением Англии и некоторых доминионов¹⁷.

Тем не менее торговые переговоры продолжались. Обсуждались детали закупок в СССР через компанию «Аркас» растительного масла, пшеницы, леса. В свою очередь, наша страна была заинтересована в приобретении тракторов, лошадей, свиней, крупного рогатого скота, шерстяных изделий. В 1931 г. президент «Аркаса» и представители других советских торговых организаций провели в Дублине переговоры, однако вопрос уперся в финансовую сторону: ввиду отсутствия торгового договора между странами возникли трудности с предоставлением кредита, который просила Россия.

Активную позицию занимал видный деятель британского рабочего движения, член Британской компартии Ф.Л. Керран. Он много раз бывал в России, участвовал в работе III Конгресса Коминтерна и предлагал использовать свои связи для помощи в установлении торговых и дипломатических отношений с СССР. Для этой цели он вместе с ирландским сенатором Паркинсоном собирался посетить Советский Союз.

¹³ USSR-Saorstat Commercial Relations 1932-1936. Department of Foreign Affairs (далее – DFA), 107/2. N. 2496/28/38.

¹⁴ Англо-советское торговое соглашение. – Правда, 20.IV.1930.

¹⁵ DFA. 107/2 N. 2742/28/38.

¹⁶ Ibid. D. 3582/4/183.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 95. Референтура по Ирландии. Оп. 10. Портф. 1. П. 1. Л.3.

После парламентских выборов 1932 г. в Ирландии сменилось правительство, которое возглавила национально-буржуазная партия Фианна Фойл во главе с И. Де Валера. Национально ориентированная протекционистская внешняя политика нового правительства вызвала резкое противодействие со стороны Англии, начавшей против ирландского государства экономическую войну. Были введены двойные пошлины на ввоз в Великобританию ирландской сельскохозяйственной продукции. В ответ по решению Дойла были приняты повышенные пошлины на британские товары. Одновременно начались поиски новых экспортных возможностей для переориентации зависимой от британского рынка внешней торговли.

Это объясняет некоторую активизацию ирландской стороны в отношении торговли с СССР. В одном из документов ирландского Департамента промышленности и торговли от июля 1932 г. с пометкой «очень срочно» сообщается о необходимости в кратчайшие сроки пригласить в Дублин советских представителей и возобновить с ними торговые переговоры: «Следует поставить их в известность, что возникла ситуация, при которой ирландское государство считает необходимым расширять торговлю с разными странами помимо Великобритании»¹⁸.

Однако уже в ноябре сообщалось об отсутствии прогресса в переговорах о заключении торгового договора с СССР. Между тем это являлось препятствием для продвижения торговых отношений, так как делало невозможным получение кредита советской стороной, а советские представители были готовы осуществлять закупки только в случае годового кредита¹⁹.

Последние сведения о советско-ирландских контактах начала 1930-х годов относятся к 1933 г. Тогда налаживанию торговых отношений помешало ухудшение отношений с Великобританией, которая ввела эмбарго на импорт продукции из СССР. В ответ был наложен запрет на торговые отношения с Великобританией. Советское правительство сочло ситуацию неблагоприятной, и вопрос был отложен. В беседе с главой ирландского дипломатического представительства в Лондоне советский торгпред А.В. Озерский заявил о сложившейся неблагоприятной ситуации для вступления в торговые отношения.

Однако не только английский фактор мешал нормализации отношений. На их пути стояли сложившиеся внешнеполитические стереотипы. В конце 1920-х годов ирландское правительство возглавлялось проанглийской буржуазной партией Куманн на Гэл, проводившей антикоммунистическую, антисоветскую политику. Пришедшее в 1932 г. к власти национально-буржуазное правительство Де Валеры осуждало большевизм с классовых позиций. Эта политика полностью поддерживалась католической церковью, антисоветизм которой был усилен гонениями на священнослужителей в СССР. Обладая огромным влиянием в обществе, она оказывала мощное давление на позицию лидеров страны.

Это отчетливо проявилось в выступлении премьер-министра Де Валеры на XV сессии Ассамблеи Лиги Наций в 1934 г., когда на повестке дня стоял вопрос о принятии в состав лиги СССР. В середине 1930-х годов с ростом фашистской угрозы и милитаризма в мире во имя усиления коллективной безопасности встал вопрос о сотрудничестве с Советским Союзом. Будучи сторонником демократизации и интернационализации лиги как гаранта укрепления международных отношений, Де Валера в выступлении, получившем широкий международный резонанс, поддержал принятие Советской России в организацию, считая, что это послужит укреплению мира и стабильности: «Очевидно, что тот, кто рассматривает лигу как инструмент сохранения мира, должен стремиться, чтобы такая важная страна, как Россия, стала ее членом. Ее территория в два, а может быть, в три раза превышает остальную Европу; ее население, я полагаю,

---

¹⁸ DFA. 2/232/43.

¹⁹ Ibidem.

165 млн. Разве не очевидно для всех, кто заинтересован в работе лиги, что такая нация должна принимать в ней участие»²⁰.

По сообщению ирландского представителя в Лиге Наций Ф. Боланда, в департаменте внешних сношений в Дублине выступление Де Валеры получило позитивный отклик. «Насколько мы можем судить из английских, французских, швейцарских и других газет, речь президента была воспринята очень хорошо и произвела особо благоприятное впечатление в католических кругах, — писал он. — Удивительно, что речь, кажется, понравилась всем, и тем, кто выступает за принятие России в лигу, и тем, кто против»²¹.

Дело в том, что в речи во время обсуждения вопроса о принятии в Лигу Наций СССР Де Валера уделил существенное внимание религиозному вопросу, выразив озабоченность отсутствием в стране религиозной свободы и пожелание получить от советского правительства гарантии ее предоставления. Не скрывая своих убеждений, Де Валера тем не менее заявил: «Я представляю страну, у которой с Советской Россией абсолютно полярные политические и религиозные идеалы, однако я честно и открыто говорю, что буду поддерживать и голосовать за прием России в лигу»²².

Оценивая перспективу советско-ирландских отношений в 1930-е годы, не следует забывать о развернувшейся в Ирландии оголтелой антисоветской пропаганде. Генеральный секретарь Коммунистической партии Ирландии Майкл О'Риордан в книге «Страницы из истории ирландско-советских отношений» вспоминает: «Автор этих строк вырос в постоянной атмосфере антисоветской пропаганды начала 1930-х годов. В мою память врезались первые представления о Советском Союзе. Когда я был подростком, в моем родном городе Корк... проходила огромная выставка под названием "Во имя Бога". На ней демонстрировались иллюстрации с изображениями угнетаемых русских людей, детских ферм с национализированными младенцами и другие ужасы жизни под властью "безбожного коммунизма"»²³. Выставка стала огромным событием для небольшого ирландского города, пишет О'Риордан, и имела сильное эмоциональное воздействие на его население, находившееся в условиях экономического кризиса и хронической безработицы.

Тем не менее, несмотря на господствовавшую в Ирландии враждебную атмосферу, среди левых сил, представленных коммунистами, республиканцами, участниками рабочего движения, существовал интерес к молодому советскому государству. Они приветствовали Октябрьскую революцию, во время революционных событий в Ирландии 1919–1923 гг. по стране прокатилась волна рабочих выступлений и забастовок, было создано более 100 Советов. В 1928 г. в Дублине было создано Общество друзей Советской России, у истоков которого стояли видные деятели коммунистического и рабочего движения Ирландии Джим Ларкин и Шарлотта Деспард. Члены общества в 1931 г. посетили СССР в связи с празднованием 1 Мая. Они побывали в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Баку, где им показали фабрики, колхозы, школы и другие госучреждения. Особое впечатление на них произвело положение женщин и их равноправие с мужчинами в СССР, рабочий контроль на заводах, забота о детях. По возвращении в Ирландию они рассказывали о впечатлениях и публиковали в газетах заметки, которые более правдиво освещали жизнь в Советском Союзе, чем официальная враждебная пропаганда.

В первой половине 1930-х годов в Ирландии усилилось противостояние правых и левых сил. На фоне общемирового кризиса и внутренних ирландских процессов начался подъем классовой борьбы, и в момент его наивысшего накала в 1933 г. была образована ирландская Коммунистическая партия. В то же время этот период был отмечен развитием фашистского движения «синерубашечников», ставшего массовой силой. Его представители пытались

²⁰ Documents on Irish Foreign Policy. Vol. IV. 1932–1936. Dublin, 2004. P. 308.

²¹ Ibid. P. 311.

²² Ibid. P. 308.

²³ O'Riordan M. Pages from History On Irish-Soviet Relations. Dublin, 1977. P. 57.

захватить в стране власть и установить фашистскую диктатуру. Провозгласив своей целью борьбу с коммунистической угрозой, они громили прогрессивные организации, нападали на их членов. Так, нападению подверглась квартира Ш. Деспард, служившая штабом Общества друзей Советской России. Крестовый поход против коммунизма активно поддерживался католической церковью. В таких условиях деятельность общества стала невозможной.

Однако отделение Общества друзей Советской России существовало в Белфасте. В условиях жесточайшей антисоветской пропаганды оно стремилось распространять правдивую информацию о Советском Союзе. Несколько членов общества побывали в Москве, Ленинграде, Сталинграде и других городах, по возвращении делились впечатлениями. Активную роль в деятельности общества играла выдающаяся ирландская коммунистка и борец за гражданские права Бетти Синклер. В 1933–1935 гг. она жила в Москве и посещала Ленинскую школу. О своей поездке в СССР она вспоминала: «Поездка в Советский Союз означала для меня новый мир, поскольку я увидела все своими глазами и приняла участие в этом новом мире»²⁴. Общество просуществовало несколько лет. В 1937 г. инспектор Ольстерской королевской полиции в донесении сообщал, что оно пользуется значительной поддержкой²⁵.

К сожалению, данные о судьбе общества в период Второй мировой войны отсутствуют, однако в отчете Общества «Ирландия – СССР» за 1953 г. читаем: «Во время последней войны и некоторое время после в Белфасте существовало отделение Британского общества дружбы»²⁶.

Во время войны единая ирландская компартия прекратила свое существование, поскольку Эйре (так в указанный период называлось ирландское государство) заняло позицию нейтралитета, а Соединенное Королевство объявило войну фашистской Германии. Но Коммунистическая партия Северной Ирландии, несмотря на репрессии, продолжала активно действовать. После нападения Германии на Советский Союз она поддержала борьбу СССР с фашизмом и выступила за открытие второго фронта. Мужественная борьба советского народа способствовала усилению просоветских настроений и росту численности компартии, отделения которой появились в ряде провинциальных городов Северной Ирландии. Три представителя компартии, в том числе Б. Синклер, приняли участие в выборах 1945 г. в Стормонт (парламент Северной Ирландии. – *Е.П.*) и, хотя не прошли в парламент, получили значительное число голосов²⁷.

Вторая мировая война, в которой Ирландия заняла позицию нейтралитета, осложнила непростые взаимные представления наших стран. Особое неприятие в СССР вызвало соболезнание ирландского руководства немецкой стороне по поводу кончины Гитлера. Политика невмешательства, отказ присоединиться к антигитлеровской коалиции, наличие у части общества прогерманских настроений привели к изоляции Ирландии в послевоенном мире. Ирландии приходилось заново укреплять свои позиции на международной арене в эпоху холодной войны и биполярного мира, разделенного на два экономически и идеологически противоположных лагеря.

Вето, наложенное СССР в 1946 г. на обращение Ирландии о вступлении в ООН, показало, что она в каком-то смысле стала жертвой противостояния СССР и США и их блоковой политики. В Советском Союзе справедливо полагали, что в этом противостоянии Ирландия поддержит позицию США. Кстати, в таком положении оказалась не только Ирландия. На принятие в ООН других стран также влияла их принадлежность

²⁴ *Morrissey H.* Betty Sinclair. A Woman's Fight for Socialism, 1910–1981 // Saothar. Vol. 9. 1983. P. 124. URL: https://www.jstor.org/stable/23193881?read-now-1&refreqid-excelior%3Afa6b9a81fef352a17aaa484d60218617&seq-4#page_scan_tab_contents (дата обращения: 28.01.2019).

²⁵ Betty Sinclair. 1930 - A Century of Women. URL: <https://www.acenturyofwomen.com/1930s/> (дата обращения: 28.01.2019).

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5283. Оп. 15. Д. 573. Л. 170.

²⁷ *Morrissey H.* Op. cit. P. 126.

к одному из блоков. Ирландия стала членом ООН только в 1955 г. в результате так называемого «пакетного соглашения», обеспечившего сбалансированный с точки зрения блоковой политики прием 15 стран.

Сложившаяся в связи с победой союзников и преобладающей в ней ролью Советского Союза благоприятная внешнеполитическая конъюнктура способствовала просоветским настроениям в Европе, и в 1945 г. в Ирландии возникло общество «Ирландия – СССР». Его целью было развитие дружбы и взаимопонимания между народами Ирландии и Советского Союза, а также установление дипломатических и торговых отношений между двумя странами. У истоков создания общества стояли ирландские коммунисты, ветераны гражданской войны в Испании, сражавшиеся против Франко в рядах интербригад, люди, интересующиеся русской культурой. Часть из них побывала в Советском Союзе и стремилась донести правду о жизни в СССР и миролюбивой внешней политике советского государства.

Численность общества в первые послевоенные годы колебалась от 50 до 100 человек, и членство было платным. По социальному составу это были преимущественно городские жители, в основном дублинцы: рабочие, служащие, студенты, учителя, люди свободных профессий, предприниматели, но были и деревенские жители, и жители других городов. Около 50% всех членов общества являлись членами Ирландской рабочей лиги (так в этот период называлась компартия). Работа общества заключалась в организации выставок, встреч и лекций, на которых освещались различные аспекты советской жизни, например, строительство метро и другие стройки, положение матери и ребенка, деятельность профсоюзов, здравоохранение, образование и многое другое. Эти проблемы были достаточно актуальны для Ирландии и вызывали большой интерес.

В 1949 г. в Ирландии разразился скандал, связанный с так называемым «делом о материнстве», ставшим отражением разногласий между государством и церковью по вопросу о контроле над социальной сферой. Принятый в 1947 г. закон о здравоохранении, повышавший ответственность местных властей за медицинское обслуживание и систему охраны матери и ребенка, вызвал резкое недовольство католической церкви. Предложение министра здравоохранения Ноэля Брауна сделать бесплатным медицинское обслуживание женщин и детей до 16 лет вызвало резкий протест со стороны церковной иерархии, увидевшей в этом посягательство государства на священные права семьи и личности, находившиеся под контролем церкви.

В письме, адресованном премьер-министру Дж. Костелло, иерархи писали, что государственные предложения о медицинском обслуживании находятся в противоречии с правами семьи и личности. Право обеспечивать здоровье и физическое воспитание ребенка принадлежит не государству, а родителям, и тесно связано с моральными установками католической церкви. Письмо свидетельствовало о твердом намерении церкви сохранить контроль в сфере частной морали.

Развитие ситуации показало, что в послевоенной Ирландии церковь по-прежнему сохраняла свои позиции. Премьер-министр заявил, что он и его коллеги не поддержат предложения, касающиеся моральных проблем, если они противоречат католическому учению. «Прежде всего я – католик, а уж затем – ирландец», – скажет он позже в парламенте²⁸. Правительство отвергло предложенную Н. Брауном схему бесплатного медицинского обслуживания женщин и детей, руководствуясь тем, что она противоречит католическому социальному учению. Министр подал в отставку. Пример СССР с бесплатной медициной и образованием всегда привлекал внимание ирландцев.

На собраниях общества выступали приглашенные докладчики, делившиеся своими впечатлениями о пребывании в СССР. Так, на одном из первых собраний в 1946 г. выступал настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон с сообщением «Что я

²⁸ Dail Eireann Debate. 12 April 1951. Vol. 125. № 5. Col. 784.

видел в Советском Союзе». Это был известный религиозный и общественный деятель, христианский социалист, активный участник Движения сторонников мира. Хьюлетт Джонсон, которого называли «красным пастырем», был другом Советского Союза, он дважды в 1930-е годы посетил СССР, совершив поездки в пять советских республик, а с 1948 г. возглавлял Общество британо-советской дружбы.

С 1949 г. Общество «Ирландия – СССР» издавало ежемесячный, а затем ежеквартальный бюллетень «За мир и дружбу», в котором освещались наиболее значимые вопросы международной и внутренней политики СССР, организовывало просмотры советских документальных кинофильмов («Советский Казахстан», «Цветущая Украина» и др.), распространяло советскую периодическую литературу. Одним из достижений в работе общества стала организация исследовательской группы, целью которой была подготовка среди своих членов специалистов по таким вопросам, как развитие торговых отношений между востоком и западом, советское многонациональное государство, сельское хозяйство, деятельность профсоюзов. Поскольку в Ирландии не было компетентных специалистов по СССР, члены группы вели просветительскую работу среди тех, кто интересовался нашей страной.

Можно только восхищаться самоотверженностью людей, работавших в сложных условиях атмосферы холодной войны, цензуры, материальных затруднений, отсутствия помещений для проведения мероприятий. В ежегодном отчете общества за 1952 г. отмечалось: «При незначительном членстве, недостатке средств и отсутствии штатных сотрудников нам удалось сохранить организацию, и мы гордимся нашими членами и друзьями, которые нас поддерживают, несмотря на враждебное окружение и многочисленные препятствия. ...В то время, как в данных обстоятельствах мы не можем рассчитывать на значительный рост, необходимо помнить, что огромное количество людей в нашей стране сочувствуют нашим целям»²⁹.

Важнейшей частью деятельности общества была борьба с иностранной пропагандой, искажающей политику СССР в борьбе за мир. «Мы постоянно читаем в прессе и слышим по радио, – говорилось в том же отчете, – что Советский Союз стремится развязать войну и нам угрожает опасность уничтожения. Наша задача – разоблачать ложь о военных устремлениях Советского Союза и доносить правду нашему народу, чтобы его не вводила в заблуждение фальшивая пропаганда. Мы должны разъяснять людям выгоду от установления торговых и культурных отношений с СССР»³⁰.

Работу затрудняло отсутствие дипломатических отношений с Советским Союзом, и контакты осуществлялись через дружественные общества «Британия – СССР» и «Шотландия – СССР». С советской стороны партнером выступало Всесоюзное общество культурных связей (ВОКС), в 1957 г. преобразованное в Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами (ССОД). ВОКС, а затем и ССОД оказывали разностороннюю помощь ирландцам, посылая периодическую печать, литературу, документальные фильмы. В 1951 г. были организованы регулярные ежемесячные радиопередачи из Москвы для слушателей Ирландии, способствовавшие привлечению в общество новых членов. Листовки с сообщением о радиопередаче были распространены среди 300 человек.

Поскольку отсутствие дипломатических отношений и враждебность к нашей стране не позволяли наладить личные контакты с советскими людьми, в обществе предлагали наладить дружественные связи через переписку, поскольку к ним поступало множество запросов от хотевших вступить в переписку ирландцев. В письмах они задавали вопросы, касающиеся различных сторон жизни в Советском Союзе, обращались подчас с необычными просьбами. Так, в одном из писем была просьба прислать ноты гимна СССР, значки с гербом и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на языках пятнадцати союзных республик³¹.

²⁹ Annual Report of Ireland – U.S.S.R.Society. 30 March 1953. – ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 15. Д. 575. Л. 171.

³⁰ Там же. Л. 173.

³¹ Там же. Д. 448. Л. 135.

Событием стала поездка в Советский Союз секретаря общества Хильды Олсберри, в 1950 г. посетившей нашу страну в составе делегации женщин британо-советского общества по приглашению Антифашистского комитета советских женщин. Они побывали в Москве, Сталинграде, Киеве и Крыму, где знакомились с разными сторонами советской жизни, с восстановлением разрушенных фашистами городов. Свои впечатления Х. Олсберри опубликовала в брошюре тиражом 5 тыс. экземпляров «Достойный пример: впечатления ирландского путешественника о Советском Союзе». При этом опубликовать небольшую, размером в 50 страниц, брошюру ей удалось только в Белфасте поскольку в республике это было невозможно. В ней она рассказывала о посещении музеев Сталинграда, посвященных героической Сталинградской битве, о детских санаториях Крыма, делилась тонкими наблюдениями о советских людях. Для примера можно привести описание ею антракта в Большом театре: «У москвичей была приятная привычка приветствовать друг друга рукопожатием... на меня произвело впечатление их чувство собственного достоинства и утонченность... у женщин был легкий макияж, но яркий маникюр. Они были одеты в шелковые, хлопчатобумажные или шерстяные вечерние платья с небольшими аксессуарами, шелковые чулки и изящные туфли. Многие мужчины были в форме – военнотруженики, иностранные представители, шахтеры, транспортные рабочие»³².

Предисловие к книге было написано выдающимся ирландским драматургом Шоном О'Кейси: «СССР воплотил величайшую веру большого Джима Ларкина – “Один за всех и все за одного”... Не верьте тому, что говорят об СССР робкие клерикалы, а также те, кто имеет кое-что в банке. Смотрите и слушайте себя, а этот памфлет даст вам первое представление о великой стране, в которой были побеждены бедность и неуверенность в будущем»³³. Радиопередачи на Ирландию из Москвы рассказывали о книге Х. Олсберри, зачитывались из нее отрывки, привлекая внимание слушателей.

После посещения в начале 1954 г. представителями североирландских тред-юнионов Советского Союза в сентябре того же года было основано Общество дружбы «Северная Ирландия – СССР». Оно насчитывало около 150 членов, половина из которых были коммунисты. Остальные были беспартийными, поскольку членам лейбористской и консервативной партий официально запрещалось вступать в общество. Руководящим органом был исполнительный комитет, избираемый на ежегодных собраниях.

«Несмотря на маленькое членство, финансовые трудности и организационную слабость, общество проводит в Северной Ирландии значительную работу по ознакомлению общественности с жизнью советского народа, а также по укреплению и развитию чувства дружбы между ирландским и советским народами», – говорится в краткой справке ВОКС³⁴.

В начале 1955 г. североирландское и ирландское общества отправили в Советский Союз совместную делегацию деятелей культуры. С самого начала вокруг этой поездки в Ирландии сложилась крайне негативная атмосфера. Ирландские газеты осуждали участников за поездку в атеистическую Россию. Они писали, что ирландские католики не могут быть гостями «убийц священников из Кремля... и призывали население к протестам»³⁵. По стране развернулась кампания по дискредитации членов делегации, направленная в том числе на запугивание людей, чтобы пресечь возможность посещения Советского Союза. В то же время звучали голоса и в поддержку делегатов, в защиту свободы человека на любые передвижения.

Ирландцы пробыли в СССР две недели, посетив Москву, Ленинград и Тбилиси. Их интересовал комплекс вопросов, охватывающий образование, культуру, работу профсоюзных организаций, сельское хозяйство, положение религии, решение национального

³² Цит. по: *Quinn M. Irish-Soviet Diplomatic and Friendship Relations, 1917–1991. Dublin, 2016. P. 197.*

³³ *Ibid. P. 199.*

³⁴ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 15. Д. 642. Л. 5.

³⁵ Там же. Д. 615. Л. 1.

вопроса. Им удалось осмотреть множество достопримечательностей и культурных объектов: театры, музеи, выставки. Огромное впечатление произвел Московский метрополитен. Они ознакомились с достижениями в области жилищного строительства и проявили интерес к новым методам добычи торфа. Поскольку Ирландия богата торфом, особый интерес вызвало использование торфа в советском народном хозяйстве и новые методы его добычи, которых не было в Ирландии.

Члены делегации встречались с представителями науки, культуры, искусства, общественными деятелями в соответствии со своими интересами. Так, скульптор Бурк и архитектор МакКинстри посетили мастерскую народного художника РСФСР Н.В. Томского, который рассказал им о работе советских скульпторов и познакомил со своими произведениями.

Интересуясь положением религии в СССР, члены делегации посетили Елоховский кафедральный собор, присутствовали там на службе и имели беседу с настоятелем.

По возвращении на родину члены делегации выступали на многочисленных собраниях и митингах с рассказами об увиденном в СССР, в том числе в Королевской академии, в Белфастском университете, в отделениях лейбористской партии и др. Своими впечатлениями они делились на страницах популярных газет и журналов. Одна статья «Борьба за сохранение ирландской культуры», написанная скульптором Бурком, была перепечатана в газете «Советская культура». В ней автор писал о значении национальной культуры и необходимости ее возрождения, ссылаясь на опыт Советского Союза: «Мы молодая нация и нам нужно еще многому учиться у других стран. Посещение Советского Союза явилось для меня открытием в этом отношении»³⁶.

В ответ на пропаганду положительных впечатлений от поездки делегаты ощутили враждебное к себе отношение в Ирландии. Некоторые из них столкнулись с угрозой увольнения и даже потеряли работу. Так, в Дублине члены одного из местных отделений профсоюза рабочих газовой отрасли потребовали отставки секретаря отделения лейбориста П.Д. Келли за его поездку в СССР. Однако оно не было поддержано большинством рабочих. Атаке подвергся и президент Гэльской лиги в Белфасте Ч. Мак Кристал. Попытки сместить его с поста не увенчались успехом, но от него потребовали прекратить контакты с североирландским Обществом дружбы с СССР. Будучи убежденным в необходимости способствовать лучшему взаимопониманию между Ирландией и Советским Союзом, он продолжал выступать с сообщениями о поездке и о жизни в СССР и написал несколько статей на эту тему. В результате он был уволен из нескольких газет, где сотрудничал до поездки, без объяснения причины. «Это человек необыкновенного мужества, и, несмотря на незначительную критику Советского Союза... он является истинным другом СССР», — говорится о Мак Кристале в сообщении североирландского Общества дружбы о поездке делегации в нашу страну³⁷.

В этом же документе упоминается и скульптор Бурк, который по возвращении из Москвы не смог найти работу в Дублине. Это подтвердил и сам Бурк в письме сотрудникам ВОКС, где он писал, что столкнулся с трудностями в отношении работы, поскольку «против всех, кто побывал в Советском Союзе, была развернута невежественная кампания»³⁸. При этом он отмечал фантастический интерес ирландцев ко всем аспектам жизни в России: «Мне задавали миллион вопросов всегда очень дружелюбно, и даже если бы я прожил всю жизнь в Союзе, то не смог бы ответить и на половину из них»³⁹.

Оценивая на основании ирландской прессы результаты поездки делегации в СССР, сотрудники советского посольства в Лондоне пришли к выводу о враждебной атмосфере, окружавшей эту поездку. В то же время они отмечали, что «члены делегации, выразив

³⁶ Советская культура, 17.V.1955. С. 4.

³⁷ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 15. Д. 615. Л. 3–4.

³⁸ Там же. Л. 36.

³⁹ Там же.

готовность поехать в Советский Союз, безусловно, сделали важное дело и пошли на большие личные жертвы; как стало известно, некоторые из них потеряли работу, поехав в Советский Союз»⁴⁰.

В ноябре 1955 г. североирландское общество, продолжая свою деятельность, провело ряд митингов, посвященных дружбе между ирландским и советским народами. На них с успехом выступили с концертами советские артисты, принимавшие участие в месячнике англо-советской дружбы. Это было первое выступление советских артистов в Северной Ирландии.

Первый глава ирландской миссии при ООН Фредерик Боланд в числе задач ирландской внешней политики отмечал ее независимое проведение и неприсоединение к блокам, а также приверженность христианским ценностям и защиту свободного мира от распространения коммунистического влияния⁴¹. Эти две противоречивые задачи оказались плохо совместимы, и попытка ирландских правительств проводить независимую политику и политику неприсоединения сталкивалась с многочисленными препонами. Это проявилось в первую очередь в вопросе о представительстве в ООН Китая, где столкнулись позиции СССР, поддерживавшего КНР, и США, выступавших на стороне Тайваня. Выступление ирландского представителя в 1957 г. на XII сессии Генеральной Ассамблеи с предложением об объективном рассмотрении китайского вопроса вызвало резкое противодействие и угрозы со стороны США. Тем не менее на протяжении нескольких лет Ирландия поддерживала позицию Советского Союза, направленную на объективное рассмотрение вопроса о представительстве Китая в ООН.

Во время пресловутого визита в 1960 г. в США Н.С. Хрущёв выступал на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ее председателем был представитель Ирландии Ф. Боланд. Во время известного эпизода, где отличился Никита Сергеевич, Боланд проявил выдержку и сдержанность и в целом произвел очень хорошее впечатление на Хрущёва, что нашло отражение в его воспоминаниях: «Я уже говорил, что, когда выбирали спикера на сессии Генеральной Ассамблеи, мы выступили против представителя Ирландии. Но потом этот спикер показал умение и объективность в руководстве заседаниями. Мы даже пригласили его к себе на ужин, после чего состоялся обмен мнениями. Мне он понравился. У нас с Ирландией особых контактов не было, но мы сочувствовали ирландцам, сражавшимся с англичанами за независимость своего острова. Наше сочувствие оставалось на их стороне и после того, как основная часть острова обрела независимость. Однако люди, пришедшие там к руководству, в ответ не сочувствовали нашей политике. А встречу со спикером мы организовали по рекомендации Андрея Андреевича. Это были шаги Громыко по дипломатической линии. Видимо, он усматривал в том какую-то перспективу, какие-то возможности на будущее. Впрочем, и мне тоже было интересно встретиться и ближе познакомиться с представителем Ирландии»⁴². Хрущёв назвал Боланда представителем ирландской интеллигенции. В свою очередь Боланд в отчете в Дублин называл Хрущёва полнейшей загадкой и среди прочего писал: «Он является олицетворением стихийного насилия. Более того, он доктринер и опьянен властью. Однако эти опасные качества в его случае сглаживаются исключительно острым умом, тонким чувством юмора и, я бы сказал, простой человечностью... Я абсолютно убежден в искренности Хрущёва в вопросе о всеобщем и полном разоружении»⁴³.

Сотрудничество СССР и Ирландии в ООН было продолжено по вопросу о нераспространении ядерного оружия. Советский Союз поддержал инициативу ирландского министра иностранных дел Френка Эйкена, выступившего в 1958 г. на XIII сессии

⁴⁰ Там же. Л. 47.

⁴¹ *Collins S.* The Cosgrave Legacy. Dublin, 1996. P. 74.

⁴² *Хрущёв Н.С.* Время, люди, власть. Воспоминания, в 4-х кн. Кн. 2. Ч. 4. URL: https://bookscafe.net/read/hrushev_nikita-vremya_lyudi_vlast_vospominaniya_kniga_2_chast_4-33823.html#p118 (дата обращения: 17.02.2020).

⁴³ *Quinn M.* Op. cit. P. 33.

Генеральной Ассамблеи с резолюцией об ограничении распространения ядерного оружия. В то же время Эйкен не поддержал советское предложение о всеобщем и полном разоружении, которое на фоне продолжающейся холодной войны было расценено как циничное. Ирландия выступала за более скромную меру по ограничению распространения ядерного оружия. Соответствующая резолюция единогласно была принята Генеральной Ассамблеей в 1961 г., а через семь лет был подписан Договор о нераспространении. На церемонию ратификации в июле 1968 г. в Москву был приглашен министр иностранных дел Ирландии Ф. Эйкен. В отсутствие дипломатических отношений между СССР и Ирландией это был знак признания и уважения со стороны советского правительства. СССР в 1969 г. поддержал ирландского представителя в ООН, выступившего в защиту движения за гражданские права в Северной Ирландии с предложением о посылке туда миротворцев. В целом же, оценивая деятельность Ирландии в ООН в 1960-е годы, следует отметить, что она осуществлялась в фарватере западной политики.

Холодная война оказывала влияние не только на внешнюю политику Ирландии. Враждебная политика по отношению к СССР существовала и внутри страны, наводненной британскими спецслужбами, контролировавшими ситуацию. Процветала шпиономания. В такой обстановке в 1970 г. в Ирландию прибыл корреспондент ТАСС Ю. Устименко. Существует множество свидетельств того (в частности переписка британского посла в Ирландии), как за ним следили, ограничивали свободу перемещения, подозревали в шпионаже, называли «красным шпионом». В книге «Познакомьтесь: Ирландия» Устименко пишет об особых знаках «внимания», которые он ощущал с самого начала пребывания в стране⁴⁴. Тем не менее он много сделал для установления контактов с ирландскими активистами, членами Общества «Ирландия – СССР», выступавшими за дружбу и налаживание отношений с Советским Союзом.

«В ответ на приглашения рассказать о Советском Союзе, – пишет Устименко, – исколесил всю страну. Выступал в университетах и школах, перед бизнесменами и врачами-психиатрами, в политических партиях и молодежных организациях Дублина, в университете Корка... в дискуссионных клубах и исторических обществах. Когда весной 1972 г. Национальный университет Ирландии организовал платный курс лекций по странам мира, наибольшее число слушателей записалось в группу по изучению СССР»⁴⁵.

В начале 1970-х годов в условиях подготовки к Хельсинкскому совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе и начинающейся разрядки международной напряженности начались переговоры об установлении дипломатических отношений между СССР и Ирландской Республикой. В конце 1971 г. ирландское правительство приняло соответствующий меморандум. Однако этот процесс был остановлен, не столько вследствие враждебной реакции ирландского общества, сколько из-за резко негативной позиции британского правительства, которое воспринимало открытие советского посольства в Дублине как черный ход для проникновения наших агентов на территорию Великобритании. Дело в том, что между Соединенным Королевством и Ирландской Республикой существовало соглашение о свободном передвижении, которым якобы могли воспользоваться советские дипломаты. В свойственной британскому политическому истеблишменту манере была использована ложная информация, а также угроза закрытия свободной зоны передвижения для давления на ирландское правительство.

Ситуация изменилась с назначением в Ирландии в 1973 г. нового министра иностранных дел и вступлением страны в Европейское экономическое сообщество. Новый министр Гаррет Фитцджеральд считал, что членство в ЕЭС требует от Ирландии расширения ее внешнеполитической деятельности и, в частности, установления дипломатических отношений с СССР и восточноевропейскими странами, тем более что среди членов ЕЭС

⁴⁴ Устименко Ю. Познакомьтесь: Ирландия. М., 1978. С. 188.

⁴⁵ Там же. С. 192.

только у Ирландии не было этих отношений. В представленном Фитцджеральдом в июне 1973 г. на рассмотрение правительства меморандуме говорилось о заинтересованности Ирландии в расширении торговых отношений (торговые переговоры между нашими странами шли достаточно успешно), о необходимости соответствовать решениям Парижского саммита 1972 г. по разрядке и сотрудничеству в Европе, о предстоящем совещании в Хельсинки, где деятельность Ирландии без расширения дипломатических отношений будет бессмысленной. Наконец, в меморандуме подчеркивалась необходимость обсуждения конкретных условий для создания дипломатических миссий на уровне посольств в Москве и Дублине.

Эти условия и детали были обсуждены на нескольких встречах Г. Фитцджеральда и А.А. Громько, и 29 сентября 1973 г. ими было подписано совместное коммюнике об обмене дипломатическими миссиями в Москве и Дублине. Ирландская газета «Sunday Independent» назвала это событие «историческим», а «Известия» писали: «Установление дипломатических отношений... и взаимовыгодного торгового, экономического и культурного сотрудничества... между ними (СССР и Ирландией. — *Е.П.*) отвечает духу времени и интересам народов обеих стран»⁴⁶. Чтобы подойти к этому знаменательному событию, России и Ирландии понадобилось 50 долгих лет. С 1973 г. начался новый отсчет отношений двух стран.

Библиография

- Полякова Е.Ю. Первые шаги ирландской дипломатии. Миссия в Москву // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 116–127.
- Устименко Ю. Познакомьтесь: Ирландия. М., 1978.
- Хрущёв Н.С. Время, люди, власть. Воспоминания, в 4-х кн. Кн. 2. Ч. 4. URL: https://bookscafe.net/read/hrushchev_nikita-remya_lyudi_vlast_vospominaniya_kniga_2_chast_4-33823.html#p118 (дата обращения: 17.02.2020).
- Collins S. The Cosgrave Legacy. Dublin, 1996.
- Documents on Irish Foreign Policy. Vol. III. 1926–1932. Dublin, 2002.
- Documents on Irish Foreign Policy. Vol. IV. 1932–1936. Dublin, 2004.
- Morrissey H. Betty Sinclair. A Woman's Fight for Socialism, 1910–1981 // Saothar. Vol. 9. 1983. P. 124–126. URL: https://www.jstor.org/stable/23193881?read-now-1&refreqid-excelior%3Afa6b9a81fef352a17aaa484d60218617&seq-4#page_scan_tab_contents (дата обращения: 28.01.2019).
- O'Riordan M. Pages from History On Irish-Soviet Relations. Dublin, 1977.
- Quinn M. Irish-Soviet Diplomatic and Friendship Relations, 1917–1991. Dublin, 2016.
- Sinclair B. 1930 – A Century of Women. URL: <https://www.acenturyofwomen.com/1930s/> (дата обращения: 18.01.2019).

References

- Khrushchev N.S. Vremya, lyudi, vlast. Vospominaniya, v 4-kh. Kn. 2. Ch. 4 [The time, the people, the power. Memoirs]. URL: https://bookscafe.net/read/hrushchev_nikita-remya_lyudi_vlast_vospominaniya_kniga_2_chast_4-33823.html#p118 (access date: 17.02.2020). (In Russ.)
- Polyakova E.Yu. Pervyye shagi irlandskoy diplomatii. Missiya v Moskvu [The First steps of Irish diplomacy. Mission to Moscow] // Voprosy istorii [Question of history]. 2001. № 1. S. 116–127. (In Russ.)
- Ustimenko Yu. Poznakomtes: Irlandiya [To become familiar with Ireland]. Moskva, 1978. (In Russ.)
- Collins S. The Cosgrave Legacy. Dublin, 1996.
- Documents on Irish Foreign Policy. Vol. III. 1926–1932. Dublin, 2002.
- Documents on Irish Foreign Policy. Vol. IV. 1932–1936. Dublin, 2004.
- Morrissey H. Betty Sinclair. A Woman's Fight for Socialism, 1910–1981 // Saothar. Vol. 9. 1983. P. 124–126. URL: https://www.jstor.org/stable/23193881?read-now-1&refreqid-excelior%3Afa6b9a81fef352a17aaa484d60218617&seq-4#page_scan_tab_contents (дата обращения: 28.01.2019).
- O'Riordan M. Pages from History On Irish-Soviet Relations. Dublin. 1977.
- Quinn M. Irish-Soviet Diplomatic and Friendship Relations, 1917–1991. Dublin, 2016.
- Sinclair B. 1930 – A Century of Women. URL: <https://www.acenturyofwomen.com/1930s/> (access date: 28.01.2019).

⁴⁶ Известия, 19. X. 1973. С.3.

DOI: 10.31857/S013038640009446-8

© 2021 г. А.С. ХОДНЕВ

КОЛОНИАЛИЗМ, ИМПЕРИАЛИЗМ И ЛИГА НАЦИЙ

Ходнев Александр Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

E-mail: khodnev@yandex.ru

Researcher ID: AAG-6880-2019

Аннотация. История колониализма, деколонизации и постколониального развития — это глобальный сквозной тренд мировой истории, охватывающий несколько веков. Вокруг этих вопросов возникают серьезные дискуссии в историографии. В последние годы заметно активизировался исследовательский интерес к наследию Лиги Наций в области интернационализации управления подопечными территориями. В последней трети XIX в. в отношении активной европейской колонизации и раздела мира начали применять термин «империализм». Первая мировая война внесла существенные перемены в процесс колониализма и империализма. Была образована Лига Наций, новая универсальная международная организация. Благодаря ей появилась мандатная система как компромиссный вариант перераспределения бывших германских колоний и владений Османской империи. Однако мандатная система оказалась больше, чем прикрытия колониального раздела территорий: из нее родился принцип международной опеки и интернационализации управления. Открытый империализм ушел в прошлое. В межвоенный период мандатная система наметила начало кризиса колониальных империй. Постоянная мандатная комиссия Лиги Наций создала в мандатных территориях новую сеть политического влияния на проведение перемен. Этим правилам подчинялись метрополии под угрозой обвинения в невыполнении норм международного права и условий мандата. Совершенно новая практика подачи петиций в Женеву предоставила некоторые политические возможности жителям и различным группам изменять практики мандатного правления. Интернационализация экономической и культурной жизни также приносила свои плоды. В мандатных территориях развивалось образование и медицинское обслуживание благодаря практике обсуждения этих проблем в Постоянной мандатной комиссии. Несмотря на то, что к моменту деколонизации результат развития мандатных территорий не сильно отличался от колониальных стран, Лига Наций многое изменила в этом мире за короткий период.

Ключевые слова: Лига Наций, мандатная система, мандаты, империи, колониализм, империализм, интернационализация.

A.S. Khodnev

Colonialism, Imperialism, and the League of Nations

Alexander Khodnev, Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: khodnev@yandex.ru

Researcher ID: AAG-6880-2019

Abstract. The history of colonialism, decolonization, and postcolonial development is a global cross-cutting trend in world history, spanning several centuries. The research interest in the legacy of the League of Nations in the field of internationalization of mandate territories has been intensifying in recent years. In the last third of the 19th century, the term "imperialism" began to be applied to the active

European colonization and division of the world. The First World War brought significant changes to the processes of colonialism and imperialism. The League of Nations, the first international organization, was shaped. The mandate system was developed in the League of Nations as a compromise option for transferring the former German colonies and possessions of the Ottoman Empire. However, the mandate system of the League of Nations was more than a cover for the colonial division of territories. The principle of international trusteeship and the internationalization of management has appeared in the mandate system. Open imperialism became a thing of the past. In the interwar period, the mandate system marked the beginning of the crisis of colonial empires. The Permanent Mandates Commission (PMC) of the League of Nations created a new network of political influence for change in the mandate territories. The mother countries was subject to these rules under the threat of being accused of non-compliance with international law and the terms of their respective mandates. The completely new practice of petitioning to Geneva provided some political opportunities for residents and various groups in mandate territories to change the practices of mandate governments. The internationalization of economic and cultural life was also fruitful. Education and health services were developed in the mandate territories due to the practice of discussing these issues in the Permanent Mandates Commission. Despite the fact that at the time of decolonization, the result of the development of mandate territories was not very different from that of colonial countries, the League of Nations managed to change a lot in the world over a short period of time.

Keywords: The League of Nations, mandate system, mandates, empires, colonialism, imperialism, internationalization.

Американка Маргарет Макмиллан, автор бестселлера «Париж 1919: шесть месяцев, которые изменили мир», опубликованного в начале XXI в., рассказывала, что во время работы над книгой она заметила, что лишь только несколько «эксцентричных историков» по-прежнему озабочены изучением Лиги Наций (ЛН)¹: в архивах ЛН с богатыми материалами никто не работал, а само ее название стойко связано с образом скучных бюрократов, с дискуссиями неуверенных либеральных сторонников, с бесполезными решениями и провалами политиков. Сегодня ситуация коренным образом изменилась. Авторы, написавших за последние годы исследования по истории ЛН, нельзя назвать эксцентричными одиночками, их стало намного больше: И.А. Хормач, П. Йервуд, М. Кэллахан, Г. Остроуэр, С. Педерсен² и др. Они осветили важные проблемы для понимания истории не только ЛН, но всего XX в. Например, американский историк С. Педерсен назвала обзорную статью по оценке международной организации «Вернуться в Лигу Наций» и обратила внимание на то, что после окончания холодной войны и распада биполярной системы дебаты межвоенного периода 1919–1939 гг. в ЛН о многополярном мире, суверенитете, праве наций на самоопределение, мандатной системе, «несостоявшихся» государствах, борьбе против эпидемий и других проблемах «стали звучать знакомо» в современном мире³.

Споры о том, какое мировое устройство должно соответствовать XXI в., продолжают уже несколько десятилетий. Отечественные исследователи В.Л. Иноземцев и С.А. Караганов полагали в 2005 г., что должен возникнуть альянс развитых стран, который будет диктовать свою волю остальным, принципы демократии в международных отношениях уступят место установлению новых норм поведения и это приведет

¹ *MacMillan M.* Paris 1919: Six Months that Changed the World. New York, 2001. P. 81.

² См.: *Ostrower G.B.* The League of Nations from 1919–1929. Garden City Park. New York, 1996; *Callahan M.D.* Mandates and Empire: The League of Nations and Africa, 1914–1931. Brighton, 1999; *Idem.* A Sacred Trust: The League of Nations and African 1929–1946. Brighton, 2004; *Yearwood P.J.* Guarantee of Peace: The League of Nations in British Policy 1914–1925. Oxford, 2009; *Хормач И.А.* Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М., 2011; *Его же.* СССР в Лиге наций, 1934–1939 гг. М. – СПб., 2017; *Pedersen S.* The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. New York, 2015.

³ *Pedersen S.* Back to the League of Nations // *American Historical Review.* 2007. Vol. 112. Issue 4. P. 1091–1092.

к внешнему управлению современными «падающими» и «несостоявшимися» государствами «не с целью эксплуатации природных богатств или людских ресурсов», а ради защиты прав граждан и гарантии их выживания⁴. Заметим, что В.Л. Иноземцев и С.А. Караганов не призывали вернуться к принципам построения ЛН. Они предлагали провести реформу ООН и использовать существующие международные институты. Однако призыв отдать внешнее управление «несостоявшимися» государствами одной державе по выбору ведущих стран весьма напоминает систему мандатов ЛН.

ЛН была образована 100 лет назад как важная часть мирового порядка после Первой мировой войны и должна была гарантировать исполнение основных договоров, составивших международно-правовую систему, обычно именуемую Версальской, по месту подписания в Версальском дворце главного договора между союзниками, присоединившимися странами и Германией. Этот договор во многих аспектах имел глобальное значение. Интерес к глобальной истории растет в последние годы⁵, и это во многом определяет возрождение внимания к разнообразному наследию ЛН. Лигу называют обычно универсальной международной межправительственной организацией, потому что по первоначальному плану к ней должны были присоединиться все государства мира. Однако этого не случилось, вне ЛН оказались сильные акторы международных отношений: Советский Союз (до 1934 г.) и, по известной иронии и внутренним политическим причинам, в ЛН не вступили США, хотя президент США В. Вильсон способствовал выработке плана появления ЛН. Это, несомненно, ослабило универсализм первой международной организации, но не снизило ее влияния на глобальные процессы.

Одной из самых важных и острых проблем послевоенного устройства мира была судьба бывших владений Османской империи на Ближнем Востоке и германских колоний в Африке и на островах в Тихом океане. Не самые большие колонии и зависимые территории в мире, но расположенные в разных географических и геополитических районах, они обладали спатильностью, территориально-пространственным влиянием в широком смысле слова, которое не могло не сказаться на глобальной проблеме отношения в межвоенный период к колониализму и империализму.

Колониализм, деколонизация, постколониальное развитие прошли в мировой истории через несколько эпох с XVI до XXI в. как большая длительность и как глобальный сквозной тренд. Помимо всего прочего, колонизация стала «ключевым феноменом коммуникативных практик европейских и неевропейских обществ, стала важнейшим инструментом глобализации XIX в.»⁶.

Как сформировывались отношения между европейцами и неевропейскими обществами после появления Лиги Наций? Что изменилось в этих отношениях, а что осталось прежним?

Российская историография не столь досконально изучала эти проблемы. Свойственный российской африканистике взгляд на изменение управления бывшими немецкими колониями в Африке после установления мандатного правления ЛН – это стремление в своих интерпретациях истории подмандатных территорий не замечать этих изменений. По мнению отечественного исследователя А.Л. Емельянова, поскольку методы германского колониального управления уже укоренились в Германской Восточной Африке, английские власти вынуждены были с этим считаться и ничего не меняли в первые годы мандатного правления⁷. Возможно, это так и было в экономическом развитии территории. Однако эта линия не совсем соответствовала статьям мандата ЛН и требованиям

⁴ Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 1. С. 26.

⁵ См.: Мирзеханов В.С. XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 14.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Емельянов А.Л. Колониальная история Африки южнее Сахары. Учебное пособие. М., 2011. С. 181.

по-новому развивать инфраструктуру и управление. Далее А.Л. Емельянов пишет, что все-таки уже в 1923 г., через несколько месяцев после введения мандатного правления, губернатор Танганьики предложил обширные реформы управления в духе требований мандата ЛН.

Новации мандатного правления подробно изложены в новом издании «Всемирной истории». В первой книге шестого тома академик А.Б. Давидсон обстоятельно рассказал, как при создании Лиги Наций была образована Постоянная мандатная комиссия (ПМК), которая должна была следить за выполнением особых документов — мандатов на управление от лица лиги, выдаваемых Великобритании, Франции, Бельгии, Японии, а также британским доминионам на управление бывшими заморскими немецкими территориям и ближневосточными провинциями Турции. «В создании мандатной системы отразились и новые черты послевоенного мира... В новых условиях ее авторы пытались найти для колониального “передела” Африки несколько более respectable формы. Кроме того, мандатная система стала первым опытом “коллективного колониализма”, так как теоретически давала некоторые (хотя и крайне ограниченные) возможности для международного контроля над действиями мандатария»⁸, — сделал вывод А.Б. Давидсон. Здесь отмечается, что существовала прямая преемственность между старой колонизацией и империализмом конца XIX — начала XX в. и теми условиями, которые были созданы Лигой Наций в отношении подмандатных территорий. Утверждается, что, «став подмандатной территорией Великобритании, Танганьика соединила ее южноафриканские владения с восточафриканскими — Кенией, Угандой и Занзибарским султанатом. Таким образом осуществилась мечта Сесилия Родса: от Кейптауна до Каира шла непрерывная полоса британских владений или стран, зависимых от Британии»⁹. Действительно, с точки зрения передвижения с Юга на Север Африки после передачи мандата на Танганьика Великобритания путь пролегал через контролируемые Британией территории. Однако все выглядело сложнее с точки зрения международных отношений. Это не совсем полная интерпретация событий, связанных с известной конфликтной ситуацией между Великобританией и Лигой Наций, и важный пример, на котором можно заметить изменение статуса зависимой территории Танганьики от решений международной организации, а не метрополии, как это было бы в XIX в.

Дело в том, что план под условным названием «Тесный союз», или Британская Восточная Африка, с включением в нее Кении, Занзибара, Уганды и подмандатной Танганьики, действительно появился в Великобритании в 1919 г. Десять лет шли дебаты по этому проекту как в самой метрополии между различными политиками и группами влияния в колониальных вопросах, так в ПМК в Женеве. Это привело к затяжному конфликту между ПМК и Великобританией. И Женева не поддержала изменение условий мандата, от плана объединения колоний пришлось отказаться¹⁰. Это был важный прецедент в действиях ЛН, не поддержавшей устремленность крупной империи изменить форму правления территории, подопечной международному контролю.

Авторы глобальных историй, и особенно истории международных отношений, начиная с эпохи Просвещения, писали о Европе как центре мира. Это было отчасти оправданно мировыми порядками, сложившимися после крупных военных конфликтов: наполеоновских войн и Первой мировой войны. Мировой порядок, выработанный на Парижской конференции в 1919 г., был во многих чертах похож на тот, который регулировал глобальные отношения до войны. Например, американский ученый П. Кеннеди подчеркивал, что мир в значительной степени «искусственно» остался европоцентрическим миром»¹¹. И хотя Франция и Великобритания сильно пострадали во время Первой

⁸ Всемирная история, в 6 т. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2017. С. 617.

⁹ Там же. С. 618.

¹⁰ См. подробнее: *Callahan M.D. Mandates and Empire...*

¹¹ *Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York, 1989. P. 277.*

мировой, их государственные деятели и дипломаты задавали тон в Лиге Наций при решении главных вопросов, с которыми столкнулся мир в 1920–1930-х годах. Продолжение доминирования в Лиге Наций Великобритании и Франции должно было означать сохранение status quo в мире колониальных империй, а также продолжение политики империализма и старых практик колониализма конца XIX – начала XX в. Однако многое изменилось в колониальном мире, и эти перемены не всегда приветствовались главными метрополиями.

В современном российском терминологическом словаре по истории «колониализм» определяется как «система эксплуатации незападных обществ европейскими государствами периода генезиса и господства капитализма», направленная на извлечение экономической выгоды с помощью внеэкономических форм контроля¹². Эта система предполагает наличие стран-колонизаторов, извлекающих выгоду из обладания колониями, и колоний, как правило, отделенных от метрополий и являющихся источником сырья, рынком сбыта и сферой приложения капиталов.

В подобном англоязычном издании «Энциклопедии западного колониализма» подчеркивается, что понятия «колониализм» и «империализм» – близкие по содержанию и трудно определяемые. Употребление этих понятий зависит от исторической эпохи и контекста. Тем не менее можно осторожно предположить, что на протяжении всей истории человечества империи устанавливали политическое господство над одной или несколькими территориями. Под термином «империализм» часто понимают захват и господство/власть сильного государства над подчиненным государством или территорией. Колонии, в свою очередь, являются зависимыми территориями, которыми владеет и управляет империя¹³.

Отношения развитых европейских государств со странами Азии и Африки на протяжении пяти столетий были экспансионистской, колониальной политикой, перетекавшей при определенных обстоятельствах в империализм.

На начальном этапе проведения политики колониализма (XVI–XVII вв.) не существовало каких-либо правовых или моральных ограничений эксплуатации завоеванных территорий. Российский историк А.М. Хазанов отмечал, что «вся история португальского колониализма – это прежде всего история варварского расхищения природных и человеческих ресурсов захваченных территорий»¹⁴. Колонизаторы не видели практического смысла в гуманном отношении к завоеванным туземцам. Они понимали свою задачу как «расчистку» земель для поселения европейских колонистов. Естественно, время от времени раздавались голоса протеста со стороны некоторых образованных представителей общества, а также деятелей церкви, порицавших такую одиозную черту колониальной политики, как рабство. Однако они не меняли общего хода событий.

В 1860-х годах в странах Европы, в первую очередь в Англии и Франции, усиливается идеологическая подготовка расширения колониальных захватов. Территориальный раздел Африки между европейскими странами, состоявшийся в конце XIX – начале XX в., положил конец существовавшей на протяжении нескольких столетий работорговле, поскольку в Европе шла промышленная революция, росла потребность в новых рынках и переносе части производства поближе к заморским территориям. «Захват колоний, – отмечала российский исследователь С.Ю. Абрамова, – подразумевал наличие и использование рабочей силы в самих колониях. Африканцы становились необходимы колонизаторам в самой Африке»¹⁵.

Следовательно, в разные эпохи колониализм принимал различные формы, которые могли накладываться друг на друга. Империализм конца XIX – начала XX в. был другим.

¹² Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 218–219.

¹³ Encyclopedia of Western Colonialism since 1450. Vol. 1. Farmington (MI), 2007. P. XIV–XV.

¹⁴ Хазанов А.М. Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI–XVIII вв.). М., 1976. С. 231.

¹⁵ Абрамова С.Ю. Африка: четыре столетия работорговли. М., 1992. С. 222.

Этот империализм больше, чем другие, был связан с финансовым капиталом, и «колониализация и завоевание не являлись единственными проявлениями его существования»¹⁶.

Канун создания Лиги Наций был связан со многими процессами в международной политике и экономике. По-видимому, шел особый этап глобализации в отношениях между развитыми странами и «фронтиром» мира, отсталыми территориями. Существовали и другие причины активной колониальной экспансии. Французский историк М. Ферро полагал, что интерес к активной колониальной политике у политической элиты Франции был связан с некоей компенсацией за поражение в 1870–1871 гг.¹⁷ Ферро также указывает на большой интерес политиков Франции не только к прямому захвату заморских территорий, но и к созданию «зон влияния» путем вывоза капитала в Османскую империю и Россию. Большой интерес проявлялся также к полуколониальному статусу зависимых территорий. Отметим, что статус полуколониальной зависимости и международные договоры о действиях держав в полуколониях служили важным прецедентом при создании мандатной системы в 1920–1922 гг.

Толчок к новому повороту в колониальной политике дала Берлинская конференция по Африке 1884–1885 гг., в ней участвовали 14 стран, заключивших своего рода «джентльменское соглашение». Каждая из европейских держав взяла на себя обязательство не предпринимать дальнейших действий по приобретению «дикой» территории без информирования других, чтобы они могли представить свои претензии¹⁸. Помимо согласования новых границ колониальных владений в «Заключительном акте», подписанном в Берлине 26 февраля 1885 г., содержались важные декларации о создании международных комиссий регулирования судоходства по рекам Конго и Нигер, также «Декларация относительно торгового невольничества», запрещающая работорговлю в Центральной Африке¹⁹. Это был важный поворот в международных отношениях, когда захваты африканских территорий стали предметом многосторонней дипломатии и в какой-то степени международного контроля, правда, еще далекого по содержанию от принципа «интернационализации», появившегося после Первой мировой войны и скорее подпадающего под термин «коллективный колониализм». Все документы, регулировавшие новые колониальные границы и торговлю, были подписаны в конце XIX – начале XX в. только между европейскими странами. Великобритания, например, подписала после Берлинской конференции около 30 соглашений о границах владений в Африке с Португалией, 25 – с Германией, 149 – с Францией. Эти границы стали одной из самых больших проблем, с которой столкнулся постколониальный мир во второй половине XX в. Пришлось применять принцип международного права *uti possidetis* (поскольку владеете), закрепивший за молодыми независимыми странами те же границы территории, которой владела колониальная держава²⁰.

После Первой мировой войны немецкие колонии в Африке начали делить по тому же принципу между великими державами. Ссылались на то, что к началу XX в. в международном праве и в общественном мнении господствовала концепция деления мира на «цивилизованный» и «нецивилизованный». Американский историк А. Ирие в работе, посвященной истории культурного интернационализма в международных отношениях, подчеркивал это разделение мира: «Интернационализм в Европе складывался как

¹⁶ *Ferro M. Colonization: A Global History. London, 1997. P. 15.*

¹⁷ *Ibidem.*

¹⁸ *Ibidem.*

¹⁹ См.: Заключительный акт Берлинской африканской конференции // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. По поручению Министерства иностранных дел составил Ф. Мартенс. Т. 8. Трактаты с Германией 1825–1888. СПб., 1888. С. 695–710.

²⁰ *Ходнев А.С. Международная конференция «Колониализм, деколонизация и постколониальные перспективы в истории – вызовы для дидактики и преподавания истории в глобализирующемся мире» // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 353.*

универсалистская доктрина, вызванная концепцией естественного права и узким взглядом на привилегированное положение Европы среди других государств»²¹.

В чем состоял традиционный дискурс колониализма и империализма конца XIX — начала XX в., в котором оправдывали доминирование европейских держав в заморских территориях? Идеи европейского мессианизма в отношении приведения «отсталых народов» в цивилизованное состояние были широко распространены в различных политических партиях, движениях и группах интересов до Первой мировой войны. Известный манифест «Фабианизм и империя» (1900 г.) Дж. Бернарда Шоу насыщен духом либерального империализма. Этот документ на некоторое время стал определяющим для новой Лейбористской партии Великобритании при формулировании отношения к колониям. Шоу утверждал, что «мудро управляемая Британская империя непобедима». Однако *Rax Britannica* была еще далека от состояния «мудрого управления», и, по мнению Шоу, «мы управляем этими огромными территориями и населением при помощи бюрократии, такой же недемократической, как в России». Шоу предлагает более осторожную политику имперской стабильности, при которой необходимо учитывать разные условия, существующие в разных частях империи. По его мнению, «демократические институты, несущие свободу в Австралии и Канаде, обозначают рабство в Индии и Судане»²². Кроме того, Шоу считал, что одной успешной экономики и торговли в колониях мало, империя должна нести цивилизацию: «Недостаточно, чтобы торговля следовала за флагом, когда под флагом безответственные первооткрыватели “покупали” концессии у вождей племен, которые не осознавали, что означают эти уступки. Цивилизация должна следовать за флагом»²³. Иными словами, в империи живут разные народы, нельзя делать ставку только на экономическое использование территорий, «мудро управляемая империя» должна приносить просвещение и цивилизацию.

Первая мировая война, представлялось, не породила каких-либо существенных поворотов в колониально-империалистическом дискурсе и не изменила отношение европейцев к жителям колоний. Урегулирование колониальных споров многие видели только в новом перераспределении заморских территорий через соглашения между европейскими державами и США. Например, в одном из памфлетов 1919 г. в дискуссии о будущей Лиге Наций американский публицист и политик Х. Каллен утверждал, что «некоторые страны, как будто бы суверенные, самоуправляющиеся, на самом деле являются слабыми, некомпетентными, находящимися под контролем одной или нескольких держав или страдающими от вражды между этими державами за контроль над ними. Их природные ресурсы, часто очень богатые, остаются неразвитыми, их народы пребывают в варварском положении, опутанные предрассудками, невежеством, непосильными налогами, а правительства — очень слабыми и коррумпированными». Автор памфлета предложил создать «Международную комиссию по неразвитым странам» с целью «обеспечить основы справедливости и честной игры»²⁴. «Честная игра» должна заключаться, по мнению Каллена, в управлении со стороны международного органа, который сможет финансировать рост демократии и самоуправления лучше, чем отдельные европейские страны. Это был сильный посыл в пользу интернационализации бизнеса, инвестиций в зависимых странах и появления «коллективного колониализма».

Многое в этих дискуссиях зависело от того, что вкладывали в понятие «империя» в то время. Британский историк Б. Портер обнаружил незаинтересованное отношение к империализму в обществе в конце XIX — начале XX в., поскольку в нем мало что знали об империи. Портер считает большим преувеличением тезис, что существовала широкая

²¹ *Iriye A.* Cultural Internationalism and World Order. Baltimore, 1997. P. 19.

²² *Shaw B.* Fabianism and the Empire: A Manifesto by the Fabian Society. London, 1900. P. 15.

²³ *Ibid.* P. 54–55.

²⁴ *Kallen H.M.* The League of Nations Today and Tomorrow: A Discussion of International Organization Present and to Come. Boston, 1919. P. 109, 126.

пропаганда империи. Он отмечает, что ни один крупный писатель, ни в одном «каноническом» романе XIX в. не изображает империю или империализм как нечто значительное²⁵. С этим тезисом не согласны многие историки, утверждающие, что пропаганда империи усилилась в конце XIX и первое десятилетие XX в.

Российский исследователь А.В. Сагимбаев полагает, что британцы вовсе не считали империю чем-то незначительным, а британский колониализм в 1919–1939 гг. был сформирован на концепции «британского империализма, сложившейся в поздневикторианский период и являвшейся одним из наиболее важных феноменов интеллектуальной жизни Великобритании рубежа XIX–XX вв.»²⁶. Это утверждение, конечно, не совсем точное. Империализм в чистом поздневикторианском виде британским политикам пришлось маскировать в 1919–1939 гг. Империализм явно выходил из моды после Первой мировой войны. Этому содействовало довольно жесткое отрицательное отношение президента США В. Вильсона к прямым территориальным захватам в духе Берлинской конференции 1884–1885 г. Кроме того, после войны колониальные интересы поднимающейся политической элиты доминионов (Австралии, Канады, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза) требовали компенсации за поддержку метрополии. На заседаниях и в решениях различных органов Лиги Наций постоянно повторяли тезис о миссии подготовки к самоуправлению отсталых народов. Все это делало открытую пропаганду империализма после Первой мировой войны несвоевременным предприятием.

Создание мандатной системы ЛН было своеобразным компромиссом, достигнутым между сторонниками прямой имперской аннексии территорий и теми силами, которые хотели поставить колонии Германии и провинции Турции под международный контроль.

22 статья Устава ЛН, вошедшего во все мирные договоры, подписанные на Парижской конференции, констатировала факт потери суверенитета Германии над колониями и Турции над арабскими провинциями. Она же устанавливала, что народы бывших колоний не «смогут противостоять трудным условиям современного мира» и их судьба и развитие должны быть поставлены под «священную опеку цивилизованных стран»²⁷. Лучший метод выполнения принципа опеки – наделить развитые нации, которые этого захотят, будут иметь опыт и находиться в благоприятном географическом положении, ответственностью мандатария от лица Лиги Наций. Характер мандатов должен быть различным в зависимости от уровня развития народов, географического положения территории, экономических и прочих условий. Иными словами, выделили три группы мандатов: в группу «А» попали ближневосточные провинции Турции; в группу «В» – немецкие колонии в Африке: Камерун, Того, Германская Восточная Африка, Руанда-Урунди; в группу «С» включили германскую Юго-Западную Африку и острова Тихого океана.

В Уставе Лиги Наций указывалось, что общества, находившиеся под контролем Турецкой империи, достигли такого уровня развития, когда при управлении ими требовались лишь советы и помощь мандатной державы, пока они не станут независимыми. Другие народы, особенно населявшие территории в Центральной Африке, должны были находиться под управлением мандатария, при соблюдении им определенных условий. Территории Юго-Западной Африки и островов на Тихом океане могли управляться по законам мандатной державы как ее непосредственная часть. Каждая страна, получившая мандат, должна была направлять в Совет Лиги Наций ежегодный отчет об управлении подопечной территорией. Совет должен был образовать постоянную комиссию для изучения ежегодных докладов мандатариев и подготовки решений совета по этим

²⁵ Porter B. What did They Know of Empire? // History Today. 2004. Vol. 54. Issue 10. P. 42.

²⁶ Сагимбаев А.В. Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины, особенности, трансформации. М., 2018. С. 480–481.

²⁷ A History of the Peace Conference of Paris / Ed. H.W.V. Temperley. Vol. 6. London - New York, 1969. P. 503–506.

вопросам²⁸. Для регулирования и рассмотрения отчетов об управлении мандатами была создана специальная Постоянная мандатная комиссия.

Верховный совет Антанты рассмотрел вопрос о мандатах на Ближнем Востоке на конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 г. Конференция проходила полуконфиденциально, с приглашением представителей только Англии и Франции. Во время ее работы посол США в Италии мирно читал газету у себя в резиденции, не подозревая, что в это время происходил раздел территорий на Ближнем Востоке²⁹. Позднее США вмешались в этот процесс и в мае 1922 г. заявили протест, что с ними не были обсуждены условия мандатов, и потребовали дополнительного рассмотрения вопроса³⁰. В итоге сложной борьбы и появившегося в результате ее компромисса Франция получила мандат на управление Сирией, Ливаном. Великобритания приняла обязательства по мандату над Палестиной, Ираком и Трансиорданием.

Важные исследования о формировании мандатной системы ЛН на Ближнем Востоке провел российский историк А.М. Фомин. Например, он пришел к выводу, что мандатная система была задумана как альтернатива традиционному колониализму³¹. Действительно, Сирия, Ливан, Трансиордания, Палестина, Ирак, отнесенные к категории «А» мандатов лиги, считались «условно независимыми нациями» и должны были получать советы и помощь от мандатария³². По контрактам мандатов указанные арабские страны согласовывали свою внешнюю политику с мандатарием. Привилегии иностранцев и режим капитуляций отменялись, судебная система предоставляла равные права гражданам мандатных территорий и иностранцам. В мандатах были записаны ограничения в использовании территорий в военных целях, а также закреплён важный международный принцип «открытых дверей» в торговле, экономической, благотворительной и культурной активности третьих стран на подмандатной территории³³. Действительно, этот вид зависимости мало напоминал прежний колониализм или немного исправленный «коллективный колониализм».

В африканских и тихоокеанских мандатах повторялись принцип «священной опеки» цивилизованных стран, принцип «открытых дверей» в торговле и использовании природных ресурсов, также ограничения в создании военных баз и милитаризации территорий.

Однако постоянно возникали серьезные казусы, связанные с тем, что колониальные чиновники в метрополии не видели особого статуса мандатов и воспринимали их как новые колониальные территории. Известный британский политик и колониальный чиновник Л. Эмери в письме военному министру Южно-Африканского Союза Я. Сметсу 20 марта 1919 г. выразил пожелания: «Было бы хорошо сделать мандатную оккупацию как можно более близкой к обычной оккупации территорий в Африке, которая уже произошла согласно предварительным договоренностям между державами». По мнению Эмери, мандатная система была колониальной оккупацией по договору, а не установлением нового международного суверенитета ЛН³⁴. Такие настроения были широко распространены в метрополиях. Колониальные чиновники не скрывали своих надежд на скорое окончание мандатного эксперимента ЛН и передачи территорий под обычное колониальное управление.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Cohen M.J. *The Origins and Evolution of the Arab-Zionist Conflict*. Berkley, 1987. P. 62–63.

³⁰ Monthly Summary of the League of Nations. 1922. Vol. 2. № 5. P. 90.

³¹ Фомин А.М. Формирование мандатной системы на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. 1920–1924 годы // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 35.

³² League of Nations. A. 25. 1945. VI. A. 1. *The Mandates System. Origin – Principles – Application*. Geneva, 1945. P. 24.

³³ Фомин А.М. Указ. соч. С. 35.

³⁴ From L.S. Amery to J.C. Smuts, 20 March 1919 // *Selections from the Smuts Papers*. Vol. 4. Cambridge, 1966. P. 77–78.

Но работа ПМК вскоре развеяла эти надежды. Важным и во многом неожиданным для метрополий следствием начала работы ПМК и перемен в паблисити колониализма стало появление права направлять в Женеву прямые петиции граждан, живших на подмандатных территориях. С. Педерсен сравнила работу ПМК в начале этой истории с работой почтового отделения или «почтового ящика»³⁵. Массовая подачи петиций жителями подопечных ЛН территорий, возможно, была самой важной новацией мандатной системы, поскольку голоса и мнения граждан системы доходили до кабинетов в Женеве. В первые годы деятельности ПМК петиции буквально наводнили Женеву. Согласно подсчетам С. Педерсен, больше всего петиций пришло из Палестины/Трансиордании (43,4%). Далее в первой пятёрке следуют Сирия/Ливан (40,6%), Юго-Западная Африка (4,8%), Того (2,3%), Ирак (2,3%), Танганьика (2,3%)³⁶. Значение петиционной кампании и обращений с жалобами в ЛН не следует преувеличивать. ПМК служила определенным фильтром документов, поступающих на рассмотрение в институты Женевы, и в большинстве случаев не рекомендовала предпринимать по петициям какие-либо действия. Комиссия выработала определенные правила. Например, индивидуальные жалобы жителей подмандатных территорий чаще всего отклонялись. Постоянная мандатная комиссия старалась рассматривать групповые петиции и передавать их в Совет ЛН или мандатной державе для исправления положения. ПМК расценивала характер режима мандатов как договор между властями страны, обладавшей мандатом, и лигой, а не между лигой и местным населением³⁷. Следовательно, ПМК считала петиции прежде всего источником информации, а не юридическим документом, подлежащим рассмотрению в судебной ответственности. И все же эта была новая международная открытость, и заявители могли достучаться до самых высоких институтов власти, используя паблисити подачи петиций, поскольку большинство заседаний ПМК были открытыми для прессы.

Таким образом, период действия ЛН в колониальном мире в 1919–1939 гг. заполнен, как и вся история международной организации, не только конфликтами, неудачами, но и некоторыми достижениями. Первоначально мандатная комиссия была задумана как компромиссный план передела бывших османских владений и немецких колоний. Найдена была формула, примирявшая сторонников колониальной аннексии и международного контроля над спорными территориями. За основу выдачи мандатов использовали формулу *uti possidetis*, территории передавались фактическим завоевателям: Великобритании, Франции, Бельгии, Японии и британским доминионам — Южно-Африканскому Союзу, Австралии и Новой Зеландии. Всего семь стран получили подопечные территории на новых условиях.

В метрополиях вскоре поняли, что это не простое присоединение новых богатых владений, а достаточно серьезная ответственность перед ПМК ЛН. ПМК оказывала давление на мандатные державы, отчеты об управлении подопечными территориями проходили в дискуссиях членов ПМК.

Мандатная система несколько изменила характер межвоенного европейского колониализма и империализма. ПМК создала новую сеть политических союзов и компромиссов и институт формального и неформального политического влияния на прогрессивные перемены в подмандатных территориях. ЛН обладала значительным влиянием, невыполнение норм международного права и условий мандата грозило публичной критикой в адрес нарушителя.

Мандатная система не привела к отмене практики и идеологии империализма, но внесла в этот феномен новые черты. Например, благодаря деятельности ЛН и ПМК

³⁵ Pedersen S. The Guardians... P. 87.

³⁶ Ibidem. См.: Ходнев А.С. Рецензия: С. Педерсен. Опекуны: Лига Наций и кризис империи // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 213.

³⁷ Pedersen S. The Guardians... P. 91.

утвердилась идея международной опеки, которая была использована впоследствии в деятельности ООН. Совершенно новая практика петиционной кампании предоставила новые возможности группам интересов в подмандатных территориях. Интернационализация экономической и культурной жизни также приносила свои плоды. В мандатных территориях развивалось образование и медицинское обслуживание благодаря практике обсуждения этих проблем в ПМК. Это не была эпоха полного кризиса колониальных империй и «ветра перемен». Однако мандатная система ЛН постепенно наметила начало кризиса.

Разработчики системы мандатов думали, что они улучшают колониализм, но учитывая то, что все они имели свои колониальные империи, несовершенство регулирующего механизма ПМК и непродолжительный период международной опеки, результат не сильно отличался от колонизированных стран.

Библиография

- Абрамова С.Ю.* Африка: четыре столетия работорговли. М., 1992.
- Всемирная история, в 6 т. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2017.
- Емельянов А.Л.* Колониальная история Африки южнее Сахары. Учебное пособие. М., 2011.
- Иноземцев В., Караганов С.* О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 1. С. 8–26.
- Мирзеханов В.С.* XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 3–19.
- Сагimbaев А.В.* Колониальная политика Великобритании в межвоенный период: причины, особенности, трансформации. М., 2018.
- Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. По поручению Министерства иностранных дел составил Ф. Мартенс. Т. 8. Трактаты с Германией 1825–1888. СПб., 1888.
- Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014.
- Фомин А.М.* Формирование мандатной системы на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. 1920–1924 годы // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 17–36.
- Хазанов А.М.* Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI–XVIII вв.). М., 1976.
- Ходнев А.С.* Международная конференция «Колониализм, деколонизация и постколониальные перспективы в истории – вызовы для дидактики и преподавания истории в глобализирующемся мире» // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 352–354.
- Ходнев А.С.* Рецензия: С. Педерсен. Опекуны: Лига Наций и кризис империи // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 212–214.
- Хормач И.А.* Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М., 2011.
- Хормач И.А.* СССР в Лиге наций, 1934–1939 гг. М. - СПб., 2017.
- A History of the Peace Conference of Paris / Ed. H.W.V. Temperley. Vol. 6. London – New York, 1969.
- Callahan M.D.* A Sacred Trust: The League of Nations and Africam 1929–1946. Brighton, 2004.
- Callahan M.D.* Mandates and Empire: The League of Nations and Africa, 1914–1931. Brighton, 1999.
- Cohen M.J.* The Origins and Evolution of the Arab-Zionist Conflict. Berkley, 1987.
- Encyclopedia of Western Colonialism since 1450. Vol. 1. Farmington Hills (MI), 2007. P. XIV–XV.
- Ferro M.* Colonization: A Global History. London, 1997.
- From L.S. Amery to J.C. Smuts, 20 March 1919 // Selections from the Smuts Papers. Vol. 4. Cambridge, 1966. P. 77–78.
- Iriye A.* Cultural Internationalism and World Order. Baltimore, 1997.
- Kallen H.M.* The League of Nations Today and Tomorrow: A Discussion of International Organization Present and to Come. Boston, 1919.
- Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. New York, 1989.
- League of Nations. A. 25. 1945. VI. A. 1. The Mandates System. Origin – Principles – Application. Geneva, 1945.
- MacMillan M.* Paris 1919: Six Months that Changed the World. New York, 2001.

Pedersen S. Back to the League of Nations // *American Historical Review*. 2007. Vol. 112. Issue 4. P. 1091–1117.

Pedersen S. *The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire*. New York, 2015.

Porter B. What did They Know of Empire? // *History Today*. 2004. Vol. 54. Issue 10. P. 42–48.

Selections from the Smuts Papers. Vol. 4. Cambridge, 1966.

Shaw B. *Fabianism and the Empire: A Manifesto by the Fabian Society*. London, 1900.

Yearwood P.J. *Guarantee of Peace: The League of Nations in British Policy 1914–1925*. Oxford, 2009.

References

Abramova S.Y. Afrika: chetyre stoletiya rabotorgovli [Africa: four centuries of the slave trade]. Moskva, 1992. (In Russ.)

Emel'yanov A.L. Kolonial'naya istoriya Afriki yuzhnee Sahary. Uchebnoe posobie [Colonial history of sub-Saharan Africa. Textbook]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Fomin A.M. Formirovanie mandatnoj sistemy na Blizhnem Vostoke posle Pervoj mirovoj vojny. 1920–1924 gody [Formation of the mandate system in the middle East after the First world war. 1920–1924 years] // *Novaya i novejschaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2014. № 1. S. 17–36. (In Russ.)

Inozemcev V., Karaganov S. O mirovom poryadke XXI veka [On the world order of the twenty-first century] // *Rossiia v global'noj politike* [Russia in global politics]. 2005. T. 3. № 1. S. 8–26. (In Russ.)

Khazanov A.M. Ekspansiya Portugalii v Afrike i bor'ba afrikanskikh narodov za nezavisimost' (XVI–XVIII vv.) [Expansion of Portugal in Africa and the struggle of African peoples for independence (XVI–XVIII centuries)]. Moskva, 1976. (In Russ.)

Khodnev A.S. Mezhdunarodnaya konferenciya “Kolonializm, dekolonizatsiya i postkolonial'nye perspektivy v istorii – vyzovy dlya didaktiki i prepodavaniya istorii v globaliziruyushchemsya mire” [International conference “Colonialism, decolonization and postcolonial perspectives in history – challenges for didactics and teaching history in a globalizing world”] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl pedagogical Bulletin]. 2013. № 4. T. I (Gumanitarnye nauki) [(Humanities)]. S. 352–354. (In Russ.)

Khodnev A.S. Retzenziy: S. Pedersen. Opekuny: Liga Nacij i krizis imperii [Review: S. Pedersen. *Guardians: The League of Nations and the crisis of the Empire*] // *Novaya i novejschaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2016. № 4. S. 212–214. (In Russ.)

Khormach I.A. SSSR v Lige nacij, 1934–1939 gg. [The Soviet Union in the League of Nations, 1934–1939]. Moskva – Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)

Khormach I.A. Vozvrashchenie v mirovoe soobshchestvo: bor'ba i sotrudnichestvo Sovetskogo gosudarstva s Ligoj nacij v 1919–1934 gg. [Return to the world community: the struggle and cooperation of the Soviet state with the League of Nations in 1919–1934]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. XIX vek v mirovoj istorii (k vyvodu V toma “Vsemirnoj istorii”) [XIX century in world history (to the V volume of the “world history”)] // *Novaya i novejschaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2015. № 4. S. 3–19. (In Russ.)

Sagimbaev A.V. Kolonial'naya politika Velikobritanii v mezhoennyj period: prichiny, osobennosti, transformatsii [Colonial policy of great Britain in the interwar period: reasons, features, transformations]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar' / Otv. red. A.O. Chubar'yan [Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Vsemirnaya istoriya, v 6 t. T. 6. Mir v XX veke: epoha global'nykh transformatsij. Kn. 1 / Otv. red. A.O. Chubar'yan [World history, in 6 vols. Vol. 6. The world in the XX century: the era of global transformations. Book 1]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Sobranie traktatov i konvencij, zaklyuchennykh Rossiej s inostrannymi derzhavami. Po porucheniyu Ministerstva inostrannykh del sostavil F. Martens. T. 8. Traktaty s Germaniej 1825–1888 [Collection of tracts and conventions concluded by Russia with foreign powers. On behalf of the Ministry of foreign Affairs, he compiled F. Martens. Vol. 8. Treatises with Germany 1825–1888]. Sankt-Peterburg, 1888. S. 695–710. (In Russ.)

A History of the Peace Conference of Paris / Ed. H.W.V. Temperley. Vol. 6. London – New York, 1969.

Callahan M.D. *A Sacred Trust: The League of Nations and Africam 1929–1946*. Brighton, 2004.

Callahan M.D. *Mandates and Empire: The League of Nations and Africa, 1914–1931*. Brighton, 1999.

Cohen M.J. *The Origins and Evolution of the Arab-Zionist Conflict*. Berkley, 1987.

Encyclopedia of Western Colonialism since 1450. Vol. 1. Farmington Hills (MI), 2007. P. XIV–XV.

Ferro M. *Colonization: A Global History*. London, 1997.

From L.S. Amery to J.C. Smuts, 20 March 1919 // *Selections from the Smuts Papers*. Vol. 4. Cambridge, 1966. P. 77–78.

Iriye A. *Cultural Internationalism and World Order*. Baltimore, 1997.

Kallen H.M. The League of Nations Today and Tomorrow: A Discussion of International Organization Present and to Come. Boston, 1919.

Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York, 1989.

League of Nations. A. 25. 1945. VI. A. 1. The Mandates System. Origin – Principles – Application. Geneva, 1945.

MacMillan M. Paris 1919: Six Months that Changed the World. New York, 2001.

Pedersen S. Back to the League of Nations // *American Historical Review*. 2007. Vol. 112. Issue 4. P. 1091–1117.

Pedersen S. The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. New York, 2015.

Porter B. What did They Know of Empire? // *History Today*. 2004. Vol. 54. Issue 10. P. 42–48.

Selections from the Smuts Papers. Vol. 4. Cambridge, 1966.

Shaw B. Fabianism and the Empire: A Manifesto by the Fabian Society. London, 1900.

Yearwood P.J. Guarantee of Peace: The League of Nations in British Policy 1914–1925. Oxford, 2009.

DOI: 10.31857/S013038640013380-6

© 2021 г. **Б.А. АЧКИНАЗИ**

Ж. КЛЕМАНСО И ПРОБЛЕМЫ «СИЛЬНОЙ ВЛАСТИ» ВО ФРАНЦИИ (1914–1919 годы)

Ачкинази Борис Александрович – доктор исторических наук, профессор Евпаторийского института социальных наук (филиал Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского) (Евпатория, Россия).

E-mail: boris_atch@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4514-2913

Аннотация. Актуальность изучения проблемы «сильной» власти во Франции в период Великой войны и по ее окончании обусловлена не только перипетиями истории страны в XX в., но и плюрализмом ее трактовок в историографии – от развенчания авторитарной сущности до апологетики. В статье на основе оригинальных источников и исследовательской литературы анализируются факторы, повлиявшие на деформацию конституционных институтов в годы войны. Отмечаются специфика и характер правления военного кабинета Ж. Клемансо и воздействие личности самого премьера на достижение перелома в военных действиях и завоевании победы. Клемансистская «диктатура» явилась проявлением тенденции на установление «сильной власти» в стране в период с момента введения чрезвычайного положения в августе-сентябре 1914 г. и до начала избирательной кампании в октябре 1919 г. Ее характер обуславливался необходимостью решения жизненно важных проблем в условиях мощного немецкого натиска: мобилизации всех имеющихся ресурсов для обеспечения победы и консолидации общества ради этой цели. Сохранение «сильной власти» Клемансо в первый послевоенный период увязывалось с необходимостью реконструкции (восстановления разрушенного войной хозяйства и достижения социальной стабилизации), реализации «французской мирной программы» на Парижской конференции, а также противостояния массовому движению и угрозе большевизма. Материал статьи подается в политико-юридическом аспекте, благодаря чему делается основополагающий вывод: утвердившиеся со времен Французской революции идеи республиканизма и демократии во многом обусловили временный характер «диктатуры» Клемансо и восстановление в полном объеме демократических норм в преддверии избирательной кампании 1919 г. Прецеденты «сильной власти» военной поры имели далеко идущие последствия. Они породили стойкую тенденцию к авторитаризму, что отразилось на усилении политической конфронтации в 1920–1930-х годах и повлияло на петеновский режим Виши и режим «личной власти» генерала Ш. де Голля.

Ключевые слова: «сильная власть», республиканские институты, парламент, Третья республика, военные кабинеты, чрезвычайное законодательство, антипарламентаризм.

В.А. Atchkinasi

G. Clemenceau and the Problems of "Strong Power" in France (1914–1919)

Boris Atchkinasi, Vernadsky Crimean Federal University Evpatoria Institute of Social Sciences (Evpatoria, Russia).

E-mail: boris_atch@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4514-2913

Abstract. The relevance of studying the problem of “strong” power in France during the Great War and after its end is due not only to the vicissitudes of the country's history in the twentieth century, but also

to the pluralism of its interpretations in historiography — from debunking the authoritarian essence of Clemenceau premiership to its apotheosis. Based on original sources and research literature, the article analyzes the factors that influenced the deformation of constitutional institutions during the War. The specifics and nature of G. Clemenceau's War Cabinet and the impact of the Prime Minister's own personality on achieving a turning point in military operations and ensure a victory. Clemenceau's "dictatorship" was a manifestation of the tendency to establish "strong power" in the country during the period from the introduction of the state of emergency in August and September 1914 to the beginning of the election campaign in October 1919. Its nature was determined by the need to solve vital problems in the face of a powerful German onslaught: the mobilization of all available resources to ensure victory and the consolidation of society for this purpose. The preservation of Clemenceau's "strong power" in the first post-war period was linked to the need for reconstruction (restoring the economy destroyed by the war and achieving social stabilization), implementing the "French peace program" at the Paris conference, as well as countering the mass movement and the threat of Bolshevism. The article's materials are presented in a political and legal aspect which makes it possible to draw a fundamental conclusion: the ideas of republicanism and democracy that have been established since the French revolution largely determined the temporary nature of Clemenceau's "dictatorship" and the full restoration of democratic norms in the run-up to the 1919 election campaign. The wartime "strong power" precedents had far-reaching consequences. They gave rise to a strong tendency to authoritarianism, which was reflected in the intensification of political confrontation in the 1920s and 1930s, and influenced the Vichy regime and the regime of General Charles de Gaulle's "personal power".

Keywords: "Strong power", dictatorship, republican institutions, parliament, legislation of the Third Republic, military offices, emergency legislation, anti-parliamentarism.

Мировая война 1914–1918 гг. способствовала деформации политических систем воюющих держав. Не избежала этой участи и Франция.

В результате Сентябрьской революции 1870 г. в стране утвердилась республиканская форма правления. Однако военные действия, продолжавшиеся на ее территории более четырех лет, потребовали мобилизации огромных людских и материальных ресурсов, привлечь которые прежними парламентскими методами оказалось невозможным. В обстановке неопределенности и неуверенности в исходе очередного столкновения с Германией, 13 ноября 1917 г. правительство возглавил Жорж Клемансо, известный государственный и политический деятель, получивший прозвища «Тигр» и «Ниспровергатель министерств». В молодости близкий к радикалам¹, в свои 76 лет он олицетворял тип республиканца-сторонника «сильной власти»². В политическом лексиконе Третьей республики термин «сильная власть» предполагал главную роль премьер-министра в принятии решений, а также его полномочия, выходящие за рамки Конституции и, в определенной мере, урезавшие права парламента. Стиль и методы его правления (свой первый кабинет Клемансо сформировал в 1906 г. — Б.А.) дали современникам основания назвать их «единоличными» и «диктаторскими». Публицист Л. Лазарюс указывал: «Клемансо осуществлял свои полномочия диктаторскими методами»³. А бывший секретарь его канцелярии Ж. Вормсер полагал, что именно такие методы были свойственны «республике Клемансо»⁴.

Феномен клемансистской «диктатуры» остается малоизученным, хотя самому Клемансо как крупному политику и яркой личности посвящено множество работ⁵. Французские авторы обычно отмечают энергичный и решительный характер правления

¹ Гурвич С.Н. Был ли Клемансо членом партии радикалов? // Французский ежегодник. 1980. М., 1982. С. 142–153.

² Clemenceau G. Sur la démocratie: neuf conférences, rapportées par Maurice Segard. Paris, 1930.

³ Latzarus L. La France veut-elle le Roi? Paris, 1967. P. 121–122.

⁴ Wormser G. La République de Clemenceau. Paris, 1961.

⁵ Abensour L. Clemenceau intime. Paris, 1928; Suarez G. La vie orgueilleuse de Clémenceau. Paris, 1930; Général Mopdack. Le Ministère Clemenceau. Journal d'un témoin. T. IV. Juillet 1919 – Janvier 1920. Paris, 1931; Monnerville G. Clemenceau. Paris, 1968; Duroselle J.-B. Clemenceau. Paris, 1988; Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983, и др.

Ж. Клемансо, его пренебрежение мнением парламента, эгоцентризм и властолюбие. Ж. Вормсер подмечал склонность Клемансо к «сильной власти» еще с довоенного времени. Комментируя назначение президентом А. Фальбером в октябре 1906 г. Ж. Клемансо председателем Совета министров, Вормсер подчеркивал, что в напряженной обстановке забастовочной борьбы горняков «Тигр» с его железной волей был единственным из политиков, способным обеспечить «республиканский порядок»⁶. Ж.-К. Монтан говоря о деятельности премьер-министра в годы войны, ограничивается констатацией: «...Он отказался от определенных великих идеалов, за которые боролся, и продемонстрировал авторитаризм, который его противники осудили как диктатуру»⁷. Наиболее одиозным проявлением «диктатуры» ряд авторов (А. Лемери, Б. Де Равизи и др.) считали преследование противников войны, отождествление их с немецкими агентами, организацию судебных процессов над «пораженцами» и «предателями» с вопиющим нарушением процессуальных норм⁸.

Высказывались и противоположные мнения. Так, известный политический и общественный деятель Г. Моннервиль, автор апологетической биографии Ж. Клемансо, акцентировал внимание на его приверженности демократическим принципам и считал заслугой своего героя отказ от формирования кабинета исключительно из представителей правых партий после выборов 1919 г.⁹

В советской историографии факт «диктатуры» увязывался с классово-буржуазной направленностью власти Клемансо. В.А. Антюхина-Московченко писала, что Жорж Клемансо «установил в стране настоящую диктатуру»¹⁰. В свою очередь Д.П. Прицкер, автор единственной в отечественной историографии политической биографии Ж. Клемансо, указывал, что премьер-министр лишь формально придерживался республиканского законодательства: «у него хватало ума соблюдать элементарные конституционные нормы, регулярно являться в парламент, отвечать (другое дело — как) на запросы депутатов, подчеркивать свою зависимость от палаты, периодически ставить вопрос о доверии и т.д. Однако, то была лишь форма, а по существу он правил как единоличный властитель»¹¹.

В целом историки, писавшие о «диктатуре» Клемансо, практически не раскрывали правовых аспектов, отождествляя ее с репрессивными действиями и поступками, обусловленными личными качествами премьера.

Исследование специфики и характера так называемой «диктатуры» Клемансо, ее соответствие конституционным принципам Третьей республики, а также причины, обусловившие демонтаж системы военного правления в преддверии парламентских выборов ноября 1919 г., позволят глубже понять истоки авторитарных тенденций, создавших в 1930-х годах угрозу существованию республиканских институтов.

* * *

Феномен клемансистской «диктатуры» следует рассматривать в контексте той экстремальной ситуации, которая сложилась во Франции в годы Первой мировой войны. Уже 2 сентября 1914 г. прорыв немцами фронта (наступление 1-й армии генерала фон Клука) вынудил все правительственные учреждения и дипломатический корпус эвакуироваться в Бордо. В кровопролитной битве 5–9 сентября на Марне французам с большим трудом удалось остановить продвижение германских армий и нанести им поражение.

⁶ *Wormser G.* Op. cit. P. 14–15.

⁷ *Montant J.-C.* Clemenceau Georges // Dictionnaire historique de la vie politique française au XX-e siècle (Sous la dir. de J.-F. Sirinelli). Paris, 2003. P. 240.

⁸ *Lémery A.* D'une République à l'autre. Souvenirs de la mêlée politique. 1894–1940. Paris, 1964. P. 72; *De Ravisi B.* Sous la dictature de Clemenceau. Un forfait judiciaire. Paris, 1926.

⁹ *Monnerville G.* Op. cit. P. 586.

¹⁰ История Франции. Т. 2. М., 1973. С. 60.

¹¹ *Прицкер Д.П.* Указ. соч. С. 209.

Однако успех не удалось закрепить, и началась изнурительная позиционная война. Правительствами обеих воюющих держав прилагались отчаянные усилия, чтобы изменить ситуацию.

Война кардинальным образом отразилась на работе государственного механизма Франции. Парламент оказался неспособным путем общепринятых процедур оперативно утверждать решения, многие из которых в тот период воспринимались как судьбоносные. Ослабление его роли становилось объективным фактором в условиях военного времени¹².

4 сентября 1914 г. на торжественном объединенном заседании палаты депутатов и сената были приняты резолюции о введении военного положения и цензуры¹³. Тем самым приостанавливалось действие важнейших конституционных законов, которые закрепляли нормы политической и частичной социальной демократии, а также права граждан. Речь идет в первую очередь о конституционных и органических законах о создании верхней палаты — сената (от 24 февраля 1875 г.) и государственных учреждений (от 16 июля 1875 г.), органический закон об избрании сенаторов (от 3 августа 1875 г.) и депутатов (от 30 ноября 1875 г.), которые составляли основу республиканского устройства на демократических принципах¹⁴.

Законодательство в области профессиональной организации, социальных и трудовых отношений хоть и отставало от уровня других развитых стран (Англии, Германии, США), но открывало возможности смягчения социального противостояния в обществе и установления партнерских отношений в сфере производства: Закон о создании профессиональных организаций (от 21 марта 1884 г.), Закон о ликвидации трудовых книжек (от 2 июля 1890 г.), Закон об ответственности за несчастные случаи на производстве (от 9 апреля 1889 г.), Закон о продолжительности рабочего дня (от 29 июля 1905 г.), Закон о пенсиях для работников и крестьян (от 5 апреля 1910 г.) и др.¹⁵

Закон об амнистии (от 6 июля 1880 г.)¹⁶, касающийся осужденных коммунаров, и, главное, Закон о свободе прессы (от 30 июня 1881 г.)¹⁷ заложили фундамент гражданского и либерального общества во Франции. Светский характер Республики стал утверждаться с 1880-х годов после принятия декрета о запрете конгрегаций¹⁸. Правление левых республиканцев и радикалов в 1902–1905 гг. ознаменовалось принятием ряда антиклерикальных законов, важнейшим из которых стал Закон об отделении церкви от государства (от 9 декабря 1905 г.)¹⁹.

Вокруг статутных актов, обеспечивавших светский и демократический характер режима, в течение всего периода существования Республики не прекращались политические баталии. Фактически законодательство Третьей республики являлось следствием пяти революций, крупным завоеванием французского народа в эпоху становления либерального общества на Западе.

Введение летом 1914 г. чрезвычайного положения стало, по сути, прецедентом. После возвращения 22 декабря 1914 г. правительства и парламентариев в Париж Палата

¹² *Renouvin P.* Les formes du gouvernement de Guerre. Paris, 1925.

¹³ *Annales de la Chambre des Députés.* 11-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1914. T. II. Paris, 1915. P. 906–907.

¹⁴ *Les Constitutions et principales lois politiques de la France depuis 1789.* Paris, 1952. P. 292–293, 296–305, 331–332, 334–336.

¹⁵ *Jeanneney J.M., Perrot M.* Textes de droit économique et social français. Paris, 1957. P. 252–253, 263, 294, 303–304, 407–413; *Code de commerce suivi des lois commerciales, industrielles et ouvrières.* Paris, 1909. P. 490–507.

¹⁶ *L'Année politique.* 1880 (par A. Daniel). Paris, 1881. P. 258.

¹⁷ *Bulletin des lois de la République Française.* Serie XII. Vol. XXIII. Dèxième semestre de 1881. Paris, 1882. P. 125–139.

¹⁸ *Fohlen C., Surratteau J.* Textes d'histoire contemporaine. Paris, 1967. P. 433–446.

¹⁹ *Ibid.* P. 362–365.

депутатов приняла решение не прекращать деятельность Национального собрания до конца войны и проводить заседания 2–3 раза в неделю.

Таким образом, формально парламент продолжал функционировать. На его заседаниях обсуждались вопросы ведения войны, положения на фронтах, назначения и перемещения высшего командного состава, отношения с союзниками и т.д. Более полно в повестке дня значились внутривластные вопросы. Однако палаты не имели реальной возможности влиять на ситуацию. Красноречивые доказательства такого положения приводятся в работе П. Ренувена «Формы военного правления», а также в мемуарном труде президента Р. Пуанкаре «На службе Франции». Последний в записи от 26 августа 1915 г. дал короткое определение прав парламента, согласно мнению тогдашнего председателя правительства Р. Вивиани: «Неограниченная свобода в тылу и свобода, сужающаяся по мере того, как контроль парламента приближается к фронтовой полосе, другими словами, к зоне военных действий; вмешиваться в последние никогда не приходило в голову ни одному сенатору или депутату»²⁰.

На первый план в управлении страной вышла исполнительная власть. При всей слабости, выявившейся в деятельности военных кабинетов, они выполняли главную роль в организации отпора врагу. Премьер одновременно являлся председателем Национального совета обороны, в руках которого было сосредоточено управление важнейшими секторами экономики. Его указы, как и правительственные декреты, не обсуждались в парламентских комиссиях и не согласовывались с мнением палат.

Резко возросло значение военной администрации, которая в ряде случаев переподчинила себе органы гражданской власти. Известный историк Ф. Бернар считал сложившуюся ситуацию следствием введения чрезвычайного законодательства: «Милитаризм был возведен в королевский сан, а генералы Жоффр и Галлиени после отъезда правительства в Бордо превратились в истинных вождей нации, стали объектами поклонения». Война «усилила антипарламентаризм», а сам парламент превратился в не что иное, как в «обычную палату для регистрации постановлений военных властей»²¹.

Именно в этих условиях, когда рассматривались различные варианты «сильной власти» - власти, наделенной широкими полномочиями, выходящими за рамки парламентского контроля - развернулась деятельность Ж. Клемансо. Еще в августе 1915 г., в связи с усилением требований многих депутатов и прессы назначить его премьер-министром, президент Р. Пуанкаре, один из явных недоброжелателей «Тигра», обвинявшего и кабинет, и президента, и военных руководителей в нерешительности, подчеркивал: «У Клемансо слишком коротка воля к власти, он желает доказать, безразлично чем, что он сильный человек»²². Вынужденный все же объявить неуживчивого политика новым главой правительства, Пуанкаре, по свидетельству биографа «отца победы» П. Доминика, записал в дневнике: «Я вижу великие недостатки Клемансо, его неумеренную гордыню, упрямство, непостоянство»²³.

В данном случае важна не столько оценка президентом или другими политическими лидерами характера и личных качеств Клемансо, сколько то, что «диктатуре» Клемансо была уже подготовлена благоприятная почва. В крайне сложной обстановке обострения ситуации на фронтах и в тылу Антанта осенью 1917 г. фактически лишилась своего стратегического союзника в лице России. В самой Франции прокатилась волна военных бунтов, «Тигр» вновь оказался востребованным в высших эшелонах власти. Через неделю после назначения, 19 ноября 1917 г. новый премьер произнес знаменитую речь

²⁰ Пуанкаре Р. На службе Франции. 1915–1916. Воспоминания. Мемуары. М.—Минск, 2002. С. 49.

²¹ Bernard Ph. La fin d'un monde. 1914–1928. (Nouvel histoire de la France contemporaine). Paris, 1975. P. 42–44.

²² Пуанкаре Р. Указ. соч. С. 15.

²³ Domenique P. Clemenceau. Paris, 1963. P. 199.

«Я веду войну», с энтузиазмом одобренную палатой. Сутью ее стал призыв вести тотальную войну и удвоить усилия ради победы.

Стержнем выступления стало заявление о безжалостной борьбе против «пораженцев» и «предателей», всех, кто под лозунгами пацифизма пропагандировали «мир на немецкие деньги». Клемансо подчеркнул, что отныне они будут караться по всей строгости закона, правосудие не пощадит никого, недопустимы «ни предательство, ни полупредательство». В заключение прозвучали слова, фактически раскрывавшие кредо премьер-министра: «Моя внутренняя политика – война. Моя внешняя политика – война. Я всюду веду войну»²⁴.

Д.П. Прицкер и другие исследователи приводят многочисленные примеры авторитарных черт премьера: «Президент республики потерял влияние на политику страны. Клемансо все реже и реже информировал его о ходе событий...», «в парламенте Клемансо, ссылаясь на военную тайну, отказывался отвечать на вопросы, связанные с ведением войны»²⁵.

«Тигр» провел жесткую чистку государственного и военного аппарата, резко сократил штат тыловых ведомств, провел досрочную мобилизацию призывников 1919 и 1920 гг. В феврале 1918 г. он добился права издавать законы-декреты по экономическим вопросам без санкции парламента.

Именно Клемансо выдвинул серьезные обвинения против бывших министров Ж.-Л. Мальви и Ж. Кайо, членов руководства партии радикалов, добился их ареста и заключения в тюрьму²⁶. Стоит отметить, что кампания преследования «немецких агентов» была запущена до прихода Клемансо к власти. Французский историк П. Дюран подсчитал, что в период с мая по сентябрь 1917 г. военным трибуналом было вынесено 23 385 приговоров, из них 412 – смертных; 1381 человек были приговорены к каторжным работам²⁷. Однако именно при Клемансо расправа с инакомыслящими достигла кульминации. По его требованию в январе 1918 г. сенат был преобразован в Верховный суд. Следом за Кайо парламентской неприкосновенности был лишен депутат Э. Лускало; к смертной казни приговорены немецкие шпионы – Боло и Дюваль (редактор газеты «Бонне руж»). При этом исследователи обратили внимание на то, что Фемида Клемансо осуществляла выборочное правосудие: избежал наказания тесно связанный с премьером загадочный делец Базиль Захаров, обвиненный в продаже немцам стратегического сырья.

«Тигр» не только наносил удары. Довольно часто ему приходилось лавировать, особенно в сфере трудовых отношений. В апреле 1918 г. в стачечной борьбе приняли участие до 300 тыс. рабочих. В их действиях проявлялись, как отмечал историк Р. Эске, «новые элементы – политические мотивы. Ширились протесты против наказаний некоторых профсоюзных руководителей, против досрочной мобилизации» и др.²⁸ Французское рабочее движение ощущало влияние Русской революции и большевистской пропаганды, что послужило причиной развязывания массовых антибольшевистских кампаний, а депутатам-социалистам А. Майера, М. Кашену и А. Тома по особому распоряжению Ж. Клемансо было отказано в визах для поездки в «красный Петроград».

Фактор социальных потрясений являлся одной из весомых причин того, что военное положение в стране сохранялось еще много месяцев после подписания Компьенского перемирия. Английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж весьма справедливо охарактеризовал в своих мемуарах специфику момента: «Народные массы всей Европы, от

²⁴ *Annales de la Chambre des Députés. 11-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1917. T. I. Part. III. Paris, 1917. P. 3053–3057.*

²⁵ *Прицкер Д.П. Указ. соч. С. 209.*

²⁶ *Caillaux J. Devant l'histoire. Mes prisons. Paris, 1920. P. 261–262; Mahy J.-L. Mon crime. Paris, 1921.*

²⁷ *Дюран П. Солдатские волнения во французской армии в 1917 г. // Французский ежегодник. 1978. М., 1980. С. 88.*

²⁸ *Esaich R. Les monstres sacrés de la III-e République. Paris, 1974. P. 186.*

края до края, ставят под сомнение весь существующий порядок, весь сегодняшний политический, социальный и экономический строй...»²⁹.

Трудности войны и подъем массового движения отразились на деятельности крайне левых элементов в социалистической партии (СФИО) и профсоюзном (синдикальном) движении. 1919 г. был отмечен широким размахом стачечной борьбы и появлением ряда коммунистических групп и организаций: Французской коммунистической партии, Коммунистической федерации советов; усилилась деятельность анархо-синдикалистских элементов, добивавшихся ликвидации «старого» социального порядка. В левосоциалистической и коммунистической прессе, в анархо-синдикалистских изданиях публиковались призывы к отказу от парламентаризма, бойкоту выборов, использованию в борьбе против «капиталистического режима» тактики «прямых действий», т.е. всеобщей забастовки. Подчеркивалось, что только «глубокий социальный переворот» в состоянии разрешить проблемы послевоенного развития³⁰. В Манифесте Французской коммунистической партии указывалось, что только переход власти в руки пролетариата даст ему возможность ликвидировать полицию, армию, суд, чиновников³¹. Декларировались лозунги уничтожения «буржуазного» государства со всеми его атрибутами. Крайне левые группы в социалистической партии также призывали к использованию «русского опыта» для захвата власти и установления «диктатуры пролетариата»³².

Одновременно война вызвала повышенную активность крайне правых сил. Наиболее влиятельной среди них являлась монархическая организация Аксьон франсез (Французское действие), выступавшая за восстановление роялистского правления или же, учитывая послевоенные реалии, власти «национального вождя». Лидеры и идеологи Аксьон франсез Ш. Моррас, Ж. Бенвиль, Л. Доде доказывали неспособность республиканского режима нормализовать ситуацию в стране и сохранить «плоды победы». Даже в триумфальный день 11 ноября 1918 г., когда перезвоны колоколов всех городов, деревень и селений Франции оповестили об окончании войны, Моррас к негодованию всех приверженцев республики, демократии, светских и гражданских свобод провозгласил: «Тот, кто отдает дань республике в завоевании победы, является диким тотемистом»³³.

По словам специалиста по истории Третьей республики Э. Боннефу, сложившаяся в стране к концу войны и в первый послевоенный период обстановка «характеризовалась яростными атаками против режима монархической Аксьон франсез, с одной стороны, и компартии – с другой»³⁴.

Необходимость борьбы против правого и левого радикализма питали авторитарную тенденцию, которая укоренилась в политической жизни Франции в годы войны. Только «сильная власть», по убеждению многих политиков, была в состоянии обеспечить выход страны из послевоенного кризиса.

Поэтому кабинет «отца победы» и после заключения перемирия продолжал править, опираясь на положения чрезвычайного законодательства. Продолжалась практика ограничения политических прав и свобод, ограничения прерогатив парламента, особенно в сфере контроля над деятельностью правительства. Политологи А. Демишель, Ф. Демишель и Ф. Пикемаль справедливо писали по этому поводу: «После окончания Первой мировой войны ослабление позиций парламента способствовало расширению прерогатив правительства... в такой мере, что оно начало подменять парламента, в том числе в законодательной сфере»³⁵.

²⁹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1. М., 1957. С. 350.

³⁰ La Revue communiste. 1920, № 1. P. 3.

³¹ L'Internationale, 16.VI.1919.

³² L'Humanité, 3.VIII.1919.

³³ Maurras Ch. Le mauvais traité de la Victoire à Locarno. T.1. Paris, 1928. P. 63.

³⁴ Bonnefous E. Histoire politique de la Troisième République. T. 3. L'Après-guerre. Paris, 1959. P. 3.

³⁵ Демишель А., Демишель Ф., Пикемаль Ф. Институты и власть во Франции. М., 1977. С. 47.

Опасность закрепления такой тенденции вызывала тревогу в политических и общественных кругах еще в годы войны. 19 октября 1918 г. с протестом против свирепствования цензуры выступила Ассоциация французской демократической прессы из-за приостановки социалистической «Попюлер», издававшейся Ф. Лорио. Один из лидеров левого крыла партии по этому поводу заявил, что, даже согласно уставу 1849 г. о чрезвычайном положении, такое право предоставлялось военному губернатору лишь в особых случаях, если в издании содержался призыв к гражданской войне, чего в «Попюлер» совершенно не было³⁶.

Преследование прессы усилилось в период подготовки и работы Парижской мирной конференции. Цензурой были изъяты материалы, не совпадавшие с линией официальной делегации, которую возглавлял сам Клемансо. Был наложен запрет на публикации каких-либо сообщений о разногласиях между французскими делегатами, в первую очередь между самим премьером и маршалом Фошем относительно статуса Рейнской области, численности германской армии, гарантийных пактов с союзниками. Французским газетам не позволили обнародовать меморандумы Фоша от 23 апреля и 8 мая 1919 г. и интервью, данное им английским корреспондентам касательно своей позиции. В этой связи номер «Матен» («Утро») от 7 июня вышел с огромной карикатурой на первой полосе. В ней высмеивались Клемансо и его запреты «публиковать то, о чем говорит маршал Фош, то, о чем думает Ллойд Джордж, вообще упоминать о тексте мирного договора»³⁷.

По распоряжению Клемансо начальник его канцелярии Ж. Мандель провел обыск у министра вооружений Л. Лушера. Причиной, как сообщала «Матен», явилось несогласие последнего с финансовыми мероприятиями, проводимыми премьером. 10 июня 1919 г. это же издание отметило, что Клемансо «не разбирается в большинстве неотложных проблем». Правительство обвиняли в затягивании восстановительных работ в департаментах, пострадавших от военных действий, непрекращающихся экономических трудностях, неспособности навязать «французскую программу» участникам Парижской мирной конференции. Выступая в палате депутатов, радикал А. Мерлен подверг правительственный курс жесточайшей критике за «равнодушие» к тяготам, обрушившимся на соотечественников, и призвал к срочному решению проблем, иначе «катастрофическая ситуация приведет страну к полному краху»³⁸.

Искушенный в политических битвах «Тигр» понимал необходимость лавирования и неотложных реформ. В марте-апреле 1919 г. он подписал несколько правительственных законопроектов, закреплявших 8-часовой рабочий день в ряде отраслей промышленности, использование арбитража при трудовых конфликтах и расширение социального страхования³⁹. Однако эти важные нововведения не могли приглушить требований полного возвращения к конституционным нормам Третьей республики. «Отца победы» публично обвиняли в введении цензуры, запрете свободы прессы и свободы мнений.

«Матен», высказав критические замечания в отношении подготовленного в Париже мирного договора с Германией, резюмировала: «Не сумев навязать в вопросах внешнеполитических французскую программу мира, Клемансо оставил нерешенными ряд важнейших вопросов безопасности, ухудшив и без того наше неприглядное существование»⁴⁰. В этом же номере (от 10 июня) был приведен фрагмент выступления одного из членов парламентской комиссии по обсуждению договора. Он обвинял премьера

³⁶ Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 391. Оп. 2. Д. 1. Информационные сводки иностранного отдела РОСТА, г. 1918. Л. 90.

³⁷ Le Matin, 7.VI.1919.

³⁸ Annales de la Chambre des Députés. 11-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1919. T. I. Part. I. Paris, 1919. P. 545.

³⁹ Ачкинази Б.А. Социальная политика Национального блока в 1919–1920 гг. // Французский ежегодник. 1981. М., 1983. С. 91, 93.

⁴⁰ Le Matin, 10.VI.1919.

в «узурпации полномочий», принуждении депутатов почитать свою особу как «монарха по божественному праву», в стремлении использовать свою славу для установления неограниченной власти.

Это стало поводом для новых репрессивных акций против «Матен» и других изданий, которые пытались высказывать независимые суждения. Директор «Верите» («Истина») П. Менье в комментариях, посвященных подобным инцидентам, объяснил нападки на прессу, прежде всего на «Матен», и очередной обыск у ее редактора А. Шоллера тем, что «сегодня курс этой влиятельной французской газеты является полностью противоположным тому, который осуществляет министерство»⁴¹.

Таким образом, в политических кругах и обществе все чаще звучали мнения о пагубности сохранения законов военного времени; действия премьер-министра расценивались как злоупотребление положением и превышение полномочий. Исполком партии радикалов, который в конечном счете одобрил текст Версальского договора накануне его подписания (28 июня), высказал пожелания, чтобы этот акт привел к отмене чрезвычайного положения, возвращению политических свобод, ликвидации цензуры, а также почтового и телеграфного контроля⁴².

Однако «диктатура» Клемансо растянулась еще на несколько месяцев, практически на весь период обсуждения и ратификации Версальского мира парламентом. Только 23 октября в условиях уже начавшейся (с 16 октября) избирательной кампании был утвержден закон, официально прекращавший состояние войны и отменявший военное положение⁴³. Без этой меры было просто невозможно проведение предвыборной агитации.

В ходе избирательной кампании, 4 ноября 1919 г., Ж. Клемансо выступил с большой речью в Страсбурге, которая ярко характеризует политические и идеологические принципы «отца победы», а также его отношение к режиму и конституционным институтам Третьей республики. Текст выступления был издан в Париже в виде брошюры.

Первыми словами премьер воздал честь Республике и правительству, которое сумело в годы войны справиться с заданиями, которые «превышали меру людских возможностей». Он акцентировал внимание на том, что в результате победы «политические свободы были спасены», а внутренняя ситуация всегда оставалась под контролем парламента. Это не соответствовало истине, однако всеми силами Клемансо пытался сохранить образ республиканца, преданного ценностям парламентской демократии. Он высказался в пользу сохранения в полном объеме светских законов, которые «совсем не противостоят правам и свободам граждан, какого бы вероисповедания они не придерживались». Это был ответ клерикалам, которые добивались отмены или существенного ограничения светского законодательства 1905 г. Премьер напомнил, что вторжение религии в политику часто порождало «яростные попытки возвращения режима прошлого» (т.е. реставрации монархии. — Б.А.), и подчеркивал, что «религиозный мир может быть обеспечен только при условии, что законные требования конфессиональных свобод не приведут к возрождению старых тяжб между партиями»⁴⁴.

Стержнем его выступления стал призыв к «сохранению союза французов не только в дни войны, но и мира», что является условием выживания нации и «существования общего очага жизни»⁴⁵.

Далее, однако, премьер указал на несовершенство парламентской системы, которая в чрезвычайно напряженной обстановке военной поры могла лишь «чинить длительные

⁴¹ La Verite, 12.VI.1919.

⁴² Le Matin, 26.VI.1919.

⁴³ Journal Officiel de la République Française. Lois et décrets, arrêtés, circulaires, avis, communications. 24.X.1919.

⁴⁴ Discours prononcé par J. Clemenceau, Président du Conseil, Ministre de la Guerre à Strasbourg le 4 Novembre 1919. Paris, 1919. P. 11–12.

⁴⁵ Ibid. P. 13–14.

бюрократические разборки бумажных дел вместо того, чтобы решительно действовать». Конституция была оценена как весьма посредственная (*mediocre*), однако «любые попытки ее улучшения с неизбежностью приведут к серьезным социальным и политическим потрясениям, которые трудно будет уgomонить». Вместе с тем обстоятельства требуют модернизации государственных институтов ввиду активности «революционного меньшинства», стремящегося дезорганизовать усилия власти. Поэтому «наиболее полезным проявлением деятельности парламента стала бы реализация простого требования... создания в его среде стойкого большинства, которое подчинялось бы управлению вождя, способного говорить то, что он считает необходимым, и исполнять то, что он говорит»⁴⁶.

В предвыборной речи Ж. Клемансо, таким образом, был открыто поднят вопрос о реорганизации парламента (Национального собрания), расширении полномочий исполнительной власти и изменении избирательной системы, а также особой роли «вождя», который бы руководил палатами и обладал достаточной дееспособностью. Сам характер действий премьера свидетельствовал, что в роли такого вождя он видел только себя. «Тигр» заявлял: «Реформа, на которой я настаиваю, была бы... на пользу правительству, администрации и самому парламенту»⁴⁷. Эту часть своего выступления он завершил следующей тирадой: «Почему требования сохранения порядка в республике должны быть меньшими, чем в монархии?»⁴⁸

Было высказано недовольство в адрес рабочих организаций, прежде всего синдикатов, которые своими действиями «подрывают» гражданский порядок и ведут себя так, «как будто им все позволено». При этом Ж. Клемансо ссылался на органические законы республики и содержащийся в них пункт о «свободе труда». Акцентируя внимание на том, что «работник имеет права, уважения которых он, естественно, добивается», премьер в то же время напомнил, что тот же работник должен «уважать права других» (т.е. работодателей).

Отдельное место в речи было отведено программе партнерства и сотрудничества в сфере социальных и трудовых отношений. Среди тех, кто подрывал согласие в обществе, премьер называл «большевиков» — французских левых социалистов, интернационалистов, революционных синдикалистов, которые декларировали приверженность «русскому опыту» и поддерживали большевистский режим в России. Они действуют «с открытым забралом» и не скрывают намерений «установить на руинах республиканского режима кровавую анархистскую диктатуру». Именно в этой связи была произнесена сакраментальная фраза, вызвавшая громадный резонанс в политических и общественных кругах и особенно в рабочем сообществе: «Вопрос между нами и ними решается силой!»⁴⁹

Таким образом, приверженность республике и ценностям цивилизации (порядку, собственности, демократии, свободам и т.д.) простиралась у Клемансо до признания необходимости отстаивать их силой. Подобная позиция была присуща консервативным кругам, стремившимся защитить довоенную социально-политическую систему от угрозы революции.

Для представителей левых (социалисты) и левореспубликанских (радикалы) кругов такие подходы к ситуации, чреватые последствием социального взрыва, были неприемлемы. Среди либеральных и демократически настроенных деятелей сохранение «сильной власти» Клемансо вызывало все большее отторжение. Весьма любопытное суждение по этому поводу было высказано начинающим, но уже зарекомендовавшим себя проницательным публицистом американцем У. Липпманом, который в этот период пребывал в Европе и был хорошо знаком с политической обстановкой во Франции, Англии, Германии, Италии, России. Он отмечал, что после окончания войны в борьбу между собой

⁴⁶ Ibid. P. 17–19.

⁴⁷ Ibid. P. 20.

⁴⁸ Ibid. P. 23.

⁴⁹ Ibid. P. 24–25.

вступили три силы: силы реакции (Клемансо), силы реконструкции (Вильсон) и силы революции (Ленин). Единственно возможным путем в сложившихся условиях он считал либеральную пацифистскую политику в «Европе, оказавшейся перед дилеммой революции»⁵⁰.

* * *

Клемансистская «диктатура» стала проявлением той «сильной власти», которая сформировалась во Франции в годы мировой войны с введением чрезвычайного положения. Сам термин «диктатура» имел условное значение, подразумевая сильную исполнительную власть, опирающуюся на чрезвычайное законодательство, утвержденное парламентом. «Сильная власть» Клемансо в целом носила временный характер, и конституционные нормы Третьей республики оставались основополагающими. Отмена в октябре 1919 г. законов военного времени привела к их восстановлению в полном объеме.

Однако прецеденты «сильной власти» военной поры имели далеко идущие последствия. Они породили стойкую тенденцию к авторитаризму, что выразилось в усилении политической конфронтации в 1920–1930-х годах, попытках крайне правых (монархистских и фашистских) сил ликвидировать режим Третьей республики в период экономического кризиса 1930-х годов и возникновении феномена Народного фронта. После поражения Франции в 1940 г. в результате гитлеровской агрессии суррогатом авторитаризма выступал петеновский режим Виши. Рецидивы персонального правления в чрезвычайных обстоятельствах кризиса Четвертой республики нашли воплощение в режиме «личной власти» генерала Ш. де Голля, однако исторически обусловленные со времен Великой французской революции идеи республиканизма и демократии остаются неизменной основой развития современной Франции.

Библиография

- Ачкинази Б.А.* Социальная политика Национального блока (1919–1920 гг.) // Французский ежегодник. 1981. М., 1983. С. 91–105.
- Гурвич С.Н.* Был ли Клемансо членом партии радикалов? // Французский ежегодник. 1980. М., 1982. С. 142–153.
- Демшель А., Демшель Ф., Пикемаль Ф.* Институты и власть во Франции. М., 1977.
- Дюран П.* Солдатские волнения во французской армии в 1917 г. // Французский ежегодник. 1978. М., 1980. С. 78–88.
- История Франции. Т. 2. М., 1973.
- Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. 1. М., 1957.
- Прицкер Д.П.* Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983.
- Пуанкаре Р.* На службе Франции. 1915–1916. Воспоминания. Мемуары. М.-Минск, 2002.
- Abensour L.* Clemenceau intime. Paris, 1928.
- Annales de la Chambre des Députés. 11-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1914. Т. II. Paris, 1915.
- Annales de la Chambre des Députés. 11-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1917. Т. I. Part. III. Paris, 1917.
- Annales de la Chambre des Députés. 11-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1919. Т. I. Part. I. Paris, 1919.
- Bernard Ph.* La fin d'un monde. 1914–1928. (Nouvel histoire de la France contemporaine). Paris, 1975.
- Bonnefous E.* Histoire politique de la Troisième République. Т. 3. L'Après-guerre. Paris, 1959.
- Bulletin des lois de la République Française. Serie XII. – V. XXIII. Dèxième semestre de 1881. Paris, 1882.
- Caillaux J.* Devant l'histoire. Mes prisons. Paris, 1920.
- Clemenceau G.* Sur la démocratie: neuf conférences, rapportées par Maurice Segard. Paris, 1930.
- Code de commerce suivi des lois commerciales, industrielles et ouvrières. Paris, 1909.
- De Ravisi B.* Sous la dictature de Clemenceau. Un forfait judiciaire. Paris, 1926.

⁵⁰ *Lippman W.* The Political Tame: An Essay on Victory of 1918. New York, 1919. P. X–XIII.

- Discours prononcé par J.Clemenceau, Président du Conseil, Ministre de la Guerre à Strasbourg le 4 Novembre 1919. Paris, 1919.
- Domenique P.* Clemenceau. Paris, 1963.
- Duroselle J.-B.* Clemenceau. Paris, 1988.
- Esaich R.* Les monstres sacrés de la III-e République. Paris, 1974.
- Fohlen C., Surratteau J.* Textes d'histoire contemporaine. Paris, 1967.
- Général Mopdack.* Le Ministère Clemenceau. Journal d'un témoin. T. IV. Juillet 1919 – Janvier 1920. Paris, 1931.
- Jeanneney J.M., Perrot M.* Textes de droit économique et social français. Paris, 1957.
- Journal Officielle de la République Française. Lois et décrets, arrêtés, circulaires, avis, communications. 24.X.1919.
- L'Année politique. 1880 (par A. Daniel). Paris, 1881.
- La Revue communiste. 1920. № 1.
- Lazarus L.* La France veut-elle le Roi? Paris, 1967.
- Lémercy A.* D'une République à l'autre. Souvenirs de la mêlée politique. 1894–1940. Paris, 1964.
- Les Constitutions et principales lois politiques de la France depuis 1789. Paris, 1952.
- Lippman W.* The Political Tame: An Essay on Victory of 1918. New York, 1919.
- Malvy J.-L.* Mon crime. Paris, 1921.
- Maurras Ch.* Le mauvais traité de la Victoire à Locarno. T. 1. Paris, 1928.
- Monnerville G.* Clemenceau. Paris, 1968.
- Montant J.-C.* Clemenceau Georges // Dictionnaire historique de la vie politique française au XX-e siècle (Sous la dir. de J.-F.Sirinelli). Paris, 2003.
- Renouvin P.* Les formes du gouvernement de Guerre. Paris, 1925.
- Suarez G.* La vie orgueilleuse de Clémenceau. Paris, 1930.
- Wormser G.* La République de Clemenceau. Paris, 1961.

References

- Atchkinasi B.A.* Sotsial'naya politika Natsional'nogo bloka (1919–1920 gg.) [Social policy of the National Bloc (1919–1920)] // Frantsuzskiy yezhegodnik. 1981 [French Yearbook. 1981]. Moskva, 1983. P. 91–105. (In Russ.)
- Demichelle A., Demichelle F., Pickemal F.* Instituty i vlast' vo Frantsii [Institutions and power in France]. Moskva, 1977. (In Russ.)
- Duran P.* Soldatskiye volneniya vo frantsuzskoy armii v 1917 g. [Soldier riots in the French army in 1917] // Frantsuzskiy yezhegodnik. 1978 [French Yearbook. 1978]. Moskva, 1980. P. 78–88. (In Russ.)
- Gurvich S.N.* Byl li Klemanso chlenom partii radikalov? [Was Clemenceau a member of the radical party?] // Frantsuzskiy yezhegodnik. 1980 [French Yearbook. 1980]. Moskva, 1982. P. 142–153. (In Russ.)
- Istoriya Frantsii [History of France]. T. 2. Moskva, 1973. (In Russ.)
- Poincare R.* Na sluzhbe Frantsii. 1915–1916. Vospominaniya. Memuary [In the service of France. 1915–1916. Memoirs]. Moskva-Minsk, 2002. (In Russ.)
- Pritzker D.P.* Zhorzh Klemanso. Politicheskaya biografiya [Georges Clemenceau. Political biography]. Moskva, 1983. (In Russ.)
- Abensour L.* Clemenceau intime. Paris, 1928.
- Annales de la Chambre des Députés. 11-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1914. T. II. Paris, 1915.
- Annales de la Chambre des Députés. 11-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1917. T. I. Part. III. Paris, 1917.
- Annales de la Chambre des Députés. 11-me législature. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1919. T. I. Part. I. Paris, 1919.
- Bernard Ph.* La fin d'un monde. 1914–1928. (Nouvel histoire de la France contemporaine). Paris, 1975.
- Bonnefous E.* Histoire politique de la Troisième République. T. 3. L'Après-guerre. Paris, 1959.
- Bulletin des lois de la République Française. Serie XII. – V. XXIII. Dèxième semestre de 1881. Paris, 1882.
- Caillaux J.* Devant l'histoire. Mes prisons. Paris, 1920.
- Clemenceau G.* Sur la démocratie: neuf conférences, rapportées par Maurice Segard. Paris, 1930.
- Code de commerce suivi des lois commerciales, industrielles et ouvrières. Paris, 1909.
- De Ravisi B.* Sous la dictature de Clemenceau. Un forfait judiciaire. Paris, 1926.
- Discours prononcé par J. Clemenceau, Président du Conseil, Ministre de la Guerre à Strasbourg le 4 Novembre 1919. Paris, 1919.

- Domenique P. Clemenceau.* Paris, 1963.
- Duroselle J.-B. Clemenceau.* Paris, 1988.
- Escaich R.* Les monstres sacrés de la III-e République. Paris, 1974.
- Fohlen C., Surratteau J.* Textes d'histoire contemporaine. Paris, 1967.
- Général Mopdack.* Le Ministère Clemenceau. Journal d'un témoin. T. IV. Juillet 1919 –Janvier 1920. Paris, 1931.
- Jeanneney J.M., Perrot M.* Textes de droit économique et social français. Paris, 1957.
- Journal Officiel de la République Française. Lois et décrets, arrêtés, circulaires, avis, communications. 24.X.1919.
- L'Année politique. 1880 (par A. Daniel). Paris, 1881.
- La Revue communiste. 1920. № 1.
- Latzarus L.* La France veut-elle le Roi? Paris, 1967.
- Lémery A.* D'une République à l'autre. Souvenirs de la mêlée politique. 1894–1940. Paris, 1964.
- Les Constitutions et principales lois politiques de la France depuis 1789. Paris, 1952.
- Lippman W.* The Political Tame: An Essay on Victory of 1918. New York, 1919.
- Malvy J.-L.* Mon crime. Paris, 1921.
- Maurras Ch.* Le mauvais traité de la Victoire à Locarno. T. 1. Paris, 1928.
- Monnerville G.* Clemenceau. Paris, 1968.
- Montant J.-C.* Clemenceau Georges // Dictionnaire historique de la vie politique française au XX-e siècle (Sous la dir. de J.-F. Sirinelli). Paris, 2003.
- Renouvin P.* Les formes du gouvernement de Guerre. Paris, 1925.
- Suarez G.* La vie orgueilleuse de Clémenceau. Paris, 1930.
- Wormser G.* La République de Clemenceau. Paris, 1961.

DOI: 10.31857/S013038640009540-2

© 2021 г. М.К. МЕДВЕДЕВА

КОГДА ИНТЕЛЛЕКТУАЛ СТАНОВИТСЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОМ: ЖАК БЕНУА-МЕШЕН И ЕГО «ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ»

Медведева Мария Константиновна — аспирант 3 года обучения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: medvedevamasha4@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0819-4853

Аннотация. В статье анализируется работа «История германской армии» французского историка и общественного деятеля Жака Бенуа-Мешена (1901–1983). Получивший в годы Второй мировой войны печальную известность как видный коллаборационист, после ее окончания он был предан суду и приговорен к смертной казни, но был помилован президентом Франции В. Ориолем. Эта страница биографии Бенуа-Мешена затмила собою его деятельность в межвоенный период, которая, однако, представляет значительный интерес. Будучи в то время активным сторонником франко-германского примирения и сотрудничества, Бенуа-Мешен в своей фундаментальной работе о германской армии анализирует вызовы, с которыми армия столкнулась на исходе Первой мировой войны и в период Веймарской республики, а также роль, которую в ее «возрождении» сыграл национал-социализм. Важное значение для формирования взглядов Бенуа-Мешена имели его личные наблюдения за событиями, происходящими в Германии 1920-х годов, и тот факт, что в силу своей национальной принадлежности он воспринимал германскую историю сквозь призму французских реалий. Изложенная им в «Истории германской армии» позиция, таким образом, помогает уяснить причины, подтолкнувшие его к коллаборационизму в период Второй мировой войны. Это, в свою очередь, открывает новые возможности для понимания тех интеллектуальных основ, заложенных в межвоенный период, которые не только стали базисом для толерантного отношения к национал-социализму, но и поспособствовали тому, что европейские общественные и политические круги слишком поздно разглядели его истинную сущность.

Ключевые слова: Жак Бенуа-Мешен, Франция, вооруженные силы, Германия, национал-социализм, франко-германское сотрудничество, коллаборационизм, межвоенный период.

М.К. Medvedeva

When an Intellectual Becomes a Collaborationist: Jacques Benoist-Méchin and His “History of the German Army”

Maria Medvedeva, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: medvedevamasha4@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0819-4853

Abstract. The article analyses the work “History of the German Army” by the French historian and public person Jacques Benoist-Méchin (1901–1983). Notorious for his active collaborationism during the Second World War, he was sentenced to death afterwards, but was pardoned by the French President Vincent Auriol. Therefore, that period of his life obscured his activity during the interwar period, which, however, presents a considerable interest. Being an active supporter of the Franco-German reconciliation and cooperation at that time, in his work about the German army Benoist-Méchin analyses the challenges, which it confronted at the end of the First World War and during the Weimar Republic,

and the role of the National Socialism in its “rebirth”. Important for the formation of Benoist-Méchin's views were his personal observations of events taking place in Germany in the 1920s, and the fact that, due to his nationality, he perceived German history through the prism of French realities. Thus, the position presented by him in ‘History of the German Army’ helps to understand the reasons that prompted him to collaborate during the Second World War. This, in turn, presents new opportunities for understanding the intellectual foundations laid in the interwar period, which not only became the basis for a tolerant attitude towards National Socialism, but also contributed to the fact that European social and political circles saw its true nature too late.

Keywords: Jacques Benoist-Méchin, France, German Army, National Socialism, Franco-German cooperation, Collaborationism, interwar period.

XX в. был богат на события и перемены: две мировые войны, глобальные трансформации во всех сферах жизни общества, необходимость адаптации к новым, послевоенным реалиям — все это нашло свое отражение в формировании характера человека и в его дальнейшей судьбе. Обращение к биографии людей эпохи потрясений позволяет понять не только мотивы и поступки отдельной человеческой личности, но и ту историческую эпоху, что наложила на нее свой неизгладимый отпечаток.

Французский общественный деятель, историк и писатель Жак Бенуа-Мешен (1901–1983) известен российскому читателю как автор биографии римского императора Юлиана Отступника¹; также его имя упоминается в исторической публицистике². Во Франции Бенуа-Мешен является выдающейся фигурой, поскольку в годы Второй мировой войны принадлежал к числу видных коллаборационистов.

Жак Бенуа-Мешен родился 1 июля 1901 г. в семье барона, который не оставил сыну большого наследства. Получив хорошее образование (в том числе в Сорбонне), Бенуа-Мешен некоторое время работал журналистом и встречался с известными деятелями культуры: Марселем Прустом, Полем Валери, Джеймсом Джойсом. Важной вехой в его жизни стало участие в оккупации Рура в 1923 г. в составе французских войск. Сторонник мирного разрешения конфликтов, Бенуа-Мешен стремился к примирению с Германией и отказу от враждебности, взаимной неприязни, чему он и посвятил последующие годы. В межвоенный период он встречался с видными германскими государственными деятелями: В. Ратенау, Г. Штресеманом, Г. Брюнингом, Ф. Эбертом — первым президентом Веймарской республики³. Не связанный должностью, Бенуа-Мешен устанавливал контакты с самыми разными политиками. В 1935 г. он принял участие в основании Франко-германского комитета, призванного поспособствовать примирению двух стран. В это время он опубликовал первые два тома своей «Истории германской армии». Первый том охватывал период с 1918 по 1919 г., второй — с 1919 по 1938 г.⁴ Во Франции его работа пользовалась высоким авторитетом и в послевоенное время, в частности, ее высоко ценил Шарль де Голль⁵. В Германии первый том был опубликован в 1939 г.⁶, второй оказался под запретом из-за не соответствующего официальной нацистской пропаганде взгляда Бенуа-Мешена на «Ночь длинных ножей»⁷.

¹ Бенуа-Мешен Ж. Император Юлиан, или Опаленная мечта. М., 2001.

² Васильченко А.В. «Евросоюз» Гитлера. М., 2015. С.80, 82.

³ Aujol J.-L. Le procès Benoist-Méchin (29 mai – 6 juin 1947). Compte rendu sténographique avec un Avant-propos et une lettre de l’inculpé à son défenseur. Paris, 1947. P. 37–38.

⁴ Benoist-Méchin J. Histoire de l’armée allemande. Vol. II. De la Reichswehr à l’armée nationale (1919–1938). Paris, 1942; *Idem*. Histoire de l’armée allemande. Vol. I. De l’armée impériale à la Reichswehr (1918–1919). Paris, 1954.

⁵ Jacobs D. A Cultivated Collaborator. URL: <https://www.hoover.org/research/cultivated-collaborator> (access date: 18.03.2020)

⁶ Benoist-Méchin J. Geschichte des deutschen Heeres seit dem Waffenstillstand (1918–1938). Bd. 1. Berlin, 1939.

⁷ Aujol J.-L. Op. cit. P. 53, 78.

Политическая активность Бенуа-Мешена в межвоенный период выразилась в недолгом членстве во Французской народной партии, которую он покинул, разочаровавшись в ее деятельности⁸.

Во время Западной кампании 1940 г. Жак Бенуа-Мешен сражался на фронте и попал в плен. Эти события он описал в книге «Урожай 1940. Наследственная вражда и дружба народов: политика Германии в оккупированной Франции»⁹. Несмотря на пропагандистский характер, книга отразила довоенные взгляды автора на франко-германские отношения. Бенуа-Мешен надеялся, что после окончания военных действий Франция станет равноправным партнером Германии в строительстве нового, послевоенного мира. Бенуа-Мешен не только стал членом вишистского правительства Ф. Дарлана, но и выступил активным сторонником углубления сотрудничества с немцами после назначения в 1942 г. на пост премьер-министра Пьера Лавала, одного из самых одиозных представителей французского коллаборационизма.

За сотрудничество с немцами Бенуа-Мешен был после окончания оккупации предан суду и в 1947 г. приговорен к смертной казни, однако помилован президентом Венсаном Орионом. Пожизненное заключение было впоследствии заменено двадцатью годами тюремного заключения, но уже в 1954 г. Бенуа-Мешен вышел на свободу. Остаток жизни он посвятил написанию исторических трудов не только о Второй мировой войне и германской армии, но и посвященных разным аспектам истории Ближнего Востока. Умер Бенуа-Мешен 24 февраля 1983 г. в возрасте 81 года.

Личность Бенуа-Мешена и сама по себе, и в контексте истории франко-германских отношений до сих пор остается на периферии как зарубежных, так и отечественных исследований. В монографии К. Кельмана о европейских коллаборационистах Второй мировой войны в разделе, посвященном Франции, много говорится о Петене, Лавале, Дорио и других деятелях режима Виши, но не упомянут Бенуа-Мешен¹⁰. Ф. Морган пишет о деятельности Бенуа-Мешена на ниве установления более тесного союза с гитлеровской Германией в период оккупации, однако не анализирует его мотивы¹¹. То же касается и статьи Ш. Грунера, опубликованной в сборнике, посвященном франко-германскому взаимодействию в 1942–1944 гг.¹² Бенуа-Мешен упоминается и в других статьях и монографиях, связанных с темой коллаборационизма и фашизма¹³.

В зарубежной науке Бенуа-Мешен рассматривается, прежде всего, как специалист по Ближнему Востоку, и его исследования германской армии и Второй мировой войны остаются в тени¹⁴. Литературоведы вспоминают его чаще всего в связи с М. Прустом¹⁵.

⁸ Ibid. P. 43.

⁹ *Benoist-Méchin J.* La Moisson de quarante. Journal d'un prisonnier de guerre. Paris, 1941.

¹⁰ *Kellmann K.* Dimensionen der Mittäterschaft. Die europäische Kollaboration mit dem Dritten Reich. Wien – Köln – Weimar, 2019. S. 103–160.

¹¹ *Morgan Ph.* Hitler's collaborators. Choosing between bad and worse in Nazi-occupied Western Europe. Oxford, 2018. P. 136–137, 145.

¹² *Gruner St.* Vom Umgang mit der demokratischen Vergangenheit. Das Deutsche Reich, Vichy und das politische Führungspersonal der Dritten französischen Republik 1940–1945 // Frankreich und Deutschland im Krieg (November 1942 – Herbst 1944). Okkupation, Kollaboration, Résistance. Akten des deutsch-französischen Kolloquiums. La France et l'Allemagne en Guerre (novembre 1942 – automne 1944). Occupation, Collaboration, Résistance / Hrsg. von S. Martens und M. Vaisse. Bonn, 2000. S. 89–90.

¹³ *Knegt D.* Fascism, Liberalism and Europeanism in the Political Thought of Bertrand de Jouvenel and Alfred Fabre-Luce. Amsterdam, 2017. P. 127, 142, 145, 153; *Dafinger J.* The Nazi "New Europe": Transnational Concepts of a Fascist and Völkisch Order for the Continent // Fascism without borders. Transnational Connections and Cooperation between Movements and Regimes in Europe from 1918 to 1945 / Ed. A. Bauerkämper und G. Rossoliński-Liebe. New York – Oxford, 2017, 2019. P. 274; *Herbst J.* The Politics of Apoliticism. Political Trials in Vichy France, 1940–1942. Oldenbourg, 2019. P. 131.

¹⁴ *Maxence F.* Jacques Benoist-Méchin : historien et témoin du Proche et Moyen Orient. Beyrouth, 1994.

¹⁵ *Mehlman J.* Literature and Collaboration: Benoist-Méchin's Return to Proust // Modern Language Notes. Vol. 98. 1983. № 5. P. 968–982; *Bouillaguet A.* Jacques Benoist-Méchin // Proust et ses amis IV. Colloque, 29–30 mai 2018. URL: <https://vimeo.com/273499376> (access date: 07.10. 2020).

Деятельность Бенуа-Мешена как историка Ближнего Востока и интеллектуала будто и не пересекается с его позицией относительно сближения Франции и Германии, позволяя не замечать спорных моментов биографии и не углубляться в более подробное ее изучение. Бенуа-Мешен и поныне остается неоднозначной фигурой у себя на родине и малоизвестной — за ее пределами.

Столь неординарная и полная противоречий биография была фактически определена событиями, что пришлось на молодые годы Бенуа-Мешена и изменили не только его судьбу, но и ход всей европейской истории. События Первой мировой войны произвели на него неизгладимое впечатление и убедили в необходимости не унижать поверженного врага, но сделать своим равноправным партнером и другом во избежание новых конфликтов. Бенуа-Мешен-историк находил подтверждение своим воззрениям в изучении прошлого. В этом отношении «История германской армии» имеет ключевое значение. Его взгляд на поверженного соседа, анализ происходящего в Германии стали тем фундаментом, на котором впоследствии выстраивалась его деятельность во время войны. Анализ книги является важнейшим элементом понимания его духовной и интеллектуальной эволюции.

Предисловие к переизданию первого тома своего труда, вышедшему в 1954 г., Жак Бенуа-Мешен начинает, заявляя, что данное книге заглавие не совсем раскрывает ее содержание. Ему не раз советовали назвать книгу «История современной Германии», не ограничиваясь одной лишь германской армией¹⁶. Но автор полагал, что при столь амбициозной цели ему пришлось бы уделить значительное внимание «финансам, экономике, социальным реформам, идеологии»¹⁷. Бенуа-Мешена же все это не интересовало; для него история современной ему Германии воплотилась в истории ее армии. Как в зеркале, в ней отразились все те испытания, что выпали на долю немецкого народа после поражения в Первой мировой войне. Когда вермахт начал Вторую мировую войну, история Германии «полностью слилась с историей ее армии»¹⁸.

Германская армия для Бенуа-Мешена — это не просто социальный институт или незаменимый элемент поддержания авторитета государства на международной арене и обеспечения его самообороны. Германская армия — это еще и некое «мифическое тело», своеобразная проекция самого духа нации. Поэтому, говоря о ее истории, он говорит и об истории самой Германии; поэтому путь, который она проходит, соответствует тому, через что проходит германское государство в целом.

Бенуа-Мешен не изображает германскую армию некой абстрактной, аморфной массой. Напротив, он четко разделяет рядовых солдат и стоявший во главе командования Генеральный штаб, для которого с окончанием Первой мировой войны борьба только началась¹⁹. Именно Генеральный штаб, наследник Германской империи и тех военных побед, что стали фундаментом для ее основания, понимал, по мысли Бенуа-Мешена, что нужно германскому народу для возвращения утраченных позиций — не демократия, а могущество, ради которого можно пожертвовать свободой²⁰.

В понимании Бенуа-Мешена Генштаб воплотил «позитивное» начало в германском государстве на излете кайзеровской эпохи. В условиях распада страны в самом начале эпохи Веймарской республики именно Генштаб и офицерский корпус представляют собой «последний бастион порядка, последних защитников германского единства»²¹. Строгая иерархия и дисциплина помогли им остаться верными себе в хаосе революционных лет: именно Генштаб воплощал исконные «пруссские добродетели», привычные немцам и способные обеспечить возвращение спокойствия, стабильности и порядка.

¹⁶ *Benoist-Méchin J. Histoire de l'armée allemande. Vol. I. P. IX.*

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid. P. XXII.*

¹⁹ *Ibid. P. 52–53.*

²⁰ *Ibid. P. 54.*

²¹ *Ibid. P. 89.*

В глазах автора «Истории германской армии» символическая фигура Генштаба подобна благородному средневековому рыцарю, сражающемуся против хаоса как некоего «глобального» зла и против сонма «злых духов», которые являют собой те или иные его проявления. И самый главный из них — Веймарская республика и демократия, которую она собой олицетворяет.

Демократическое гражданское правительство в Берлине — для Генштаба враг априори, ибо, по мнению Бенуа-Мешена, для него поражение в войне стало победой²², поскольку именно поражение привело его к власти. Победа революции — это победа идей 1848 г. над Гогенцоллернами и над Бисмарком, и народу от этой победы не стоит ждать ничего хорошего. Цель демократического правительства — заменить «военную» Германию Германией «технической», то есть отдать ее на откуп крупному капиталу²³ и забыть, таким образом, истинные ценности, присущие германскому народу. Военным невозможно договориться с демократией — Бенуа-Мешен иллюстрирует этот тезис примером Густава Носке, министра обороны Веймарской республики: выходец из семьи рабочих, он проливал их кровь ради защиты демократических принципов, которые он не олицетворял, как не олицетворял и добродетели мира военных, которому был чужд²⁴. В целом, Бенуа-Мешен презрительно отзываясь о Веймарском режиме: по его мнению, германская республика продолжала по существу оставаться монархией, ибо ее создавали те же люди, что заседали в рейхстаге до войны, — а то, что они по факту были членами СДПГ и других оппозиционных существующему режиму партий, для него было неважно. Бенуа-Мешен, приводя в пример Ф. Шейдемана, обвиняет их в том, что они сначала поддержали вступившую в войну монархию, а затем приветствовали появление республики²⁵, что, как ему кажется, ставит под сомнение искренность их намерений и политическую благонадежность.

Другое «зло», с которым столкнулся Генштаб, — это те сепаратистские поползновения и стремление к большей федеративности, которые пришлось на первые годы существования Веймарской республики. Будучи французом, Бенуа-Мешен отдавал предпочтение унитарному государственному строю, но его негативное отношение к федералистскому объясняется не только этим. Сепаратизм и стремление отдельных земель Германии к суверенитету противоречили целям ее возрождения и возвращения былого величия. Бенуа-Мешен, находившийся в свое время в Рурской области в составе оккупационных войск, тем не менее, проникся к Германии симпатией и, видимо, уже тогда считал достойным сожаления стремление некоторых ее регионов к отделению. Возможно, на ум ему приходили параллели с историей собственной страны — и какой француз отнесся бы без возмущения к желанию Прованса, Бретани или Нормандии стать самостоятельными государствами? Так или иначе, спустя десятилетие, в своей книге он изобразит сепаратистские настроения как «зло» Веймарской республики. Рейхсверу удалось поставить заслон на пути стремящейся к отделению Баварии²⁶, но он ничего не мог поделать с тем, что «империя была раздроблена на двадцать два государства»²⁷, что было чревато возникновением новых конфликтов в будущем.

Наконец, у Германии — следовательно, и у Генштаба — существовал серьезный внешний враг, воплотившийся в Версальском мирном договоре, подписанном на конференции в 1919 г. Представители армии от участия в этом были отстранены, а посему, как подчеркивает Бенуа-Мешен, в глазах германского народа Генштаб не нес ответственности ни за Компьень²⁸, ни за Версаль. В конечном итоге, после восстановления

²² Benoist-Méchin J. Histoire de l'armée allemande. Vol. I. P. 55.

²³ Ibid. P. 56.

²⁴ Ibid. P. 135.

²⁵ Ibid. P. 176.

²⁶ Ibid. P. 338.

²⁷ Ibid. Vol. II. P. 478.

²⁸ Ibid. Vol. I. P. 75.

порядка внутри страны и общегерманского единства настанет очередь внешнеполитических проблем, которые, в глазах Бенуа-Мешена, воплотились в Версальской системе. Как демократия Веймарской республики не отвечала духу германской нации, так и Версальский мир не имел ничего общего «ни с исторической необходимостью, ни с жизненными реалиями»²⁹. Бенуа-Мешен видел сам его несправедливость во время оккупации Рура, и нетрудно догадаться, что главные герои его труда — Генштаб и германская армия — противостояли этому «злу».

Трагедия Веймарской республики, по Бенуа-Мешену, заключалась в отсутствии необходимых ресурсов у германской армии, чтобы повлиять на политическую ситуацию в нужном русле. Безусловно, армия не была совсем лишена рычагов воздействия на государственную политику. Во втором томе Бенуа-Мешен пишет о том, что в условиях перманентной политической «импотенции» парламента начинается инфильтрация в демократические институты военных. В 1925 г. президентом становится маршал П. фон Гинденбург, в 1932 г. он переизбирается на второй срок, а генерал К. фон Шлейхер становится канцлером; в 1928 г. генерал В. Грёнер занимает пост министра рейхсвера³⁰. Однако общая картина не меняется: рейхсвер не смог приблизиться к народу, ибо испытывал перед ним страх и боялся новых кровавых столкновений, подобно тем, что потрясли Германию в первые годы существования Веймарской республики³¹. Рейхсвер был «армией без народа»³², и, чтобы исправить эту ситуацию, потребовалось вмешательство иных сил.

Именно национал-социалистическое движение, по мнению французского историка, стало связующим звеном между народом и армией, и армия позволила ему развиваться, чтобы потом пожать плоды его стремительного подъема³³. Гитлер, как считает Бенуа-Мешен, создал национальную армию и таким образом стал продолжателем дела Генштаба былых времен³⁴. Национал-социализм сумел побороть «неблагоприятные» явления периода Веймарской республики.

Бенуа-Мешен полагал, что для Германии того времени важное значение сыграло стремление национал-социалистических лидеров действовать исходя из текущих потребностей момента, а не теории³⁵. В этом было их основное преимущество перед политиками Веймарской республики, которые, погрязнув в противоречиях и склоках, эти потребности уловить не могли и действовали неэффективно. Нацисты же правильно идентифицировали корень всех германских бед и использовали единственно возможное в этом случае «лекарство» — унификацию³⁶. Так они оказались способны устранить недостатки Веймарской республики: был положен конец всяким сепаратистским и автономистским поползновениям, угрожающим единству страны³⁷, удалось достигнуть «примирения армии и нации»³⁸, что, как следствие, должно было способствовать решению внешнеполитических вопросов. Взрыв национальной гордости сопровождал сам приход Гитлера к власти³⁹, и вся его политика, по Бенуа-Мешену, соответствовала национальным интересам Германии. Его вермахт являл собой не «классовую» армию времен Германской империи и не «кастовую» армию времен Веймарской республики, а был истинной «национальной» армией⁴⁰. В этом, как продолжал считать Бенуа-Мешен и после

²⁹ *Benoist-Méchin J. Histoire de l'armée allemande. Vol. I. P. 370.*

³⁰ *Ibid. Vol. II. P. 384–385.*

³¹ *Ibid. P. 387.*

³² *Ibid. P. 388.*

³³ *Ibidem.*

³⁴ *Ibid. P. 529, 530.*

³⁵ *Ibid. P. 479.*

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Ibid. P. 487.*

³⁸ *Ibid. P. 543.*

³⁹ *Ibid. P. 513.*

⁴⁰ *Ibid. P. 623.*

Второй мировой войны, состоит заслуга национал-социализма, сумевшего возродить германскую армию и придать ей новые жизненные силы⁴¹.

Такой взгляд на роль армии в истории Германии Бенуа-Мешен изложил в своей работе во второй половине 1930-х годов. Некоторые читатели, исходя из вышеизложенного, могли счесть его апологетом национал-социализма и милитаристских германских кругов, развязавших Вторую мировую войну, но это было бы поверхностным суждением. Во-первых, Бенуа-Мешен не мог предвидеть новую страшную мировую войну, и уж конечно он ни в коей мере не желал поражения своей стране (о чем свидетельствует даже такой пропагандистский его труд, как «Урожай 1940»). Во-вторых, его взгляд на ситуацию в Германии 1920–1930-х годов во многом определяется не столько его позицией «сочувствующего очевидца», сколько его национальной принадлежностью. В случае Бенуа-Мешена национальное самосознание привело не к недоверию и антипатии по отношению к «наследственному врагу», а к анализу происходящего в Германии сквозь «французские очки». На протяжении многих десятилетий армия была одним из столпов, на которых держался авторитет французского государства, и наследницей блестящих военных побед, вокруг которых строились национальные мифы и национальная история. Бенуа-Мешен видел во французской армии один из институтов, воплощавших собой единство французской нации, и, наблюдая за происходящим в Германии, проводил параллели с положением дел во Франции и в результате находил между двумя этими государствами гораздо больше общего, чем думали многие его современники.

Бенуа-Мешен полагал, что у Франции и Германии одни и те же «внутренние враги»: многочисленные политические партии, погрязшие в рутине и бюрократии и постоянно враждующие между собой; деятели левого и крайне левого флангов, то и дело «раскачивающие лодку»; наконец, сам Версальский мир, в создании которого Франция принимала деятельное участие, но не сумела извлечь из него реальных преимуществ. В своей отчизне Бенуа-Мешен не видел силы, способной побороть эти «недуги».

Таким образом, в «Истории германской армии» нашли отражение и опыт автора как свидетеля событий послевоенных лет, и его французское происхождение. Истинную природу национал-социализма, в полной мере раскрывшего себя в годы Второй мировой войны, Бенуа-Мешен, как и многие его современники, в то время еще не постиг, а непростые отношения между нацистским руководством и вермахтом второй половины 1930-х годов остались вне поля его зрения.

Этим объясняется то понимание Бенуа-Мешеном национал-социализма, которое производит крайне неоднозначное впечатление на читателей его работ, оставляя его на периферии исторических исследований. Автор «Истории германской армии» не был участником Первой мировой войны, но вынужден был жить в порожденном ею мире, и в итоге искания привели его на непростой, тернистый путь. Бенуа-Мешену, как и многим вокруг него, казалось, что национал-социализм, вернув Германии ее национальную гордость, вновь сделает ее сильным государством, которое на основе равного партнерства с другими странами континента поведет к процветанию всю Европу как сообщество независимых равноправных государств. Он никогда не желал гегемонии Германии, на чьем фоне Франция станет державой второго сорта. Ошибочное восприятие национал-социализма им и многими другими европейцами вылилось в период Второй мировой войны в страшный урок для всего человечества.

История Бенуа-Мешена позволяет лучше понять трагическую сущность XX в. и судьбы людей той эпохи. Исследователь Д. Джейкобс в своей статье об этом историке подчеркивает, что в период Второй мировой войны он не был оппортунистом, который хотел лишь занять место повыше в новой властной иерархии. Бенуа-Мешен действовал искренне; и это во многом связано с тем, что он был «образованным коллаборационистом»⁴².

⁴¹ Benoist-Méchin J. Histoire de l'armée allemande. Vol. I. P. XVI.

⁴² Jacobs D. Op. cit.

Восприимчивый и не равнодушный к происходящему вокруг человек, по мнению К.-П. Зика, тяжело воспринимал культурный декаданс, воцарившийся в Европе после Первой мировой войны⁴³. В этих условиях национал-социализм виделся Бенуа-Мешену проводником необходимой модернизации и гарантом достижения стабильности, в которой, как ему казалось, так нуждалась Европа⁴⁴.

Поэтому, развивая тезис К.-П. Зика, Бенуа-Мешена вполне можно причислить к адептам так называемой «консервативной революции», которые истинный переворот в истории видели в событиях 1933 г., а вовсе не 1918–1919 гг. Изучение взглядов Бенуа-Мешена заставляет задуматься не только о природе франко-германских взаимоотношений в межвоенный период, но и о феномене «умиротворения» второй половины 1930-х годов, об идеологическом фундаменте европейского коллаборационизма периода Второй мировой войны.

Библиография/ References

- Бенуа-Мешен Ж.* Император Юлиан, или Опаленная мечта. М., 2001.
- Васильченко А.В.* «Евросоюз» Гитлера. М., 2015.
- Benoist-Méchin J.* Imperator Julian, ili Opalennaja mechta [Emperor Julian – a scorched dream]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Vasil'chenko A.V.* “Evrosojuz” Gitlera [Hitler’s “European Union”]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Aujol J.-L.* Le procès Benoist-Méchin (29 mai – 6 juin 1947). Compte rendu sténographique avec un Avant-propos et une lettre de l’inculpé à son défenseur. Paris, 1947.
- Benoist-Méchin J.* Geschichte des deutschen Heeres seit dem Waffenstillstand (1918–1938). Bd. 1. Berlin, 1939.
- Benoist-Méchin J.* Histoire de l’armée allemande. Vol. I. De l’armée impériale à la Reichswehr (1918–1919). Paris, 1954.
- Benoist-Méchin J.* Histoire de l’armée allemande. Vol. II. De la Reichswehr à l’armée nationale (1919–1938). Paris, 1942.
- Benoist-Méchin J.* La Moisson de quarante. Journal d’un prisonnier de guerre. Paris, 1941.
- Bouillaguet A.* Jacques Benoist-Méchin // Proust et ses amis IV. Colloque, 29–30 mai 2018. URL: <https://vimeo.com/273499376> (access date: 07.10. 2020).
- Dafinger J.* The Nazi “New Europe”: Transnational Concepts of a Fascist and Völkisch Order for the Continent // Fascism without borders. Transnational Connections and Cooperation between Movements and Regimes in Europe from 1918 to 1945 / Ed. A. Bauerkämper und G. Rossoliński-Liebe. New York – Oxford, 2017, 2019. P. 264–287.
- Gruner St.* Vom Umgang mit der demokratischen Vergangenheit. Das Deutsche Reich, Vichy und das politische Führungspersonal der Dritten französischen Republik 1940–1945 // Frankreich und Deutschland im Krieg (November 1942 – Herbst 1944). Okkupation, Kollaboration, Résistance. Akten des deutsch-französischen Kolloquiums. La France et l’Allemagne en Guerre (novembre 1942 – automne 1944). Occupation, Collaboration, Résistance / Hrsg. von S. Martens und M. Vaïsse. Bonn, 2000. S. 73–98.
- Herbst J.* The Politics of Apoliticism. Political Trials in Vichy France, 1940–1942. Oldenbourg, 2019.
- Jacobs D.* A Cultivated Collaborator. URL: <https://www.hoover.org/research/cultivated-collaborator> (access date: 18.03.2020)
- Kellmann K.* Dimensionen der Mittäterschaft. Die europäische Kollaboration mit dem Dritten Reich. Wien – Köln – Weimar, 2019.
- Knegt D.* Fascism, Liberalism and Europeanism in the Political Thought of Bertrand de Jouvenel and Alfred Fabre-Luce. Amsterdam, 2017.
- Maxence F.* Jacques Benoist-Méchin: historien et témoin du Proche et Moyen Orient. Beyrouth, 1994.
- Mehlman J.* Literature and Collaboration: Benoist-Méchin’s Return to Proust // Modern Language Notes. Vol. 98. 1983. № 5. P. 968–982.
- Morgan Ph.* Hitler’s collaborators. Choosing between bad and worse in Nazi-occupied Western Europe. Oxford, 2018.
- Sick K.-P.* Ein Weg in den Kollaborationismus. Thesen zur intellektuellen Biographie Jacques Benoist-Méchins nach *A l’épreuve du temps* // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Band 20/3 (1993). 19./20. Jahrhundert – Histoire contemporaine. Sigmaringen, 1994. S. 151–162.

⁴³ *Sick K.-P.* Ein Weg in den Kollaborationismus. Thesen zur intellektuellen Biographie Jacques Benoist-Méchins nach *A l’épreuve du temps* // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Band 20/3 (1993). 19./20. Jahrhundert – Histoire contemporaine. Sigmaringen, 1994. S. 153.

⁴⁴ *Ibid.* S. 155.

DOI: 10.31857/S013038640013381-7

© 2021 г. **Н.В. АНКУДИНОВА**

ИНТЕРНИРОВАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЮЮЩИХ СТОРОН НА ТЕРРИТОРИИ НЕЙТРАЛЬНОЙ ИРЛАНДИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Анкудинова Наталья Валерьевна – старший преподаватель кафедры английского языка Высших курсов иностранных языков МИД РФ, соискатель кафедры всемирной истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: karpalo@rambler.ru

Researcher ID: AAV-5552-2020

Аннотация. 2 сентября 1939 г. парламент Ирландии принял чрезвычайное законодательство в связи с введением в стране чрезвычайного положения. Правительство объявило о нейтралитете Ирландии. Данная статья посвящена вопросу интернирования военнослужащих воюющих сторон в нейтральной Ирландии во время Второй мировой войны. При рассмотрении этой темы автором используется ряд малоизвестных и не использовавшихся в отечественной историографии источников ирландских и британских авторов, изучавших этот вопрос.

В работе проанализированы особенности интернирования экипажей самолетов воюющих сторон, оказавшихся на территории нейтральной Ирландии, и моряков, спасенных ирландскими судами в нейтральных водах, а также условия их содержания в лагерях для интернированных. Автор прослеживает историю пребывания в стране военнослужащих воюющих сторон с момента задержания первого экипажа самолета, потерпевшего крушение на ее территории в августе 1940 г., до репатриации немецких интернированных в Великобританию в августе 1945 г.

Интернированные военнослужащие союзников не оставляли попыток совершить побег, чтобы вернуться на фронт, несмотря на комфортные условия содержания. Интернированные немцы, не имея возможности, даже в случае побега, добраться до Германии, просто дожидались окончания войны.

Несмотря на то, что Ирландию было трудно представить союзником Великобритании, принимая во внимание историю отношений между ними, правительства двух стран осуществляли негласное сотрудничество. На основе анализа взаимодействия Ирландии с Великобританией обосновывается пробританский характер нейтралитета, несмотря на распространенное мнение, что в годы Второй мировой войны Ирландия официально занимала строгую и беспристрастную нейтральную позицию.

Ключевые слова: Ирландия, Вторая мировая война, нейтралитет, интернирование военнослужащих, британо-ирландское сотрудничество.

N.V. Ankudinova

The Internment of Belligerent Military Personnel in Neutral Ireland During World War II

Natalia Ankudinova, Higher Language Training Courses, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department of World History, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russia).

E-mail: karpalo@rambler.ru

Researcher ID: AAV-5552-2020

Abstract. The article is devoted to the internment of belligerent military personnel in neutral Ireland during WWII as one of the aspects of neutrality policy the country adhered to. The author uses sources that are not widely known in Russia.

The article also mentions the issue of declaring emergency by the Irish government and introducing emergency legislation by the Irish parliament to enforce the policy of neutrality.

The article studies aspects of interning belligerent crews that crash-landed in Ireland and sailors rescued by Irish boats in neutral waters. The author follows the history of their internment starting from August 1940, when the first belligerent crew was interned, to August 1945, when the remaining Germans internees were repatriated to Britain.

Despite the fact that the internment camp reminded more of a tourist camp rather than the prison, the Allied internees didn't give up their efforts to escape in order to return to war. The German internees, in turn, having no opportunity to return to Germany even if they did escape, patiently waited for the war to end.

It was difficult to imagine Ireland as Britain's ally given the history of relations between them, nevertheless, the two countries' government carried out covert cooperation. Based on the nature of Anglo-Irish interaction, the author concludes that Irish neutrality was benevolent towards Britain, despite popular belief that Irish neutrality was strict and impartial.

Keywords: Ireland, WWII, neutrality, internment, belligerents, cooperation with Britain.

Политика нейтралитета Ирландии во время Второй мировой войны до сих пор остается весьма слабо изученной в отечественной историографии. Статья призвана восполнить имеющиеся лакуны¹.

Однако, несмотря на распространенное мнение, что в годы Второй мировой войны Ирландия строго и беспристрастно проводила политику нейтралитета², на самом деле ее действия были дружественными по отношению к союзникам по антигитлеровской коалиции³.

Среди множества конкретных проявлений политики нейтралитета хотелось бы остановиться на особенностях интернирования военнослужащих воюющих сторон, оказавшихся на территории Ирландии. При рассмотрении этой темы автор использует ряд малоизвестных и не использованных в отечественной историографии ирландских и британских авторов, изучавших этот вопрос⁴.

Уже на следующий же день после нападения Германии на Польшу, 2 сентября 1939 г., нижняя палата парламента Ирландии – Дойл – объявила чрезвычайное положение, по которому страна и прожила все военные годы⁵. Дабы избежать использования слов «во время войны», которые из-за формулировки статьи конституции могли повлечь приостановление обычной деятельности правительства, период 1939–1945 гг. в Ирландии назывался «emergency» – «чрезвычайное положение»⁶. 3 сентября 1939 г. верхняя палата парламента – Эрокотс – приняла Закон о чрезвычайных полномочиях⁷. Этот

¹ Полякова Е.Ю. Ирландия в XX веке. Москва, 2009. С. 103.

² O'Driscoll M. Keeping Britain Sweet: Irish Neutrality, Political Identity and Collective Memory. Moscow, 2007. P. 98.

³ Roberts G. Three narratives of neutrality: historians and Ireland's war // Girvin B., Roberts G. Ireland and the Second World War, politics, society and remembrance. Dublin, 2000. P.168.

⁴ Fisk R. In time of war: Ireland, Ulster, and the price of neutrality, 1939–45. Philadelphia, 1983; Duggan J. P. Neutral Ireland and the Third Reich. Dublin, 1985; Dwyer T. R. Guests of the state: the story of Allied and Axis servicemen interned in Ireland during World War II. Dingle, 1994; *Idem*. Behind the green curtain: Ireland's phoney neutrality during World War II. Dublin, 2009; Cunningham P. Belligerent Internment 1939 – 1945, thesis. Maynooth, 1994; Grob-Fitzgibbon B. J. The Irish experience during the Second World War: an oral history. Dublin, 2004; O'Halpin E. Spying on Ireland: British Intelligence and Irish Neutrality during the Second World War. Oxford, 2008.

⁵ Existence of National Emergency. Debates. Government of Ireland. 77: No.1, p. 8 p. 19–20. 1939-09-02. URL: <http://www.historical-debates.oireachtas.ie> (дата обращения: 05.07.2020).

⁶ MacAnnaidh S. Irish History from Prehistoric Times to the Present Day. Bath, 2007. P. 292.

⁷ Emergency Powers Act, EPA 1939-09-03. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1939/act/28/enacted/en/html> (дата обращения: 05.07.2020).

закон наделял правительство дополнительными полномочиями, направленными на охрану общественной безопасности и порядка и обеспечение снабжения населения продуктами и топливом. Многочисленными указами и постановлениями (всего за время войны их было издано 7864⁸) чрезвычайное законодательство регламентировало функционирование государства и общества, фактически приостановив законодательную деятельность парламента, и предусматривало условия интернирования солдат и офицеров воюющих держав. Действие закона было прекращено только 2 сентября 1946 г.

Выступая 2 сентября 1939 г. перед депутатами нижней палаты парламента, премьер-министр И. де Валера объявил, что страна будет проводить политику нейтралитета.

Уже через несколько минут после объявления Великобританией войны 3 сентября 1939 г. ирландцы вынуждены были определиться, как вести себя в отношении британских военнослужащих, оказавшихся на территории Ирландии, когда два гидроплана Королевских ВВС Великобритании приводнились в ирландских водах. Экипажи самолетов даже не догадывались, что могут быть интернированы, так как покинули свою базу до того, как британский премьер-министр Н. Чемберлен заявил по радио, что Великобритания объявила войну Германии. Проконсультировавшись с И. де Валерой, министр обороны О. Трейнор распорядился, чтобы летчиков рассматривали как потерпевших крушение на море и позволили им покинуть территорию Ирландии⁹.

Несмотря на то, что накануне Второй мировой войны режим военного плена регулировался V Гаагской конвенцией о правах и обязанностях нейтральных держав в случае сухопутной войны от 18 октября 1907 г.¹⁰ и экипажи самолетов, потерпевших крушение на территории Ирландии, подлежали интернированию без суда, в начале войны правительство совсем не было уверено в своих международных обязательствах в отношении летчиков и моряков воюющих сторон, потерпевших крушение на территории Эйре¹¹ или спасенных ирландскими судами¹².

Под интернированием понимается особый режим ограничения свободы, устанавливаемый одной воюющей стороной в отношении гражданских лиц другой воюющей стороны или нейтральным государством в отношении военнослужащих воюющих сторон¹³.

За время войны 163 военных самолета Британии, США и Германии потерпели крушение на территории Ирландии. Из 830 членов экипажей выжили 607. В 106 случаях крушения самолетов союзников из 478 членов экипажей 182 погибли, 12 пропали без вести и 45 были интернированы, из них 11 канадцев, 3 поляка, француз, новозеландец и американец, служивший в Королевских ВВС, остальные британцы¹⁴. Из 50 немецких летчиков, потерпевших крушение на территории Ирландии, 17 погибли, 33 были интернированы¹⁵. Остальным экипажам союзников разрешено было покинуть территорию Ирландии по воздуху, если позволяло состояние самолета, или по суше через границу с Северной Ирландией¹⁶.

На протяжении войны 260 членов экипажей ВВС США без лишнего шума отпустили. По негласному соглашению между правительствами Ирландии и США американские

---

⁸ *O' Longaigh S.* Emergency Law in Action, 1939–1945 // *Ireland in World War Two: diplomacy and survival.* Cork, 2004. P. 64.

⁹ *Dwyer T.R.* Guests of the State // *Ireland in World War Two: diplomacy and survival.* Cork, 2004. P. 107.

¹⁰ Статья 11. Нейтральное государство, принявшее на свою территорию войска, принадлежащие к воюющим армиям, обязано водворить их, по возможности, далеко от театра войны. Оно может содержать их в лагерях и даже подвергнуть заключению в крепостях или приспособленных для этой цели местах. URL: <http://zaki.ru/pagesnew.php?id=1517> (дата обращения: 07.07.2020).

¹¹ В переводе с ирландского – Ирландия, официальное название страны с 1937 по 1949 г.

¹² *Fisk R.* Op. cit. P. 176.

¹³ Дипломатический словарь, в 3-х т. Т. I. М., 1971. С. 592.

¹⁴ *Cunningham P.* Op. cit. P. 15.

¹⁵ *Keogh D.* Twentieth-Century Ireland: Nation and State. Dublin, 2005. P. 196.

¹⁶ *Dwyer T.R.* Behind the green curtain... P. 337.

военнослужащие не интернировались, а возвращались на родину¹⁷. Важную роль в этом играл американский посланник в Ирландии Д. Грей. Исключением стал офицер авиации Р. Вульф, который был лишен американского гражданства в связи с участием в войне на стороне Великобритании до вступления США в войну¹⁸. 13 декабря 1941 г. Вульф, освобожденный под честное слово, не вернулся в лагерь. Он отправился в Северную Ирландию и на следующий день прибыл в свою часть. Власти заявили, что это грубое нарушение освобождения под честное слово, и потребовали его возвращения¹⁹. Британская сторона быстро вернула его обратно в Ирландию, где он пробыл в лагере еще два года и стал своего рода достопримечательностью.

Все выжившие после крушения члены экипажей 18 немецких самолетов были интернированы до конца войны, за исключением тяжелораненого летчика, фельдфебеля М. Хохауса. При крушении в феврале 1941 г. его самолет загорелся. Два года он проходил лечение от обширных ожогов. В октябре 1943 г. его отправили через Красный Крест в Великобританию для дальнейшей репатриации в Германию²⁰.

Самолеты воюющих сторон могли оказаться на территории Ирландии по двум причинам:

– пилоты союзников ошибочно принимали ее за Британию. Это происходило достаточно часто, поскольку навигационное оборудование в то время было довольно примитивным;

– пилоты совершали вынужденную посадку, если самолет был поврежден в бою или закончилось топливо. Пилоты союзников, как правило, не могли дотянуть до Северной Ирландии. Пилоты Люфтваффе, приземляясь в Ирландии, предпочитали быть интернированными на ее территории, а не в Британии²¹.

Лагерь для интернированных военнослужащих был построен в восточной части равнины Карра, которая носила название Кей Лайнс, рядом с действующим военным лагерем ирландской армии. В зависимости от принадлежности к одной из воюющих сторон летчики попадали в сектор «G» (German) или «B» (British). Сектор «G» был открыт 31 августа 1940 г., а «B» — 17 октября 1940 г.²²

Кей Лайнс, как и большинство лагерей для военнопленных в Европе, был по периметру огражден двумя рядами колючей проволоки. По углам находились огневые вышки. Секторы «G» и «B» разделяли два земляных вала с ограждением из рифленого железа посередине.

Интернированные размещались в просторных бараках, из опасения подкопов приподнятых над землей на 2 фута, на шесть комнат. Комнаты хорошо отапливались. Рядовые и сержанты располагались по двое в комнате, офицеры — по одному. В каждом лагере было по две общие комнаты для проведения досуга с каминами, книжными шкафами и другой удобной мебелью.

Первый немецкий самолет, на борту которого находились шесть членов экипажа, потерпел крушение над Ирландией в августе 1940 г.²³ Первые несколько недель в лагере, куда привезли интернированных немецких летчиков, соблюдались жесткие меры безопасности. Начальник лагеря, полковник Т. МакНалли, считал интернированных военнопленными и подозревал их в стремлении совершить побег при первой возможности. Поэтому охрана была настроена враждебно по отношению к ним.

¹⁷ *Dwyer T.R.* Guests of the State. P. 118.

¹⁸ Spitfire down: The WWII camp where Allies and Germans mixed // BBC News, 28.VI.2011.

¹⁹ *Fisk R.* Op. cit. P. 177.

²⁰ *Dwyer T.R.* Behind the green curtain... P. 270.

²¹ K-Lines Internment Camp 1940–44. URL: <http://www.curragh.info/klines.htm> (дата обращения: 05.06.2020).

²² *Cunningham P.* Op. cit. P. 15.

²³ *Dwyer T.R.* Guests of the State. P. 109–110.

Немецкий посланник в Ирландии Э. Хемпель 2 сентября 1940 г. посетил лагерь. Находящиеся там летчики выразили ему свое недовольство строгими мерами безопасности, жаловались, что ощущают себя военнопленными, хотя таковыми не являются. Они были гостями ирландского государства, которое должно было лишь обеспечить их дальнейшее неучастие в войне. Хемпель ходатайствовал о смягчении распорядков, напоминая им тюремные.

В руководстве страны понимали, что интернирование британских военных может вызвать более серьезные проблемы, чем интернирование немецких, и осознавали, что лучше пойти на некоторые уступки по просьбе немецкого посланника, чем делать это потом под давлением британской стороны.

Ирландское руководство опасалось реакции британского правительства и правительств стран-союзников на интернирование их летчиков. Однако британцы, не желая, чтобы немцы использовали международное законодательство, применяемое в случае необходимости ремонта боевых машин и их дозаправки, смирились с интернированием своих военных. Они также рассчитывали на то, что немцев будет интернировано больше и их техника будет конфискована.

Заместитель министра иностранных дел Ирландии Ф. Боланд считал, что разумные и общепринятые удобства, обеспеченные интернированным, сведут к минимуму их естественное желание сбежать. Боланд порицал тенденцию министерства обороны рассматривать интернированных военнослужащих как военнопленных или лиц, задержанных в рамках закона о преступлениях против государства.

Вопрос о послаблении режима приобрел еще большую актуальность, когда 29 сентября был интернирован первый британский пилот, потерпевший крушение, — сын известного британского бизнесмена Пол Мейхью²⁴.

В конце концов, немцам разрешили радио, газеты и журналы, даже выдали садовый инвентарь, чтобы они смогли разбить огород и выращивать овощи: они жаловались, что в меню много мяса и недостаточно овощей. Офицерам стали выдавать пособие 3 фт. в неделю, остальным военнослужащим — 2 фт., а также выделили разово по 5 фт. на приобретение гражданской одежды²⁵. Эти средства, а также средства на медицинское обслуживание и питание впоследствии должны были быть взысканы с немецкой стороны²⁶.

Деньги для Мейхью выделялись напрямую через британское представительство. Ирландская сторона настаивала, чтобы ему выдавали не более 3 фт., так как опасалась, что он может подкупить охрану, жалованье которой составляло 1 фт. в неделю. Однако Лондон добился разрешения на выплату ему полного жалованья. Представителю Британии в Ирландии Дж. Маффи удалось получить разрешение для П. Мейхью начать заочное обучение в колледже Тринити, из знаменитой библиотеки которого ему присылали книги и учебную литературу. В итоге Мейхью был вполне доволен обращением. Он пользовался временным освобождением практически ежедневно, чтобы играть в гольф с офицерами ирландской армии или отставниками, жившими неподалеку. В письме отцу он в шутку обещал, что по возвращении станет чемпионом британской любительской лиги гольфа²⁷.

Интернированные беспрепятственно поддерживали отношения с представителями своих стран в Дублине: Дж. Маффи (Великобритания), Д. Греем (США), Дж. Керни (Канада), Э. Хемпелем (Германия). У каждого была своя роль в игре в нейтралитет, они

²⁴ Ibid. P. 111.

²⁵ Ibid. P. 113.

²⁶ Согласно статьи 12 V Гаагской конвенции: «Если не имеется особого соглашения, то нейтральное государство принимает на себя довольствие водворенных пищею и одеждою, а также оказывает им помощь, требуемую человеколюбием. Расходы по содержанию водворенных возмещаются при заключении мира». URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id-1517&page-2> (дата обращения: 07.07.2020).

²⁷ Dwyer T.R. Guests of the State. P. 113.

не давали спуску ирландским властям, если считали, что одна сторона получает больше внимания, чем другая²⁸.

В соответствии со статьей 11 V Гагской конвенции нейтральное государство само решает, могут ли военнопленные быть освобождены под честное слово. В таком случае они обязаны речительством своей личной честью добросовестно исполнить принятые ими на себя обязательства. К 1941 г. рамки предоставляемой свободы постепенно были расширены. Изначально освобождение предоставлялось каждый день на три часа днем. Потом было разрешено посещать кинотеатр два вечера в неделю в трех кинотеатрах в Карре. Впоследствии стало возможным посещать кинотеатры в близлежащих городах Килкаллен, Ньюбридж и Килдэр, но запрещалось заходить в пабы и отели, разговаривать с местными жителями и посещать их дома. Как правило, интернированных сопровождали ирландские солдаты, так как британцам могли угрожать члены ИРА, а немцам — пробритански настроенные местные жители. Немцев возмущало сопровождение, они считали, что ставится под сомнение их слово чести²⁹.

Предполагались следующие виды освобождения под честное слово:

— интернированные могли покидать пределы лагеря, но только в гражданской одежде (на территории лагеря, кроме места проживания, они должны были находиться в военной форме), и передвигаться в пределах близлежащих городов Ньюбридж, Килкаллен и Килдэр. Позже эти границы были расширены до радиуса 10 миль, чтобы включить город Наас;

— интернированные получали особое освобождение, что позволяло им посещать Дублин раз в три месяца, с 1941 г. уже раз в месяц, а с начала 1943 г. — раз в неделю.

В июле 1941 г. интернированным было разрешено всю ночь находиться вне лагеря, но возвращаться не позднее 8 утра, женатым офицерам (Уорду и Миджли), когда жены приезжали их навещать, — не позднее 12 часов дня. В июне 1943 г. сержант Д. Уэйклин получил особое двухнедельное освобождение, чтобы навестить в Англии мать после смерти отца, а военный летчик Л. Уорд получил аналогичное освобождение, чтобы навестить в Англии больную жену³⁰.

На интернированных немцев распространялись те же самые правила освобождения, что и на интернированных союзников.

Основанием для освобождения под честное слово служило подписанное интернированным военным служащим следующее заявление: «Настоящим обязуюсь вернуться в расположение лагеря и во время своего отсутствия не принимать участие в деятельности, связанной с войной, или наносящей ущерб интересам ирландского государства»³¹.

Условия содержания интернированных противоборствующих сторон ничем не отличались. У интернированных немцев и интернированных союзников были отдельные бары, где алкогольные напитки продавались по ценам беспощинной торговли. И тех, и других часто приглашали на танцы, но старшие офицеры обеих сторон тщательно следили за тем, чтобы немцы и союзники не посещали одни и те же мероприятия. Первое время даже существовала система, когда освобождение давалось той стороне, которая первой обратилась за разрешением посетить то или иное мероприятие. Однако вскоре в ней отпала необходимость, так как интернированные с обеих сторон перестали обращать друг на друга внимание.

Условия содержания были столь необременительными, что по воспоминаниям лагерь «был достаточно приятной тюрьмой, больше напоминавшей туристический лагерь, чем лагерь для интернированных»³².

Военный лагерь в Карре славился лучшими в стране спортивными сооружениями. Все могли свободно вступать в местные спортивные клубы: теннисный, гольф, регби,

²⁸ *Cunningham P.* Op.cit. P. 15–16.

²⁹ URL: <http://www.curragh.info/klines.htm> (дата обращения: 05.06.2020).

³⁰ *Dwyer T.R.* Guests of the State. P. 115.

³¹ *Cunningham P.* Op. cit. P. 41.

³² *Dwyer T.R.* The Mad Escape // An Consantiór, August 1979.

футбольный, конный; формировать команды по теннису, настольному теннису, крикету, футболу. Команды противоборствующих сторон никогда не играли друг против друга, а только против местных команд и команд ирландской армии. В редких случаях они состязались в индивидуальных соревнованиях, тогда соперничество было жестким. По мнению самих интернированных, спорт был единственным способом выхода негативных эмоций, и они использовали любую возможность им заниматься³³.

Несмотря на мягкие условия содержания, интернированные союзники были озабочены поиском возможностей побега, так как до Северной Ирландии было всего лишь 70 миль. Большинство из них так и не смирилось с интернированием. Они устраивали массовые побеги, рыли подкопы, симулировали сумасшествие, были случаи попыток суицида. У интернированных немцев практически не было шансов добраться до Германии, даже если бы они совершили побег. Поэтому они полностью посвящали себя различным занятиям, ухаживали за территорией и огородом в своей части лагеря. Территория, где располагались военные союзников, находилась в полном беспорядке: этим они выражали свое недовольство пребыванием здесь.

В январе 1941 г., когда число интернированных примерно сравнялось, Хемпель предложил ирландцам репатриировать равное количество британских и немецких летчиков. Британская сторона отказалась, прекрасно понимая, что освобожденные немцы вернуться на фронт, кроме того, находясь длительное время в плену и пользуясь относительной свободой, они могли обладать ценной информацией об Ирландии³⁴.

Начальник лагеря, стремясь разнообразить досуг своих подопечных, договорился с организационным комитетом проводимого ежегодно дерби Ирландии о предоставлении интернированным обеих сторон бесплатных билетов на скачки. Этим решили воспользоваться военные союзников для побега.

26 июня 1941 г., когда после дерби все возвращались в лагерь, двое последних, притворившись сильно пьяными, отвлекли охрану. В это время группа, решившая совершить побег, прорвалась через ворота. Девятерым из них удалось сбежать³⁵. Трех быстро задержали, шестеро спрятались у знакомых, и впоследствии при содействии Общества организации побегов британской спецслужбы МИ-9³⁶ (основной ее функцией было содействие побегам из плена британских военнопленных, а также помощь в возвращении военных, оказавшихся на оккупированной неприятелем территории) им удалось добраться до Северной Ирландии. Мейхью был в их числе, в 1942 г. он погиб в бою.

Ирландское военное министерство выразило по этому поводу протест своему правительству, подчеркнув, что побег возвращавшихся после освобождения есть нарушение условий этого освобождения, и потребовало вернуть беглецов. Однако британский представитель предупредил, что это может привести к серьезным дипломатическим осложнениям. В результате де Валера спустил дело на тормозах.

9 февраля 1942 г. интернированные военные союзников совершили очередную неудачную попытку побега, прорвавшись через заграждения. Охране было запрещено стрелять, они могли использовать только дубинки, но побег удалось предотвратить. 17 августа 1942 г. Общество организации побегов спланировало побег девяти человек. Шестерых нашли и вернули в лагерь, двум канадцам и британцу удалось добраться до Северной Ирландии³⁷.

Один из интернированных канадцев, лейтенант авиации Дж. Калдер, до войны был корреспондентом телеграфного агентства Канадиан пресс. Стремясь освободиться из лагеря, он придумал план, частью которого было отказаться от условного освобождения и посвятить все время корреспондентской работе. Он опубликовал несколько статей

³³ Dwyer T. R. *Guests of the State*. P. 116–117.

³⁴ Dwyer T. R. *Behind the green curtain...* P. 142.

³⁵ Ibid. P. 167.

³⁶ O'Halpin E. *Op. cit.* P. 111.

³⁷ Dwyer T. R. *Behind the green curtain...* P. 205–206, 219.

в Канадиан пресс, где описывал вольную жизнь в лагере. Одна из статей так и называлась «Канадские интернированные летчики живут в Ирландии припеваючи»: «Благодаря освобождению под честное слово, разнообразному питанию и великолепным условиям для проведения досуга наше интернирование разительно отличается от обычного обращения с военнопленными». Публикации сделали его имя широко известным. Другой частью его плана было симитировать сумасшествие. Он стал сильно пить (или делал вид), сломал печатную машинку, порвал рукописи. 28 июня 1943 г. он совершил попытку суицида, приняв йод. Его срочно увезли в больницу без оформления освобождения под честное слово. Канадский посланник, догадываясь, что таким образом Калдер пытается сбежать, обратился к ирландским властям с просьбой освободить его по гуманным соображениям, так как врачи в больнице подтвердили, что он может повторить попытку самоубийства³⁸. Желая избежать такого скандала с самым известным их интернированным, ирландцы сразу дали согласие на перевод Калдера в больницу в Великобритании. По словам самого Калдера, ему было проще убедить ирландских докторов в том, что он сошел с ума, чем британских в том, что он психически здоров³⁹.

Только одному немецкому интернированному удалось сбежать за все время войны. 21 января 1942 г. лейтенант К. Неймейр тайком покинул лагерь и проник на корабль, следовавший в Португалию. В Бристоле его обнаружили, и остаток войны он провел в лагере для военнопленных в Британии. Условия там разительно отличались от условий в Кей Лайнс⁴⁰.

Если в 1940 г. британская сторона лояльно отнеслась к интернированию своих летчиков, то к середине 1943 г. ситуация изменилась. Британский представитель Маффи предупреждал премьер-министра, что эти годы оставляют свой отпечаток на отношениях двух стран: «Когда Англия будет строить свои послевоенные отношения с Ирландией, она не забудет, что в то время, как она оказывала яростное сопротивление врагу, в Дублине размещались дипломатические миссии вражеских государств и Ирландия интернировала британских летчиков»⁴¹.

Британский военный атташе, подполковник авиации М. Бег, рекомендовал Королевским ВВС Великобритании инструктировать экипажи: на случай если им придется совершить посадку на территории Ирландии, говорить, что ведут спасательные операции. Они должны были утверждать, что принимают участие в авиационной поисково-спасательной операции на море по сигналу SOS с неустановленного воздушного судна, предположительно немецкого⁴².

Ирландские власти были готовы отпускать летчиков союзников в тех случаях, когда можно было избежать огласки или было очевидно, что самолет выполнял небоевое задание. Несмотря на инструктаж, пилоты пяти из следующих шести самолетов, приземлившихся на территории Ирландии, не заявили о поисково-спасательной операции, однако все 40 членов экипажей все равно были отпущены. На борту одного из этих самолетов были четыре генерала: генерал-лейтенант Дж. Диверс, командующий войсками США на европейском театре военных действий, генерал-майор Э.Х. Брукс, бригадные генералы Дж. Барнс и Ч. Палмер. Их самолет «летающая крепость» осуществил вынужденную посадку неподалеку от Атенрай, графство Голуэй, 15 января 1943 г., заблудившись по дороге из Северной Африки на конференцию в Лондон. Вскоре после приземления их отвезли к границе с Северной Ирландией. Когда Хемпель узнал об этом, он потребовал объяснений от департамента внешних связей, почему всех отпустили.

³⁸ *Keefer R.* Grounded in Eire: the story of two Canadian RAF fliers interned in Ireland during World War II. Montreal, 2001. P. 231.

³⁹ *Dwyer T.R.* Behind the green curtain... P. 262.

⁴⁰ *Dwyer T.R.* Guests of the State. P. 115.

⁴¹ *Ibid.* P. 120.

⁴² *Dwyer T.R.* Guests of the state: the story of... P. 111.

В министерстве иностранных дел ответили, что это был пассажирский самолет, перевозящий военнотружущих, и не стоял вопрос о задержании находящихсх на борту⁴³.

Не желая провоцировать немецкого представителя в Ирландии, несколько недель спустя экипаж бомбардировщика «Уэллингтон», состоящий из четырех человек, был интернирован. Правда, вплоть до окончания войны больше никого не интернировали. Экипажи 77 самолетов, приземлившихся в Ирландии за это время, без огласки были незамедлительно отпущены⁴⁴.

В последующие несколько месяцев Маффи неоднократно предлагал применить термин «небоевой полет» задним числом, оказывая давление на премьер-министра. Он утверждал, что только 13 из интернированных пилотов совершали боевые полеты. Де Валера дал согласие на освобождение 18 британских пилотов, которые предположительно не совершали боевых вылетов, а также канадца Ч. Брейди и француза М. Реми, подбивших немецкий самолет над Ирландией. Чтобы не привлекать внимание немецкой стороны, освобождаемые вместе с партией интернированных должны были быть переведены из Кей Лайнс в новый лагерь Горманстон.

18 октября 1943 г. под военным конвоем всех довели до Дублина. Освобожденные 20 человек были в одной машине, остальные 11 (все оставшиеся были сержантами) – в другой. В Дублине машина с пилотами направилась в сторону границы, другая – в Горманстон. Семьям освобожденных запретили общаться с прессой во избежание утечки информации⁴⁵.

Однако сведения об этом дошли до немецкого представителя. Хемпель выразил официальный протест, обвинив Ирландию в несоблюдении политики нейтралитета. Правительство парировало его нападки, подчеркнув, что различает «боевой и небоевой вылеты», на основе чего и были освобождены летчики. К экипажам немецких самолетов трудно было применить термин «небоевой вылет». Хемпель с трудом согласился с этими доводами, отметив, что «ирландский нейтралитет является по-настоящему нейтралитетом только тогда, когда он направлен против Третьего рейха»⁴⁶.

В качестве жеста доброй воли Хемпелю разрешили увеличить штат дипмиссии. Немцы пытались увеличить его в 1940 г. переводом ряда дипломатов из США. Де Валера настаивал, чтобы эти дипломаты прибыли в Ирландию обычными авиарейсами, т.е. через Британию, что для немцев было исключено. Теперь же Хемпелю было разрешено нанять двух интернированных: одного на смену тяжело заболевшему шифровальщику и одного на место швейцара в дипмиссию. Хемпелю также удалось получить разрешение на особое освобождение для четырех интернированных офицеров, чтобы они, поселившись в Дублине, могли посещать Дублинский университетский колледж. Вчетвером они сняли дом и на велосипедах добрались до колледжа. В месте своего проживания им следовало находиться с полуночи до 7 утра. По условиям особого освобождения им запрещалось бывать на набережной и следовало держаться в радиусе 10 миль от Главпочтамта, они не должны были общаться с людьми, принимавшими активное участие в ирландской или международной политике, и «не делать ничего такого, что имело хотя бы слегка политический оттенок»⁴⁷.

В декабре 1943 г., возвращаясь с грузом из Португалии, ирландский грузовой корабль «Керли» взял на борт 166 немецких моряков, терпящих бедствие в Бискайском заливе. Большинство из них находилось в плохом состоянии. Корабль намеренно соблюдал режим радиотишины до приближения к ирландскому побережью. Первоначально судно направлялось в британский порт, но в итоге пришвартовалось в ирландском порту Коб, чтобы потерпевших не арестовали. Капитан корабля утверждал, что некоторым морякам

⁴³ *Dwyer T.R.* Behind the green curtain... P. 259.

⁴⁴ *Dwyer T.R.* Guests of the State. P. 120.

⁴⁵ *Ibidem.*

⁴⁶ *Duggan J.P.* Op. cit. P. 220.

⁴⁷ *Dwyer T.R.* Guests of the State. P. 121–122.

требовалась срочная медицинская помощь. Маффи настаивал на интернировании моряков, дабы они не разбрелись по Ирландии. Если термин «боевой/небоевой вылет» можно было трактовать двояко, то статус спасенных моряков этого не допускал. По международному праву они были терпящими бедствие моряками, спасенными в открытом море (вне пределов территориальных вод), и не должны были быть интернированы. Однако Маффи настаивал, что «немец в Эйре представляет угрозу Англии, в то время как англичанин в Эйре не представляет угрозу для Германии»⁴⁸. Ирландским властям пришлось согласиться на интернирование немецких моряков, так как еще до обретения Ирландией независимости де Валера обещал, что территория Ирландии никогда не будет использована против Британии во время войны⁴⁹. Для интернированных моряков был подготовлен новый лагерь. Кей Лайнс был закрыт, а интернированных летчиков перевели в лагерь для моряков. В марте 1945 г. сюда же были определены 48 членов экипажа подводной лодки, затонувшей у берегов графства Корк⁵⁰.

После успешной высадки союзников в Нормандии 6 июня 1944 г. Маффи стал настаивать на освобождении всех оставшихся интернированных союзников. Сначала де Валера не соглашался, но после того, как британская сторона выдвинула ультиматум, что в случае отказа она применит экономические санкции, вынужден был сдаться. 15 июня 1944 г. оставшиеся интернированные военные союзников были тайно отправлены в Северную Ирландию.

По окончании войны Британия запросила у Дублина всех немецких интернированных. Де Валера согласился при условии, что никто из них не будет казнен или выслан в советскую зону оккупации. 30 июля 1945 г. интернированных поставили в известность о предстоящей репатриации. Им следовало составить списки, кто из какой зоны и куда каждый хотел бы вернуться. Только 138 человек изъявили желание вернуться домой, включая 43 родом из советской зоны. Большинство же захотело остаться в Ирландии, но такая возможность им не была предоставлена (за исключением четверых, женившихся на ирландках. Всего 11 интернированных с обеих сторон вступили в брак в Ирландии⁵¹), выбрать можно было только зону оккупации.

13 августа колонна из 10 автобусов покинула лагерь. Интернированные были доставлены на борт корабля «Св. Эндрю». Один из интернированных, А. Войт, вспоминал: «Мы поднялись на корабль одетые в штатское, неся с собой теннисные ракетки, удочки и говоря на хорошем английском. Один из охранников удивился: “Кто они? Солдаты или чертovsky туристы?”»⁵².

О характере нейтралитета Ирландии во Второй мировой войне до сих пор ведутся дискуссии. Большинство историков склоняется к тому, что этот нейтралитет носил явно выраженный характер сотрудничества с антигитлеровской коалицией. Несмотря на объявленную политику нейтралитета, Ирландия всегда готова была помогать своему британскому соседу: это и обмен разведывательными данными, и возможность использовать свое воздушное пространство. Кроме того, в штате воздушных сил было три спасательных экипажа, которые в случае необходимости могли помочь самолету взлететь или даже отремонтировать его⁵³.

Нельзя отрицать, что нейтралитет Ирландии был основан на политике двойных стандартов — соблюдение всех дипломатических тонкостей нейтралитета *de jure* и тайное сотрудничество с союзниками *de facto*⁵⁴, что подтверждает практика интернирования

⁴⁸ *Dwyer T.R.* Behind the green curtain... P. 277.

⁴⁹ *Dwyer T.R.* Guests of the State. P. 122.

⁵⁰ *Ibid.* P. 125.

⁵¹ *Ibid.* P. 115.

⁵² *Ibid.* P. 125.

⁵³ *Cunningham Ph.* Op.cit. P. 16.

⁵⁴ *O'Driscoll M.* Op.cit. P. 114.

военнослужащих воюющих сторон на территории Ирландии во время Второй мировой войны.

Библиография/ References

- Полякова Е.Ю.* Ирландия в XX веке. Москва, 2009.
Polyakova E. Yu. Irlandiia v XX veke [Ireland in the 20th century]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Cunningham Ph.* Belligerent Internment 1939–1945, thesis. Maynooth, 1994.
- Duggan J.P.* Neutral Ireland and the Third Reich. Dublin, 1985.
- Dwyer T. R.* Behind the green curtain: Ireland's phoney neutrality during World War II. Dublin, 2009.
- Dwyer T.R.* Guests of the State // Ireland in World War Two: diplomacy and survival. Cork, 2004. P. 105–125.
- Dwyer T.R.* Guests of the state: the story of Allied and Axis servicemen interned in Ireland during World War II. Dingle, 1994.
- Emergency Powers Act, EPA 1939-09-03. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1939/act/28/enacted/en/html> (access date: 05.07.2020).
- Existence of National Emergency. *Dáil debates*. Government of Ireland. 77: No.1, p. 8 p. 19–20. 1939-09-02. URL: <http://www.historical-debates.oireachtas.ie> (access date: 05.07.2020).
- Fisk R.* In time of war: Ireland, Ulster, and the price of neutrality, 1939-45. Philadelphia, 1983.
- Grob-Fitzgibbon B.J.* The Irish experience during the Second World War: an oral history. Dublin, 2004.
- Keefer R.* Grounded in Eire: the story of two Canadian RAF fliers interned in Ireland during World War II. Montreal, 2001.
- Keogh D.* Twentieth-Century Ireland: Nation and State. Dublin, 2005.
- K-Lines Internment Camp 1940-44. URL: <http://www.curragh.info/klines.htm> (access date: 05.06.2020).
- MacAnnaidh S.* Irish History from Prehistoric Times to the Present Day. Bath, 2007.
- O' Longaigh S.* Emergency Law in Action, 1939–1945 // Ireland in World War Two: diplomacy and survival. Cork, 2004. P. 60–71.
- O'Driscoll M.* Keeping Britain Sweet: Irish Neutrality, Political Identity and Collective Memory. Moscow, 2007.
- O'Halpin E.* Spying on Ireland: British Intelligence and Irish Neutrality during the Second World War. Oxford, 2008.
- Roberts G.* Three narratives of neutrality: historians and Ireland's war // Girvin B., Roberts G. Ireland and the Second World War, politics, society and remembrance. Dublin, 2000. P. 162–170.

DOI: 10.31857/S013038640009535-6

© 2021 г. М.И. МАХМУТОВА

СПЕЦИФИКА ФРОНТА ПОЛИСАРИО КАК НЕГОСУДАРСТВЕННОГО АКТОРА

Махмутова Мария Игоревна — соискатель ученой степени кандидата исторических наук при Институте востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: makhmudova.maria@yandex.ru

Researcher ID: ABA-1168-2020

Аннотация. В статье автор рассматривает Фронт ПОЛИСАРИО как национально-освободительное движение, нацеленное на получение независимости Сахарской Арабской Демократической Республики. В работе акцентируется внимание на внутренней структуре движения, которая выстроена по вертикали. В основу заложен совещательный принцип принятия решений и выбора стратегических направлений. Отмечается, что попытка разделения ветвей власти внутри организации сложно назвать успешной, так как ключевые полномочия сосредоточены в руках исполнительных органов. Военное крыло ПОЛИСАРИО представлено партизанской армией, оснащенной старой советской техникой. Оно регулярно пополняется людскими ресурсами, инструкторами, как правило, выступают алжирские военные. Показаны основные источники финансирования движения, доходы которого складываются не только из финансовой помощи Алжира, но и из денежных поступлений от благотворительных фондов и сочувствующих Фронту ПОЛИСАРИО лиц. Помимо этого, организация получает долю от контрабанды наркотиков, оружия, драгоценных металлов в Африке. В исследовании уделено внимание и жизни людей в лагерях Тиндуфа, где административная структура создана Фронтом ПОЛИСАРИО. Указывается, что лагерная экономика ориентирована на выживание. В данной связи от мужчин зависит обеспечение базовых потребностей семей. Женщины, благодаря распространению идеи феминизма в рядах ПОЛИСАРИО, имеют возможность участвовать в политике и устраиваться на работу. Высокое социальное положение обычно занимают представительницы старшего поколения с высшим образованием. Для детей доступно получение образования, однако многие не заканчивают школ, поскольку вынуждены помогать родителям. В целом, несмотря на критику и внутренние разногласия, Фронт ПОЛИСАРИО не намерен отказываться от идеи независимости Западной Сахары и по-прежнему остается привлекательным движением для сахарави в отсутствие явных конкурентов.

Ключевые слова: Фронт ПОЛИСАРИО, Западная Сахара, Тиндуф, Алжир, Марокко.

M.I. Makhmudova

Specific Features of the Polisario Front as a Non-State Actor

Maria Makhmudova, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: makhmudova.maria@yandex.ru

Researcher ID: ABA-1168-2020

Abstract. In the article, the author considers the Polisario Front as a national liberation movement aimed at gaining independence for the Sahara Arab Democratic Republic. The work focuses on the internal structure of the movement, which is aligned vertically. Its founders laid the principle of consultation before making fateful decisions and choosing strategic directions. It is noted that the attempt to divide the branches of power within the organization can hardly be called successful, since key powers are still concentrated in the hands of the executive bodies. The military wing of the Polisario Front is represented by a guerrilla army equipped with old Soviet arms and equipment. It is constantly replenished with human resources, and the instructors, as a rule, are the Algerian military. The author seeks to show the main sources of financing the movement. It was revealed that this is not only Algeria's contributions, but also cash receipts from charitable foundations and financial receipts from people loyal to the Polisario Front. The organization also receives a share from the smuggling of drugs, weapons, precious metals in Africa. The study also pays attention to the life of people in the Tindouf camps, where the administrative structure was organized by the Polisario Front. It is noted that the camp economy is focused on survival. In this regard, it is up to men to meet the basic needs of families. Women, thanks to the spread of the idea of feminism in the ranks of the Polisario Front, can participate in politics and get a job. A high social position, as a rule, is occupied by representatives of the older generation with higher education. Education is available for children, but many do not conclude their studies in schools, as they must help their parents. In general, despite the lack of implementation of the idea of independence for Western Sahara, the Polisario Front remains an attractive movement for the Sahrawi and has no obvious competitors.

Keywords: Polisario Front, Western Sahara, Tindouf, Algeria, Morocco.

Идеология созданного в 1973 г. Фронта ПОЛИСАРИО¹ сочетает в себе элементы антиколониализма, арабского социализма и национализма. Сформированная в культуре сахарави организация унаследовала от племенного общества совещательный принцип принятия судьбоносных решений. С момента своего появления ПОЛИСАРИО позиционировало себя как движение, нацеленное на создание независимой Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР) со столицей в Эль-Аюне. За время своего существования организация противостояла испанским властям, вела партизанскую борьбу с Мавританией и Марокко. С момента заключения шаткого перемирия между ПОЛИСАРИО и Рабатом в 1991 г. мирные переговоры под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН) и деятельность Миссии ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС) не привели к положительному результату. Марокко готово предоставить Западной Сахаре автономию, в то время как ПОЛИСАРИО требует полного суверенитета. Ситуация принципиально не меняется уже 30 лет.

Фронт ПОЛИСАРИО имеет поддержку со стороны различных организаций и государств. С 1982 г. он является членом Организации африканского единства (позднее Африканского союза), а в 2005 г. получил предложение присоединить свою армию к Африканским резервным силам. Кроме того, ПОЛИСАРИО получает финансовую и военную поддержку от Алжира и Ирана, а также «Хизбаллы». На международном уровне независимость Западной Сахары поддерживают Россия, Мексика, Испания, Португалия, Великобритания, Вьетнам, многие африканские и латиноамериканские государства. Некоторые из них установили дипломатические отношения с САДР – позволили открыть на своей территории представительства ПОЛИСАРИО, позиционирующего себя как единственную организацию, отстаивающую самоопределение Западной Сахары.

К настоящему времени проблема независимости народа сахарави и его земли мало известна в международном сообществе, хотя для Марокко – это вопрос национальной

---

¹ Фронт ПОЛИСАРИО (POLISARIO) – сокращ. от исп. Народный фронт за освобождение Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро (Frente Popular de Liberación de Saguía el Hamra y Río de Oro).

безопасности. Выстроенная в Западной Сахаре стена частично снижает потенциальные вызовы, однако не гарантирует полной защиты. Дипломатия Рабата крайне заинтересована в международной поддержке территориальной целостности страны. В национальном медиа-пространстве всегда присутствует антагонизм и неприятие самой идеи независимости сахарави, а любые встречи и связи ПОЛИСАРИО с европейскими государствами воспринимаются крайне остро и болезненно.

Народ сахарави проживает преимущественно на территории Западной Сахары (около 603 тыс.) и юге Марокко. Около 200 тыс. человек в результате войн и политики Рабата бежали в Мавританию, 170 тыс. нашли убежище в Алжире, примерно 150 тыс. воспользовались испанским гражданством, полученным в период колониализма, и мигрировали в Европу. Вплоть до насильственной урбанизации Марокко в 1980-х годах сахарави сохраняли кочевнический образ жизни. Традиционная культура наблюдается и среди представителей народа, осевших в городах. Сахарави объединены в племена, наиболее известны Рагибат (ведет происхождение от пророка XVI в. Сиди Ахмеда Ргиби), Текна (потомки берберского племени Баранис) и Ульд Делим (потомки кочевого арабского племени Бени Хассан). В религиозном отношении главное место занимает ислам маликитского мазхаба, однако практикуются традиционные языческие ритуалы защиты, гадания, подношения духам.

СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ

Основой организационной структуры Фронта ПОЛИСАРИО являются три главных политических института: Всеобщий народный конгресс, Генеральный секретарь и Национальный совет. Легитимность зависит от Всеобщего народного конгресса, который избирает Генерального секретаря и членов Национального совета. Всеобщий народный конгресс состоит из делегатов от Народного конгресса в лагере беженцев в Тиндуфе, Национального союза Сахарских женщин, Сахарского союза молодежи, Сахарского профсоюза, Союза студентов и вооруженных сил. Количество делегатов постоянно. Все сахарави имеют право участвовать в выборном процессе; собрания проходят один раз в три или четыре года. Конгресс обладает полномочиями определять основные стратегические направления организации, а также решает вопрос о приостановлении военных действий с Марокко или же их начале².

Генеральный секретарь движения – фигура, представляющая все народы САДР, то есть он имеет функции президента республики. Тайным голосованием в 2016 г. на этот пост был назначен Брахим Гали. Он обладает правом назначать премьер-министра, губернаторов, высокопоставленных военных и представителей органов безопасности, судей. Также Б. Гали возглавляет Совет министров, ведет внешнеполитическую деятельность, консультирует Всеобщий национальный конгресс по ведению внутренней политики в лагерях беженцев на юге Алжира. Генеральный секретарь не может передавать даже часть своих полномочий премьер-министру. При досрочной отставке по причине болезни или смерти его функции переходят к главе Национального совета³. Исполнительная власть представлена премьер-министром (Бишрая Хаммуди Буюна⁴ с 2020 г.), а также Советом министров, в который входят министры внутренних дел, иностранных дел, обороны, юстиции и религии, образования, экономического развития, информации, здравоохранения, оккупированных территорий. Премьер-министр одно-

² Zunes S., Mundy J. Western Sahara: War, Nationalism, and Conflict Irresolution. Syracuse—New York, 2010. P. 119.

³ The Constitution of the Sahrawi Arab Democratic Republic. URL: https://www.policinglaw.info/assets/downloads/2015_Constitution_of_the_Sahrawi_Arab_Democratic_Republic.pdf (access date: 28.04.2020).

⁴ Президент Ибрагим Гали назначает Бишрая Хаммуди Буюна премьер-министром. URL: <https://www.spsrasd.info/news/ar/articles/2020/01/13/24143.html> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)

временно является советником президента и вице-президента, он также назначает членов кабинета министров после предварительной консультации с президентом⁵.

Национальный совет исполняет роль законодательного органа, аналогичного парламенту. Заседания не регулярны, проводятся по мере необходимости. Национальный совет в праве отстранить от должности Генерального секретаря. Законодательный орган состоит исключительно из членов ПОЛИСАРИО, в нем не представлено никаких иных движений или партий (с 2007 г. — 53 депутата)⁶. Последние выборы прошли в марте 2020 г., место спикера занял Хама Саламе⁷, он и ранее был депутатом Национального совета.

Вооруженные силы ПОЛИСАРИО представлены партизанской Сахарской Народно-освободительной армией⁸. Все мужчины в лагерях беженцев призываются на службу, в военные годы помощь оказывают и женщины. Вооруженные силы, насчитывающие примерно 5 тыс. человек, сосредоточены в семи районах: Цуг, Тифарити, Миек, Мерес, Бир-Лакху, Тиндуф и Селлаурих. В каждом районе находятся пять-шесть батальонов, имеющих дополнительную помощь в медицинском обслуживании, связи, ремонте техники, определении местонахождения противника. Тиндуф считается основным центром командования с несколькими казармами и складами оружия⁹. Главкомандующим армией является Генеральный секретарь ПОЛИСАРИО, ему подчиняется министр обороны в сотрудничестве с Центральным военным управлением. Министру обороны подотчетны внутриармейские системы безопасности, здравоохранения, логистики, а также инструкторы и военный персонал.

В системе безопасности сделан акцент на получении стратегически важной информации: на выявлении лиц, стремящихся проникнуть в структуру ПОЛИСАРИО с целью дискредитации движения. Как правило, опасения вызывают марокканские спецслужбы. Руководители Фронта не раз сталкивались с тем, что молодых людей пытались переманить на противоположную сторону, предлагая материальные блага, а также жизнь вне лагерей Тиндуфа.

Армейские отделы здравоохранения включают в себя военный медицинский персонал, медицинские учреждения и технику для транспортировки пострадавших. Логисты ответственны за материально-техническое обеспечение армии, а именно доставку машин, боеприпасов, средней и тяжелой техники, огнестрельного оружия. Инструкторами армии ПОЛИСАРИО становятся обученные военные или представители других стран (Алжира, Ирана и др.). Офицеры проходят подготовку в специальных учебных заведениях, в том числе в школах «Мартир Луали» (базовое военное образование) и «Мартир Хеддад» (подготовка специалистов по работе с артиллерийским вооружением, зенитной техникой и танками). Ключевую помощь в подготовке кадров и тренировке военных оказывает Алжир.

Батальон армии состоит из противотанкового взвода, зенитной роты, механизированной пехоты. Партизанское движение оснащено старым, в основном, советским вооружением¹⁰. Практически весь арсенал был получен из Алжира. Имеются сведения о наличии около 50 танков советского производства Т-55, 20 танков типа Т-62, легких

⁵ *Wilson A.* Democratizing elections without parties: reflections on the case of the Sahrawi Arab Democratic Republic // *The Journal of North African Studies*. Vol. 15. 2010. Issue 4. P. 433.

⁶ *Bhatia M.* The Western Sahara under Polisario control // *Review of African Political Economy*. Vol. 28. 2001. Issue 88. P. 296.

⁷ Избрание Хама Саламе на пост главы Национального совета Сахарави. URL: <https://www.spsrasd.info/news/ar/articles/2020/03/16/25153.html> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)

⁸ *Besenyő J.* Guerrilla Operations in Western Sahara: The Polisario versus Morocco and Mauritania // *Connections: The Quarterly Journal*. 2017. № 3. P. 35.

⁹ *Баусуля Б.А.* Шепот дюн. Лондон, 2012. С. 243. (Араб.)

¹⁰ *Bauer G.E.* The Morocco-Polisario conflict: Prospects for western Saharan stability in the 1990s // *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 5. 1994. Issue 1. P. 121.

танков СК-105, свыше 100 бронированных машин типа БМП-1, Ратель, Эланд, МЗ, боевых разведывательных машин ЕЕ-9, безоткатных орудий Б-10 и Б-11, реактивной системы залпового огня Град. ПОЛИСАРИО обладает примерно 10 ракетно-пусковыми установками БМ-21, 30 гаубицами Д-30, гусеничными артиллерийскими тягачами, тяжелыми минометами 82 мм. Помимо этого, движение владеет зенитными пулеметами ДШКМ, зенитными установками калибра 23 мм, зенитными системами ЗПУ, зенитными самоходными установками ЗСУ23-4 Шилка, зенитно-ракетными комплексами Стрела-1, Оса, Куб. Среди огнестрельного оружия в наличии автоматы Калашникова¹¹.

Организационная система разведывательных служб ПОЛИСАРИО выстроена по примеру алжирских. Основное внимание уделяется информации о марокканской политике и военном потенциале Рабата как из информационных источников, так и от сахарави, проживающих в Западной Сахаре и на юге страны. Властям Марокко непросто противостоять выстроенной ПОЛИСАРИО сети, так как среди лояльных движению лиц помимо обычных граждан встречаются кочевники, государственные служащие и военные.

В целом Фронт ПОЛИСАРИО создал вертикальную структуру управления, заложив в ее основу совещательный принцип, характерный для племенной и исламской моделей. Присутствует и западная идея разделения властей, однако на практике исполнительная власть доминирует над законодательной и судебной ветвями. Военная организация имеет строгую иерархическую структуру и опирается на внешнюю помощь. Оснащение армии устаревшее и весьма ограниченное, соответственно и военный потенциал намного слабее марокканских вооруженных сил, ежегодно закупающих оружие у США. Однако ПОЛИСАРИО всегда был нацелен на ведение партизанской борьбы, что значительно опаснее для регулярной армии, нежели прямое столкновение. И опасения Рабата оправданы, особенно в условиях поддержки ПОЛИСАРИО соседним Алжиром и Ираном.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Согласно опубликованным данным, бюджет ПОЛИСАРИО оценивается в 70 млн долл.¹² Реальная сумма может быть значительно выше: постоянная помощь Алжира оценивается примерно в 300–550 млн долл. в год. Основная доля этих средств приходится на закупку вооружения. Часть финансовых потоков направляются через банковские счета в Тунисе, Мавритании и других странах, а также через благотворительные организации. Многие испанские неправительственные организации, нацеленные на поддержку прав беженцев, женщин и детей, периодически отчисляют денежные средства ПОЛИСАРИО. В 2014 г. стало известно, что деньги, направляемые Фронту, проходили через правозащитный фонд «Аль-Кодиса» в Испании, чья официальная цель – защита прав женщин и детей. В ходе расследования была установлена связь фонда с алжирской разведкой¹³. Помимо этого, Каталонское правительство ежегодно выделяет около 100 тыс. евро ПОЛИСАРИО через Международный институт ненасильственных действий (NOVACT).

Финансовую поддержку и военную помощь в подготовке кадров осуществляет также Иран. Его содействие ПОЛИСАРИО стало поводом для обострения отношений между Рабатом и Тегераном в 2018 и 2019 гг. В результате руководство Марокко приняло решение о разрыве дипломатических отношений с Ираном. Министр иностранных дел Насер Бурита заявил, что через посольство Ирана в Алжире организовывались встречи лидеров

¹¹ Война в Сахаре: возможности марокканской армии и сил ПОЛИСАРИО. URL: <https://www.alaraby.co.uk/politics/2018/4/8/حرب-الصحراء-قدرات-الجيش-المغربي-وقوات-البوليساريو> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)

¹² «Неделя» публикует последнее оснащение армии ПОЛИСАРИО. URL: <https://www.alousboue.com/38892/> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)

¹³ Секретно: документы доказывают, что Алжир финансирует ПОЛИСАРИО для дестабилизации Марокко. URL: <http://alhodhode.com/?p=2204> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)

ПОЛИСАРИО и «Хизбаллы». Также сообщалось о передаче через «Хизбаллу» вооружения, в частности зенитно-ракетного комплекса Стрела-1¹⁴.

Помимо этого, ряд стран и организаций перечисляют деньги для поддержки населения в лагерях беженцев. Бюро по делам народонаселения, беженцев и миграции Государственного департамента США в 2019 г. выделило 560 млн долл. для развития рыболовства в Тиндуфе¹⁵. ЕС направляет не менее 10 млн долл. на поддержание населения в лагерях беженцев в Тиндуфе. Китай предоставляет ПОЛИСАРИО гуманитарную помощь через Сахарский Красный Крест, его вложения достигают примерно 1 млрд долл.¹⁶ Гуманитарную помощь беженцам в лагерях Тиндуфа оказывают и международные организации – Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ).

Не раз поступала информация об отмывании денег в Европе и финансовых отчислениях от лояльных ПОЛИСАРИО лиц. Однако точные денежные суммы установить не удавалось. Более того, власти Марокко не раз обвиняли ПОЛИСАРИО в участии в контрабанде и продаже наркотиков¹⁷. Публиковались данные о связях движения с колумбийским наркобароном Эрнесто Баезом. Кроме того, Фронту ставили в вину связь с ячейками «Аль-Каиды» в Магрибе и Сахеле. Ситуация обострилась после падения в Ливии в 2011 г. режима Муаммара Каддафи, который оказывал мощную финансовую поддержку Фронту ПОЛИСАРИО. После 2011 г. власти Марокко и Мали выражали обеспокоенность сотрудничеством жителей лагерей Тиндуфа с террористическими организациями и участием в конкурентной борьбе с малийскими контрабандистами за пути транспортировки драгоценных металлов, оружия, наркотических средств и сигарет¹⁸. В первую очередь речь идет о молодых сахаравах, не находящихся иного источника дохода¹⁹. Члены ПОЛИСАРИО были уличены в похищении гражданских лиц с целью получения выкупа; наибольший резонанс получают дела, связанные с европейцами. Так, в октябре 2011 г. были похищены два гражданина Испании и один гражданин Италии²⁰. Безусловно, такая тенденция вызывает беспокойство, как и вероятность радикализации настроений среди беженцев и их присоединения к экстремистам.

Точные суммы дохода фронта ПОЛИСАРИО широкой общественности неизвестны, но понятно, что речь идет о миллиардах долларов.

УКЛАД ЖИЗНИ В ЛАГЕРЯХ ТИНДУФА

Фронт ПОЛИСАРИО взял на себя организацию административного управления в пяти лагерях беженцев в Тиндуфе: Авсерде, Дахле, Эль-Аюне, Будждуре и Смаре²¹, где проживает около 170 тыс. человек. На въезде в населенные пункты установлены КПП, разделяющие зоны суверенитета ПОЛИСАРИО и Алжира. Каждый лагерь делится на 6–

¹⁴ Марокко приостанавливает отношения с Ираном. URL: <https://www.raialyoum.com/index.php/المغرب-يعطن-وقف-علاقته-مع-ايران-ويطلب> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)

¹⁵ США выделяют 560 млн долл. ПОЛИСАРИО. URL: <https://www.alyaoum24.com/1307346.html> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)

¹⁶ Китай предоставляет миллиард ПОЛИСАРИО. URL: <https://www.ammonnews.net/index.php?page-article&id-372948> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)

¹⁷ Эль-Аюн Инсолит. URL: <https://www.facebook.com/Laayoune.inso/posts/2376904379022083/> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)

¹⁸ *Wehrey F., Boukhars A.* Perilous Desert: Insecurity in the Sahara. Washington (DC), 2013. P. 167.

¹⁹ *Ojeda-Garcia R., Fernández-Molina I., Veguilla V.* Global, Regional and Local Dimensions of Western Sahara's Protracted Decolonization: When a Conflict Gets Old. New York, 2016. P. 174.

²⁰ Three refugee camp workers abducted in Algeria. URL: <https://www.france24.com/en/20111023-three-aid-workers-abducted-refugee-camp-algeria-tindouf-aqim-al-qaeda-italian-spain> (access date: 24.04.2020).

²¹ *Lecat L.* Floods in Sahrawi refugee camps in Tindouf // *The State of Environmental Migration 2016: A review of 2015.* Liège (Belgium), 2016. P. 207.

7 муниципалитетов (даир), которые, в свою очередь, состоят из четырех окрестностей (сена), чьи руководители отвечают за определенную территорию с поселениями, школами, рынками, состоящими из 150–170 лавок. В каждом даире есть резервуары с водой, пункты медицинской помощи и детские сады. Муниципалитет имеет свой Центральный аппарат и пять комитетов: здравоохранения, образования, правосудия, труда и ремесел. Раз в три года на уровне даира проходят собрания для выбора Народного совета. Прямым голосованием избирается мэр, до выборов обычно проводятся дебаты между кандидатами. Как показала практика, кандидатов может быть неограниченное количество как мужчин, так и женщин. Главные условия – достаточный возраст, отсутствие опасных заболеваний и членство в ПОЛИСАРИО. Избранные лица отвечают за организацию жизни людей в даире.

По причине ограниченной гуманитарной помощи и тяжелых погодных условий (засуха или периодические наводнения) население ориентировано на борьбу за выживание: большая часть жителей лагерей занята в центрах здравоохранения, образования, ремесла и сельском хозяйстве²². Большинство проживает в одноэтажных глинобитных домах или палатках, средний месячный достаток семьи составляет около 100 евро. Иногда необходимо разрешение местной администрации на строительство жилья. В лагерях есть доступ, хотя и ограниченный, к информационному полю: радио, телевидению, сотовой связи и Интернету. Несмотря на позицию ПОЛИСАРИО по поводу рабства, в лагерях Тиндуфа оно практикуется в отношении чернокожего населения. Рабовладельческие отношения могут быть прекращены, если хозяин подписал соответствующий документ и заверил печатью в лагере.

Стоит отметить, что Алжир практически не вмешивается в административное управление лагерей, где царят законы САДР и ПОЛИСАРИО²³. Однако алжирские военные проводят осмотры и оказывают помощь в экстренных ситуациях.

Изучая уклад жизни в лагерях, можно выделить три социальные группы: мужчины, женщины и дети. Основную ответственность за управление лагерями несут мужчины, преимущественно старшего возраста. Молодые люди до 30 лет практически не вовлечены в данный процесс. Они заняты в таких сферах, как уборка отходов, ремонт электротехники, работа на рынках, доставка товаров, переправка людей в Мавританию²⁴. При этом в лагерях наблюдается немалый процент безработицы среди мужчин, хотя, согласно местному укладу, они должны обеспечивать свои семьи. Среди беженцев встречаются специалисты, получившие образование за рубежом, например на Кубе. По возвращении домой далеко не все сахарави имеют возможность найти работу. Эти обстоятельства толкают мужчин на путь преступности или миграции ради финансирования своих семей. Наиболее привлекательной для миграции остается Испания, где многие видят возможность (порой иллюзорную) добиться успеха: пойти учиться и найти работу.

Поскольку Фронт ПОЛИСАРИО выступает как движение, отстаивающее права женщин и отвергающее рабство, то большинство женщин в лагерях чувствуют себя свободно. Идеи феминизма вкладываются в головы детей еще в школе, пока они изучают историю движения ПОЛИСАРИО и сахарави²⁵. Женщины не испытывают гнет со стороны мужчин. К тому же множество неправительственных и международных организаций

---

²² *Boukhars A., Roussellier J. Perspectives on Western Sahara: Myths, Nationalisms, and Geopolitics.* Lanham (Maryland), 2014. P. 265.

²³ *Human Rights in Western Sahara and in the Tindouf Refugee Camps // Human Rights Watch (HRW).* URL: <https://www.hrw.org/report/2008/12/19/human-rights-western-sahara-and-tindouf-refugee-camps> (access date: 24.04.2020).

²⁴ *Fiddian-Qasimiyeh E. The Ideal Refugees: Islam, Gender, and the Sahrawi Politics of Survival.* Vol. First edition. Syracuse—New York, 2014. P. 223.

²⁵ *Allan J. Imagining Saharawi women: the question of gender in POLISARIO discourse // The Journal of North African Studies.* Vol.15. 2010. Issue 2. P. 195.

реализовывают программы по поддержке женщин, что стимулирует повышение их роли в обществе. Они активно участвуют в административной жизни, в том числе в политических дебатах и выборах. На общественных мероприятиях женщины вправе открыто критиковать мэров, административных служащих, представителей благотворительных организаций. Кроме того, даже во взрослом возрасте они могут посещать языковые или компьютерные курсы, после прохождения которых открывается возможность покинуть лагерь и эмигрировать. Элитой считаются немолодые дамы, получившие образование за рубежом, в частности в Испании. Именно они занимают самые высокие и влиятельные должности как внутри ПАЛИСАРИО, так и в лагерях. Стоит отметить, что после замужества и появления детей женщины не всегда стремятся выйти на работу и участвовать в жизни лагеря. Как правило, в большой семье есть одна или две дамы, которые остаются дома и приглядывают за всеми маленькими детьми и подростками большой семьи.

В лагерях Тиндуфа организованы специальные места для досуга и спортивных занятий для мальчиков и девочек, для девочек таких мест значительно меньше. Что касается образования, то для всех детей характерен преждевременный уход из учебных заведений, до окончания обучения в средней школе²⁶. Девочки бросают обучение раньше, и к окончанию средней школы их практически не остается в классах. Вероятнее всего, главная причина кроется в необходимости вовлечения девочек в хозяйственную деятельность и помощь по дому: присмотр за младшими детьми, уход за скотом, земледелие. Международные организации и ПОЛИСАРИО поощряют женское образование, организовывая для девочек отдельные учебные заведения. Порой подростки имеют возможность вернуться в школу, но это зависит от обстановки в семье. Иногда дети покидают образовательные учреждения из-за нехватки мест. Если родители являются членами ПОЛИСАРИО или работают в неправительственных организациях, у детей есть возможность перейти в алжирскую школу. Бедные семьи не могут себе этого позволить. Помимо этого, власти Марокко докладывали, что ПОЛИСАРИО вербует детей с раннего возраста. Примерно в семь лет их разлучают с родителями и отдают на обучение военному делу, что происходит при содействии Алжира²⁷. Детей готовят к потенциальной войне, во время обучения выплачивается небольшое денежное вознаграждение²⁸.

В вопросах бракосочетания решения всегда принимаются старшими представителями семьи. Девочки выходят замуж с позволения своего опекуна, которым является отец или старший брат. Предпочтение отдается тем семьям, с которыми уже заключались брачные отношения. Особое значение при замужестве придается девственности девушек. Если в прошлом веке семейная жизнь начиналась с нуля и люди довольствовались палаткой, то в настоящее время для заключения брака юношам полагается иметь не менее 3 тыс. евро для обустройства дома (одеяла, матрасы, немного мебели), организации торжества и выкупа²⁹. Рабы могут вступать в брак с разрешения хозяев.

Таким образом, жизнь в лагерях Тиндуфа организована благодаря созданной ПОЛИСАРИО администрации. Фронт постарался обеспечить базовые потребности населения, самое главное – предоставил доступ к чистой воде, продуктам питания и медицинской помощи.

Фронт ПОЛИСАРИО не намерен отказываться от идеи независимости Западной Сахары. Несмотря на обвинения в коррумпированности и разногласиях внутри структуры, организация продолжает функционировать, придерживаясь своей идеологии, пополняя

²⁶ Права человека в Западной Сахаре и лагерях беженцев в Тиндуфе. *Human Rights Watch* (HRW), 2008. С. 112. (Араб.)

²⁷ Дети сахарави страдают из-за перемещения на Кубу. URL: <https://sahara-question.com/ar/أخبار/معاناة/> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)

²⁸ Как Фронт ПОЛИСАРИО эксплуатирует детей? URL: <https://www.sasapost.com/children-polisario/> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)

²⁹ *Martín P.S.* Western Sahara: The Refugee Nation. Cardiff, 2010. P. 167.

армию и оснащая ее вооружением. Застопорившиеся переговоры с Марокко под эгидой МООНРЗС в данный момент не позволяют надеяться на положительную динамику. В текущих условиях обе стороны усиливают внешнеполитические связи для обеспечения поддержки и фактически остаются в состоянии ни войны, ни мира.

Библиография

- «Неделя» публикует последнее оснащение армии ПОЛИСАРИО. URL: <https://www.alousboue.com/38892/> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)
- Баусуля Б.А. Шепот дюн. Лондон, 2012. (Араб.)
- Война в Сахаре: возможности марокканской армии и сил ПОЛИСАРИО. URL: <https://www.alaraby.com.uk/politics/2018/4/8/حرب-الصحراء-قدرات-الجيش-المغربي-قوات-البوليساريو> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)
- Дети сахарави страдают из-за перемещения на Кубу. URL: <https://sahara-question.com/ar/إخبار/معاناة-الأطفال-الصحراويين-من-التفجير-إلى-كوبا-سؤال-الهوية> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)
- Избрание Хама Саламе на пост главы Национального совета Сахарави. URL: <https://www.spsrasd.info/news/ar/articles/2020/03/16/25153.html> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)
- Как Фронт ПОЛИСАРИО эксплуатирует детей? URL: <https://www.sasapost.com/children-polisario/> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)
- Китай предоставляет миллиард ПОЛИСАРИО. URL: <https://www.ammonnews.net/index.php?page-article&id=372948> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)
- Марокко приостанавливает отношения с Ираном. URL: <https://www.raialyoum.com/index.php/-المغرب-يعطل-العلاقات-مع-إيران-ويطلب> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)
- Права человека в Западной Сахаре и лагерях беженцев в Тиндуфе. *Human Rights Watch* (HRW), 2008. (Араб.)
- Президент Ибрагим Гали назначает Бишрая Хаммуди Буюна премьер-министром. URL: <https://www.spsrasd.info/news/ar/articles/2020/01/13/24143.html> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)
- Секретно: документы доказывают, что Алжир финансирует ПОЛИСАРИО для дестабилизации Марокко. URL: <http://alhodhode.com/?p=2204> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)
- США выделяют 560 млн долл. ПОЛИСАРИО // URL: <https://www.alyaoum24.com/1307346.html> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)
- Эль-Аюн Инсолит // URL: <https://www.facebook.com/Laayoune.inso/posts/2376904379022083/> (дата обращения: 28.04.2020). (Араб.)
- Allan J. Imagining Saharawi women: the question of gender in POLISARIO discourse // *The Journal of North African Studies*. Vol. 15. 2010. Issue 2. P. 189–202.
- Bauer G.E. The Morocco-Polisario conflict: Prospects for western Saharan stability in the 1990s // *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 5. 1994. Issue 1. P. 111–129.
- Besenyő J. Guerrilla Operations in Western Sahara: The Polisario versus Morocco and Mauritania // *Connections: The Quarterly Journal*. 2017. № 3. P. 23–45.
- Bhatia M. The Western Sahara under Polisario control // *Review of African Political Economy*. Vol. 28. 2001. Issue 88. P. 291–298.
- Boukhars A., Roussellier J. Perspectives on Western Sahara: Myths, Nationalisms, and Geopolitics. Lanham (Maryland), 2014.
- Fiddian-Qasbiyeh E. The Ideal Refugees: Islam, Gender, and the Sahrawi Politics of Survival: Vol. First edition. Syracuse—New York, 2014.
- Human Rights in Western Sahara and in the Tindouf Refugee Camps // HRW. URL: <https://www.hrw.org/report/2008/12/19/human-rights-western-sahara-and-tindouf-refugee-camps> (access date: 24.04.2020).
- Lecat L. Floods in Sahrawi refugee camps in Tindouf // *The State of Environmental Migration 2016: A review of 2015*. Liège (Belgium), 2016.
- Martín P.S. Western Sahara: The Refugee Nation. Cardiff, 2010.
- Ojeda-García R., Fernández-Molina I., Veguilla V. Global, Regional and Local Dimensions of Western Sahara's Protracted Decolonization: When a Conflict Gets Old. New York, 2016.
- The Constitution of the Sahrawi Arab Democratic Republic // URL: https://www.policinglaw.info/assets/downloads/2015_Constitution_of_the_Sahrawi_Arab_Democratic_Republic.pdf (access date: 28.04.2020).
- Three refugee camp workers abducted in Algeria // URL: <https://www.france24.com/en/20111023-three-aid-workers-abducted-refugee-camp-algeria-tindouf-aqim-al-qaeda-italian-spain> (access date: 24.04.2020).
- Wehrey F., Boukhars A. Perilous Desert: Insecurity in the Sahara. Washington (DC), 2013.

Wilson A. Democratising elections without parties: reflections on the case of the Sahrawi Arab Democratic Republic // *The Journal of North African Studies*. Vol.15. 2010. Issue 4. P. 423–438.

Zunes S., Mundy J. *Western Sahara: War, Nationalism, and Conflict Irresolution*. Syracuse—New York, 2010.

References

Bausulya B.A. *Whisper of the dunes*. London, 2012. (In Arabic)

War in the Sahara: the possibilities of the Moroccan army and the forces of POLISARIO. URL: <https://www.alaraby.co.uk/politics/2018/4/8/حرب-الصحراء-قدرات-الجيش-المغربي-وقوات-البوليساريو> (access date: 28.04.2020). (In Arabic)

Sahrawi children suffer from displacement to Cuba. URL: <https://sahara-question.com/ar/اخبار/معاناة-الأطفال-الصحراويين-من-التهجير-الى-كوبا-سؤال-الهوية> (access date: 28.04.2020). (In Arabic)

Election of Ham Salam as Head of Sahrawi National Council. URL: <https://www.spsrasd.info/news/ar/articles/2020/03/16/25153.html> (access date: 28.04.2020). (In Arabic)

How does the POLISARIO Front exploit children? URL: <https://www.sasapost.com/children-polisario/> (access date: 28.04.2020). (In Arabic)

China grants billion POLISARIO. URL: <https://www.ammonnews.net/index.php?page-article&id-372948> (access date: 28.04.2020). (In Arabic)

Morocco suspends relations with Iran. URL: <https://www.raialyoum.com/index.php/المغرب-يعلن-وقف-علاقاته-مع-ايران-ويطلب> (access date: 28.04.2020). (In Arabic)

"Week" publishes the latest equipment of the army POLISARIO. URL: <https://www.alousboue.com/38892/> (access date: 28.04.2020). (In Arabic)

Human Rights in Western Sahara and Tindouf Refugee Centers. *Human Rights Watch* (HRW), 2008. (In Arabic)
President Ibrahim Gali appoints Bishray Hammudi Buyun as Prime Minister. URL: <https://www.spsrasd.info/news/ar/articles/2020/01/13/24143.html> (access date: 28.04.2020). (In Arabic)

Secret: documents prove that Algeria finances POLISARIO to destabilize Morocco. URL: <http://alhodhoda.com/?p=2204> (access date: 28.04.2020). (In Arabic)

US Allocates \$ 560 Million POLISARIO. URL: <https://www.alyaoum24.com/1307346.html> (access date: 28.04.2020). (In Arabic)

El Aaiun Insolit. URL: <https://www.facebook.com/Laayoune.inso/posts/2376904379022083/> (access date: 28.04.2020). (In Arabic)

Allan J. Imagining Saharawi women: the question of gender in POLISARIO discourse // *The Journal of North African Studies*. Vol. 15. 2010. Issue 2. P. 189–202.

Bauer G.E. The Morocco-Polisario conflict: Prospects for western Saharan stability in the 1990s // *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 5. 1994. Issue 1. P. 111–129.

Besenyő J. Guerrilla Operations in Western Sahara: The Polisario versus Morocco and Mauritania // *Connections: The Quarterly Journal*. 2017. № 3. P. 23–45.

Bhatia M. The Western Sahara under Polisario control // *Review of African Political Economy*. Vol. 28. 2001. Issue 88. P. 291–298.

Boukhars A., Roussellier J. *Perspectives on Western Sahara: Myths, Nationalisms, and Geopolitics*. Lanham (Maryland), 2014.

Fiddian-Qasbiyeh E. *The Ideal Refugees: Islam, Gender, and the Sahrawi Politics of Survival*: Vol. First edition. Syracuse—New York, 2014.

Human Rights in Western Sahara and in the Tindouf Refugee Camps // *Human Rights Watch* (HRW). URL: <https://www.hrw.org/report/2008/12/19/human-rights-western-sahara-and-tindouf-refugee-camps> (access date: 24.04.2020).

Lecat L. Floods in Sahrawi refugee camps in Tindouf // *The State of Environmental Migration 2016: A review of 2015*. Liège (Belgium), 2016.

Martín P.S. *Western Sahara: The Refugee Nation*. Cardiff, 2010.

Ojeda-García R., Fernández-Molina I., Veguilla V. *Global, Regional and Local Dimensions of Western Sahara's Protracted Decolonization: When a Conflict Gets Old*. New York, 2016.

The Constitution of the Sahrawi Arab Democratic Republic // URL: https://www.policinglaw.info/assets/downloads/2015_Constitution_of_the_Sahrawi_Arab_Democratic_Republic.pdf (access date: 28.04.2020).

Three refugee camp workers abducted in Algeria // URL: <https://www.france24.com/en/20111023-three-aid-workers-abducted-refugee-camp-algeria-tindouf-aqim-al-qaeda-italian-spain> (access date: 24.04.2020).

Wehrey F., Boukhars A. *Perilous Desert: Insecurity in the Sahara*. Washington (DC), 2013.

Wilson A. Democratising elections without parties: reflections on the case of the Sahrawi Arab Democratic Republic // *The Journal of North African Studies*. Vol.15. 2010. Issue 4. P. 423–438.

Zunes S., Mundy J. *Western Sahara: War, Nationalism, and Conflict Irresolution*. Syracuse—New York, 2010.

DOI: 10.31857/S013038640013382-8

© 2021 г. З.В. ПОКУДОВ, Э.Л. САДЫКОВА

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ США И ЕС НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЕНЦИИ В ЛИВИЮ в 2011 году

Покудов Захар Васильевич – ассистент преподавателя, аспирант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия).

E-mail: zakharpokudov@gmail.com

Researcher ID: ABA-6740-2020; ORCID: 0000-0002-4282-7132

Садыкова Эльмира Ленаровна – доктор политических наук, преподаватель кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия).

E-mail: richone@rambler.ru

Researcher ID: ABA-8239-2020; ORCID: 0000-0003-2391-3462

Аннотация. Анализируя военно-политические взаимоотношения США и ЕС, необходимо понять, как выстраивание взаимоотношений с другими международными акторами и регионами влияет на взаимодействие в рамках трансатлантического альянса. Целью исследования является анализ регионализации военно-политических интересов США и ЕС на примере интервенции в Ливию в 2011 г. В статье анализируются предпосылки формирования процессов регионализации военно-политических интересов во взаимоотношениях США и ЕС. Для достижения поставленной цели рассматриваются отличия в военно-политических подходах ЕС и США к интервенции в Ливию в 2011 г. Развязанный конфликт показал как готовность Вашингтона вернуться к проведению коллективных военных операций, что разительно отличалось от одностороннего военно-политического подхода Дж. Буша-младшего, так и готовность ЕС к принятию на себя основной роли в их проведении. Хотя операция НАТО и достигла своих целей, тем не менее она продемонстрировала и отсутствие консенсуса в рамках трансатлантического альянса, и дальнейшую регионализацию интересов его участников. Научная новизна данного исследования заключается в том, что, несмотря на большое число работ, посвященных анализу участия США и ЕС в ливийской операции 2011 г., в них не уделяется внимания исследованию данной операции в контексте регионализации военно-политических интересов американского и европейского флангов НАТО. Авторы приходят к выводу, что интервенция НАТО в Ливию показала несогласованность в действиях коалиции НАТО и стран ЕС по достижению стратегического консенсуса в рамках трансатлантического союза в постбиполярном мире.

Ключевые слова: международные отношения, США, ЕС, НАТО, Ливия, регионализация, военно-политические интересы, трансатлантические взаимоотношения, операция в Ливии в 2011 г.

Z.V. Pokudov, E.L. Sadykova

Analysis of the Regionalization of Military-Political Interests of the USA and EU on an Example of the Intervention in Libya in 2011

Zakhar Pokudov, Kazan (Privolzhye) Federal University (Kazan, Russia).

E-mail: zakharpokudov@gmail.com

Researcher ID: ABA-6740-2020; ORCID: 0000-0002-4282-7132

Elmira Sadykova, Kazan (Privolzhye) Federal University (Kazan, Russia).

E-mail: richone@rambler.ru

Researcher ID: ABA-8239-2020; ORCID: 0000-0003-2391-3462

Abstract. Analyzing the military-political relations between the US and the EU, it is necessary to understand how building relationships with other international actors and regions of the world affects interaction within the North Atlantic Alliance. The goal of the research is the analysis of the regionalization of military-political interests of the USA and EU based on an example of the intervention in Libya in 2011. The article is devoted to the study of premises of the military-political interests in the USA-EU relations. To achieve that goal, the differences in military-political approaches of the USA and EU towards the Libyan intervention will be considered. The 2011 military intervention in Libya is a crucial example because it had highlighted the readiness of the USA to return to the collective military actions, which was a significant difference in comparison to the unilateral military-political approach of George W. Bush. Moreover, it has also highlighted the EU's readiness to lead possible future military actions. However, even though NATO's intervention achieved its aim, it has also demonstrated the lack of consensus within the transatlantic alliance, as well as the further regionalization of members' interests. The academic originality of the research is that although NATO's intervention in Libya has been already analyzed from various angles, it has not been analyzed in the context of the regionalization of the military-political interests of the NATO's American and European flanks. The authors conclude that NATO's intervention in Libya showed the inconsistency of NATO-EU's actions concerning the approach of a strategic consensus within the transatlantic alliance in a post-bipolar world.

Keywords: international relations, the USA, the EU, NATO, Libya, regionalization, military-political interests, transatlantic cooperation, operation in Libya in 2011.

Анализируя военно-политические взаимоотношения США и ЕС, необходимо понять, как выстраивание взаимоотношений с другими международными акторами и регионами влияет на взаимодействие в рамках трансатлантического альянса. При рассмотрении данного процесса представляется возможным выделить тезис о регионализации военно-политических интересов. Как утверждает российский исследователь А.Д. Воскресенский, «региональные процессы могут оказывать влияние или переформатировать глобальные»¹, а следовательно, анализ военно-политических подходов ЕС и США к ливийской операции, в частности, может помочь нам лучше понять трансатлантические военно-политические взаимоотношения и их изменения в постбиполярный период в целом.

Внешнеполитические подходы избранного на пост президента США в 2008 г. Барака Обамы основывались на международной кооперации и многостороннем взаимодействии, что создавало контраст с унилатерализмом эпохи Дж. Буша-младшего, ожидалось потепление в трансатлантических отношениях. Более того, можно было рассчитывать на изменение внешнеполитического курса НАТО по отношению к мусульманскому миру, так как войны в Ираке и Афганистане показали, что односторонний силовой подход администрации Дж. Буша-младшего к решению проблем исчерпал себя. Для демонстрации изменения военно-политических подходов НАТО военная интервенция в Ливию в 2011 г. является показательной, так как она подчеркнула готовность как Вашингтона вернуться к проведению коллективных операций, так и ЕС к принятию на себя основной роли в их проведении. Хотя операция НАТО и достигла своих целей, тем не менее она продемонстрировала и отсутствие единого консенсуса в рамках трансатлантического альянса, и дальнейшую регионализацию интересов его участников.

---

¹ Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 33.

Цель исследования – проанализировать регионализацию военно-политических интересов США и ЕС на примере операции в Ливии. Интервенция в эту страну не помогла трансатлантическому союзу найти причину для существования в постбиполярном мире. Прежде всего следует рассмотреть вопросы о предпосылках регионализации в этой сфере и о возникших проблемах консенсуса между участниками НАТО. На современном этапе военно-политические взаимоотношения ЕС и США претерпевают значительные изменения в связи с меняющейся структурой международных отношений, и регионализация их военно-политических интересов является одной из причин для этого.

Исследование базируется на историко-генетическом методе с последовательным изложением развития событий в контексте причинно-следственных связей и предпосылок проведения интервенции в Ливию.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

События Арабской весны значительно повлияли на безопасность НАТО. Профессор в области международной безопасности и стратегии университета Экстера Д. Стоукс и профессор политики и международных отношений университета Кента Р.Г. Уитмен, подчеркивая значение Арабской весны для геостратегической безопасности Европы, сравнивают события 2011 г. с изменениями, которые произошли в Европе в связи с падением железного занавеса². Более того, стало очевидно, что в геостратегическом плане они окажут большее влияние на европейскую часть НАТО, чем на американскую.

В связи с географической близостью ЕС предпринимал попытки для проецирования своего влияния в регионе Магриб – Северная Африка задолго до начала событий 2010–2011 гг. Для выстраивания отношений с этим регионом была принята одна из европейских программ соседства – Евро-средиземноморское партнерство³. Программа, в частности, предусматривала выделение 3 млрд евро в 2007–2010 гг. на развитие двустороннего торгово-экономического сотрудничества со странами региона⁴. В июле 2008 г. был создан и новый союз – Союз для Средиземноморья (СДС)⁵, преимущественно по инициативе Франции, которая пыталась таким образом возглавить южный вектор европейской политики. Не следует забывать, что европейские программы для средиземноморского региона были направлены на укрепление связей Европы с Южным Средиземноморьем, а начиная с 1995 г. были объединены в Барселонский процесс, что заложило основы для СДС⁶.

Надо заметить, что у Франции, которая пыталась играть роль локомотива при реализации идей СДС, не хватало необходимых политических и экономических возможностей, о чем свидетельствовали проблемы с финансированием данного союза. Из-за этого в феврале 2012 г. пост сопредседателя СДС с европейской стороны был передан Францией Евросоюзу⁷. Тем не менее подобная инициатива Н. Саркози смогла вдохнуть новую жизнь в средиземноморскую политику ЕС и лишь подчеркнула наметившуюся регионализацию связки Германия – Франция внутри ЕС, где Германия выступала локомотивом на восточном направлении (Россия, страны Восточной Европы и СНГ), а Франция на южном (Средиземноморье и Северная Африка)⁸. Следовательно, регионализация военно-политических интересов происходила в рамках не только НАТО, но и ЕС, так как Германия выступила против проведения военной интервенции в Ливию в 2011 г., в то время как Франция была одним из главных инициаторов.

² Stokes D., Whitman R. Transatlantic triage? European and UK “grand strategy” after the US rebalance to Asia // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944-). Vol. 89. № 5. P. 1094.

³ Kausch K., Youngs R. The End of the “Euro-Mediterranean Vision” // *Ibid.* P. 963.

⁴ Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М., 2014. С. 244.

⁵ Kausch K., Youngs R. *Op. cit.* P. 963.

⁶ Зверева Т.В. Указ. соч. С. 236–237.

⁷ Там же. С. 254–288.

⁸ Там же. С. 289.

Однако комплексная и многомерная политика по отношению к средиземноморскому региону со стороны ЕС выстроена не была, что лишний раз подчеркивает отсутствие у ЕС единой стратегии, в отличие от США. Во времена холодной войны вопросы безопасности европейских стран решались преимущественно в Вашингтоне, поэтому они зачастую не могли полностью формировать даже свою собственную независимую внешнюю политику, не говоря уже о коллективной. Так Д. Стоукс и Р.Г. Уитмен отмечают тенденцию к снижению важности региона Магриба для США в период президентства Б. Обамы не только в связи с перемещением основного фокуса американской политики в регион Юго-Восточной Азии («поворот к Азии»), но и со все возрастающей нефтяной самодостаточностью США в связи со «сланцевой революцией»⁹.

Стоит отметить, что в XXI в. в связи с постепенным формированием концептуальных основ для проведения внешней политики у Брюсселя стала формироваться линия на недопущение кризисов и минимизацию их числа на Африканском континенте, особенно в странах, расположенных севернее экватора, так как это могло угрожать распространением нестабильности на страны ЕС. Здесь, в частности, стоит отметить проведение ЕС военно-политической операции в Мали в 2013 г. (операция «Сервал» под эгидой Франции): после падения ливийского режима М. Каддафи многие боевики вернулись в Мали, способствуя дестабилизации обстановки в стране; и в Сомали (операция «Аталанта», начатая в 2008 г.). И если военная операция в Мали лишь подчеркнула проблемы в формировании единой внешней политики ЕС, так как без французского контингента войск не состоялись бы военные действия¹⁰, то операция «Аталанта» была признана успешной, так как в ее ходе поставленные задачи были достигнуты за счет военно-политической кооперации многих стран – членов ЕС¹¹.

Тем не менее события Арабской весны приковали внешнеполитическое внимание ЕС и США к этому региону, и прежде всего к Ливии. Так, ответом ЕС на вызовы Арабской весны стало принятие 8 марта 2011 г. новой стратегии по отношению к средиземноморскому региону – «Партнерство с Южным Средиземноморьем во имя демократии и общего процветания». В документе отмечалось, что данные революционные события будут иметь долгосрочные последствия как для стран региона в общем, так и для ЕС в частности¹². Для выстраивания новой системы взаимоотношений в мире после Арабской весны предполагалось реализовать группу мер, направленных на поддержку развития демократии в странах региона. При этом предусматривался и ряд незамедлительных решений, в частности «замораживание» двусторонних связей с Ливией¹³. Более того, когда массовые выступления на востоке Ливии переросли в гражданскую войну, страны НАТО сразу же встали на сторону повстанцев, требуя от ливийского лидера удовлетворить требования повстанцев¹⁴. Это заложило основы для последующей «гуманитарной интервенции».

⁹ Stokes D., Whitman R. Op. cit. P. 1094–1096.

¹⁰ Фёдоров М.С. Деятельность Европейского союза по урегулированию региональных конфликтов: потенциал, политические механизмы и практика. Дисс. канд. полит. наук. М., 2019. С. 140–142.

¹¹ Там же. С. 148–150.

¹² Communication Conjointe Au Conseil Européen, Au Parlement Européen, Au Conseil, Au Comité Economique Et Social Européen Et Au Comité Des Régions Un Partenariat Pour La Démocratie Et Une Prospérité Partagée Avec Le Sud De La Méditerranée. Bruxelles, le 8.3.2011. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX%3A52011DC0200> (дата обращения: 17.04.2020).

¹³ Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потёмкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М., 2012. С. 378.

¹⁴ The White House. Remarks by President Barak H. Obama on Libya. February 23, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-pressoffice/2011/02/23/remarks-president-libya> (дата обращения: 18.04.2020).

НОВЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ НАТО

Страны НАТО вмешались в ливийский конфликт, который был вызван, как отмечает российский исследователь Т.В. Зверева, рядом региональных факторов: влиянием революций в Тунисе и Египте, а также сильными сепаратистскими тенденциями в нефтеносном районе Киренаики¹⁵. В ходе ливийской военной операции «Объединенный защитник», которая продолжалась семь месяцев и закончилась 31 октября 2011 г., воздушные удары коалиции подорвали режим Каддафи, защитив гражданское население. Как отмечают доктор Королевского колледжа Лондона Э. Халламс и профессор университета Маквэра Б. Шриир¹⁶, эта операция отражала новый подход НАТО к решению своих внешнеполитических задач, журналисты назвали его «лидерство из-за спины»¹⁷. Теперь США, которые по-прежнему в военном плане обладали значительным преимуществом над европейскими союзниками, отказались от лидирующей роли и лишь поддерживали военные действия европейских государств, прежде всего Франции и Великобритании. В США унилатерализм администрации Дж. Буша-младшего уступил место концепции «умной силой», предложенной Б. Обамой еще в 2009 г.¹⁸

Когда Париж и Лондон запросили введение беспилотной зоны над Сирией, Обама поддержал данную инициативу, выступая за резолюцию Совета Безопасности ООН-1973 для обоснования подобных действий¹⁹. Данная резолюция создала прецедент в системе международных отношений, санкционировав военное вмешательство иностранных государств во внутренние дела страны, провозглашая защиту мирных граждан в качестве цели вмешательства²⁰. 19 марта США, Великобритания и Франция нанесли серию воздушных ударов. Более того, в соответствии с операцией «Союзный защитник» под эгидой НАТО предполагалось проведение еще и морской операции для контроля над поставками вооружений в Сирию. По заявлениям НАТО, военноморская группировка, в которую вошли боевые корабли Бельгии, Болгарии, Великобритании, Греции, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Румынии, США и Турции, находясь в нейтральных водах, должна была обеспечить эмбарго, не вторгаясь в территориальные воды страны²¹.

В связи с успешным развитием военной операции уже 28 марта Обама заявил, что США предоставят лидирующую роль в этой операции союзникам, дабы сократить тяжесть бремени, лежащего на американских налогоплательщиках. 31 марта Вашингтон передал контроль над операцией НАТО и даже вывел отдельные военные соединения, например А-10 Тандербоат и АСи-130 Спектр Ганшипс, из региона. Более того, США уже 3 апреля полностью передали ответственность за проведение интервенции другим странам альянса, в частности Великобритании и Франции. Таким образом, операция в Ливии продемонстрировала желание США решать военно-политические проблемы в сложных регионах чужими руками²².

¹⁵ Зверева Т.В. Указ. соч. С. 269.

¹⁶ Hallams E., Schreer B. Towards a “post-American” alliance? NATO burden-sharing after Libya // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-). Vol. 88. № 2. P. 320–321.

¹⁷ Lizza R. How the Arab Spring remade Obama’s foreign policy // The New Yorker, 2.V.2011.

¹⁸ Оганисян Л.Д. Политика США и ЕС на Арабском Востоке в условиях процессов политической трансформации в странах региона в 2011–2016 гг. (на примере Туниса, Египта и Ливии). Дисс. канд. полит. наук. М., 2019. С. 115.

¹⁹ UN Security Council Resolution 1973. March 17, 2011. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2011_03/20110927_110311-UNSCR-1973.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

²⁰ Арзаманова Т.В. Позиция Германии во время ливийского кризиса – 2011. Новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. М., 2011. № 26 (42). С. 11.

²¹ Антюхова Е.А. Подход НАТО к урегулированию конфликтов «арабской весны». Дисс. канд. полит. наук. М., 2016. С. 130.

²² Hallams E., Schreer B. Op. cit. P. 320–321.

Необходимо подчеркнуть, что, когда США отказались от лидирующей роли, именно Франция возглавила «коалицию желающих»²³. Так, в частности, первый воздушный удар по территории Ливии был нанесен ВВС Франции 19 марта в районе г. Бенгази²⁴. При проведении своей внешней политики Франция пыталась опереться на Евросоюз, что демонстрирует инициатива Саркози о созыве внеочередного Совета ЕС для обсуждения ситуации в Ливии от 11 марта 2011 г.²⁵ Однако, как отмечает Т.В. Зверева, идея интервенции в Ливию не получила единодушной поддержки со стороны ЕС, что вынужден был признать и Н. Саркози 11 марта по итогам Совета ЕС²⁶.

Следует отметить, что ЕС, как наднациональное объединение, занял куда более сдержанную позицию в отличие от Лондона и Парижа, что нашло отражение в заявлении верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон²⁷. Ее поддержали и ведущие европейские страны. Так, в частности, глава МИД ФРГ Г. Вестервелле 18 марта 2011 г. на заседании правительства заявил: «Мы не собираемся задействовать немецких солдат в этой военной кампании в Ливии»²⁸. Более того, подавляющее большинство (88%) граждан ФРГ высказались против участия Берлина в проведении военной операции²⁹. При голосовании по резолюции ООН-1973 Германия также воздержалась, а вместе с ней Бразилия, Индия, Китай и Россия³⁰. Таким образом, налицо расхождение как между крупнейшими странами—членами ЕС (Германией, Францией и Великобританией), а также между Лондоном и Парижем, с одной стороны, и Брюсселем, выразившим интересы ЕС как объединения,— с другой, которые лишь подчеркивали регионализацию интересов ЕС.

ВЛИЯНИЕ ИТОГОВ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА РЕГИОНАЛИЗАЦИЮ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Как отмечает директор Программы безопасности и мирового управления в Королевском институте международных отношений Бельгии С. Бископ, интервенция в Ливию стала отличным шансом для демонстрации новой единой внешней политики ЕС, основанной на вступившем в действие в 2009 г. Лиссабонском договоре. Однако данную военную операцию не удалось провести под флагом ЕС³¹. Как отмечает российский исследователь Е.А. Антюхова, стратегия НАТО в ходе военной интервенции заключалась в поддержке тех сторон конфликта, которые занимали наиболее близкую позицию к интересам Североатлантического альянса и его ведущих стран-участниц, что отражало стратегию НАТО в постбиполярной системе международных отношений в целом и уже было продемонстрировано в ходе боевых действий в Югославии в 1996—1999 гг.³²

²³ Зверева Т.В. Указ. соч. С. 267.

²⁴ Антюхова Е.А. Указ. соч. С. 134.

²⁵ Conseil europeen. Declaration du conseil europeen. Bruxelles, le 11 mars 2011. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7-2011-INIT/fr/pdf> (дата обращения: 19.04.2020).

²⁶ Зверева Т.В. Указ. соч. С. 267—268.

²⁷ Declaration by the High Representative, Catherine Ashton, on behalf of the European Union on events in Libya. Brussels, 20 February 2011. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/cfsp/119397.pdf (дата обращения: 21.09.2020).

²⁸ Regierungserklärung von Bundesausenminister Guido Westerwelle zu den aktuellen Entwicklungen in Libyen (Mitschrift). Die Bundesregierung, 18 Maerz 2011. URL: <https://archiv.bundesregierung.de/archiv-de/regierungserklaerung-von-bundesaussenminister-guido-westerwelle-zu-den-aktuellen-entwicklungen-in-libyen-mitschrift--1122354> (дата обращения: 22.09.2020).

²⁹ Deutsche wollen sich nicht einmischen // Stern, 16.III.2011.

³⁰ Security Council Approves “No-Fly Zone” over Libya, Authorizing «All Necessary Measures» to protect Civilians, by Vote of 10 in Favour with 5 Abstentions // Security Council. 17.03.2011. URL: <http://www.un.org/press/en/2011/sc10200.doc.htm> (дата обращения: 19.09.2020).

³¹ Biscop S. Mediterranean Mayhem: Lessons for European Crisis Management // In an Arab Spring-board for EU Foreign Policy / Eds. S. Biscop, R. Balfour and M. Emerson. Brussels, 2012. P. 75—81.

³² Антюхова Е.А. Указ. соч. С. 143.

Для НАТО и США эта операция имела как положительные, так и негативные стороны. Во-первых, успех операции снял вопрос о несостоятельности альянса в мире после окончания холодной войны. Во-вторых, операция наглядно продемонстрировала, что лидирующие в военном плане европейские страны – Великобритания и Франция – готовы и могут взять на себя ответственность за проведение подобной операции. В-третьих, лидерство этих стран доказало американцам, что Европа не состоит сплошь из пацифистов. И в-четвертых, была продемонстрирована слаженная командная работа стран–партнеров НАТО, прежде всего таких, как Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Марокко, Иордания и Швеция. Однако эта операция выявила тенденции к регионализации, в соответствии с которой участники альянса должны были брать ответственность за свои внешнеполитические действия исключительно на себя.

Как указывают Э. Халламс и Б. Шрир, в подобной дефрагментации можно выделить четыре составляющих альянса: тех участников, у которых есть войска и оружие и которые видят в проведении подобных операций свои национальные интересы (Великобритания и Франция); тех, у кого есть необходимые вооруженные силы, но они участвуют лишь из солидарности (США); у которых есть необходимые ресурсы, но они решили не принимать участия в миссии (Польша и Германия, например), публично выступали против проведения операции, подчеркивая, что ливийские события не затрагивают интересов НАТО³³; и, наконец, тех, кто не обладает необходимыми для проведения подобной операции вооружениями. Таким образом, только 14 из 28 участников альянса приняли участие в интервенции, из них 6 европейских стран приняли участие в военно-воздушных операциях – Великобритания, Франция, Бельгия, Италия, Норвегия (стоит отметить, что Норвегия вывела свои военно-воздушные отряды в ходе операции) и Дания³⁴.

Изначально в НАТО не было единства в отношении интервенции в Ливию. Так, Франция хотела заблокировать участие НАТО³⁵ и провести операцию исключительно под эгидой Евросоюза³⁶. Германия наотрез отказалась от участия и отозвала свои военные силы в самом начале операции³⁷. Европарламентарии обвинили ее в развале единой внешней политики ЕС. Польша поддержала Германию, заявив, что события в Ливии являются внутренним делом этой страны. Италия, обладавшая широкими экономическими связями с Ливией, также не считала интервенцию лучшим решением: в случае углубления политического кризиса в Ливии Италия была бы первой страной, пострадавшей от потенциального наплыва мигрантов. Австрия, Венгрия и Болгария отказались участвовать в любых военных операциях в Ливии³⁸.

Результат военной интервенции европейских стран зависел от военных возможностей США: систем наведения, раннего обнаружения связи и ряда других³⁹. По оценкам Пентагона, американская роль в качестве «лидера из-за спины» обошлась в 896 млн долл., а после окончания боевых действий европейцы еще остались должны 222 млн долл. Бюджет европейских армий оказался не приспособлен к подобной операции. В частности, из-за проблем с бюджетом Италии пришлось отозвать свой авианосец «Гарibaldi» в середине миссии. Даже несмотря на то, что ливийские вооруженные силы были не соперником странам НАТО в военном отношении, даже Великобритании и Франции пришлось значительно поднапрячься⁴⁰, что лишний раз ставило под вопрос

³³ Polish PM chides Europe over Libya “hypocrisy” // Reuters, 9.IV.2011.

³⁴ Hallams E., Schreer B. Op. cit. P. 322.

³⁵ Ibid. P. 324.

³⁶ Зверева Т.В. Указ. соч. С. 268.

³⁷ Dorman A. NATO’s 2012 Chicago summit: a chance to ignore the issues once again? // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-). Vol. 88. № 2. P. 305.

³⁸ Оганисян Л.Д. Указ. соч. С. 100–101.

³⁹ Зверева Т.В. Указ. соч. С. 292.

⁴⁰ Hallams E., Schreer B. Op. cit. P. 323.

возможность проведения самостоятельных военных операций европейскими союзниками Вашингтона.

События в Ливии продемонстрировали, что НАТО предпочитает военные механизмы в урегулировании международных конфликтов. Значит можно утверждать, что Североатлантический альянс далек от трансформации в союз для обеспечения коллективной безопасности и по-прежнему сохраняет свой милитаристский потенциал⁴¹.

Тем не менее ливийская операция была признана однозначным успехом. Так, министр обороны США Л. Паннетта в речи в Брюсселе в октябре 2011 г. на ее примере показал, как члены НАТО должны разделять свой вклад для достижения общих целей. При этом он отметил, что уровень ответственности США по состоянию на 2011 г. не может оставаться таким же, в связи с потенциальными сокращениями американского оборонного бюджета⁴². Итогом интервенции стало свержение и убийство 20 октября 2011 г. М. Каддафи. Однако это не привело к прекращению кровопролития в стране, поэтому вряд ли можно считать данную «гуманитарную интервенцию» успешной для ливийского народа. Более того, так как некоторые из европейских союзников альянса вообще отказались от участия в операции, формирование европейской коалиции только вокруг Франции и Великобритании с созданием «европейской коалиции желающих» вряд ли является успешной моделью для проведения внешнеполитических операций, которой можно было бы воспользоваться в будущем⁴³.

* * *

Регионализация военно-политических интересов участников трансатлантического альянса была связана с отсутствием в рамках НАТО причины для существования в пост-биполярном мире, поэтому Вашингтон перенес фокус своей внешней политики из Европы в 1990-х годах на Ближний Восток в 2000-х. Об этом свидетельствовал внешнеполитический курс Дж. Буша-младшего. Интервенция в Ливию продемонстрировала изменение военно-политических подходов американской администрации: переход от односторонних политических действий к многосторонним. Однако это не решило накопившихся проблем в рамках НАТО, связанных с регионализацией военно-политических интересов. С самого начала событий Арабской весны стало понятно, что они окажут значительно большее влияние на европейскую часть НАТО, чем на американскую. Важность стран Магриба во внешней политике ЕС определялась многочисленными программами партнерства. Однако в связи с теми же программами партнерства внутри ЕС в течение 2000-х годов также наметилась регионализация внешнеполитических интересов: Германии была отведена главная роль на восточном направлении, а Франции – на южном. Данная регионализация интересов в рамках ЕС заложила и последующие основы для регионализации в рамках НАТО, где Великобритания и Франция выступали за активное проведение интервенции, а Германия и Польша высказывались против⁴⁴. Даже несмотря на вступление в силу в 2009 г. Лиссабонского договора, в соответствии с которым планировалось проведение единой внешней политики ЕС, не удалось провести операцию под эгидой ЕС. Более того, ЕС в качестве наднационального объединения занял значительно более взвешенную позицию, чем Великобритания и Франция.

Следует отметить, что Великобритания и Франция оказались не способными провести данную операцию самостоятельно, по-прежнему находясь в зависимости от военно-тактического арсенала США. Более того, в связи с увеличением добычи нефти в США и «поворотом к Азии» интерес Вашингтона к этому региону продолжит падать, а следовательно, будет также

⁴¹ Антюхова Е.А. Указ. соч. С. 161.

⁴² Erlanger S. Panetta Urges Europe to spend more on NATO or Risk a Hollowed-Out Alliance // The New York Times, 10.V.2011.

⁴³ Hallams E., Schreer B. Op. cit. P. 314.

⁴⁴ Brzezinski criticizes German and Polish stance on Libya // Deutsche Welle, 30.III.2011.

продолжаться регионализация военно-политических интересов американского и европейского флангов НАТО. Таким образом, регионализация военно-политических интересов альянса, даже несмотря на задекларированный успех интервенции в Ливию в 2011 г., продолжит быть одним из ключевых факторов в постбиполярном мире. Интерес для дальнейших исследований представляет анализ регионализации военно-политических интересов США и ЕС в рамках НАТО на примерах выстраивания взаимоотношений с другими крупными макрорегионами мира, например такими как Юго-Восточная Азия, Россия и постсоветское пространство.

Библиография

- Антюхова Е.А.* Подход НАТО к урегулированию конфликтов «арабской весны». Дисс. канд. полит. наук. М., 2016.
- Арзаманова Т.В.* Позиция Германии во время ливийского кризиса – 2011: новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. М., 2011. №26 (42). С. 11–15.
- Воскресенский А.Д.* Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 30–58.
- Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потёмкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М., 2012.
- Зверева Т.В.* Внешняя политика современной Франции. М., 2014.
- Оганисян Л.Д.* Политика США и ЕС на Арабском Востоке в условиях процессов политической трансформации в странах региона в 2011–2016 гг. (на примере Туниса, Египта и Ливии). Дисс. канд. полит. наук. М., 2019.
- Фёдоров М.С.* Деятельность Европейского союза по урегулированию региональных конфликтов: потенциал, политические механизмы и практика. Дисс. канд. полит. наук. М., 2019.
- Biscop S.* Mediterranean Mayhem: Lessons for European Crisis Management // In an Arab Springboard for EU Foreign Policy / Eds. S. Biscop, R. Balfour and M. Emerson. Brussels, 2012. P. 75–81.
- Communication conjointe au conseil européen, au parlement européen, au conseil, au comité économique et social européen et au comité des régions un partenariat pour la démocratie et une prospérité partagée avec le sud de la méditerranée. Bruxelles, le 8.3.2011. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX%3A52011DC0200> (дата обращения: 17.04.2020).
- Conseil européen. Déclaration du conseil européen. Bruxelles, le 11 mars 2011. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7-2011-INIT/fr/pdf> (дата обращения: 19.04.2020).
- Declaration by the High Representative, Catherine Ashton, on behalf of the European Union on events in Libya. Brussels, 20 February 2011. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/cfsp/119397.pdf (дата обращения: 21.09.2020).
- Dorman A.* NATO's 2012 Chicago summit: a chance to ignore the issues once again? // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-). Vol. 88. № 2. P. 301–312.
- Erlanger S.* Panetta Urges Europe to spend more on NATO or Risk a Hollowed-Out Alliance // The New York Times, 10.V.2011.
- Hallams E., Schreier B.* Towards a “post-American” alliance? NATO burden-sharing after Libya // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-). Vol. 88. № 2. P. 313–327.
- Kausch K., Youngs R.* The End of the “Euro-Mediterranean Vision” // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-). Vol. 85. № 5. P. 963–975.
- Lizza R.* How the Arab Spring remade Obama's foreign policy // The New Yorker, 2.V.2011.
- Regierungserklärung von Bundesaußenminister Guido Westerwelle zu den aktuellen Entwicklungen in Libyen (Mitschrift). Die Bundesregierung, 18 März 2011. URL: <https://archiv.bundesregierung.de/archiv-de/regierungserklaerung-von-bundesausenminister-guido-westerwelle-zu-den-aktuellen-entwicklungen-in-libyen-mitschrift--1122354> (дата обращения: 22.09.2020).
- Security Council Approves “No-Fly Zone” over Libya, Authorizing “All Necessary Measures” to protect Civilians, by Vote of 10 in Favour with 5 Abstentions // Security Council. 17.03.2011. URL: <https://www.un.org/press/en/2011/sc10200.doc.htm> (дата обращения: 19.09.2020).
- Stokes D., Whitman R.* Transatlantic triage? European and UK “grand strategy” after the US rebalance to Asia // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-). Vol. 89. № 5. P. 1087–1107.
- The White House. Remarks by President Barak H. Obama on Libya. February 23, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-pressoffice/2011/02/23/remarks-president-libya> (дата обращения: 18.04.2020).
- UN Security Council Resolution 1973. March 17, 2011. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2011_03/20110927_110311-UNSCR-1973.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

References

- Antiukhova E.A.* Podkhod NATO k uregulirovaniu konfliktov “arabskoi vesny” [NATO’s approach towards the arrangement of the Arab Spring’s conflicts]. Ph.D. thesis. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Arzamanova T.V.* Pozitsiia Germanii vo vremia liviiskogo krizisa – 2011: Novaia vneshnepoliticheskaia strategii ili predvybornyi manevr? [Germany’s stance during the Libyan crisis – 2011: New foreign policy or electoral maneuvre] // *Evropeiskaia bezopasnost’: Sobytiia, otsenki, prognozy* [European security: events, estimates, forecasts]. Moskva, 2011. № 26 (42). P. 11–15. (In Russ.)
- Evropeiskii Soiuz v XXI veke: vremia ispytaniia [The European Union in the XXI century: the Time of Challenges] / Pod red. O.Iu. Potemkinoi (otv.red.), N.Iu. Kaveshnikova, N.B. Kondrat’evoi. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Fedorov M.S.* Deiatel’nost’ Evropeiskogo Soiuza po uregulirovaniu regional’nykh konfliktov: potentsial, politicheskie mekhanizmy i praktika [The actions of the European Union in arranging regional conflicts: potential, political instruments, and practice]. Ph.D. thesis. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Oganisian L.D.* Politika SShA i ES na arabskom Vostoke v usloviakh protsessov politicheskoi transformatsii v stranakh regiona v 2011–2016 gg. (na primere Tunisa, Egipta i Livii) [The policy of the US and EU on the Arab East within the Conditions of the Political Transformations in the Countries of the Region 2011–2016 (on the examples of Tunisia, Egypt and Libya)]. Ph.D. thesis. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Voskresenskii A.D.* Kontseptsii regionalizatsii, regional’nykh podsystem, regional’nykh kompleksov i regional’nykh transformatsii v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh [Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Contemporary International Relations] // *Sravnitel’naia polika* [Comparative politics], 2012, № 2 (8). P. 30–58. (In Russ.)
- Zvereva T.V.* Vneshniaia politika sovremennoi Frantsii: monografiia [The French Contemporary Foreign Policy]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Biscop S.* Mediterranean Mayhem: Lessons for European Crisis Management // In an Arab Springboard for EU Foreign Policy / Eds. S. Biscop, R. Balfour and M. Emerson. Brussels, 2012. P. 75–81.
- Communication conjointe au conseil européen, au parlement européen, au conseil, au comité économique et social européen et au comité des régions un partenariat pour la démocratie et une prospérité partagée avec le sud de la méditerranée. Bruxelles, le 8.3.2011. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX%3A52011DC0200> (access date : 17.04.2020).
- Conseil européen. Déclaration du conseil européen. Bruxelles, le 11 mars 2011. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7-2011-INIT/fr/pdf> (access date: 19.04.2020).
- Declaration by the High Representative, Catherine Ashton, on behalf of the European Union on events in Libya. Brussels, 20 February 2011. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/cfsp/119397.pdf (access date: 21.09.2020).
- Deutsche wollen sich nicht einmischen // *Stern*. 16.03.2011. URL: <https://www.stern.de/politik/ausland/umfrage-zu-unruhen-in-libyen-deutsche-wollen-sich-nicht-einmischen-3863588.html> (access date: 22.09.2020).
- Dorman A.* NATO’s 2012 Chicago summit: a chance to ignore the issues once again? // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944-). Vol. 88. № 2. P. 301–312.
- Erlanger S.* Panetta Urges Europe to spend more on NATO or Risk a Hollowed-Out Alliance // *The New York Times*. 10.V.2011.
- Hallams E., Schreer B.* Towards a “post-American” alliance? NATO burden-sharing after Libya // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944-). Vol. 88. № 2. P. 313–327.
- Kausch K., Youngs R.* The End of the “Euro-Mediterranean Vision” // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944-). Vol. 85. № 5. P. 963–975.
- Lizza R.* How the Arab Spring remade Obama’s foreign policy // *The New Yorker*, 2.V.2011.
- Regierungserklaerung von Bundesausssenminister Guido Westerwelle zu den aktuellen Entwicklungen in Libyen (Mitschrift). Die Bundesregierung, 18 Maerz 2011. URL: <https://archiv.bundesregierung.de/archiv-de/regierungserklaerung-von-bundesaussenminister-guido-westerwelle-zu-den-aktuellen-entwicklungen-in-libyen-mitschrift--1122354> (access date: 22.09.2020).
- Security Council Approves “No-Fly Zone” over Libya, Authorizing “All Necessary Measures” to protect Civilians, by Vote of 10 in Favour with 5 Abstentions // Security Council. 17.03.2011. URL: <https://www.un.org/press/en/2011/sc10200.doc.htm> (access date: 19.09.2020).
- Stokes D., Whitman R.* Transatlantic triage? European and UK “grand strategy” after the US rebalance to Asia // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944-). Vol. 89. № 5. P. 1087–1107.
- The White House. Remarks by President Barak H. Obama on Libya. February 23, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-pressoffice/2011/02/23/remarks-president-libya> (access date: 18.04.2020).
- UN Security Council Resolution 1973, March 17, 2011. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2011_03/20110927_110311-UNSCR-1973.pdf (access date: 15.04.2020).

DOI: 10.31857/S013038640013384-0

© 2021 г. В.А. ВЕСЕЛОВ

РАЗВИТИЕ ЯДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ США В НАЧАЛЕ XXI века

Веселов Василий Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международной безопасности факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: vves@fmp.msu.ru

ORCID: 0000-0002-1360-0983

Аннотация. В статье рассматриваются истоки современной ядерной стратегии США, которые можно обнаружить в документах первых месяцев после окончания Второй мировой войны; изучается эволюция ядерной стратегии США во время холодной войны и в 1990-е годы. На основании документов стратегического планирования администраций президентов Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа, а также материального обеспечения ядерной стратегии - планов развития ядерных сил - рассматриваются особенности ядерной стратегии США в XXI в. как инструмента реализации внешнеполитических интересов. Особое внимание уделено «Обзорам ядерной политики» (Nuclear Posture Review) 2002, 2010 и 2018 гг. и связанным с ними документам. В работе оценивается степень преемственности ядерной стратегии США в XXI в. Показаны истоки ядерной политики администрации Д. Трампа и оценена степень преемственности по отношению к предшествующим администрациям. Охарактеризован наступательный характер ядерной стратегии США в XXI в., выражающийся во взглядах на ядерное оружие как реально используемый инструмент политики, а не только средство сдерживания. Такой подход представляет собой возвращение к установкам начального периода холодной войны, а также ее «второго издания» 1980-х годов с поправками на изменившийся в XXI в. «стратегический ландшафт». Определены истоки решения Вашингтона о выходе США из договора с Россией о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Возникшая неопределенность относительно судьбы Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) после февраля 2021 г. делает актуальным анализ ядерной политики США на большом отрезке времени, с тем чтобы отделить конъюнктурные изменения от долгосрочных тенденций. Предпринятый автором анализ развития ядерной стратегии США в XXI в. позволяет определить долгосрочные тенденции, которые могут проявляться в дальнейшей эволюции ядерной стратегии.

Ключевые слова: США, ядерная стратегия, сдерживание, национальная безопасность, холодная война.

V.A. Veselov

The Development of US Nuclear Strategy at the Beginning of the 21st century

Vasily Veselov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: vves@fmp.msu.ru

ORCID: 0000-0002-1360-0983

Abstract. The article examines the origins of the modern US nuclear strategy, which could be found in the documents of the first months after the end of World War II, and examines the evolution of the US nuclear strategy during the Cold War and in the 1990s. Based on the strategic planning documents of the administrations of presidents George W. Bush, Barack Obama, and Donald Trump. The article

considers the features of the US nuclear strategy in the 21st century as a tool for implementing foreign policy interests. Special attention devoted to Nuclear Posture Reviews (NPR) of 2002, 2010, and 2018 respectively and related documents. The paper assesses the degree of continuity of the US nuclear strategy in the 21st century. The author tracks the origins of Donald Trump's nuclear policy and demonstrates its continuity with the previous Administrations' strategies. The article describes the offensive nature of the US nuclear strategy in the 21st century, which is expressed in views on nuclear weapons as a real policy tool, not just a deterrent. Such a campaign represents a return to the settings of the initial Cold War period, and its so-called second edition of the 1980s with adjustments to the changed "strategic landscape." The origins of Washington's decision to withdraw the United States from the Treaty on the elimination of intermediate-range and shorter-range missiles with Russia are determined. A growing uncertainty over the future of the Treaty between the United States of America and the Russian Federation on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (New START) after February of 2021 necessitates a broader chronological perspective on the evolution of the US nuclear policy in order to separate short-term considerations from long-term trends. The author's analysis of the development of the US nuclear strategy in the 21st century allows us to determine long-term trends that may manifest themselves in the further evolution of the nuclear strategy.

Keywords: USA, nuclear strategy, deterrence, national security, Cold War.

Формирование ядерной стратегии США началось сразу после окончания Второй мировой войны и первого применения нового оружия против японских городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 г. Первоначально новое оружие рассматривалось как мощный боеприпас, но гораздо более разрушительный, чем прежде.

Сформулированная в штабе военно-воздушных сил (ВВС) в сентябре 1945 г. концепция «нокаутующего» удара в «стратегическое сердце» противника¹ оставалась центральным элементом взглядов на применение ядерного оружия до начала 1960-х годов.

Утвержденная 30 октября 1953 г. директива Совета национальной безопасности (СНБ) № 162/2² предусматривала, что США применяют ядерное оружие первыми, а термины «возмездие» и «ответный» подразумевали, что это будет реакцией на любую форму экспансии противника.

Следующий этап эволюции ядерной стратегии США был связан с появлением новых средств доставки – баллистических ракет, позволявших применять оружие более гибко, чем при опоре только на авиацию. Второй причиной пересмотра взглядов стала сформировавшаяся к концу 1950-х годов взаимность ядерного сдерживания. В результате США лишились свободы рук в мировой политике. Неудивительно, что центральной идеей новой ядерной стратегии стало «ограничение ущерба» - попытка лишить Советский Союз возможности сдерживать США. Средством ограничения служила возможность нанесения по противнику обезоруживающего удара.

Согласно новой концепции «гибкого реагирования» только часть сил выделялась для нанесения первого удара, призванного обезоружить противника, а остальные составляли стратегический резерв³. Такая идеология определяла содержание ядерной стратегии США до середины 1970-х годов.

Однако уже в 1960-е годы возникли сомнения в реалистичности новой стратегии. Советский Союз на программу президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона по наращиванию

---

¹ Memorandum for Major General L. R. Groves. Subject: Atomic Bomb Production. 15 September 1945. URL: <http://blog.nuclearsecrecy.com/wp-content/uploads/2012/05/1945-Atomic-Bomb-Production.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).

² NSC 162/2. Report to the National Security Council by the Executive Secretary on Basic National Security Policy. October 30, 1953 // Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. II. Part 1. National Security Affairs / Gen. Ed. W.Z. Slany. Washington (DC), 1984. P. 578–597.

³ History of the Joint Strategic Target Planning Staff. Preparation of SIOP-63 / Headquarters Strategic Air Command. History & Research Division. January 1964. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb285/sidebar/SIOP-63_history.pdf (дата обращения: 08.04.2020).

стратегических ядерных сил (СЯС) США ответил собственным рывком, достигнув к 1968 г. примерного количественного равенства по межконтинентальным баллистическим ракетам (МБР). Такое соотношение сил исключало возможность нанесения по СССР обезоруживающего удара, для которого требуется как минимум двукратное превосходство.

К концу 1960-х годов в отношениях США и СССР возникла и сохраняется до сих пор (применительно уже к России) ситуация «взаимного гарантированного уничтожения» (ВГУ).

«Взаимность» и «гарантированность» уничтожения означали, что ядерное оружие перестает быть инструментом внешней политики не только в двусторонних отношениях, но и в конфликтах, где пересекаются интересы великих держав. В этом убедились пришедшая к власти в январе 1969 г. администрация Р. Никсона.

Для выработки новой концепции применения ядерных сил потребовалось почти четыре года. 10 января 1974 г. о завершении этой работы объявил на пресс-конференции министр обороны США Дж. Шлесинджер, именем которого пресса назвала новую американскую ядерную доктрину. Ядерные силы США переориентировались на нанесение избирательных ударов по тщательно отобраннным объектам противника, что позволяло управлять эскалацией военного конфликта и давало шанс на достижение победы в войне, не доводя ее развитие до катастрофических последствий. «Доктрина Шлесинджера» до конца холодной войны была дважды модифицирована. Корректировки ядерной стратегии США, предпринятые администрациями Дж. Картера⁴ и Р. Рейгана⁵, должны были устранить препятствие на пути к победе в холодной войне в виде стратегического паритета с СССР и ситуации ВГУ. Введя в директиве № 13 новое понятие – «затяжная ядерная война», Рейган демонстрировал намерение вести такую войну, в которой у США благодаря преимуществу в ресурсной базе больше шансов на победу. Администрация Рейгана через утки о содержании новой директивы давала потенциальному противнику понять, что новая стратегия – это не блеф, а реалистичный «рецепт победы» в ядерной войне, который может быть применен на практике⁶.

Во второй половине 1980-х годов проявлялись новые вызовы, напрямую не связанные с основной линией противостояния холодной войны, но затрагивающие интересы национальной безопасности США. В этой связи решением президента Рейгана в 1986 г. была создана «Комиссия по интегрированной долгосрочной стратегии» во главе с Ф. Икле и А. Уолстеттером, перед которой была поставлена задача выработать предложения по новой стратегии ведения холодной войны на следующие 20 лет. Итоговый доклад комиссии «Избирательное сдерживание» был опубликован в январе 1988 г.⁷ и стал одним из источников ядерной стратегии США в XXI в.

Авторы доклада указывали на две новые проблемы, не связанные с «центральным сдерживанием», – подъем новых центров силы в Азии и технологическую революцию; они предлагали использовать второй фактор для управления первым, используя имевшиеся у США преимущества. В этой связи предлагалось изменить соотношение ядерных и обычных вооружений в арсенале США, возложив на вторые часть задач первых. Рекомендации доклада были, однако, оспорены министерством обороны, по-прежнему

---

⁴ Presidential Directive 59. Nuclear Weapons Employment Policy. 25 July 1980. URL: <https://www.jimmycarterlibrary.gov/assets/documents/directives/pd59.pdf> (дата обращения: 11.04.2020).

⁵ National Security Decision Directive 13. Nuclear Weapons Employment Policy. 19 October 1981. URL: <https://reaganlibrary.archives.gov/archives/reference/Scanned%20NSDD%20NSDD13.pdf> (дата обращения: 11.04.2020).

⁶ The Able Archer 83 Sourcebook. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/project/able-archer-83-sourcebook> (дата обращения: 11.04.2020).

⁷ Discriminate Deterrence. Report of the Commission on Integrated Long-Term Strategy. Washington, DC: GPO, January 1988. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a277478.pdf> (дата обращения: 22.03.2020).

считавшим «центральное сдерживание» главной задачей и выступавшим против перераспределения целей и средств в стратегии США⁸.

Тем не менее идея управления региональными балансами сил не была забыта. Более того, она оказалась востребована после неожиданно быстрого завершения холодной войны и формирования нового «стратегического ландшафта». Причем именно в министерстве обороны США эта идея получила дальнейшее развитие при администрации Дж. Буша-старшего. Разработка новой стратегии велась в 1990–1992 г. с прицелом на его второй президентский срок, а ее открытая версия была опубликована уже после поражения Буша на выборах⁹.

Целью стратегии было исключение возможности появления у США серьезных конкурентов в мире. Должны были пресекаться любые претензии третьих стран на лидерство в регионах, представляющих интерес для США¹⁰. После поражения на выборах 1992 г. авторы новой стратегии «ушли в тень», но их концептуальные наработки, в том числе взгляды на роль ядерного оружия в качестве инструмента политики, были восприняты пришедшими к власти представителями Демократической партии.

Плавность изменений ядерной стратегии США отразил «Обзор ядерной политики», утвержденный 18 сентября 1994 г., – первый из четырех вышедших в свет до настоящего времени документов этого вида. Первый «Обзор ядерной политики» был закрытым документом¹¹¹². В открытом виде базовые положения «Обзора» были изложены в ежегодном докладе министра обороны У. Перри Конгрессу США в феврале 1995 г.¹³ Поскольку в отношениях с Россией у США сохранялась ситуация ВГУ, продолжала действовать ядерная стратегия, основанная на «эскалационном доминировании» США. Соотношение сил позволило администрации Клинтона вернуться к упрощенной модели ядерной стратегии, восходящей к начальному периоду холодной войны, – нанесению превентивных ударов ограниченного масштаба.

Трансформация ядерной стратегии США в XX в. была, судя по доступной информации, завершена в конце 1997 г. с принятием президентом Клинтонем директивы № 60 «Указания по политике применения ядерного оружия»¹⁴. Судя по «утечкам» о ее содержании, в документе была сохранена идеология «доктрины Шлесинджера», а изменения касались устранения потерявших актуальность положений, внесенных администрациями Картера и Рейгана. В частности, были исключены положения о ведении «затяжной ядерной войны».

---

⁸ Report of the Secretary of Defense Frank C. Carlucci to the Congress on the Amended FY 1988 / FY 1989 Biennial Budget. February 18, 1988. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1989_DoD_AR.pdf?ver=2014-06-24-151548-313 (дата обращения: 22.03.2020).

⁹ Secretary of Defense Dick Cheney. Defense Strategy for the 1990s: The Regional Defense Strategy. January 1993. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb245/doc15.pdf> (дата обращения: 22.03.2020).

¹⁰ FY 94–98 Defense Planning Guidance. February 18, 1992. P. 2. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb245/doc03_full.pdf (дата обращения: 22.03.2020).

¹¹ Office of Assistant Secretary of Defense (Public Affairs). DOD Review Recommends Reduction in Nuclear Force. September 22, 1994. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/DOD-Review-Recommends-Reduction-in-Nuclear-Force.pdf> (дата обращения: 22.03.2020).

¹² Briefing on the Results of the Nuclear Posture Review. Hearing Before the Committee on Armed Services United States Senate. September 22, 1994. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Briefing-on-the-Results-of-the-Nuclear-Posture-Review.pdf> (дата обращения: 22.03.2020); US Strategic Command. Overview of Nuclear Posture Review (NPR) Results. September 22, 1994. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Overview-of-Nuclear-Posture-Review-Results.pdf> (дата обращения: 22.03.2020).

¹³ Report of the Secretary of Defense to the President and the Congress. February 1995. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1995_DoD_AR.pdf?ver=2014-06-24-152712-813 (дата обращения: 22.03.2020).

¹⁴ PDD/NSC 60. Nuclear Weapons Employment Policy Guidance. November 1997. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/pdd60.htm> (дата обращения: 08.04.2020).

Взгляды администрации Буша-мл. на ядерную стратегию начали формироваться под влиянием идей, сформулированных на рубеже 1980–1990-х годов, авторы которых вернулись во власть. Первый концептуальный документ новой администрации в военно-политической сфере – «Четырехлетний обзор в области обороны», разработанный в середине 2001 г., содержал выработанную десятилетием ранее задачу управления региональными балансами сил с помощью «убеждения потенциальных соперников в бесперспективности соревнования с США в сфере безопасности»¹⁵.

Такой подход к определению противников и соответственно к целям ядерной стратегии был закреплен в послании президента Конгрессу в январе 2002 г.¹⁶ и в «Стратегии национальной безопасности США», утвержденной в сентябре 2002 г.¹⁷ В этих документах в рамках провозглашенной «глобальной войны с террором», по сути, воспроизводилась задача управления региональными балансами сил и противодействия подъему новых центров силы, поскольку в качестве противников рассматривались не столько сами террористы, сколько государства, их поддерживающие¹⁸. Показательно было включение в «ось зла» Северной Кореи, привязать которую к событиям 11 сентября 2001 г. было невозможно.

Акцент на упреждающие действия был не нововведением республиканской администрации, а возвращением к взглядам на применение ядерного оружия, выработанным во второй половине 1940-х годов¹⁹.

Действительным нововведением Буша-мл. стало сочетание концепции нанесения упреждающих ударов с активным развитием противоракетной обороны (ПРО), что нашло отражение в новом «Обзоре ядерной политики» – втором в этой категории после доклада администрации Клинтона 1994 г. документе, впоследствии рассекреченном со значительными купюрами²⁰. Согласно «Обзору ядерной политики» 2002 г. любое применение ядерного оружия стало считаться стратегическим, направленным непосредственно на достижение целей войны, что было отходом от взглядов, существовавших на протяжении предыдущих пяти десятилетий.

Пока не опубликована директива № 14, подписанная президентом Бушем-мл. 28 июня 2002 г. Этот ключевой документ представляет собой трансформацию тезисов «Обзора ядерной политики» в военно-политические основы применения ядерных сил США²¹. Можно предположить, что в директиве № 14 сохранена идеология «доктрины Шлесинджера», включая нанесение избирательных ядерных ударов и «эскалационное доминирование» США в военных конфликтах. Доступные исследователям материалы, а также практическая деятельность администрации Буша-мл. по материальному обеспечению ядерной стратегии не противоречат этому предположению.

Преемственность концептуальных положений ядерной стратегии администрации Буша-мл. с докладом «Избирательное сдерживание» 1988 г. проявлялась не только в идее

---

¹⁵ Department of Defense. Quadrennial Defense Review Report. September 30, 2001. URL: <https://archive.defense.gov/pubs/qdr2001.pdf> (дата обращения: 11.04.2020).

¹⁶ Address before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 29, 2002 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 2002. Vol. 38. № 5. P. 133–139.

¹⁷ The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nssall.html> (дата обращения: 22.03.2020).

¹⁸ Address Before a Joint Session of the Congress on the United States Response to the Terrorist Attacks of September 11. September 20, 2001 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 2001. Vol. 37. № 38. P. 1349.

¹⁹ *Trachtenberg M.* Preventive war and U.S. foreign policy // *Security Studies*. 2007. Vol. 6. № 1. P. 1–31.

²⁰ Department of Defense. Nuclear Posture Review. December 2001. URL: <https://assets.documentcloud.org/documents/3109636/2001-Nuclear-Posture-Review.pdf> (дата обращения: 22.03.2020).

²¹ National Security Presidential Directive 14 (NSPD-14). Nuclear Weapons Planning Guidance. 28 June 2002. Документ не опубликован. Номер, название и дата утверждения приведены по: National Security Presidential Directives [NSPD]. George W. Bush Administration. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/index.html> (дата обращения: 22.03.2020).

объединения ядерного и неядерного наступательного оружия, но и в самом подходе к сдерживанию как селективному применению силы. Администрация Буша-мл. уточнила формулировку — вместо «избирательного» оно стало называться «подогнанным» сдерживанием.

В документах администрации Буша-мл. появился новый термин — «стратегическое сдерживание», который точнее отражает взгляды на роль этого инструмента в политике. «Стратегическое сдерживание» — шире традиционного ядерного сдерживания; оно должно привести противника к мысли о необходимости принять предлагаемые Вашингтоном условия прекращения военного конфликта²².

Роль ядерного оружия в широкой концепции победы США в региональных конфликтах уточнялась в выпущенной в марте 2005 г. новой редакции «Доктрины совместных операций с применением ядерного оружия»²³. Доктрина, хотя и была выпущена на пике «глобальной войны с террором», рассматривалась применительно ко всем типам конфликтов с возможным участием США — не только с «государствами-изгоями», но и с более сильными противниками. Об этом, в частности, свидетельствует содержащееся в доктрине требование обеспечения живучести ядерных сил США, явно избыточное в борьбе с террористами и их «спонсорами», но вполне рациональное, если речь шла о столкновении с «высокотехнологичными противниками».

В этой связи не выглядит случайным совпадение появления «Доктрины совместных операций с применением ядерного оружия» с обострением отношений США с Китаем. В 2005 г. вероятность конфликта вокруг Тайваня существенно возросла, поскольку в КНР был принят «Закон о противодействии расколу государства», ставший, в свою очередь, реакцией на попытки силового внедрения модели однополярного устройства мира.

Необходимость учесть в ядерной политике США изменения геополитического ландшафта к середине второго президентского срока Буша-мл. привела к принятию в 2006 г. трех документов стратегического планирования: новых редакций «Стратегии национальной безопасности», «Четырехлетнего обзора в области обороны», «Единой оперативной концепции “Операции сдерживания”».

Утвержденная президентом США 16 марта 2006 г. «Стратегия национальной безопасности»²⁴ развивала тезис предыдущей редакции о приоритете упреждающих действий над ответными. Подтверждались положения «Обзора ядерной политики» о новом подходе к сдерживанию, который должен, исходя из новых геополитических реалий, «включать как оборонительные, так и наступательные действия против государственных и негосударственных акторов, в частности нанесение сокрушительных ударов»²⁵.

Требования к сдерживанию уточнялись в «Четырехлетнем обзоре», подписанном министром обороны Д. Рамсфелдом 6 февраля 2006 г. Сдерживание должно было быть «подогнано» под каждого противника США, к числу которых относились не только террористы и оказывающие им поддержку государства, но и «примерно равные соперники»²⁶. В этой категории рассматривался прежде всего Китай, который уже «обладает наибольшим потенциалом для военного соперничества с США и развивает новые технологии и асимметричные формы вооруженного противоборства, подрывающие существующее соотношение сил и способные обесценить преимущества США»²⁷. Появление

²² Strategic Deterrence Joint Operating Concept. February 2004. URL: https://www.bits.de/NRANEU/docs/sd_joc_v1.doc (дата обращения: 22.03.2020).

²³ Joint Publication 3-12. Doctrine for Joint Nuclear Operations. Final coordination 2. March 15, 2005. URL: http://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/jp3_12fc2.pdf (дата обращения: 22.03.2020).

²⁴ The National Security Strategy of the United States of America. March 2006. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/> (дата обращения: 22.03.2020).

²⁵ Ibid. P. 22.

²⁶ Quadrennial Defense Review Report. February 6, 2006. P. 4. URL: <http://archive.defense.gov/pubs/pdfs/QDR20060203.pdf> (дата обращения: 22.03.2020).

²⁷ Ibid. P. 29.

такого противника в документе стратегического планирования свидетельствовало о возвращении администрации Буша-мл. к курсу, с которого она была вынуждена свернуть 11 сентября 2001 г.

«Единая оперативная концепция “Операции сдерживания”» излагала конкретные способы применения силы с использованием как военных, так и невоенных инструментов (дипломатических, информационных, экономических) для воздействия на оценки и решения, принимаемые противниками США во всем спектре конфликтов²⁸.

В окончательном виде «подогнанное сдерживание» администрации Буша-мл. синтезировало предшествующие подходы и сводилось к двум вариантам ядерной стратегии в отношении двух групп противников. Применительно к таким государствам, как Иран и Северная Корея (КНДР), была адаптирована модель «гибкого реагирования» администраций Кеннеди и Джонсона, реалистичность которой была основана на существенном количественном превосходстве США, обеспечивающем возможность нанесения обезоруживающих ударов, и отсутствии или незначительности возмездия со стороны противника. Стратегия, применявшаяся к России и Китаю, которые рассматривались в качестве «примерно равных соперников», была адаптацией «доктрины Шлесинджер».

Для Б. Обамы в ходе избирательной кампании 2008 г. критика ядерной политики республиканской администрации представлялась областью, где можно было с успехом противопоставить новые подходы неудачам Буша-мл. В остальных сегментах военной политики возможности Обамы, после его прихода к власти, были ограничены необходимостью продолжать полученную в наследство от республиканцев «глобальную войну с террором». Очевидные неудачи Буша-мл. в противодействии распространению ядерного оружия и средств его доставки были хорошим фоном для демонстрации обещанной Обамой «новой эры». Это подталкивало к выбору уже известного решения, несколько раз апробированного предшественниками Обамы в период холодной войны: если невозможно радикально нарастить ядерный потенциал США, то надо уменьшить возможности всех остальных. Всеобщее «обнуление» ядерного оружия вело к этой цели.

Президент Обама, выступая в Праге 5 апреля 2009 г., объявил, что будет добиваться безъядерного мира²⁹, уточнив, что «пока ядерное оружие существует, США будут поддерживать надежный, безопасный и эффективный арсенал для сдерживания любого агрессора и обеспечения гарантий союзникам»³⁰. Обама не случайно сделал такую оговорку. Заявленное стремление к «глобальному нулю» не повлияло на реальную ядерную стратегию США.

С одной стороны, Обама получил в наследство от Буша-мл. планы ширококомасштабной модернизации СЯС США, рассчитанные на несколько десятилетий, общая стоимость которых оценивалась более чем в 1 трлн долл. Жертвовать такими госзаказами военно-промышленный комплекс США явно не собирался. С другой стороны, полученное Обамой в наследство «подогнанное сдерживание» вполне могло быть инструментом реализации внешнеполитических интересов новой администрации. Этим можно объяснить, что собственный документ по применению ядерных сил был принят Обамой только в июне 2013 г., а до этого оставалась в силе директива Буша-мл. № 14.

Через год после пражской речи Обамы его администрация выпустила свой «Обзор ядерной политики»³¹, содержание которого менее всего походило на программу

---

²⁸ Deterrence Operations Joint Operating Concept Version 2.0. December 2006. P. 3. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/concepts/joc_deterrence.pdf?ver=2017-12-28-162015-337 (дата обращения: 22.03.2020).

²⁹ Remarks by President Barack Obama. Hradčany Square. Prague, Czech Republic. April 5, 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered> (дата обращения: 24.03.2020).

³⁰ Ibid.

³¹ Department of Defense. Nuclear Posture Review Report. April 2010. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (дата обращения: 24.03.2020).

реализации заявленного идеала продвижения к безъядерному миру, зато было близко к рекомендациям комиссии Перри—Шлесинджера³², выразившим консолидированную позицию противников радикальных изменений ядерной стратегии США. Сохранение «духа Праги» в «Обзоре ядерной политики» можно обнаружить только в декларируемом намерении уменьшать роль ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности США.

В качестве приоритетной задачи ядерной стратегии в «Обзоре» было названо противодействие распространению ядерного оружия и средств его доставки. При этом США сохраняли за собой право применять ядерное оружие первыми, т.е. развивалась линия, начатая администрацией Клинтона и продолженная при Буше-мл. Указанное в «Обзоре» в качестве задачи СЯС противодействие «ядерному терроризму» было скорее данью необходимости продолжать полученную в наследство от Буша-мл. «глобальную войну», чем реальным приоритетом в планировании применения ядерных сил США.

Обама, лишь спустя три года после победы на выборах, изложил новую внешнеполитическую концепцию, в рамках которой должна была далее развиваться ядерная стратегия США. Выступая в австралийском парламенте в ноябре 2011 г., Обама объявил о курсе на «перенос центра тяжести в Азию»³³. С одной стороны, это свидетельствовало о завершении «стратегического зигзага» и «глобальной войны с террором», но с другой — представляло собой возвращение к той расстановке приоритетов, которая была намечена Бушем-мл. сразу после прихода к власти в январе 2001 г., но задумана еще в администрации Буша в 1990—1992 гг.; она была впервые сформулирована в докладе «Избирательное сдерживание» в начале 1988 г.

Роль военно-силовых инструментов в реализации курса на «перенос центра тяжести в Азию» была определена в «Стратегических указаниях по обороне» — документе нового типа, представленном Обамой в январе 2012 г.³⁴, а также в новом «Четырехлетнем обзоре в области обороны», вышедшем 4 марта 2014 г.³⁵ Эти документы свидетельствуют о сохранении администрацией Обамы, при определенной корректировке приоритетов, базовых положений военной политики, в том числе ядерной стратегии США.

Однако реализация курса на «перенос центра тяжести в Азию» скоро столкнулась с потенциальными возможностями противников США препятствовать проецированию Соединенными Штатами силы в этом регионе. Администрация Обамы обнаружила, что США не могут более рассчитывать на никем не оспариваемое господство на море и в воздухе, как это было на протяжении двадцати лет после окончания холодной войны.

Выявившееся препятствие привело администрацию Обамы к мысли о возвращении к традиционным системам оружия, запрещенным Договором о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Документы, отражающие процесс принятия решений в тот период, пока не доступны исследователям. Тем не менее ряд фактов позволяет

---

³² Двухпартийная комиссия во главе с бывшими министрами обороны У. Перри и Дж. Шлесинджером была образована Конгрессом США. Доклад комиссии вышел спустя месяц после пражской речи Обамы (6 мая 2009 г.) и в целом рекомендовал проведение консервативной ядерной политики. — *Perry W.J., Schlesinger J.R. et al. America's Strategic Posture: The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States.* Washington (DC), 2009. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA501604> (дата обращения: 24.03.2020).

³³ Remarks by President Obama to the Australian Parliament. Canberra, Australia. November 17, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament> (дата обращения: 24.03.2020). См. также: *Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy.* 2011. № 189. P. 56—63.

³⁴ Defense Strategic Guidance. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. January 3, 2012. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (дата обращения: 24.03.2020).

³⁵ Quadrennial Defense Review, March 2014. URL: http://archive.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (дата обращения: 24.03.2020).

предположить, что реализованное Д. Трампом решение о выходе из ДРСМД было принято в Вашингтоне еще в 2013 или в 2014 г. Вряд ли случайно именно в 2013 г. на фоне общего ухудшения двусторонних американско-российских отношений США начали обвинять Россию в нарушении положений ДРСМД³⁶. В сентябре 2013 г. в Конгресс был представлен доклад Комитета начальников штабов (КНШ) «О возможностях неядерного быстрого глобального удара в случае освобождения от ограничений ДРСМД»³⁷. Кроме того, в 2014 г. конгрессмены поручили Пентагону проработать «новые возможности»³⁸.

Параллельно с поиском «новых возможностей», включая разработку новых средств поражения, в администрации Обамы велась работа по корректировке планов применения ядерных сил с учетом новых задач, связанных с «переносом центра тяжести в Азию». По итогам этой работы в июне 2013 г. вышла директива Обамы по применению ядерного оружия, которая заменила директиву № 14 Буша-мл.³⁹ Хотя директива Обамы является закрытым документом, определенное представление о ее принципиальных установках можно получить на основании скупой официальной информации, а также анализа данных о практической деятельности администрации Обамы по ее реализации⁴⁰.

Несмотря на прозвучавшие в 2009 г. заявления Обамы о намерении уменьшить роль ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности США, факты свидетельствуют об обратном. Более того, уточненная стратегия предусматривала снижение «ядерного порога», поскольку был расширен список случаев, когда ядерное оружие может быть использовано.

В целом ядерная стратегия Обамы сохранила преемственность по отношению к подходам Буша-мл., несмотря на различия в риторике. Для политики обоих президентов было характерно стремление к свободе рук в мировой политике. Но если Буш-мл. пытался добиться этого односторонними действиями, направленными на обеспечение неоспоримого превосходства США над потенциальными противниками, то Обама вначале использовал другой подход – идею «обнуления» ядерных потенциалов, рассчитывая на многомерность американской мощи и ограниченность возможностей соперников. Но скоро от этого намерения пришлось отказаться.

В ядерной стратегии администрации Обамы сохранился заметный «дуализм», обусловленный наличием двух пар противников – КНДР и Иран, Китай и Россия. В отношении

---

³⁶ U.S. Department of State. Adherence to and Compliance with Arms Control, Nonproliferation, and Disarmament Agreements and Commitments. July 2014. P. 8–10. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/rpt/2014/230047.htm> (дата обращения: 24.03.2020); Gordon M. U.S. says Russia tested missile, despite treaty // New York Times. January 30, 2014. URL: <https://www.nytimes.com/2014/01/30/world/europe/us-says-russia-tested-missile-despite-treaty.html> (дата обращения: 24.03.2020).

³⁷ Chairman of the Joint Chiefs of Staff. Report on Conventional Prompt Global Strike Options if Exempt from the Restrictions of the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics. September 2013. Документ упоминается, например: National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018. Public Law 115–91. December 12, 2017. Section 1242 (7). URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-115pub91/pdf/PLAW-115pub91.pdf> (дата обращения: 24.03.2020).

³⁸ H.R. 4435 – FY15 National Defense Authorization Bill. Subcommittee on Strategic Forces. Directive Report Language. P. 101–102. URL: <https://docs.house.gov/meetings/AS/AS29/20140430/102126/BILLS-113HR4435ih-U1.pdf> (дата обращения: 24.03.2020).

³⁹ Department of Defense. Report on Nuclear Employment Strategy of the United States. Specified in Section 491 of 10 USC. June 2013. URL: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/ReporttoCongressonUSNuclearEmploymentStrategy_Section491.pdf (дата обращения: 24.03.2019); Nuclear Weapons Employment Strategy of the United States. Fact Sheet // The White House. Office of the Press Secretary. June 19, 2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/19/fact-sheet-nuclear-weapons-employment-strategy-united-states> (дата обращения: 24.03.2020).

⁴⁰ Kristensen H.M. The U.S. Nuclear Posture after the 2010 Nuclear Posture Review and 2013 Nuclear Employment Strategy. September 25, 2013. URL: https://fas.org/programs/ssp/nukes/publications/1/Brief2013_Georgetown.pdf (дата обращения: 24.03.2020).

первой пары администрация Обамы развивала подходы своих предшественников — Клинтона и Буша-мл., — выработанные в рамках политики нераспространения ядерного оружия и «глобальной войны с террором»: нанесение упреждающих ударов ограниченного масштаба и быстрое завершение конфликта без угрозы его эскалации. В отношении Китая и России воспроизводилась, с поправками, модель ядерного сдерживания СССР завершающего этапа холодной войны.

Основные положения ядерной стратегии Трампа были изложены в ряде документов, принятых с конца 2017 г. до середины 2019 г. Это «Стратегия национальной безопасности» (декабрь 2017 г.)⁴¹; «Национальная оборонная стратегия» (краткое изложение опубликовано в январе 2018 г.)⁴², «Обзор ядерной политики» (2 февраля 2018 г.)⁴³; «Национальная военная стратегия» (подписана в 2018 г., ее открытое краткое описание опубликовано в июле 2019 г.)⁴⁴; «Операции с применением ядерного оружия» (документ КНШ был размещен в свободном доступе 11 июня 2019 г., но уже через неделю был перемещен в закрытый сегмент Интернета)⁴⁵.

Трамп сохранил концептуальную основу подходов Буша-мл. и Обамы, но сделал ряд поправок, учитывающих изменения «стратегического ландшафта». Главное отличие от своих предшественников администрация Трампа видела в том, что системообразующей характеристикой международных отношений вновь стало соперничество великих держав: «В настоящее время главным элементом национальной стратегии США в области безопасности является не борьба с терроризмом, а межгосударственное стратегическое соперничество. Безусловным приоритетом является долгосрочное стратегическое соперничество с Россией и Китаем»⁴⁶.

Признание равенства возможностей США с соперниками, подобное тому, что вынужденно сделали Никсон и Киссинджер в начале 1970-х годов, согласившись на стратегический паритет с СССР и кодифицировав новые отношения сверхдержав в системе договоров и неформальных правил поведения, было неприемлемо для Трампа, провозгласившего своей целью «возвращение Америке былого величия».

Оценив материальные возможности держав-соперниц по сравнению с «государствами-изгоями», которые противостояли Вашингтону с начала XXI в., Трамп внес важное изменение в курс, проводившийся его предшественниками на протяжении почти 50 лет, — сочетание линии на обеспечение качественного превосходства США с количественными ограничениями по условиям договоров с СССР и Россией. Сохраняя курс на превосходство США, Трамп приступил к слову системы договоров, ограничивающих свободу рук Вашингтона в мировой политике. Одним из принципиальных его шагов на этом направлении стал выход из ДРСМД.

---

⁴¹ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

⁴² Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

⁴³ Nuclear Posture Review. February 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 25.03.2020); Statement on the Release of the Nuclear Posture Review // Compilation of Presidential Documents. Statements by the President. February 2, 2018. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201800073/pdf/DCPD-201800073.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

⁴⁴ Description of the National Military Strategy 2018. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/UNCLASS_2018_National_Military_Strategy_Description.pdf (дата обращения: 25.03.2020).

⁴⁵ Joint Publication 3-72. Nuclear Operations. 11 June 2019. URL: https://fas.org/irp/doddir/dod/jp3_72.pdf (дата обращения: 25.03.2020).

⁴⁶ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

В ядерной стратегии Трампа сохранена еще одна концептуальная основа «доктрины Шлесинджера» – обеспечение управления эскалацией, необходимое для успешного завершения конфликта на выгодных США условиях, недопущение его неуправляемого развития, чреватого катастрофическими последствиями. На обеспечении этого условия сделан особый акцент в документе КНШ «Операции с применением ядерного оружия» 2019 г.: «Демонстрация имеющихся у США возможностей и решимости противостоять действиям противников, с тем чтобы лишить их стимулов для эскалации конфликта ввиду бесперспективности дальнейших усилий»⁴⁷.

Таким образом, в эволюции ядерной стратегии США в XXI в. прослеживаются как преемственность, так и различия в подходах сменявших друг друга администраций, сохранявших в то же время главную цель – ядерное оружие должно оставаться одним из инструментов реализации внешнеполитических интересов США и построения миропорядка, отвечающего взглядам Вашингтона.

Библиография

Веселов В.А., Фененко А.В. Воздушная мощь в мировой политике // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 6–27.

Озобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В. Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана: Велихов, Кокошин и другие. М., 2008. 56 с.

Address before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 29, 2002 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 2002. Vol. 38. № 5. P. 133–139.

Address Before a Joint Session of the Congress on the United States Response to the Terrorist Attacks of September 11. September 20, 2001 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 2001. Vol. 37. № 38. P. 1347–1351.

Burr W., Kimball J. P. Nixon's Nuclear Specter: The Secret Alert of 1969, Madman Diplomacy, and the Vietnam War. Lawrence (Kansas), 2015.

Cillesen B.J. Embracing the bomb: Ethics, morality, and nuclear deterrence in the US Air Force, 1945–1955 // Journal of Strategic Studies. 1998. Vol. 21. № 1. P. 102–103.

Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. 2011. № 189. P. 56–63.

Freedman L. The First Two Generations of Nuclear Strategists // Makers of Modern Strategy / Ed. P. Paret. Princeton (NJ), 1986. P. 736–738.

Gibson J. Nuclear Weapons of the United States: An Illustrated History. Atglen (PA), 1996.

Gordon M. U.S. says Russia tested missile, despite treaty // New York Times. January 30, 2014. URL: <https://www.nytimes.com/2014/01/30/world/europe/us-says-russia-tested-missile-despite-treaty.html> (дата обращения: 24.03.2020).

Kristensen H.M. The U.S. Nuclear Posture after the 2010 Nuclear Posture Review and 2013 Nuclear Employment Strategy. September 25, 2013. URL: https://fas.org/programs/ssp/nukes/publications/1/Brief2013_Georgetown.pdf (дата обращения: 24.03.2020).

NSC 162/2. Report to the National Security Council by the Executive Secretary on Basic National Security Policy. October 30, 1953 // Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. II. Part 1. National Security Affairs / Gen. Ed. W.Z. Slany. Washington (DC), 1984. P. 578–597.

NSC 5602/1. Basic National Security Policy. March 15, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Vol. XIX. National Security Policy / Gen. Ed. J.P. Glennon. Washington (DC), 1990. P. 244–268.

Nuclear Weapons Employment Strategy of the United States. Fact Sheet // The White House. Office of the Press Secretary. June 19, 2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/19/fact-sheet-nuclear-weapons-employment-strategy-united-states> (дата обращения: 24.03.2020).

Perry W.J., Schlesinger J.R. et al. America's Strategic Posture: The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States. Washington (DC), 2009. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA501604> (дата обращения: 24.03.2020).

Sapolsky H.M. The U.S. Navy's Fleet Ballistic Missile Program and Finite Deterrence // Getting MAD: Nuclear Mutual Assured Destruction, Its Origins and Practice / Ed. Henry D. Sokolski. Carlisle (PA), 2004. P. 123–135.

⁴⁷ Joint Publication 3-72. Nuclear Operations. 11 June 2019. P. 1–2. https://fas.org/irp/doddir/dod/jp3_72.pdf (дата обращения: 25.03.2020).

Statement on the Release of the Nuclear Posture Review // Compilation of Presidential Documents. Statements by the President. February 2, 2018. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201800073/pdf/DCPD-201800073.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

The United Nations / Eds. N.H. Petersen et al. Washington (DC), 1976. P. 624–628.

Trachtenberg M. Preventive war and U.S. foreign policy // Security Studies. 2007. Vol. 6. № 1. P. 1–31.

References

Veselov V.A., Fenenko A.V. Vozdushnaia moshch' v mirovoi politike [Air power in world politics] // Mezhdunarodnye protsessy [International processes]. 2016. T. 14. № 3. S. 6–27. (In Russ.)

Oznobishchev S.K., Potarov V.Ia., Skokov V.V. Kak gotovilsia "asimmetrichnyi otvet" na "Strategicheskuu oboronuuu initsiativu" R. Reigana: Velikhov, Kokoshin i drugie [How the "asymmetric response" to the "Strategic defense initiative" of R. Reagan was prepared: Velikhov, Kokoshin and others]. Moskva, 2008. 56 s. (In Russ.)

Address before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 29, 2002 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 2002. Vol. 38. № 5. P. 133–139.

Address Before a Joint Session of the Congress on the United States Response to the Terrorist Attacks of September 11. September 20, 2001 // Weekly Compilation of Presidential Documents. 2001. Vol. 37. № 38. P. 1347–1351.

Burr W., Kimball J.P. Nixon's Nuclear Specter: The Secret Alert of 1969, Madman Diplomacy, and the Vietnam War. Lawrence (Kansas), 2015.

Cilllessen B.J. Embracing the bomb: Ethics, morality, and nuclear deterrence in the US Air Force, 1945–1955 // Journal of Strategic Studies. 1998. Vol. 21. № 1. P. 102–103.

Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. 2011. № 189. P. 56–63.

Freedman L. The First Two Generations of Nuclear Strategists // Makers of Modern Strategy / Ed. P. Paret. Princeton (NJ), 1986. P. 736–738.

Gibson J. Nuclear Weapons of the United States: An Illustrated History. Atglen (PA), 1996.

Gordon M. U.S. says Russia tested missile, despite treaty // New York Times. January 30, 2014. URL: <https://www.nytimes.com/2014/01/30/world/europe/us-says-russia-tested-missile-despite-treaty.html> (access date: 24.03.2020).

Kristensen H.M. The U.S. Nuclear Posture after the 2010 Nuclear Posture Review and 2013 Nuclear Employment Strategy. September 25, 2013. URL: https://fas.org/programs/ssp/nukes/publications/1/Brief2013_Georgetown.pdf (access date: 24.03.2020).

NSC 162/2. Report to the National Security Council by the Executive Secretary on Basic National Security Policy. October 30, 1953 // Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. II. Part 1. National Security Affairs / Gen. Ed. W.Z. Slany. Washington (DC), 1984. P. 578–597.

NSC 5602/1. Basic National Security Policy. March 15, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Vol. XIX. National Security Policy / Gen. Ed. J.P. Glennon. Washington (DC), 1990. P. 244–268.

Nuclear Weapons Employment Strategy of the United States. Fact Sheet // The White House. Office of the Press Secretary. June 19, 2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/19/fact-sheet-nuclear-weapons-employment-strategy-united-states> (access date: 24.03.2020).

Perry W.J., Schlesinger J.R. et al. America's Strategic Posture: The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States. Washington (DC), 2009. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA501604> (access date: 24.03.2020).

Sapolsky H.M. The U.S. Navy's Fleet Ballistic Missile Program and Finite Deterrence // Getting MAD: Nuclear Mutual Assured Destruction, Its Origins and Practice / Ed. Henry D. Sokolski. Carlisle (PA), 2004. P. 123–135.

Statement on the Release of the Nuclear Posture Review // Compilation of Presidential Documents. Statements by the President. February 2, 2018. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201800073/pdf/DCPD-201800073.pdf> (access date: 25.03.2020).

The United Nations / Eds. N.H. Petersen et al. Washington (DC), 1976. P. 624–628.

Trachtenberg M. Preventive war and U.S. foreign policy // Security Studies. 2007. Vol. 6. № 1. P. 1–31.

DOI: 10.31857/S013038640013386-2

© 2021 г. М.А. ПЕТРОВА

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ В ИНСТРУКЦИЯХ КОЛЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РЕЗИДЕНТАМ В РЕГЕНСБУРГЕ И ГДАНЬСКЕ

Петрова Мария Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Researcher ID: V-2400-2019; РИНЦ ID: 3378-9989

Аннотация. В статье публикуются источники из Архива внешней политики Российской империи – инструкции Коллегии иностранных дел от 31 декабря 1756 г. (по старому стилю) резидентам в Регенсбурге и Гданьске Г.Г. Бютнеру и А.С. Мусину-Пушкину. Миссия при Постоянном рейхстаге Священной Римской империи германской нации в Регенсбурге, созданная указом Елизаветы Петровны от 12 ноября 1756 г., должна была стать новым дипломатическим каналом в Германии в годы Семилетней войны. Рассчитывая сделать Гданьск опорным пунктом российских войск на Балтике, императрица повысила статус своего представителя там, заменив агента, не имевшего дипломатического ранга, на резидента – дипломата третьего ранга. Инструкции, составленные исключительно для внутреннего пользования, дают представление о том, как российский двор определял свое место в системе международных отношений эпохи, как оценивал свои отношения с европейскими державами. При этом цели России в предстоявшей войне не формулировались, а участие в ней объяснялось лишь необходимостью защитить погранные Фридрихом II интересы союзников – Австрии и Саксонии. В публикуемых документах отсутствуют сведения о присоединении России 31 декабря 1756 г. (11 января 1757 г.) к Версальскому договору, подписанному Австрией и Францией 20 апреля (1 мая) 1756 г., а заключение Великобританией и Пруссией Вестминстерской конвенции 5(16) января 1756 г., фактически означавшее разрыв российско-британского союзного договора 11(22) декабря 1742 г., не расценивалось как недружественный жест лондонского двора. Эти обстоятельства позволяют сделать некоторые выводы о дипломатической практике российского двора, избирательно подходившего к вопросу о доступе своих дипломатов к ключевой для их будущей деятельности информации.

Ключевые слова: Семилетняя война, Коллегия иностранных дел, Георг Генрих Бютнер, Алексей Семенович Мусин-Пушкин, Священная Римская империя германской нации, дипломатическая корреспонденция, публикации, Постоянный рейхстаг в Регенсбурге, Гданьск.

М.А. Petrova

The International Position of Russia at the Beginning of the Seven Years' War in the Instructions of the College of Foreign Affairs to Residents in Regensburg and Gdansk

Maria Petrova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

The article was prepared at the State Academic University for the Humanities within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russian Federation (theme № FZNF-2020-0001 "Historical and cultural traditions and values in the context of global history").

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Researcher ID: V-2400-2019; PИИЦ ID: 3378-9989

Abstract. The article presents two sources from the Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire – instructions of the College of Foreign Affairs dated December 31, 1756 (January 11, 1757) to the residents in Regensburg and Gdansk, G.H. Büttner and A.S. Musin-Pushkin. The mission at the Perpetual Diet of the Holy Roman Empire of the German Nation in Regensburg, created by the decree of Elizabeth I on November 12 (23), 1756, was to become a new diplomatic channel in Germany during the Seven Years' War. Expecting to make Gdansk a stronghold of the Russian troops at the Baltic Sea, the Empress raised the status of her representative there, replacing an agent who did not have a diplomatic rank with a resident – a diplomat of the third rank. The instructions compiled exclusively for internal use give an idea of how the Russian court defined its place in the system of international relations of the era, how it evaluated its relations with European powers. At the same time, Russia's goals in the upcoming war were not formulated, and its participation in the war was explained only by the need to protect the interests of its allies, Austria and Saxony, violated by Friedrich II. The published documents do not contain information about Russia's accession on December 31, 1756 (January 11, 1757) to the Treaty of Versailles, signed by Austria and France on April 20 (May 1), 1756, and the conclusion of the Westminster Convention on January 5 (16), 1756 between Great Britain and Prussia, which in fact meant the dissolution of the Russian-British Treaty of December, 11 (22) 1742, but was not regarded as an unfriendly gesture on London's part. These circumstances allow the author to draw some conclusions about the diplomatic practice of the Russian court, which was rather selective regarding the issue of its diplomats' access to information that could be crucial for their future activities.

Keywords: Seven Years' War, College of Foreign Affairs, Georg Heinrich Büttner, Alexey Musin-Pushkin, Holy Roman Empire, diplomatic correspondence, publications, Imperial Diet in Regensburg, Gdansk.

Эпоха Семилетней войны 1756–1763 гг. оставила немало источников, еще не введенных в научный оборот. Среди них – инструкции Коллегии иностранных дел российским резидентам в Регенсбурге и Гданьске, подготовленные на исходе 1756 г., когда императрица Елизавета Петровна объявила о поддержке своих союзников – саксонского курфюрста Фридриха Августа II (польского короля Августа III) и правительницы владений Австрийского дома Марии Терезии в их борьбе с прусским королем Фридрихом II, но еще не начала военных действий.

Инструкции – особый вид распорядительных документов в делопроизводстве внешнеполитических ведомств: в отличие от регулярно отправляемых рескриптов или указаний по конкретным текущим вопросам, они составлялись один раз – накануне отъезда дипломата к новому месту службы. Инструкции анализировали внешнеполитическую систему своей страны, ее положение на международной арене и отношения с другими

державами, рассматриваемые в исторической ретроспективе, намечали пути дальнейшего сотрудничества с той страной, куда направляли дипломата. В определенном смысле это программный документ, по которому можно проследить цели и истинные мотивы тех или иных действий.

Подготовке инструкций для резидентов в Регенсбурге и Гданьске предшествовала серия заседаний Конференции при высочайшем дворе – правительственного органа, созданного Елизаветой Петровной в марте 1756 г., – вскоре после получения в Петербурге сенсационного известия о заключении 5(16) января 1756 г. Вестминстерской конвенции между Великобританией и Пруссией. Учреждение Конференции при высочайшем дворе свидетельствовало о потере позиций великого канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина (1693–1766), на которого была возложена ответственность за чрезмерную приверженность к союзу с Великобританией, действовавшему с 11(22) декабря 1742 г.¹

7(18) ноября 1756 г. на заседании Конференции при высочайшем дворе обсуждались донесения российского посланника в Саксонии уроженца Вюртемберга Генриха Гросса (1714–1765). Среди прочего он сообщал о пожелании курфюрста Фридриха Августа II, чтобы Россия направила на Постоянный рейхстаг Священной Римской империи в Регенсбурге (или по терминологии того времени – Имперское собрание или Имперский сейм) своего дипломатического представителя². Изначально рейхстаг был собранием всех имперских штатов³ – лиц (курфюрстов, избравших императора, других духовных и светских правителей) и корпораций (рыцарских и монашеских орденов, вольных и имперских городов), а к середине XVIII в. – их представителей. При рейхстаге с конца XVII в. действовали также иностранные дипломаты. Просьбу об открытии российской миссии в Регенсбурге в это же время высказывал и австрийский посол в Петербурге князь Николаус Эстерхази⁴.

Россия уже имела опыт кратковременного взаимодействия с институтами Священной Римской империи. В 1745–1746 гг. с особой миссией на Коллегию курфюрстов во Франкфурт-на-Майне, а затем на рейхстаг в Регенсбург был отправлен полномочный министр граф Герман Карл фон Кейзерлинг (1697–1764), уроженец Курляндии. Он должен был добиться от имперских штатов признания за Елизаветой Петровной императорского титула и отстоять права достигшего совершеннолетия великого князя Павла Петровича на герцогство Гольштейн-Готторп. Кейзерлинг справился с доверенным ему поручением. С 1752 г. он представлял интересы России в Вене и еще тогда в переписке с руководством Коллегии иностранных дел предлагал учредить российскую миссию в Регенсбурге⁵.

Приняв во внимание названные обстоятельства, Конференция при высочайшем дворе пришла к выводу, что в условиях начавшейся войны Россия нуждается в дополнительных дипломатических каналах. К этому времени у России оставались три миссии в Священной Римской империи – в Вене, Гамбурге и Дрездене (последняя осенью 1756 г. переехала вместе с двором курфюрста Фридриха Августа II в Варшаву). Отношения с Пруссией были разорваны еще в конце 1750 г.⁶

Указ о назначении резидентом при рейхстаге секретаря посольства в Вене, уроженца Пруссии Георга Генриха Бютнера (в русских источниках также Битнера) был подписан Елизаветой Петровной 12(23) ноября 1756 г. В тот же день дворянин посольства в Вене

¹ Сборник императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 136. СПб., 1912. Предисловие.

² Там же. С. 384.

³ В русской традиции – также имперские сословия или имперские чины.

⁴ СИРИО. Т. 136. С. 390.

⁵ Там же.

⁶ Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века: от Ахенского мира до Семилетней войны. М., 2012. С. 186–187.

Алексей Семенович Мусин-Пушкин (1731/32⁷–1817) был назначен резидентом в Гданьск⁸. Этот город на Балтике с преимущественно немецким населением, имевший широкую автономию в Речи Посполитой и окруженный территориями Прусского королевства, представлял для России особый интерес, поскольку отсюда в Петербург поступали сведения о передвижении войск противника. Пост в Гданьске фактически пустовал целый год после смерти 9(22) ноября 1755 г. российского агента швейцарского происхождения Каспара Шерера (1689–1755), пребывавшего там с 1743 г. Указом от 13(24) декабря 1755 г. Елизавета Петровна назначила в Гданьск временного агента – коллегии юнкера Христиана Францевича Шевиуса⁹. Начавшаяся война требовала присутствия постоянного представителя.

Как указано в протоколах Конференции при высочайшем дворе, Бютнер получил свой пост, поскольку сопровождал Кейзерлинга во Франкфурт и Регенсбург в 1745–1746 гг. и за 20 лет службы за границей «наибольшее время и тщание употребил к получению знания германских дел»¹⁰. Выбор Мусина-Пушкина, с 1752 г. находившегося в венской миссии под началом Кейзерлинга фактически на обучении (именно для этого Коллегия иностранных дел направляла за границу молодых дворян), объяснен не был. Очевидно, он успел зарекомендовать себя, если его решили назначить на такой ответственный пост: российское командование рассчитывало использовать Гданьск для расквартирования своих войск, надеясь прийти к соглашению с городским магистратом. Можно предположить, что именно по этой причине Мусин-Пушкин был назначен резидентом (дипломатом третьего ранга), а не агентом (представителем, не имевшим дипломатического ранга), как его предшественник, хотя в протоколах Конференции обсуждение вопроса о повышении статуса миссии не зафиксировано.

Рескрипты Коллегии иностранных дел о назначении Бютнера и Мусина-Пушкина были подписаны Елизаветой Петровной 31 декабря 1756 г. (11 января 1757 г.)¹¹. Этим же днем датированы инструкции для дипломатов, подготовленные от имени императрицы за подписью канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова (1714–1767), членов Коллегии Ивана Осиповича Пуговишника (1710–1780) и Адама Васильевича Олсуфьева (1721–1784). Инструкция для Бютнера была изначально написана на немецком языке и переведена на русский язык переводчиком Коллегии иностранных дел Семеном Страшковым. Возможно, немецкий текст был составлен под диктовку Бестужева, который прекрасно владел этим языком. Русский перевод содержит правки, сделанные рукой вице-канцлера М.И. Воронцова¹².

Документы, составленные для Бютнера и Мусина-Пушкина, существенно различаются по содержанию: эти различия объясняются не столько особенностями места службы, сколько предшествующим опытом дипломатической работы каждого. Инструкция для Мусина-Пушкина больше по объему. В ней даны краткие характеристики отношений России с ведущими европейскими державами, а также перечислены заключенные с ними союзные договоры. В инструкции Бютнеру эти экскурсы опущены, очевидно потому, что были ему известны.

---

⁷ В автобиографии от 28 мая 1754 г. Мусин-Пушкин писал, что ему от роду 22 года. – «Скаска» елизаветинской России / Публ. К.А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. XV. М., 2007. С. 119.

⁸ Рескрипт Конференции при высочайшем дворе в Коллегию иностранных дел от 12 ноября 1756 г. – СИРИО. Т. 136. С. 409.

⁹ «Скаска» елизаветинской России. С. 154–156.

¹⁰ СИРИО. Т. 136. С. 391.

¹¹ Рескрипт Бютнеру от 31 декабря 1756 г. с сообщением о назначении. – Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 2. Внутренние коллежские дела. Оп. 1. Д. 85. Л. 364–364 об.

¹² Черновик перевода. – Там же. Ф. 83. Сношения России с имперским собранием. Оп. 1. 1756 г. Д. 2. Л. 5–10 об.

Интерес вызывает факт, что, несмотря на заключение Вестминстерской конвенции между Великобританией и Пруссией 5(16) января 1756 г., ставшей первым шагом к так называемому ниспровержению альянсов в Европе, охлаждение отношений Петербурга и Лондона трактовалось лишь как «ослабление союзнических обязательств»; констатировалось, что между дворами теперь существует «простая дружба». Коллегия иностранных дел также не сочла нужным уведомить ни Бютнера, ни Мусина-Пушкина о присоединении России 31 декабря 1756 г. (11 января 1757 г.) к Версальскому договору между Австрией и Францией, заключенному 20 апреля (1 мая) 1756 г. В обеих инструкциях сказано лишь о возобновлении дружеского общения с версальским двором после разрыва в 1748 г.¹³ Как отмечает исследователь М.Ю. Анисимов, Елизавета Петровна предпочитала все переговоры с иностранными дворами вести в Петербурге, часто не информируя об этом своих дипломатов, которые узнавали о подписанных Россией договорах обычно от глав внешнеполитических ведомств тех держав, при которых они находились¹⁴.

Круг обязанностей резидента в Гданьске, согласно инструкции, был довольно широк. Мусину-Пушкину предписывалось следить за передвижениями войск противников, предупреждать магистрат о возможном занятии города прусскими войсками, решать споры между русскими купцами, не допуская их в местный суд, оказывать содействие русским офицерам, прибывавшим из Петербурга, препятствуя их возможным попыткам спекулировать российскими товарами, следить за эпидемиологической обстановкой в порту, чтобы не отправить в Россию зараженное мясо. Заботам дипломата поручался дом российской миссии, нуждавшийся в ремонте.

В инструкции Бютнеру основной акцент делался на внезапном и вероломном нападении Фридриха II на Саксонию 17(28) августа 1756 г. и его стремительном продвижении в Богемию и подробно объяснялось, почему Россия выступила в поддержку своих союзников. В задачи обоих дипломатов входило налаживание контактов с представителями союзных Австрии и Саксонии и дружественной Франции, зорко следить за недругами России, снабжать главнокомандующего российскими войсками генерал-фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина (1702–1758) необходимыми сведениями, вести переписку с представителями России при других иностранных дворах, используя установленные шифры и соблюдая «добрую экономию» в финансовых делах.

Документы воспроизводятся по беловым отпускам, переплетенным в книгу Протоколов Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел. При публикации сохранена преимущественно орфография оригинала. Поскольку к середине XVIII в. она еще не стабилизировалась, одни и те же слова могут быть написаны по-разному. Десятеричная *i* передана как «и»; мягкий и твердый знаки употребляются в соответствии с современным правописанием; выносные буквы даются в строке, слова под титлом раскрыты. Модернизирована пунктуация, длинные предложения разбиты на более короткие, унифицировано употребление прописных букв согласно правилам современной орфографии.

ИНСТРУКЦИЯ КОЛЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Г.Г. БЮТНЕРУ

1756 года декабря в 31 день по имянному ЕИВ-а указу, из учрежденной при дворе Ея Величества конференции в 12 день минувшаго ноября данному, в Коллегии иностранных дел определено к определенному в Регенсбург на имперской сеим резидентом надворному советнику Бютнеру послать инструкцию следующего содержания.

ЕИВ-ва посол в Вене господин граф Кейзерлинг в бытность свою министром при Имперском собрании во Франкфурте на Майне доносил сюда, что от курфирсткаго собрания¹⁵ дано ему было знать, что оно весьма охотно видеть желало бы, чтоб Римская

¹³ Черкасов П.П. Двуглавый орел и Королевские лилии: становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 48–49.

¹⁴ Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014. С. 68.

¹⁵ Речь идет о Коллегии курфюрстов, выбиравших императора Священной Римской империи германской нации.

империя с Россиискою связана была союзом теснейшия дружбы, что обе оныя империи хотя друг от друга и в отдалении, но в таком находятся положении, что взаимную безопасность свою против соседей своих к северу и востоку защитить и в почтение себя привести могут; и как такая взаимная дружба и оборонительной союз касаются до безопасности, ползы и чести обеих сторон, то курфирстское собрание хотело в Регенсбурге на Имперском сейме искреннейшее старание приложить и домогаться, дабы толь полезное дело по желанию совершено и тому от всея империи по возможности верно и рачительно споспешествовано было. И понеже сии отзвывы тогда в генеральных только словах состояли, не определяя точно, в чем бы такой между обеими империями предложенной союз теснейшия дружбы состоять имел, то и сие дело по воспоследовавшем вскоре после того отзыве господина графа Кейзерлинга так оставлено, а потом чаятельно за неимением в Регенсбурге российского императорского министра о том более и упомянуто не было. ЕИВ-во, хотя и не несклонна была согласиться на толь полезное дело, но за неучинением от курфирстского собрания точнейшаго о сем изъяснения за нужно почесть не изволила иметь там своего министра, особливо же в такое время, когда вся Германская империя плодами сладкаго покоя пользовалась, и чтоб чрез то не подать другим завистливым державам безвременнаго повода к размышлению и к худым и вредительным толкованиям. Но понеже в нынешнее время покой в Германской империи незапным короля прускаго мироломством и не токмо весьма свирепым, но и никогда несслыханным нападением на Богемию и Саксонию, яко на первыя и знатнейшия в империи курфирства¹⁶, нарушен, следовательно, прежнее в империи мирное состояние совсем отменилось; того ради собственное благосостояние и безопасность как в обще всея Римския империи, так и особливо каждаго имперскаго чина требует за вышепомянутыя неприятельски атакованные земли с другими в том интересованными державами обще и соединенною силою крепко и ревностно вступиться и доставить им не токмо всякое справедливое удовлетворение и награждение понесенных убытков, но и всячески стараться усмирить и сократить превосходныя силы короля прускаго и тем скоро потушить зажженное им в Империи пламя бедственных войны.

ЕИВ-во великодушное участие свое в приключившемся высоким Ея союзникам жестоком жребии довольно оказала отправлением знатнаго корпуса и уже за границы выступившаго корпуса помощных войск своих, а дабы полезные виды его величества императора¹⁷ яко главы империи и справедливыя жалобы и требование венскаго и курсаксонскаго дворов от империи помощи в Регенсбурге на Имперском собрании подкрепить и тем болшую тому силу придать, то ЕИВ-во за благо и полезно разсудила ныне отправить туда резидента и к тому всемилостивейше назначить его господина надворнаго советника.

И понеже он на Имперском собрании в Регенсбурге с господином послом графом Кейзерлингом уже находился и чрез толь многие годы употреблен был в министерской корреспонденции, следовательно, о имперских узаконениях, штатских делах, союзах и о сопряжении, в котором европейские державы между собою генерално, а особливо Россия с прочими обращается, так же и о нынешней перемене штатской системы и о сомнительных ныне дел обращениях достаточное знание имеет; того ради остается в наставление его определить ему толь нижеследующее.

1е

Господину надворному советнику и резиденту по получении сея инструкции ехать тот час в назначенное ему место, поступать во всем по введенному там обыкновению и приложенную при сем императорскою верующею грамотою¹⁸, с которой копия так же при сем следует, надлежаше себя легитимировать, равномерно ж как тогда, так и после при всяких случаях силнейше уверять о истинном ЕИВ-ва желании и намерении дружбу

¹⁶ Курфюршества.

¹⁷ Супруг Марии Терезии Франц I Стефан, избранный императором в 1745 г.

¹⁸ «Отпуски» верительных грамот на русском и латинском языках от 6 февраля 1757 г. – АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1757. Д. 1. Л. 3–5.

с Германскою империею от часу болше распространить и утвердить, и что непрерывное благополучие оныя как генерално, так и каждого имперскаго чина особливо Ея Величеству всегда приятно будет. Так же

2е

Ласковым поведением своим особливо стараться приобрести себе доверенность и дружбу господ сеймовых посланников, а наипаче императорскаго королевина¹⁹ и курсаксонскаго²⁰, равно как и французскаго²¹, буде оной там обретается.

3е

На нынешнем Имперском собрании по силе декрета Его Величества императора приняты будут в надлежащее разсуждение как бедственные и опасныя обстоятелства, в которыя Германская империя ввергнута незапным короля прускаго мироломством, так и жалобы венскаго и курсаксонскаго дворов; и чаятельно советовать станут о принятии при нынешних весьма сомнительных и опасных обращениях силных в ползу общего дела и для возстановления нарушеннаго в Германской империи покоя и будущей ея безопасности мер, так же представления и старания обиженных ныне от короля прускаго дворов толко к тому клониться будут, дабы вследствие требованной уже от Франции и Швеции гарантии Вестфалскаго трактата²² и Германскую империю побудить к принятию оружия против короля прускаго. А при всем том, без сомнения, король пруской с своей стороны сколко возможно всякими вымыслами, происками, коварными внушениями и великими обещаниями стараться будет зделать разврат во мнениях членов Германския империи, произвестъ между ими недоверие и несогласие и, как можно продерживая имперской сейм в праздности, ни до какого предприятия не допустить, особливо же совсем на свою сторону преклонить протестантские дворы, следовательно, препятствовать всем стараниям и представлениям благонамеренных дворов и оныя уничтожать, дабы, отвратя угрожающую опасность, тем надежней далновидные и опасные виды свои в действо произвестъ, и того ради

4е

Ему Господину надворному советнику и резиденту паче всего рачительно наблюдать все поступки и движения господ сеймовых посланников, особливо же кои там обретаются от противных дворов, разсматривая прилежно мнения их, сколко оныя между собою различны и к которой стороне они болше склоняются, следовательно, и откровенность свою и обхождение с ними по тому располагать, а для известия здешняго прислать всех обретающихся в Регенсбурге чужестранных дворов министров поимянную ведомость с описанием их чинов и характеров.

5е

Понеже ЕИВ-во с Ея Величеством императрицею королевою и с Его Величеством королем полским в теснейшей пребывает дружбе и в приключившемся им жестоком жребии искреннейшее приемлет участие, отправляя в помощь к ним под командою его превосходительства господина генерала фелдмаршала и кавалера Апраксина знатной корпус своих войск. Того ради господина надворнаго советника и резидента главное дело состоять имеет в том, чтоб с посланниками венскаго и курсаксонскаго двора во всем откровенно и согласно поступать, и при всех случаях представления и старания их

---

¹⁹ Представитель Марии Терезии как королевы Богемской Кристиан Август фон Зайлерн. — *Rohrschneider M. Österreich und der Immerwährender Reichstag: Studien zur Klientelpolitik und Parteibildung (1745–1763)*. Göttingen, 2014. S. 86.

²⁰ Иоганн Георг фон Поникау (1708–1775). URL: [https://saebi.isgv.de/biografie/Johann_Georg_von_Ponickau_\(1708–1775\)](https://saebi.isgv.de/biografie/Johann_Georg_von_Ponickau_(1708–1775)) (дата обращения: 05.07.2020).

²¹ Луи Эленор де Мако (1727–1767). — *Externbrink S. Friedrich der Große, Maria Theresia und das Alte Reich: Deutschlandbild und Diplomatie Frankreichs im Siebenjährigen Krieg*. Berlin, 2006. S. 381.

²² Франция и Швеция как державы-победительницы в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг. стали гарантами Мюнстерского и Оснабрюкского мирных договоров 1648 г.

искусными и полезными внушениями в надлежащих местах наисильнейше подкреплять, и безпрестанно ясными доказательствами толковать о всех тех опасных следствиях, кои от сего в империи зажженного военного пламени произойдут и сколько каждой должен будет опасаться совершенной себе гибели, есть ли королю прускому, яко безпокойному и властолюбивому государю, ныне удастся в опасных видах своих без отмищения предупредить, и что следовательно благополучие и безопасность Германския империи требует без отлагательства и единодушно принять такие сильныя меры, коими бы покой в империи вскоре возстановить, превосходную силу короля прускаго сократить и чрез то у него охоту к подобным впредь неприятельским и мироломным предприятиям отнять можно было. Все сие имеет господин надворной советник и резидент по поводу нынешних обстоятельств и по обращающемся в том интересу общаго добраго дела внушать, присовокупя к тому и собственные свои разсуждения таким искусным образом, чтоб полезное в том ЕИВ-ва намерение исполнено было.

6е

ЕИВ-ва послу господину графу Кеизерлингу о нынешних обращениях и опасных замыслах короля прускаго и обо всем до того касающемся отправленными к нему от времени до времени циркулярными рескриптами и прочими сообщениями довольно известно, и для того приложенным при сем в копии рескриптом повелено ему не токмо корреспонденцию свою в бытность его министром в Франкфурте на Меине и в Регенсбурге господину надворному советнику и резиденту отдать, но и сообщить ему из тамошней министерской корреспонденции все то, что для большаго ему наставления потребно было б, а притом дать точную копию с генеральной цыфери No 3го под знаком с, которая помянутым господином графом как в реляциях, так и в корреспонденции его с министрами ЕИВ-ва, при иностранных дворах обретающимися, до ныне употребляется, и в прочем снабдить господина надворнаго советника и резидента потребным советом и наставлением.

7е

Господину надворному советнику и резиденту прислать в Коллегию иностранных дел как роспись за подписанием своим имеющимся в вышепомянутой франкфуртской и регенбургской корреспонденции писам и получаемым из тамошней министерской канцелярии известиям и сообщениям, так и уведомить о даваемых от господина графа Кеизерлинга ему при отъезде его наставлениях; равномерно ж по прибытии своем в Регенбург почасту в оную коллегию доносить не токмо о мнениях и о состоянии, в каком найдет он тамошнее Имперское собрание, но и об успехе советований и принимаемых резолюцией онаго, так же сколько действуют чинимыя там от него внушения; словом обо всем, что толко там и из других мест проведает. По возтребованию же обстоятельств иметь ему переписку как с командующим над войском ЕИВ-ва господином генералом фелдмаршалом Апраксиным, так и с прочими при иностранных дворах обретающимися здешними министрами и по важности дела употреблять в 6м § упомянутый цыфирной ключ.

8е

Буде со стороны Имперскаго собрания генерално или от кого особливо к нему так же, как прежде к Гдну Графу Кейзерлингу, отзываться станут о желании, о котором выше упомянуто, соединить Россиискую империю с Римскою союзом теснейшия дружбы, то на сие имеет он ответствовать с таким обнадеживанием, что ЕИВ-во по всегдашнему и истинному участию своему в благополучии Германския империи не несклонна быть изволит на сие поступить; а притом искусным образом наведаться, в чем имянно состоять имеет такое предложение о установлении тесныя дружбы между обеими империями и взаимнаго интереса. В котором случае надобно с осторожностью и неприметно таким образом поступать, чтоб первое о том предложение учинено было ЕИВ-ву с стороны курфиртскаго собрания.

9е

В какой силе об определении господина надворного советника резидентом в Регенсбург господину фелдмаршалу Апраксину и прочим российским императорским министрам, при чужестранных дворах находящимся, знать дано, оное усмотрит он из приложенной при сем копии циркулярного рескрипта²³, равномерно же прилагается при сем и копия с посланного в 1745 году к помянутым министрам циркулярного же рескрипта²⁴, в котором подтверждается им во обще всем наблюдать добрую экономию как во известие, так и для исполнения по оному, в прочем

10е

Прилагается при сем для исполнения перевод с указа 1724 года, каким образом по секретным делам поступать надобно²⁵.

По сему определению инструкция послана 8 февраля 1757.

АВПРИ. Ф. 2. Внутренние коллежские дела. Оп. 1. Д. 85. Протоколы Секретной экспедиции, октябрь–декабрь 1756 г. Л. 350–356 об. № 686.

ИНСТРУКЦИЯ КОЛЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ А.С. МУСИНУ-ПУШКИНУ

1756 году декабря в 31 день по имянному ЕИВ-ва указу, из учрежденной при дворе Ея Величества конференции в 12 день минувшаго ноября данному, в Коллегии иностранных дел определено отправляющемуся во Гданск резидентом надворному советнику Алексею Мусину Пушкину дать инструкцию следующего содержания.

ЕИВ-во всемилостивейше изволила вас определить своим резидентом в городе Гданске для отправления тамо дел и для наблюдения высочайших интересов ЕИВ-ва; того ради прилагается присем для вас на тот характер ЕИВ-ва верующая грамота к магистрату помянутого города и копия с оной для вашего известия. В наставление же вам объявляется следующее:

1е

Надлежит вам ехать в помянутый город Гданск без замедления и стараться приехать туда, сколко возможно скорее, для того что по нынешним обстоятельствам присутствие ваше тамо нужно, а для свободного вашего проезда прилагается при сем же паспорт и дорожная до Риги на почтовые подводы.

2е

По приезде во Гданск надлежит вам о себе магистрату сего города пристойным образом, и как в таковых случаях есть тамошнее обыкновение, дать знать и, приглася в дом к себе депутатов, вручить им кредитивную грамоту, а притом по содержанию оной, о всегдашней ЕИВ-ва к тому городу милости и благоволения словесно снабдежить.

²³ От 31 декабря 1756 г. – АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 85. Л. 347–347 об.

²⁴ Точную дату указа пока установить не удалось. Поводом к его принятию были долги, оставшиеся после смерти резидента в Константинополе Алексея Андреевича Вешнякова (1700–1745). 29 августа (9 сентября) 1745 г. Елизавета Петровна повелела выплатить деньги на его похороны, занятые сотрудниками российской миссии у венгерского резидента, «однако впредь крепким указом запретить, чтоб министры при чужестранных дворах сверх определенного им жалованья казенных денег на себя отнюдь не забирали и долгов не наживали, яко оныя из казны никогда уже плачены не будут. А ежели кто долги наживет или инако казенные деньги сверх жалован[и]я употреблять станет, то всеконечно из их деревень по продаже и из других имений их доправлены будут». – Протоколы приемов императрицей Елизаветой Петровной руководства Коллегии Иностранных дел в 1745 г. / Публ. К.А. Писаренко // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. XVI. М., 2007. С. 172.

²⁵ Указ Сенату от 13 января 1724 г. «о написании секретных дел в партикулярных письмах». – Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т. 7. М., 1830. С. 200. № 4409.

3е

По смерти бывшего во Гданске здешняго агента Шерера послан туда на время коллегии юнкер Шевиус, которому велено находящемуся там архиву и казенному дому со всем принадлежащим к тому строением, каменным и деревянным, и саду сочинить порядочную опись и сюда прислать, токмо еще не прислана, а чаятельно у него изготовлена; и по той описи имеете вы у него Шевиуса как весь прежней архив, так и казенной дом осмотреть, а буде та опись у него не со всем еще готова, то чрез негож при себе вам окончать, и, осмотря все то, купно с произшедшими вновь у него делами и цифирми, принять в ваше смотрение, и такую опись прислать в Коллегию иностранных дел с показанием особливо, в каком состоянии казенной дом, не требует ли каких починок и во что бы оныя стать могли. В том доме вам самому жить и стараться содержать оной в добром сохранении, а дабы Шевиус все оное вам порядочно сдал и сам при вас у исправления канцелярских дел до времени остался, о том прилагается при сем к нему указ²⁶.

4е

В таком ЕИВ-ва всемилостивейше пожалованном вам характере имеете вы главную должность вашу и старание полагать в том, чтоб высочайшие ЕИВ-ва интересы во всем и во всяких случаях с надлежащею верностию, прилежанием и ревностию наблюдать и всегда стараться чрез знакомство и доброе обхождение с пребывающими тамо во Гданске чужестранными министрами и агентами и знатными мещанами в городе, и инако по усмотрению, как и чрез кого удобнее и надежнее будет разведывать о намерениях и произшествии в делах в околных чужестранных областях, а особливо в таких, которыя высочайших ЕИВ-ва интересов касаться могут, и о всем к ведению здешнему нужном по часту и без упущения времени в Коллегию иностранных дел доносить. А между тем, ежели что в вашем месте случится противное и предосудительное здешним интересам, то вам благовременно и как благопрстойно будет отвращать и опровергать, а поспешествовать всякими образы то, что для здешней стороны полезно и выгодно быть может, и в таком же намерении, о чем нужно будет уведомлять вам от себя прямо и министров ЕИВ-ва, при чужестранных дворах обретающихся, так же и командующаго ныне здешними войсками господина генерала фельтмаршала и кавалера Степана Федоровича Апраксина, буде что имеет быть кому из них принадлежащее и нужное, а чего иногда вам за какими обстоятельствами учинить невозможно или сумнительно будет, о том без укоснения и обстоятельно в Коллегию представлять и ожидать на то резолюции.

5е

А дабы вы притом о сходстве или разности в интересах здешняго императорскаго с другими чужестранными дворами и о тех державах, кои ныне с ЕИВ-вом в союзе и обязательствах находятся, известны были, то вам единственно для вашего собственного известия знать дается, что хотя ЕИВ-во всегдашнее и твердое намерение иметь изволит со всеми державами в дружбе и добром согласии пребывать и в таком намерении у ЕИВ-ва с начала благополучнаго Ея государственоваия со многими державами, которыя токмо сами того желали, дружественныя союзныя и оборонительныя трактаты заключены, и постановленные в них обязательства до исходу положенных сроков непременно в своей силе состоять имеют. Однако между тем при оказавшихся обстоятельствах в прямом дружественном поведении и согласии у некоторых к здешнему россиискому императорскому двору отмены и разности произошли, а некоторыя же и по ныне в добром согласии пребывают, а имянно: (1е) римской императорской и королевской венгеробогемской, так же курсаксонской дворы как по собственным их интересам, так и по силе заключенных с ними союзных и оборонительных трактатов, а имянно же с курсаксонским — 1744 м²⁷, а с венским в 1746м²⁸ годах, в тесном союзе и откровенной дружбе

²⁶ Указ от 31 декабря 1756 г. — АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 85. Л. 349—349 об.

²⁷ Союзный договор от 24 января (4 февраля) 1744 г. — ПСЗРИ. Т. 12. М., 1830. С. 17—21. № 8866.

²⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. I. Трактаты с Австриею. 1648—1762. СПб., 1874. С. 147—178.

с здешним императорским двором пребывают. (2е) С великобританским двором в 1742 году союзной и оборонительный трактат заключен²⁹, которому срок в будущем году в окончание приити имеет. А в прочем сей великобританской двор, хотя в тесном союзе и откровенной дружбе с здешним императорским двором всегда находился, но как оной в генваре нынешняго года с королем прусским (не сообщая наперед о том ни чего здешнему двору и в противность заключенной здесь незадолго пред тем своей конвенции) союзной трактат заключил и с ним ныне в крайней дружбе и согласии пребывает, а между тем король прусской неправильным своим на Саксонию и Богемию нападением вышепомянутым союзным дворам явной неприятель сделался, то при таких обстоятельствах между здешним и великобританским дворами бывшия союзническая обязательства в ослабление пришли и осталась толко просто прежняя дружба, которая и ныне еще продолжается. (3е) Между Россиею и Республикою Полскою поныне токмо прежней вечной мирной трактат, заключенной в 1686м году, продолжительно в своей силе настотит, а вновь с оною ни каких обязательств не постановлено. (4е) С прусским двором здесь в 1743 году союзной и оборонительной трактат³⁰ хотя и заключен, но как после того от онаго по собственным его видам к здешнему двору некоторыя недружественныя поступки оказались, то оттого между обоими дворами сперва холодность произошла, а потом уже с 1750 года и взаимных министров при обоих дворах не было, а ныне уже сей прусской двор по притчине вышеозначеннаго нападения на здешних союзников и более недружественным учинился. (5е) Здешней же двор заключенные со швецким как в 1743м Абовского вечнаго мира³¹, так и в 1745м году союзной и оборонительной трактат³², равно как и с дацким в 1746м году союзной же и гарантии трактат³³, хотя действительно и имеет, однако же между здешним и сими обоими дворами, особливо же с дацким в разсуждении голштинских несогласей³⁴, толко наружная дружба ныне обращается, а прямой откровенности с их стороны к содействованию в пользу общих интересов еще по сие время невидно, хотя при оных обоих дворах здешние министры и находятся. (6е) С французским двором здесь ни какого союзнаго трактата нет, и хотя между обоими дворами с нескольких лет корреспонденция пресечена была, однако ж ныне доброе согласие паки возстановлено и присылка взаимных посолств к обоим дворам определена.

Сие генералное уведомление о обстоятельствах здешняго с чужестранными дворами для того вам подается, чтоб вы тем лутче в состоянии были примечать и разсуждать все произходящая между дворами дела и соглашения в пользу или во вред высочайших ЕИВ-ва интересов.

6е

По тому же усматривая, и с обретающимися во Гданске чужестранными министрами надлежит вам поступать; и хотя можете вы для благопристойности со всеми ими доброе

²⁹ «Трактат оборонительного Союза на 15 лет между Российским и Аглинским дворами...», заключенный 1 (22) декабря 1742 г. – ПСЗРИ. Т. 11. М., 1830. С. 743–749. № 8686.

³⁰ Заключен 16(27) марта 1743 г. – *Мартенс Ф.Ф.* Указ соч. Т. V. Трактаты с Германиею. 1656–1762. СПб., 1880. С. 339–352.

³¹ Абоский мир, заключенный 7(18) августа 1743 г., завершил русско-шведскую войну 1741–1743 гг.

³² Заключен 14(25) июня 1745 г. – ПСЗРИ. Т. 12. С. 403–408. № 9176.

³³ Трактат о дружбе и гарантии и конвенция «о подаче во время войны взаимной друг другу помощи» заключены 10(21) июня 1746 г. – Там же. С. 559–565. № 9295.

³⁴ В 1711 г. Дания захватила Шлезвиг, принадлежавший отцу будущего великого князя Павла Петровича герцогу Гольштейн-Готторпскому Карлу Фридриху. С тех пор российские государи то соглашались, то отказывались признавать претензии голштинских родственников на Шлезвиг. Русско-шведский союзный трактат 1745 г. предусматривал поддержку обоими государствами претензий династии Гольштейн-Готторпов на Шлезвиг. Однако приход к власти в Стокгольме в 1746 г. настроенной против России партии «шляп» вновь сблизил Данию с Россией. Согласно союзному договору 1746 г., Дания признавала претензии наследника российского престола на готторпскую часть Шлезвига, взамен чего Россия обещала препятствовать попыткам шведского короля стать герцогом в Гольштейне. Согласно секретной статье российско-австрийского договора 1746 г., права великого князя Петра Федоровича на Шлезвиг вновь были подтверждены.

и ласковое обхождение иметь, однакож с теми, которые от союзных и дружественных здешнему двору держав тамо находятся, например по нынешним обстоятельствам: с римско императорским³⁵, полским и саксонским³⁶, да с французским³⁷, более, нежели с другими, такого дружеского обхождения искать и пользоваться их откровенностию, соотвествуя им в том, когда надобно, и с своей стороны, а от прочих так же более осторожности иметь и, удерживаясь своею откровенностию, на и паче за поступками и делами их прилежно смотреть и об оных разведывать.

7е

По принятии у Коллегии юнкера Шевиуса тамошняго архива имеете вы как прежние, так и вновь к нему присланные из Коллегии иностранных дел указы, циркулярные и прочие все для вашего известия и наставления рассмотреть и по оным, что по состоянию нынешних дел и обстоятельств касается, поступать, и что надлежит еще к исполнению как ныне, так и впредь, то в действо производить.

8е

Особливо же из тех циркулярных указов обстоятельно уведомитесь вы, каким вероломным образом король пруской в Саксонию с войсками своими вступил, его величеству королю полскому и всей королевской фамилии безчеловечные притеснения и обиды учинил, все саксонские области до основания разорил и в то ж время Ея Величеству императрице королеве толь неправильно войну объявил и на Богемию действительное нападение учинил, и какие по тому ЕИВ-во намерении воспрять изволила — о посылке чрез Польшу на помощь оным неприятельски от короля прускаго атакованным дворам, яко верным ЕИВ-ва союзникам, знатнаго корпуса своих войск. И понеже король пруской по злобе за такую с российской стороны для воспрепятствования ему в завоеваниях посылаемую знатную помощь союзникам, без сомнения, не оставит и с своей стороны напротив того во всякой возможности сильно вооружаться и действовать при своих границах или в Литве. Того ради наиглавнейше вам при сих обстоятельствах поручается по приезде во Гданск стараться о всем, что в прусских областях и в соседственных землях в Литве происходит, и буде король пруской прямо против здешних войск какие движения учинить вознамерится, и что сверх того до высочайших Ея императорскаго величества интересов и до здешняго императорскаго двора касаться будет, на и прилежнейше разведывая, известии получать и об оных, так же и о проезжающих иногда чрез Гданск в российския границы какому подозрению подлежащих людях, без замедления сюда в Коллегию иностранных дел доносить и командующему помянутыми здешними войсками господину генералу фельдмаршалу и кавалеру Апраксину равномерно в то же время сообщать.

9е

По сие время были здесь такая известия: с одной стороны, будто во Гданске опасаются незапнаго прускаго войска нападения и завладения сим городом, а с другой — будто и сами гданские члены магистрата и обыватели от большой части королю прускаму преданны и занятия города войском его желают. И сие последнее может быть вероятнее, потому что, как здесь же известно, тамошней магистрат и мещанство не имеют склонности к принятию для охранения своего полских коронных полков, боясь будто потеряния и нарушения своих волностей, а сами о себе и о своем городе тоже не оказывают никакого радения и не принимают нужных мер для укомплектования своего гарнизона и к вооружению в запас мещанства, хотя о сем и побудительныя внушения им с стороны

³⁵ И. фон Абрамсон — императорский резидент в Гданьске в 1750—1757 гг.

³⁶ Саксонский резидент Антон фон Лейбниц. — [Seyfert J.F.] Geschichte des seit 1756 in Deutschland und dessen angränzenden Ländern geführten Kriegen, Teil. 2. Abschnitt 2. Frankfurt — Leipzig, 1760. S. 310.

³⁷ Французский резидент в Гданьске Жан Франсуа Жозеф Дюмон. — *Mézin A.* Les consuls de France au siècle des Lumières (1715—1792). Paris, 1997. P. 262.

королевского полскаго и французского дворов учинены. Из того же следует, что едва ли не имеет король пруской с некоторыми из магистрата и мещан какого тайнаго соглашения в намерении сей город занять по образцу того, что он с курфирством саксонским учинил, дабы не токмо операции здешних войск в Пруссию сделать гораздо труднейшими, но и нападению на Померанию препятствовать и, следовательно, на время торгом полским чрез Гданск ползаясь, по своей воле войну на чужем коште производить. И для того имеете вы приехать туда без потеряния времени старание, возыметь о сем обстоятельстве искусным образом достоверно разведать и, что в самом деле найдется, тот час как сюда, так и господину генералу фельдмаршалу Апраксину известие подать. А между тем, ежели подлинно магистрат и мещаня склонность имеют с городом своим в защищение королю прускому отдаться и войско его к занятию онаго допустить, в таком случае не оставите вы им с стороны здешняго двора тайными внушениями весьма отсоветовать, чтоб они на то не поступали, предъявляя, что они таким образом отдадут себя с городом в великую опасность и в совершенное порабощение и что всегда лутче городу их пребывать нейтральным, не принимая к себе пруских войск и не подавая тем повод к осаде онаго с другой какой стороны и к производящему от того им великому безпокойству. А что еще пространнее о сем пункте велено там представлять ныне коллегии юнкеру Шевиусу, то усмотрите вы из приложенной при сем копии с отправленнаго к нему указа, по содержанию котораго имеете и вы магистрату повторительно внушать с общаго согласия и содействия пребывающих тамо римскаго императорскаго, королевскаго полскаго и французского министров или поверенных в делах персон.

10е

Дабы вы в потребных случаях для сокращения дел от посторонняго любопытства цифирью писать могли, то прилагаются при сем генералные цифирные два ключа на российском и немецком языках под № 3м и под знаком ♂, которые имеете вы как в реляциях своих, к ЕИВ-ву присылаемых в Коллегию иностранных дел, так и в переписках с господином генералом фельдмаршалом Апраксиным и с пребывающими при чужестранных дворах российскими министрами, которым об вас для того и циркулярными рескриптами по приложенной при сем копии знать дано, употреблять, ибо у них равномерные генералные цифирные ключи находятся. А кто, где и в каких характерах из российских министров обретается, о том следует при сем же для вашего известия реэстр.

11е

Ежели иногда, как то в некоторых местах бывает, какие до здешняго двора касающиеся лживые и предосудительные ведомости вымышляемы и разглашаемы будут, то надлежит вам оные надлежаще опровергать и стараться, дабы автор оных, ежели под властью города Гданска находится, надлежаще за то наказан был.

12е

Вы же имеете ходящим отсюда во Гданск пакетботам во всяких случаях, когда они вашего вспоможения востребууют, всякую помощь подавать; однако ж смотреть, чтоб командующия на оных морския офицеры и служители, приезжая туда, отнюдь никакими привозимыми тайно отсюда товарами не торговали, так же и приезжающим туда российским купцам и другим людем, российским же подданным, которые к вам в своих делах адресоваться станут, всякое защищение и охранение у тамошняго магистрата и прочих показывать; и ежели между ими какие ссоры случатся, в том их недопуская в тамошней суд, расправу и правосудие им чинить.

13е

Вы уведомитесь тамо из прежних дел, что велено престоерегать и сюда немедленно доносить, сколь скоро во Гданске или в тамошних околичностях какой падеж рогатаго скота появится, дабы потому в здешних портах потребные меры о запрещении и недопущении привозимых оттуда на кораблях мяс, пока такой падеж тамо минется, благо-временно приняты быть могли, чего и вы точно наблюдать и в том непременно исполнение чинить должны.

14е

ЕИВ-во жалованья вам для тамошняго пребывания по три тысячи рублей в год, которое из Коллегии иностранных дел по обыкновению к вам переводиться будет; да на проезд и исправление экипажа две тысячи рублей, которые вам из оной Коллегии здесь выданы, да почтовых денег по близости двести рублей на год вам определено.

15е

В прочем ЕИВ-во всемилостивейшее надеяние полагает на вас, что вы как в том, что в сей инструкции изображено, так и в прочем, до службы и интересов ЕИВ-ва касающемся, такое попечение прилагать будете, как должность и чин верного и ревностного слуги требуют.

16е

При сем же прилагается копия с указа 1724 года о делах, тайности подлежащих, о которых ни к кому в партикулярных писмах писать невелено, и вам в том по оному поступать должно.

17е

Да прилагается же при сем для вашего известия и наставления копия с отправленного в 1745м году к обретающимся при чужестранных дворах российским министрам циркулярного рескрипта касательно содержания доброй экономии и ненаживания долгов.

По сему определению инструкция отдана 8 февраля 1757.

АВПРИ. Ф. 2. Внутренние коллежские дела. Оп. 1. Д. 85. Протоколы Секретной экспедиции, октябрь–декабрь 1756 г. Л. 357–363 об. № 689.

Библиография

Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века: от Ахенского мира до Семилетней войны. М., 2012.

Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014.

Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. I. Трактаты с Австриею. 1648–1762. СПб., 1874.

Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. V. Трактаты с Германиею. 1656–1762. СПб., 1880.

Протоколы приемов императрицей Елизаветой Петровной руководства Коллегии Иностранных дел в 1745 г. / Публ. К.А. Писаренко // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. XVI. М., 2007. С. 61–250.

Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 136. СПб., 1912.

«Сказки» елизаветинской России / Публ. К.А. Писаренко // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. XV. М., 2007. С. 64–168.

Черкасов П.П. Двуглавый орел и Королевские лилии: становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995.

Externbrink S. Friedrich der Große, Maria Theresia und das Alte Reich: Deutschlandbild und Diplomatie Frankreichs im Siebenjährigen Krieg. Berlin, 2006.

Rohrschneider M. Österreich und der Immerwährender Reichstag: Studien zur Klientelpolitik und Parteibildung (1745–1763). Göttingen, 2014.

[*Seyfert J.F.*] Geschichte des seit 1756 in Deutschland und dessen angränzenden Ländern geführten Krieges. Teil. 2. Abschnitt 2. Frankfurt – Leipzig, 1760.

References

Anisimov M. Yu. Rossijskaya diplomatiya v Evrope v seredine XVIII veka: ot Akhenskogo mira do Semiletnej vojny [The Russian diplomacy in Europe in the middle of the 18th century: from the Peace of Aachen to Seven Years' War]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Anisimov M. Yu. Semiletnyaya vojna i rossijskaya diplomatiya v 1756–1763 gg. [Seven Years's War and the Russian diplomacy in 1756–1763]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Martens F.F. Sbranie traktatov i konventsij, zaklyuchennykh Rossieyu s inostrannymi derzhavami [Collection of treaties and conventions which Russia concluded with foreign powers]. Vol. I. Traktaty s Avstrieyu. 1648–1762 [Treaties with Austria. 1648–1762]. Sankt-Peterburg, 1874. (In Russ.)

Martens F.F. Sbranie traktatov i konventsij, zaklyuchennykh Rossieyu s inostrannymi derzhavami [Collection of treaties and conventions which Russia concluded with foreign powers]. Vol. V. Traktaty s Germanieyu. 1656–1762 [Treaties with Germany. 1656–1762]. Sankt-Peterburg, 1880. (In Russ.)

Protokoly priemov imperatritsej Elizavetoj Petrovnoj rukovodstva Kollegii Inostrannykh del v 1745 g. / Publ. K.A. Pisarenko [Records of receptions by Empress Elisabeth of the leadership of the College of Foreign Affairs in 1745 / Publ. K.A. Pisarenko] // Rossijskij arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh [Russian Archive. History of the Fatherland in sources and documents of the 18th – 20th centuries: Almanac]. Vol. XVI. Moskva, 2007. P. 61–250. (In Russ.)

Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obschestva [Proceedings of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 136. Sankt-Peterburg, 1912. (In Russ.)

“Skaski” elizavetinskoj Rossii / Publ. K.A. Pisarenko [“Tales” of Elisabethan Russia / Publ. K.A. Pisarenko] // Rossijskij arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh [Russian Archive. History of the Fatherland in sources and documents of the 18th – 20th centuries: Almanac]. Vol. XV. Moskva, 2007. P. 64–168. (In Russ.)

Tcherkassov P.P. Dvuglavyj orel i Korolevskie lilii: Stanovlenie russko-frantsuzskikh otnoshenij v XVIII veke. 1700–1775 [The double-headed eagle and royal lilies: The establishment of Russian-French relations in the 18th century. 1700–1775]. Moskva, 1995. (In Russ.)

Externbrink S. Friedrich der Große, Maria Theresia und das Alte Reich: Deutschlandbild und Diplomatie Frankreichs im Siebenjährigen Krieg. Berlin, 2006.

Rohrschneider M. Österreich und der Immerwährender Reichstag: Studien zur Klientelpolitik und Parteibildung (1745–1763). Göttingen, 2014.

[*Seyfert J.F.*] Geschichte des seit 1756 in Deutschland und dessen angränzenden Ländern geführten Krieges. Teil. 2. Abschnitt 2. Frankfurt – Leipzig, 1760.

DOI: 10.31857/S013038640013388-4

© 2021 г. Л.В. ЛАННИК

ДИАГНОСТИКА РЕЖИМА: ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ АНАЛИТИКА О ГЕТМАНСКОЙ УКРАИНЕ

Ланник Леонтий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Researcher ID: ABD-9832-2020; Scopus Author ID: 57211606261

Аннотация. Первая германская оккупация на Украине в 1918 г. до сих пор исследована недостаточно. Причина этого не только в особенностях историографии проблемы, но и в гибели многих необходимых для этого документов из германских военных архивов. Хотя процесс ввода в оборот новых источников продолжается, возникает заметный и неоправданный дисбаланс в сторону политически ангажированных свидетельств украинской стороны. Сохраняется явное преобладание дипломатической документации, ведь военные, особенно германские, из-за частых конфликтов крайне неохотно делились информацией с другими ведомствами, особенно с внешнеполитическим. Многие из сохранившихся или обнаруженных после Второй мировой войны документов были до сих пор не востребованы. Исследование фондов германского Военного архива во Фрайбурге (ВА-МА) позволило обнаружить несколько документов, имеющих важное значение для оценки гетманского режима, взаимоотношений его с германскими штабами и динамики развития социально-политического кризиса даже в относительно стабильный период германской оккупации. Представленные источники демонстрируют как эволюцию украино-германских «союзных» отношений, так и неизменные черты социально-политической обстановки в ряде регионов Украинской державы. Судя по качеству анализа, проводимого германскими офицерами Генштаба, военные инстанции на местах оказались способными разобраться в деталях наблюдаемых процессов, хотя едва ли могли как-либо противодействовать негативным тенденциям. Для оценки германской политики на востоке Европы и факторов общего кризиса Центральных держав осенью 1918 г. крайне важно учитывать диагностику и прогнозы оккупационных инстанций на Украине. Новые документы позволяют преодолеть сложившееся ранее и необоснованное мнение о систематических ошибках и иллюзиях германской военной элиты.

Ключевые слова: Первая германская оккупация Украины 1918 г., Украинская держава, группа армий «Киев», поставки продовольствия, В. Грёнер, Х. Гронау.

L.V. Lannik

Diagnostics of the Regime: German Military Analytics about the Hetmanate

Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Researcher ID: ABD-9832-2020; Scopus Author ID: 57211606261

Abstract. The first German occupation in Ukraine in 1918 is still insufficiently studied due to the specificity of the historiography of the problem, on the one hand, and to the loss of many necessary sources in the German military archives, on the other. Although the process of including new sources into scholarly analysis continues, there is an obvious and unjustified imbalance in the field due to the predominance of politically biased Ukrainian evidence. There is a clear preponderance of diplomatic

documentation, although the military, especially the German military, was extremely reluctant to share information with other agencies, especially with the Foreign Ministry, due to frequent conflicts. Many of the staff documents that survived or were rediscovered after the Second World War were still not studied, without any proper reason for it. The study of the military archive funds in Freiburg revealed several documents that are important for assessing the Hetman regime, its relationship with the German staffs, and the dynamics of the social and political crisis, even during the relatively stable period of German occupation. These primarily published sources demonstrate both the evolution of Ukrainian-German “allied” relations and the unchangeable traits of the socio-political situation in several regions of the Ukrainian State. The new documents allow to overcome the a priori formed and unfounded opinion about the systematic mistakes and illusions of the German military elite in the East in 1918.

Keywords: First German Occupation, the Ukrainian State, Army Group “Kiev”, food supply, W. Groener, H. Gronau.

История попыток создания украинской государственности в 1917–1920 гг. продолжает привлекать внимание ученых в разных странах мира. Помимо все новых исследований, нарративов, вызывающих горячие и порой конъюнктурные дискуссии, публикуются и новые источники. Корреляция результатов их анализа уже представляет собой задачу почти непосильную для целой группы специалистов, а то и специализированных институтов. Однако констатировать избыточность объема информации или устранение хотя бы основных лакун в недолговечной истории Украинской Народной Республики (УНР) и Украинской державы оснований пока нет. При поистине крупных достижениях национальных историографий и различных научных школ в изучении последствий Великой войны, особенно взрыва насилия в 1917–1923 гг. в ходе реконструкции постимперских пространств, вопросов различного масштаба остается достаточно много. Не вдаваясь в обширный историографический обзор, необходимо высказать несколько общих соображений о степени исследованности затрагиваемых ниже проблем.

Целостной и сколько-нибудь адекватной масштабу задачи истории Первой германской оккупации Украины и включенных в ее состав территорий соседних стран не существует и поныне¹. Отсутствует и военно-историческое исследование хода вторжения весной 1918 г. Это особенно заметно при сопоставлении текущей ситуации с громадной историографией обоих Брестских мирных договоров. В официозной германской истории Великой войны, изданной коллективом сотрудников Рейхсархива на основе громадного объема утраченных в ходе бомбардировок Потсдама в 1945 г. документов, дан лишь очень краткий обзор хода операции «Фаустшлаг» и последующих «боев с бандами». Специальных работ по истории кампании 1918 г. на Восточном фронте очень мало, а Украины не касается ни одна из них². В ряде случаев до сих пор этот период является лишь частью более широкой, а потому еще менее тщательно рассматриваемой тематики событий 1917–1923 гг., «этапа первых освободительных усилий» и т.д.³ Одним из до сих пор плохо изученных аспектов существования Украины как государства в 1918–1920 гг.

---

¹ Например, одна из лучших на сегодняшний день работа В. Менджецкого, написанная в том числе на баварских военных архивах, раскрывает массу сюжетов, вводит в оборот новые источники и ставит ряд вопросов, однако по уровню детализации зачастую сводится едва ли не к обзору событий 1918 г. на Украине: *Mędrzecki W.* Niemiecka interwencja militarna na Ukrainie w 1918 roku. Warszawa, 2000.

² См. об историографии проблемы: *Ланник Л.В.* «Украинский фактор» в кампании 1918 г. на Западном фронте: цена и последствия интервенции для Центральных держав // Русский сборник. Т. 28. М., 2020. С. 487–513.

³ В западной историографии до сих пор ссылаются зачастую на работы полувековой (а то и более) давности, в том числе из-за уверенности, что адекватной замены им нет. См., например: *Reshetar J.S.* The Ukrainian revolution, 1917–1920: a study in nationalism. Princeton, 1952; *Fedyshyn O.S.* Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution, 1917–1918. New Brunswick, 1971; *The Ukraine, 1917–1921: A Study in Revolution* / Ed. T. Hunczak. Cambridge, 1977.

является взаимодействие ее руководства с политическими и военными деятелями иностранных держав. Хотя в различных сборниках документов, несмотря на особенности приводимой в них выборки, материалов по военному аспекту будней оккупации достаточно, тем не менее сколько-нибудь академической и получившей признание международного сообщества исторической версии ряда военно-политических событий, ключевых для всей Восточной Европы, пока не создано.

До сих пор события на занятых Центральными державами в годы Великой войны территориях, в том числе на Украине, рассматривались, с точки зрения оккупантов, а не оккупированных, крайне редко⁴. Хотя отдельные аспекты или локальные сюжеты зачастую проанализированы и описаны на действительно высоком уровне⁵, должной интеграции результатов исследований и системного их сопоставления (да еще вне политической конъюнктуры) пока не последовало. Сохранившаяся германская публицистика и мемуаристика и ранее учитывались в историографии недостаточно, а к настоящему моменту оказались забыты еще до того, как были введены в научный оборот как в Германии, так и в странах, находившихся под Первой оккупацией⁶. Темпы публикации германских мемуаров о событиях Великой войны из архивных фондов с конца XX в. существенно упали (особенно по сравнению с аналогичными усилиями в России и на Украине).

Публикации именно военных германских документов, напротив, вызвали живой интерес специалистов из различных стран, однако действительно крупные проекты были реализованы еще в межвоенный период или в ходе бурного развития историографии по данному вопросу в 1960–1970-х годах по обе стороны «железного занавеса»⁷. В дальнейшем интерес к ним ученых существенно снизился, что привело к фрагментации направлений последующей работы. Практика обязательного перевода важнейших корпусов документов на основные европейские языки фактически ушла в прошлое, что болезненно сказывается на работах исследователей, занимающихся отечественной историей или краеведением. Тем более важно обратиться к пополнению источниковой базы с последующей переработкой результатов предыдущих этапов развития историографии. Определенные надежды подает масштабная оцифровка многих архивных фондов различных стран. К сожалению, уже предоставленные благодаря содействию Германского

---

⁴ См. далеко не исчерпывающий обзор: *Ланник Л.В.* После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. С. 12–18, 274–368. О некоторых терминологических проблемах истории германской интервенции и начального этапа Первой оккупации см.: *Машкевич С.В.* “Wir werden Ordnung schaffen!”. Начало немецкой оккупации Украины, февраль–апрель 1918 г. (по материалам немецких архивов) // *Русский сборник*. Т. 28. С. 242–285. История оккупации Украины почти исключительно с точки зрения оккупированных: *Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб., 2013. Важнейший сборник новых, но исключительно украинских источников по истории периода: Гетман П.П. *Скоропадский*. Украина на переломе. 1918 год. Сб. документов / Под ред. О.К. Иванцовой и др. М., 2014.

⁵ Из локальных исследований следует отметить пока лишь начатый многотомный проект: *Машкевич С.* Киев 1917–1920. Прощание с империей. Т. 1. Киев, 2019.

⁶ Одно из немногочисленных исключений, сборник из трех мемуаров межвоенного периода: Украина – 1918. Взгляд из Германии / Пер. с немецкого и комментарии Л.В. Ланника. М., 2018.

⁷ Достаточно нескольких примеров. До сих пор чрезвычайно востребована публикация трофейных (в основном австрийских) документов: Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). Сб. документов / Под ред. М. Горького, И. Минца, Р. Эйдемана. М., 1936. Важнейшим источником применительно к событиям на Украине являются опубликованные В. Баумгартом дневники и письма В. Грёнера и (отчасти) А. Хопмана: *Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918* / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971. S. 257–654. Эксклюзивным сборником военных материалов об интервенции на Востоке стала восточногерманская работа: *Militarismus gegen Sowjetmacht 1917 bis 1919. Das Fiasko der ersten antisowjetischen Aggression des deutschen Militarismus*. Berlin, 1967. Огромное количество австрийских документов по оккупации Украины опубликовал Т. Горнюкевич: *Ereignisse in der Ukraine 1914–1922: Deren Bedeutung und historische Hintergründe* / Hrsg. von T. Hornykiewicz. Bd. 3. Philadelphia, 1968.

исторического института в Москве в распоряжение исследователей⁸ трофейные германские фонды из хранилищ Центрального архива Министерства обороны, как правило, состоят из штабной документации второй, а то третьей степени важности (ведомости личного состава и матчасти батальонов, интендантские отчеты и т.п.), и шансы на обнаружение действительно ценных с аналитической точки зрения материалов невысоки.

Тем большее значение имеют остатки документов бывшего Рейхсархива. Многие сохранившиеся в фондах германского Военного архива во Фрайбурге (ВА-МА) отдельные документы из некогда обширной штабной документации соединений оккупационных войск никогда не публиковались. Долгое время этому мешали политико-организационные ограничения на работу исследователей, затем пришло некоторое забвение тематики в связи с общим кризисом военно-политического направления в историографии, особенно в европейских странах. Большинство классических работ по истории германской экспансии в годы Первой мировой войны и после нее написано на базе дипломатических архивов. Это и определило общий угол зрения на ряд проблем. Мнение о более высокой информированности и/или лучшей аналитике чиновников германского внешнеполитического ведомства (АА) по сравнению с офицерами германского Генштаба достаточно предвзятое, оно никогда не было должным образом обосновано. Как убеждают в том числе публикуемые ниже документы, в военных инстанциях были далеки от огульного милитаризма или нежелания вникать в нюансы местной социально-политической обстановки. Более того, ряд пассажей демонстрирует стремление трезво и комплексно отслеживать происходящее, не поддаваясь пустым декларациям или политическим спекуляциям различных местных сил.

Данная публикация включает три документа, сохранившихся в фонде одной из дивизий оккупационных германских войск: два отчета и аналитическую записку. Они были составлены с конца мая по конец октября 1918 г., т.е. за период, охватывающий большую часть периода существования Украинской державы. Авторами их являлись германские штабные офицеры, а окончательную редактуру осуществлял глава оперативного отдела соответствующего соединения кайзеровских войск. Как правило, именно 1-й офицер Генштаба (Ia) был истинным автором оперативных замыслов и проектов, он же был обязан подавать командующему общие доклады об обстановке на фронте и политической ситуации. Самый ранний из документов составлен спустя четыре недели после поддержанного штабом группы армий «Киев» гетманского переворота 28–29 апреля 1918 г., когда уже можно было делать определенные выводы о наличии или отсутствии качественных перемен с точки зрения оккупантов. Последний из них относится к периоду, когда окончание германской оккупации, очевидно, являлось вопросом времени, условий и цены данного процесса. В представленных аналитических записках диагностируется состояние не только украинской государственности и германо-украинских отношений, но и общественного климата в месяцы германской оккупации, то как он ощущался по крайней мере на дивизионно-корпусном уровне. Нет сомнений, что первичные материалы, на основе которых готовили эти сводки, были куда менее читабельны и, возможно, содержали впоследствии опущенные по разным причинам детали оккупационной повседневности. Важно и то, что в документах отражена обстановка не просто в украинской глубинке, а в ставшей (внезапно для местных жителей) приграничной полосе, от Стародубщины (современная Брянская область), занятой войсками 41-го резервного корпуса генерала Х. Гронау, до севера Донбасса, где более полугодом дислоцировались части 1-го армейского корпуса. Данные территории и столетие назад были достаточно неоднородны, а потому сопоставление социально-политической обстановки этих регионов может дать основания для выводов об Украинской державе в целом, а не только о локальных ее проблемах.

⁸ Они доступны на сайте: tsamo.germandocsinrussia.org (дата обращения: 16.11.2020).

У авторов документов прослеживается не только желание представить компактный отчет об обстановке, но и маскируемое служебной этикой стремление довести до сведения не прямого, а вышестоящего начальства информацию, которая явно противоречит базовым чертам картины, сложившейся «наверху», т.е. даже не в Киеве, где определял всю украинскую политику Германии генерал В. Грёнер, а в Берлине и в Ставке, находившейся тогда в бельгийском Спа. Достаточно откровенные формулировки не несут в себе излишней эмоциональности, хотя заметна тенденция к военной лаконичности в оценках, что выгодно отличает данные записки от большинства пространных и завуалированных дипломатических меморандумов. С учетом индифферентности германских генштабистов к большинству национальных конфликтов на оккупированных территориях (если только они не угрожали устойчивости оккупационного режима) приводимые ниже оценки популярности украинской идеи и дееспособности украинских государственных органов носят чисто оценочный характер и при всем сквозящем в них скепсисе далеки от предвзятости. Важна и крайне осторожная прогностика, скорее угадываемая из общих выводов, нежели навязываемая явно обладавшим совершенно иной картиной вышестоящим инстанциям.

Документы сохранились в микрофильмированной коллекции (а фактически – в россыпи) документов дивизионных и корпусных фондов, что отразилось на общей доступности и читабельности текста. В целом последнюю следует признать высокой, так как представлены финальные, с незначительной правкой версии записок, что позволило избежать объемных комментариев археографического рода. Необходимые пояснения, отражающие контекст и события, даны по ходу переведенного публикатором текста оригиналов на немецком языке.

№ 1

1-й офицер Генштаба 224-й пехотной дивизии⁹

Штаб-квартира дивизии, 25 мая 1918 г.¹⁰

№ 26579

В штаб 1-го армейского корпуса

В ответ на письмо Ia Nr. 771ор.в. 17 мая 1918 г.

Отношение населения к нам и новому правительству¹¹ разнится в зависимости от социального положения, уровня благосостояния и политических воззрений. Интеллигентные слои и помещики полагают, что вызванный нашим приходом и свержением Рады¹² политический переворот привел к восстановлению общественного порядка. Они относятся к новому правительству с симпатией и надеются, что наши войска покинут Украину не ранее того, как прочная власть правительства сделает возобновление большевистского террора невозможным. Монархические настроения есть лишь у части упомянутых классов, особенно у духовенства. Под властью Рады представители этих кругов чувствовали себя крайне неуверенно, а потому теперь полагают, что избрано меньшее из двух зол.

Схожие чувства, однако без монархического оттенка и с примесью недоверия к нам, и у зажиточного крестьянства, но и его отношение к гетману в целом может быть описано как положительное.

---

⁹ 224-я пехотная дивизия была сформирована в октябре 1916 г. на Восточном фронте из ландверных полков. Она провела на Востоке до конца сентября 1918 г., когда была в рамках последних усилий Германии стабилизировать ситуацию на Западном фронте отправлена в Лотарингию, где и окончила войну.

¹⁰ Штаб-квартира дивизии с конца апреля 1918 г. находилась в Белгороде, штаб 1-го армейского корпуса, которому она подчинялась, был в Харькове вплоть до начала января 1919 г.

¹¹ Сформированному в начале мая 1918 г. первому гетманскому правительству во главе с Ф.А. Лизогубом.

¹² Германская оккупация занятой дивизией части территории Харьковской губернии началась между 12 и 25 апреля 1918 г. Свержение Рады в результате государственного переворота последовало 29 апреля 1918 г.

При оценке позиции низших слоев общества следует учитывать, что данные круги из-за невозможности составить самостоятельное политическое мнение неустойчивы и крайне уязвимы для агитации, воспринимая любые слухи и домыслы без всякой критики. Со временем их недоверие и негативное отношение ослабели. Сохранение 8-часового рабочего дня и перспективы упорядоченных условий работы, регулярной выплаты жалования, что дает возможность прокормиться, заставили рабочих примириться с присутствием германских войск и с приходом к власти гетмана. Но и такая тенденция в последнее время явно изменилась не в лучшую для нас сторону, чему более всего способствовало ухудшение продовольственной ситуации. Такая перемена в настроении была только усилена рядом мер и обстоятельств, которые многими были восприняты как жестокость. (См. письмо 1-го офицера Генштаба 224-й пд № 26730 от 25 мая 1918 г.)¹³.

Так, например, серьезное беспокойство вызвало восстановление старой полиции в Екатеринославе¹⁴, что только усилило опасения образованных кругов населения насчет восстановления реакционного царского режима.

Это недовольство использовала и подпитывала умелая подпольная агитация. Распространялись слухи о германских неудачах под Ростовом¹⁵, о провале нашего наступления на Западе¹⁶, о миллионных потерях армии Германии под Кеммелем¹⁷, о выступлении против нас регулярных русских войск во главе с Корниловым¹⁸ и т.д. Заявлялось, что германским сводкам верить нельзя. Сильное негодование вызвали и закупки продовольствия нашими войсками, ведь это привело к росту цен. Раз за разом высказывается мнение, что мы прибыли только для того, чтобы отстаивать интересы буржуазии и угнетать пролетариат. В Луганске среди бела дня на стенах появились надписи «Долой милитаризм!», причем даже на тех домах, где квартируют германские солдаты. В Изюме, где расположены крупные железнодорожные мастерские с 2 тыс. рабочих, большевики хозяйничали там около года, платя до 500 рублей в месяц жалования каждому, слышны были такие заявления: «Что вам здесь надо, немцы? У вас дома жрать нечего, потому вы сюда и пришли, чтобы нажраться от пуза. Надо вам сделать так, чтобы вы отсюда убрались» и т.п.

Из-за все более неблагоприятных условий жизни и работы подобные настроения на горнорудных предприятиях в окрестностях Луганска проявляются куда резче, нежели в районе Лисичанска.

С учетом того, что рабочие привыкли любые политические вопросы рассматривать с чисто экономической точки зрения, вопрос о довольствии и о жаловании заслуживает самого серьезного внимания. Если удастся в обозримом будущем справиться с этими

---

¹³ Имеются в виду в первую очередь реквизиции и репрессии оккупационных властей против ряда лиц, заподозренных в сочувствии большевикам. Документ в архивных фондах не сохранился.

¹⁴ Екатеринославу по соглашению между Германией и Австро-Венгрией от 31 марта 1918 г. входил в австро-венгерскую зону оккупации, а германские части были выведены из города к середине апреля.

¹⁵ Имеется в виду неудачная попытка германских войск после взятия Ростова взять Батайск, отбитый войсками Кубанской советской республики в боях 10–11 мая 1918 г. с заметными для интервентов потерями.

¹⁶ К концу мая 1918 г. в лучшем случае оперативными успехами окончились два германских наступления под Амьеном и под Ипром, однако предстояли следующие удары, а до полного провала натиска кайзеровских войск оставалось еще около двух месяцев.

¹⁷ 25 апреля 1918 г. в ходе ожесточенных боев баварская гвардия смогла взять одну из господствующих высот в Западной Фландрии, гору Кеммель, что имело важное символическое значение для пропаганды обеих воюющих сторон.

¹⁸ Добровольческая армия к этому моменту возглавлялась генералами М.В. Алексеевым и А.И. Деникиным. Л.Г. Корнилов погиб при штурме Екатеринодара 13 апреля 1918 г., о чем германское командование получило надежные известия значительно позже.

проблемами или хотя бы добиться улучшения ситуации, можно ожидать полного успокоения в рабочей среде. В случае, если украинское правительство сумеет помочь в этой трудной ситуации, необходимо постоянно демонстрировать рабочим, что произошло это лишь при поддержке и содействии германских военных инстанций. Германские солдаты должны сопровождать любой транспорт с продовольствием, а о предстоящем его прибытии следует своевременно извещать население, причем именно через германские инстанции. Рабочий должен на деле убедиться, что доверие к нам и к новому правительству ему только на пользу. Напоминания, что он спасен от большевистского террора, его не устроят, ведь он либо сам из большевиков, либо едва ли как-то пострадал от своих товарищей по ремеслу из их числа.

Сказанное выше о настроениях рабочих в целом относится и к мало- или безземельным крестьянам, тем более что они часто чередуют работу на фабриках с работой на земле. Крестьянин, от природы и без того недоверчивый и осторожный, со страхом и негодованием смотрит на помещика, полагая его союзником и нас, и гетмана. Он теперь вынужден вернуть награбленное и боится, что опять окажется в зависимости от землевладельца. Постоянно декларируемый принцип «урожай должен принадлежать тому, кто обрабатывает землю», до сих пор вызывает сомнение. Негативный эффект оказывают и закупки продовольствия¹⁹, и реквизиции. Сам гетман пользуется славой человека вполне благодушного и душевного, а потому недоверие направлено не против него лично, а лишь на его систему и на его кабинет октябристско-кадетской направленности.

Сказывается и то, что местные жители пострадали от большевиков в очень разной степени, да и о тяготах войны знают лишь понаслышке, а потому считают вызванные военной необходимостью меры, например расквартирование войск, неоправданно жесткими.

Дивизия пытается воздействовать на население, в том числе разъяснениями и организованной пропагандой. Мы стремимся приобрести доверие населения, избегая суровостей и несправедливого распределения на постой, самым жестким образом карая за допущенные при реквизициях несправедливости и идя навстречу там, где это не затрагивает интересов нашего соединения, например в приказе по дивизии было распоряжение, вменявшее военным служащим в обязанность отдавать честь при встрече с похоронными процессиями и крестными ходами. Но, насколько можно судить, прежде всего необходима энергичная и масштабная пропагандистская деятельность с украинской стороны, ведь ей не будет препятствовать недоверчивое отношение к немцам. Крайне желательно разъяснение наших намерений с помощью листовок и объявлений на улицах. Успеха можно добиться и демонстрацией фильмов, а также через иллюстрированные журналы (популярен выходящий на 10 языках «Иллюстрирте Вельт»). На пользу пропаганде могут пойти и недавно основанные военные книжные лавки. Однако необходимо следить и за солдатскими газетами. К примеру, опубликованная в № 880 «Буг-цайтунг» за 15 мая 1918 г. статья «Крестьянской дорогой»²⁰ вызвала немало нареканий. При достаточно широко распространенном в этом промышленном районе знании немецкого языка следует иметь в виду немалый интерес к германским газетам.

К настоящему моменту украинские правительственные органы все еще недостаточно активны для того, чтобы выступать поручиком становлению более прочной украинской государственности. Население слишком мало видит и слышит об их существовании, а потому больше верит слухам о германских планах аннексии. В частности, было бы крайне важно поскорее прислать украинских чиновников для ликвидации земельных комитетов и приема у них всех дел и денежных средств. Эти комиссары могли бы стать

---

¹⁹ Они производились по продиктованным германским командованием, как правило низким, ценам, а также часто сопровождалась — из-за недостаточных объемов — конфискациями.

²⁰ В оцифрованных к настоящему моменту подшивках этого издания данная статья не сохранилась. <https://digital.staatsbibliothek-berlin.de/> (дата обращения: 16.05.2020).

вполне подходящими лицами для того, чтобы прояснить крестьянам будущий порядок решения земельного вопроса и тем успокоить их. Здесь тоже были бы вполне уместны листовки и воззвания, подписанные и распространяемые именно украинскими властями. Действующие во многих населенных пунктах спилки носят не политический, а в основном общественный характер (к примеру, певческие союзы)²¹.

Разоружение населения продолжается планомерно, однако при размерах вверенной дивизии территории и относительно небольших силах в полной мере оно до сих пор не проведено, что и демонстрируют отдельные случаи убийств и грабежей со стороны гражданского населения. При разоружении по возможности избегали привлечения украинских военных инстанций и местной милиции²².

В среде немцев-колонистов наблюдается сильное стремление к созданию зависимого от Германии государственного образования из Таврической губернии и Крыма²³, а в случае, если это окажется невозможным, склоняются к репатриации на историческую родину. Кроме того, просят о скорейшем возвращении и образовании военизированной организации из находящихся в плену в Германии сыновей колонистов для защиты их домов. Протестуют и в связи с попытками призыва в украинскую армию.

В дивизии намеренным вернуться на родину колонистам прояснили возможности их репатриации. Указывали прежде всего на Литву, составили список желающих этого семей и подчеркнули, что продажа их местных владений и имущества будет проведена при поддержке германских военных инстанций.

Делегат от колонистов уже на пути в штаб дивизии. После его прибытия будет сразу же составлено более подробное донесение.

Подпись: Рюстов²⁴

Bundesarchiv-Militärarchiv. PH 8-I/58. Bl. 9–14

№ 2

10 июня 1918 г.²⁵

Почему мы получаем так мало продовольствия с Украины?

Простейшим ответом на вопрос было бы: «Да его там и нет». И все же в свое время в Брест-Литовске было подписано соглашение о поставках 1 млн т – 60 млн пудов²⁶. Тогдашние представители украинского правительства²⁷ легкомысленно предложили это германскому правительству и Центральным державам в целом, ведь они видели в заключении

---

²¹ Здесь автор записки не вполне прав, путая видимость с истинными целями. Украинские товарищества («спилки») действовали в Российской империи и до 1917 г. в зависимости от текущего уровня политических свобод, радикализируясь или дистанцируясь от опасностей, исходя от текущего режима. Чисто политическими организациями местных украинских националистов они становились далеко не везде, а в некоторых регионах и вовсе никогда.

²² Это было связано не только с частой эскалацией насилия и сведением местных счетов, но и с продажей украинскими инстанциями оружия на черном рынке, т.е. фактически с возвращением конфискованного оружия обратно местному населению.

²³ О планах различных германских общественных деятелей, публицистов и военных сконцентрировать многочисленных немцев-колонистов на юге России в рамках особого территориального образования писали не раз. См., например: *Ланник Л.В. После Российской империи.* С. 320–325.

²⁴ Генерал-майор (позднее генерал-лейтенант) Ганс Рюстов (1858–1943) был командиром 224-й пехотной дивизии с 3 октября 1916 г. вплоть до ее демобилизации 12 января 1919 г.

²⁵ Нет ни автора, ни адресата записки, однако можно предполагать, что составил ее один из чинов штаба 224-й пехотной дивизии, в фонде которой она находится. Менее вероятен и вариант присланной в штаб копии записки некоего строевого офицера или адъютанта, а то и анонимной статьи в одном из германских периодических изданий.

²⁶ Имеются в виду соглашения, положенные в основу так называемого «хлебного мира» между УНР и Центральными державами от 9 февраля 1918 г.

²⁷ Центральной Рады, свергнутой при участии германских войск уже в конце апреля 1918 г.

такого соглашения средство закрепить подписанный мир, а также их предполагаемую власть на Украине. Невольно задаешься вопросом, как вообще такое правительство, как наше, могло поддаться на подобную уловку. Ведь находившиеся тогда на вражеской территории²⁸ запасы, естественно, не контролировались. Приходилось попросту поверить в их наличие, если только об этом сообщат серьезные, достойные доверия люди. Но кто же заключал это соглашение, кто вообще подписывал с нами мир? Молодые украинские парни, едва старше 20 лет²⁹, люди без опыта, состояния, репутации, исполненные духа авантюризма, а также мании величия — прославиться за пределами своей отчизны. Они находились под защитой бывших врагов-немцев, отделенные от своей родины тогда еще боевыми позициями, сделав себя представителями пока еще не сформировавшейся страны. Некоторые из них исходили из действительно благородных намерений — избавить свою страну от дальнейших бедствий войны, а также от еще большей катастрофы с приходом большевиков, что и побудило их вступить в переговоры с Германией. А мы? Мы попросту поверили их заявлениям об огромных запасах, о мире, ведь мы так в этом нуждались. Кроме того, мы не желали упустить возможность заключить сепаратный мир, хотя бы с частью (бывшей) Российской империи, ведь переговоры с Россией после эмоционального заявления Троцкого от 10 февраля и его отъезда из Брест-Литовска провалились³⁰. И словом «мир» вовсе не желали бросаться. При учете тогдашней внутриполитической обстановки в Германии³¹ мы полагали (ошибочно), что попросту вынуждены пойти на это. Возможно, без этого «мира» получить продовольствие на Украине оказалось бы куда легче. Но об этом позже.

Ясно одно: крупных запасов продовольствия, которые нам были предложены, на Украине нет. И все же при царящем у нас на Родине дефиците фуража и продуктов имеющиеся украинские зерновые излишки не могут считаться незначительными. Неспособность нового украинского правительства добыть эти запасы самостоятельно проявилась в первые же недели нашего наступления на Украине. Однако не только усилия украинцев, но и меры с нашей стороны оказались слишком уж вялыми. И хотя мы не в меру часто заверяли, что пришли только как «друзья», мы были и остаемся по-прежнему врагами, которым добром ничего отдавать не собираются. Крестьянин все гребет под себя. А тут еще и колоссально высокий курс рубля (который, по-видимому, устроили берлинские банкиры, не намеренные ничем жертвовать)³². При крайне низкой в действительности стоимости рубля, пфеннигов в 30³³, даже самые высокие предлагаемые нами цены кажутся крестьянам столь низкими, что они охотно придерживают зерно, чтобы дождаться более благоприятной для себя ситуации. Я полагаю, что сколько-нибудь существенные объемы продовольствия с Украины удастся получить только жесткими мерами, включая применение оружия. Если же мы намерены выступать в качестве «друзей», которые всегда приходят лишь просить, то подобные строгости ввести не

---

²⁸ К моменту подписания мира с УНР советские войска прочно удерживали Киев, к началу германского наступления 18 февраля они продвинулись еще дальше на запад, а территория, формально подконтрольная Раде, сократилась до нескольких уздов.

²⁹ Украинская делегация в Бресте действительно состояла из людей очень молодых, однако средний возраст ее основных представителей приближался к 28–32 годам.

³⁰ Это было отнюдь не так. Скорее, на фоне очередного перерыва переговоры подходили к кульминации, которая и последовала 8–11 февраля. Подписание Брестского мира с УНР выступило катализатором для целого ряда событий, приведших к возобновлению боевых действий на Восточном фронте.

³¹ В конце января — начале февраля 1918 г. по крупным городам Австро-Венгрии и Германии прокатилась мощная волна антивоенного движения, кое-где приведшая к кровопролитию и репрессиям. И все же надежды большевиков на отказ элит Центральных держав от диктата в Бресте, затягивавшего переговоры и подписание мира, а то и на революцию в Центральных державах оказались несостоятельны. Определенное влияние на уступчивость делегаций, главным образом Австро-Венгрии, в Бресте эти акции, безусловно, оказали.

удастся. Как уже упоминалось, «без мира» произвести сбор запасов провианта было бы куда проще и легче. Наступление необходимо было провести, чтобы принудить к миру русских или украинцев. Однако затем следовало поступить совершенно иначе.

Сомнителен также был и способ нашего наступления — дивизии в составе корпусов, ровной вереницей одна за другой. В ходе железнодорожного наступления дивизии продвигались вперед с невероятной, прямо-таки поразительной быстротой. И это было чрезвычайно ценно в том отношении, что большевиков там, где мы их настигали, уничтожали или рассеивали. Этим же смогли не дать им угнать столь ценный для нас подвижной состав. И то, и другое было крайне важно для сбора провианта. Такой способ наступления был хорош и тем, что давал возможность быстро устремиться к пока еще неизвестным границам Украины, чтобы блокировать их, а затем другими, оставшимися в тылу войсками, провести систематический сбор запасов продовольствия. Но других войск уже не было. Прочие дивизии пришлось распределить на столь громадных пространствах, — к примеру, моя дивизия занимает не менее 20 тыс. кв. км³⁴, — что достаточно плотной блокады границы с Россией не осуществлялось, а потому последовательного использования ресурсов страны организовать не удалось. В ходе наступления дивизии проходили по очень богатым хлебом районам. Однако, едва успев это обнаружить, сразу же выступали дальше. Шедшая следом дивизия получала сведения, но и она не имела возможности что-либо собрать, предоставляя эту работу следующей. Будучи передовой дивизией, мы нередко ощущали это самым болезненным образом. Вполне понятно, что из-за этого весьма страдала любая возможность для войск пополнить запасы. Крестьяне, живущие вдалеке от полосы железной дороги, получили требование открыть свои кладовые, когда первое впечатление от германской мощи уже прошло. Да и времени спрятать запасы или продать их на сторону им хватало. К этому добавился еще и вполне понятный страх, что теперь у них и вовсе заберут все, как это в свое время случилось с теми, кто жил недалеко от железных дорог. Войска тоже хотят жить, а уж где они разместятся, там явно будут все брать себе. В ходе железнодорожного наступления забраться далеко в сторону от магистралей невозможно. Так что населенные пункты у железных дорог вынуждены были терпеть немалые испытания, отдавая не только зерно, но также скот и лошадей. И остальное население было, конечно, не особенно воодушевлено таким примером. А посему, если бы в ходе наступления дивизии подольше задерживались бы на одном месте или хотя бы в одном районе, пока следующие дивизии подтягивались бы за передними, получилось бы собрать куда более ресурсов и одновременно до некоторой степени парировать страх перед полным опустошением, как это случилось в полосе железных дорог.

Не слишком выгодно смотрелось наступление одной частью вслед за другой и с учетом того, сколько уже успели награть большевики. Так что теперь [немецкие солдаты] захватывали огромное количество кожи, одежды, белья, табака, кофе, приправ, меди и т.д., затем торгуя этим с рук, либо меняясь. Сколько-нибудь задокументированная передача трофеев была едва ли возможна. И кто знает, сколько из этого действительно добралось до территории Германии.

---

³² Данная версия значительно уступает по качеству иным объяснениям. Во-первых, за время войны девальвировался не только рубль, но и, правда, в меньшей степени, марка и крона. Во-вторых, к весне 1918 г. доверие к бумажным деньгам на всей территории Российской империи сильно упало, будь то рубль или любые другие ассигнации. Денежное обращение вытеснял товарообмен, поэтому украинские крестьяне не слишком охотно принимали купюры, а тем более иностранные, ценность которых они представляли себе слабо. Чрезвычайно активные закупочные кампании и достаточно щедро распределявшиеся средства ускорили инфляцию (в марках и кронах), ведь изголодавшимся солдатам и офицерам Центральных держав цены на продовольствие на Украине казались весьма низкими. Быстро набирала обороты и спекуляция, в том числе в крупных масштабах.

³³ До начала Великой войны германская марка стоила 48 копеек. Оккупанты устанавливали на занятых ими территориях различные курсы, максимальным из которых был 1 марка за 1 рубль (кроме «керенок»), а как правило, куда ниже, однако 30 пфеннигов за рубль — такого соотношения не встречалось на Украине вовсе.

³⁴ В дальнейшем сеть оккупационных гарнизонов стала еще более тонкой.

Однако вернемся к продовольствию. Если уж выбрали такой вариант немедленного рывка к границам Украины, то затем, когда эта цель уже была достигнута, следовало с величайшей энергией приступить к сбору продуктов. Но, как уже говорилось, необходимого для этого количества войск не было. Т.е. вынуждены были продолжать сотрудничество с украинским правительством. Но что это было за правительство! Да и пыталось ли оно помочь? Власти у него в любом случае не было. Да и кто знал этих юнцов? Никто. Порой бывало и так, что фамилии-то их знают, но в легитимности их сомневались, только пожимали плечами да улыбались. Каждый полагал, что просто не обязан подчиняться этому «киевскому детскому саду». Посему, когда это правительство свергли и благодаря вмешательству Эйхгорна³⁵, к кормилу власти пришли действительно энергичные деятели, это было воспринято с облегчением.

От этого правительства можно ожидать большего и надеяться, что ему удастся получить у населения больше продовольствия, которое мы могли бы отправить на родину. Кроме того, оно, как можно уповать, добьется и того, что излишки из будущего урожая — хотя виды на него не внушают особенного оптимизма — также будут проданы в Германию. Но оно делает и будет делать это не из дружбы, а из благодарности за то, что мы поддерживаем его, что германская армия дала ему власть, в том числе для того, чтобы основать новую империю, причем не украинскую (это лишь переходная стадия), а русскую.

Сложно сказать, что нам удастся получить в этой стране до нового урожая, а также после его уборки. Одно лишь ясно. До сего момента границу Германии пересекли в вагонах лишь 5 тыс. т³⁶. Наш дефицит достигает 10-дневного рациона хлеба в пересчете на все население Германии. Это — 70 млн порций. Если принять 700 г хлебной муки, необходимых для 600 г хлебного пайка, это дает нам 490 млн кг — 490 тыс. т — 49 тыс. железнодорожных вагонов с зерном³⁷.

ВА-МА. РН 8-1/58. Вл. 1—5

№ 3

1-й офицер Генштаба 41-го резервного корпуса
Штаб-квартира корпуса, 31 октября 1918 г.
Ia № 012130

В штаб группы армий «Киев»

Согласно распоряжению Ia № 946 от 17 мая и № 3916 от 24 августа 1918 г.

1) Настроения в регионе.

Население явно живо заинтересовано новостями о крушении Болгарии³⁸, о наших военных неудачах на Западном фронте³⁹ и о внутри- и внешнеполитических событиях

---

³⁵ Истинным творцом германской политики и ключевой фигурой в событиях вокруг гетманского переворота был начальник штаба группы армий Эйхгорна генерал-лейтенант В. Грёнер. Сам генерал-фельдмаршал Г. фон Эйхгорн о происходившем, разумеется, знал и санкционировал инициативы своего подчиненного.

³⁶ Отзывы об эффективности продовольственной политики Центральных держав на Украине в литературе сильно разнятся. Особенно серьезные дискуссии вызывает оценка потенциальных возможностей (при изменении общего политического курса) и того, насколько зерно с Украины позволило Центральным державам продержаться до ноября 1918 г.

³⁷ Полных сведений о результатах продовольственной кампании нет, и получить их из-за коррупции и нелегальных поставок не удастся. Тем не менее есть ряд цифр, позволяющих оценить результаты оккупации Украины для продовольственного баланса Центральных держав в целом и Германии в особенности. См. подробнее: *Ланник Л.В.* После Российской империи. С. 275—277, 355—356.

³⁸ После поражений 15—25 сентября 1918 г. Болгария подписала в Салониках перемирие с Антантой и 29 сентября 1918 г. вышла из Первой мировой войны.

³⁹ Имеется в виду отступление германских армий, начавшееся 8 августа 1918 г. и продолжавшееся почти без перерывов вплоть до подписания Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г.

в Германии⁴⁰. И в первую очередь из новостей по последней из упомянутых тем делают вывод о скором нашем крахе. Лучшие общественные силы Украины крайне сожалеют об этой непостижимой неудаче до сих пор столь сильной и гордой немецкой нации. Нескрываемое злорадство по этому поводу проявляется, не считая приверженцев Антанты, и среди евреев, и в кругах большевиков, которые подзуживают⁴¹ не имеющих собственного мнения городских и сельских пролетариев, ведь новый курс Германии⁴² соответствует пожеланиям последних.

Непрестанные просьбы германского правительства о мире были восприняты исключительно как знак нашей полнейшей слабости. Поначалу весьма оживившиеся здесь надежды на подписание мира были развеяны первой же ответной нотой Вильсона⁴³.

Исходя из подобных оценок Германии, представители всех кругов рассчитывают на скорый вывод германских войск с Украины. В связи с этим внезапно стал крайне насущным вопрос «какая же судьба ожидает Украину?». Теперь это предмет самых горячих дискуссий. Нередко вполне серьезно обсуждается ориентация на Антанту, а то и на большевизм. Никаких сомнений нет в том, что в случае эвакуации германских войск следует ожидать широкомасштабных беспорядков.

И в таких обстоятельствах особенно прискорбно, что отношение к гетманскому правительству осталось по-прежнему равнодушным, а то и негативным⁴⁴. Веры в жизнеспособность украинского государства, в случае если оно лишится нынешней его опоры в виде германских войск, нигде в стране не наблюдается.

Симпатий безземельных крестьян, которых легко было бы привлечь переходом к осуществлению аграрной реформы, в связи с началом масштабной большевистской пропаганды и благодаря тому, что, несмотря на постоянные обещания, к данной реформе до сих пор так и не приступили, снискать не удалось, а общее настроение в этой среде продолжает ухудшаться. По всей видимости, банды, участвовавшие в недавних боях, состоят как раз в основном из таких, уже отчаявшихся.

Кроме того, особенно часто упрекают гетманское правительство в том, что оно не просто не сумело, а даже и не попыталось побороть развившуюся за последние годы и усиливающуюся дороговизну.

А вот отношение к германским войскам за последнее время в ряде случаев даже улучшилось. Причина тому очевидна: страх перед нашим уходом и возвращением большевистского царства ужаса. Тревожные известия о том, как похозяйничали русские на оставленных нами с 10 октября территориях⁴⁵, только подпитывают эти опасения. Теперь вдру

---

⁴⁰ В октябре 1918 г. после широких дебатов в Германской империи приступили к попытке политических реформ, получивших название «парламентаризации монархии». Решающие шаги к этому были сделаны 26–28 октября 1918 г., когда был отправлен в отставку Э. Людендорф и ликвидированы путем внесения поправок в конституцию особые полномочия кайзера в руководстве вооруженными силами.

⁴¹ Топос о виновности евреев в любой агрессивной политической пропаганде, будь она большевистская или любая другая, встречается в германских источниках о Первой оккупации очень часто. Характерна преемственность в представлениях подобного рода в годы обеих мировых войн.

⁴² Политические реформы, направленные на «ликвидацию милитаризма».

⁴³ Первая нота Вильсону была направлена в ночь с 4 на 5 октября 1918 г., ответ, выдержанный в достаточно дипломатичном, но жестком тоне, последовал к 8 октября 1918 г. Дальнейший обмен посланиями раз за разом демонстрировал, что Германия готова принять почти любые требования Вильсона ради начала переговоров о перемирии.

⁴⁴ Определенные надежды на расширение социальной базы гетманского режима оккупационные власти связывали с инициированным ими же реформированием кабинета Ф.А. Лизогуба, проведенным к 24 октября 1918 г. Правительство обрело более «самостоятельный» характер, что должно было примирить сторонников гетмана с ушедшими в оппозицию сторонниками Рады и С.В. Петлюры. Эти расчеты, как и уверенность в эффективности серии решительных мер против социалистического подполья, оказались ошибочными.

⁴⁵ В октябре 1918 г. начался поэтапный вывод германских войск из части Могилевской и Витебской губерний, согласно Добавочному договору между Советской Россией, осуществлявшей выплаты золотом, и Германией. С остановкой платежей прекратился к концу октября и отвод.

стали признавать наши достижения в восстановлении и поддержании спокойствия и порядка.

Мысль об эвакуации с Украины германских войск вызывает, естественно, крайнее беспокойство у обеспеченных слоев населения. Уже сейчас многие из них, а также чиновники заявляют, что им придется уехать вместе с нами, ведь иначе их непременно убьют. В кругах промышленников, например в Клинцах, нарастает стремление продать все и покинуть регион, ведь иначе все это будет потеряно в ближайшее время без всякой компенсации⁴⁶.

Часть малоземельных крестьян, как и прежде, жалуется на постоянные реквизиции фуража и продовольствия по установленным максимальным ценам, которые они считают слишком низкими. (Так как теперь снабжение германских войск местными ресурсами регулируется по единому образцу, то и оснований для жалоб на беспорядочные реквизиции ныне не осталось)⁴⁷. Настроения этих крестьян, прежде антигерманские, теперь несколько смягчились, но лишь частично. Особенное раздражение наблюдается в зоне ответственности 47-й ландверной дивизии⁴⁸. В тамошних деревнях действительно дошли до крайней степени истощения, ведь никакого подвоза из более богатых хлебом районов, на который они опирались даже в мирное время, ныне нет.

Многочисленные евреи уже начали тайком искать контакты со сторонниками большевиков, чтобы иметь гарантии на случай нашего ухода. Они пытаются обеспечить себе выгодные условия закупки, распространяя лживые слухи, и тем снижают цены. Спекуляцией, торговлей и контрабандой зарабатываются громадные суммы. По-видимому, с успехом пытаются выйти на такое благодатное поле деятельности и еврейские круги Германии, Австро-Венгрии и других стран. Еврей, как и прежде, несмотря на напыленную им личину любезности, остается самым заклятым нашим врагом. Постоянные попытки подкупить наших солдат и вести среди них революционную пропаганду представляют собой серьезную опасность, причем она нарастает.

Духовенство сохраняет спокойствие и сдержанность.

Средние слои, переживающие, как и везде, самые тяжелые времена, раздирают партийные склоки. Материальные затруднения чиновников приводят к тому, что они еще сильнее подвержены коррупции.

Поведение промышленных рабочих отличается неустойчивостью, они сильно страдают от вздорожания продуктов.

Железнодорожники внешне сохраняют спокойствие и выполняют свой долг. Однако вопрос о жаловании раз за разом возбуждает их недовольство, способствует взяточничеству и контрабанде.

Бывшие русские офицеры активности не проявляют.

Среди недавно прибывших политической активности не обнаружено.

2) Восстановление спокойствия и порядка.

Частая смена дислокации войск и сокращение их общего количества в последнее время существенно замедлили восстановление спокойствия и порядка.

В глубине занятой нами территории существенных осложнений не возникает. Однако все же обстановка неспокойная. В лесах и болотах к северу от Сейма и сегодня еще скрываются банды, которые донимают население грабежами и убийствами.

⁴⁶ Часть предложения вписана от руки.

⁴⁷ Текст в скобках в оригинале вычеркнут, поставлен знак вопроса. По-видимому, имеется в виду попытка штаба группы армий «Киев» упростить и привести к единому образцу правила и объемы «закупок» и реквизиций, чтобы пресечь спекуляции на тему произвола местных германских инстанций и попытки вывоза продовольствия в соседние регионы ради более выгодных условий его продажи оккупационным инстанциям.

⁴⁸ На Стародубщине, тогда входившей в состав Черниговской губернии, ныне — по большей части входит в состав Брянской области.

В Нежинском и Козелецком уездах, а особенно в окрестностях Носовки, нередки столкновения с бандитами. Имеющихся в нашем распоряжении войск 18-й кавалерийской бригады⁴⁹ для решения задачи по окончательному восстановлению порядка недостаточно.

Много раз пытались устроить диверсию на железнодорожной ветке Нежин — Носовка.

В Клинцах благодаря находчивости украинского ополчения удалось арестовать 3 членов «Комитета по содействию большевизму и подавлению украинцев и немцев»⁵⁰. Расследование идет полным ходом.

Сильный контраст спокойной обстановке в глубине страны представляет ситуация на линии соприкосновения с противником войск 47-й ландверной дивизии, где от Новгород-Северского до Робчика идут ожесточенные бои с многочисленными бандами, на вооружении которых нередко есть и пулеметы, и минометы, и орудия. Порой доходит до принудительных ночных рейдов на занятую германскими войсками территорию, откуда угоняют молодых людей. В середине месяца основной удар банд был направлен, по видимому, на украинский 2-й Запорожский пехотный полк⁵¹, а атаки между Стародубом и Робчиком утром 24 октября следует увязать с годовщиной революции⁵².

После того как бандиты захватили одно судно в районе Погребни, судоходство по Десне в зоне ответственности 47-й ландверной дивизии прекратилось.

Тесное взаимодействие между советскими войсками и бандами в акциях против Украины, о котором нам в один голос сообщают со всех сторон, несмотря на официальное опровержение этого русским правительством⁵³, может считаться доказанным фактом. Не подлежит сомнению, что по всему фронту 41-го резервного корпуса противник будет сосредотачивать крупные и хорошо оснащенные советские части. Пока неясно, предназначены ли они для того, чтобы атаковать нас, согласно некоторым⁵⁴ слухам, либо собираются за тем, чтобы в случае нашего отступления следовать за нами. Возможны оба варианта.

3) Проведенные в целом ряде округов рейды по разоружению дали незначительный результат. Большая часть деревень с течением времени уже не раз проходила эту процедуру. Однако благодаря постоянному подвозу из Великороссии раз за разом они вновь добывают и оружие, и боеприпасы.

В целом ряде случаев по запросу уездных старост были выданы сравнительно крупные запасы оружия благонадежным местным жителям в целях самообороны.

4) О земельных комитетах и спилках никаких новостей нет.

5) В ходе взаимодействия с украинскими правительственными инстанциями новых предметов для обсуждения не возникло.

---

⁴⁹ Сказывалось и то, что 18-я кавалерийская бригада была переподчинена 41-му резервному корпусу лишь незадолго до описываемых событий, а потому не вполне успела освоиться с ситуацией.

⁵⁰ Таково название в оригинале. Оно столь нелепо, что следует предполагать либо грубую ошибку в переводе при составлении отчета, либо попросту выдумку украинских, а то и собственно германских оккупационных властей.

⁵¹ С середины сентября 41-му резервному корпусу была подчинена украинская дивизия, войскам которой германское командование стало передавать часть линии соприкосновения. Эти части в советской историографии принято было именовать гайдамаками. Это резко обострило обстановку, ведь советские партизаны опасались их куда меньше, чем боев с германскими войсками.

⁵² Сомнительное предположение, если учесть, что в Советской России уже давно действовал григорианский календарь.

⁵³ Подобные инциденты — с нападениями, бегством партизан на советскую территорию, последующим отказом признать факт атаки, извинениями и обменом официальными нотами, заверениями в том, что виновные уже наказаны либо не являются бойцами РККА, — за период между июнем и ноябром повторялись в полосе соприкосновения неоднократно. Часть из этих инцидентов отражена даже в официальных советских публикациях документов: Документы внешней политики СССР. Т. 1—24. М., 1958—2000; Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапалльского договора, в 2-х т. Т. 1. От Октябрьской революции до конца 1918 г. М., 1968; Т. 2. 1919—1922 гг. М., 1971.

⁵⁴ В оригинале зачеркнуто: «надежные». От руки вписано «некоторые».

Жалуются на бездействие и недееспособность городской администрации Новгород-Северского, не считая представителей ее продовольственного отдела.

Исполнение правительственных распоряжений проходит без заметных осложнений. В отдельных случаях полиции приходится вмешиваться в процесс взыскания налогов. Об авторитетности правительства говорить пока не приходится. Не хватает денег и исполненных сознания долга чиновников.

Перемен в качестве местного ополчения⁵⁵ нет. Даже при успешных своих свершениях для укрепления своего авторитета оно нуждается в нашей поддержке. Дисциплина низкая. В ходе рейдов постоянно приходится резко выступать против попыток грабежей с его стороны. Не раз бывало так, что арестовывали и офицеров за растраты и махинации. Жалованье милиции слишком низкое; поэтому ее чины столь подвержены коррупции.

В бедных уездах в зоне ответственности 47-й ландверной и 35-й резервной⁵⁶ дивизий агенты Государственного зернового бюро активной деятельности развить не смогли. Сообщить о работе земельных комиссий нечего.

б) Украинские войска.

Личный состав 1-й Украинской стрелковой казачьей дивизии⁵⁷ существенно ослаблен недавним увольнением всех нижних чинов старше 24 лет. Вплоть до призыва новых рекрутов (предположительно — 15 ноября) войска лишь незначительно занята поставой службой и учениями. Внешний облик и выправка хороши. Настроение личного состава вызывает сомнения. При чрезвычайно широком размещении и при тесном контакте с сельским населением, живущим в атмосфере постоянной большевистской пропаганды, это неудивительно. Надежными эти части назвать нельзя. В их среде могут быть и враждебные выпады в наш адрес. Посему настоятельно необходимо разместить ее компактно и по казармам.

2-й Запорожский пехотный полк в ходе яростных боев под Каменской и Картушином сражался хорошо⁵⁸, однако вследствие высоких потерь, по-видимому, несколько утратил устойчивость. Крайне необходимо его пополнение обученными резервистами. Слабого состава роты до тех пор, пока они тактически задействованы, просто не могут выделить необходимого для обучения рекрутов персонала.

Повсеместно перешли к планомерному развертыванию и пополнению штабов и будучих частей украинской армии.

Прошли новые вербовки в Сердюцкую дивизию⁵⁹.

---

⁵⁵ Скорее всего, имеется в виду Державная варта Украинской державы, создававшаяся с конца мая 1918 г. и принимавшая активное участие в борьбе с крестьянскими восстаниями летом—осенью того же года. Вартовые часто взаимодействовали с отрядами оккупантов в ходе рейдов по разоружению или конфискации продовольствия.

⁵⁶ Последняя размещалась главным образом на Гомельщине.

⁵⁷ Имеется в виду переданная под украинское командование лишь 28 августа 1918 г. так называемая Серожупанная дивизия, сформированная австро-венгерскими военными инстанциями, в том числе из бывших военнопленных. Ее боеспособность в сравнении с отрядами различных атаманов была высока, однако лояльность оккупантам не отличалась. Именно поэтому стремились провести ротацию личного состава, однако добились лишь крайней дезориентации и срыва формирования дивизии.

⁵⁸ Имеются в виду столкновения, участвовавшие в конце сентября — начале октября 1918 г. при прорыве с территории Украины и, наоборот, в глубь нее красных партизан и бывших повстанцев, укrywшихся на советской территории.

⁵⁹ Сердюцкая дивизия должна была стать опорой гетманского режима, формируясь из среды формально правительственной «партии» хлеборобов, т.е. помещиков и богатых крестьян. Попытки ее развертывания велись с июня 1918 г., однако существенных результатов к осени не дали. В результате гетманскому правительству пришлось приложить немало усилий, чтобы перезапустить процесс, хотя лояльность многих призванных в дивизию была сомнительной, а в ее рядах усиливались националистические настроения. В середине ноября 1918 г. именно на нее рассчитывал гетман в борьбе с восстанием украинской Директории, однако почти сразу стали отмечаться случаи перехода сердюков на сторону националистов.

7) Планировавшаяся для действий в полосе 95-й пехотной дивизии⁶⁰ украинская бригада пограничной стражи все еще находится в стадии формирования⁶¹.

Бригада пограничной стражи, размещенная в Новую Белицу, заступила на службу, однако ограничивается лишь контролем за вывозом в Костюковку, к северу от Гомеля. Взаимодействие с ее штабом не слишком удачно. Жители Новой Белицы жалуются на злоупотребления, грабежи и притеснения со стороны офицеров и нижних чинов этой бригады.

(8) Немцы-колонисты с Узрайского⁶² завода (47-я ландверная дивизия), после продажи своих усадеб с сентября ожидающие отправки на родину, находятся ныне в крайне тяжелом положении, ведь за это время подготовленные ими запасы фуража и продовольствия, предназначенные на период поездки, почти полностью истрочены. С учетом скорого наступления зимы необходим скорейший их вывоз. Большая часть колонистов, проживающих в зоне ответственности корпуса, вынашивает планы выселения⁶³.

8) Пропаганда.

Вражеская агитация чрезвычайно активна. Так как она ведется подпольно, то до сих пор, к сожалению, возможности поймать [агитаторов] с поличным не представилось. Главными ее носителями и диверсантами являются евреи. Среди интеллигенции также ведется тайная пропаганда за воссоединение с Великороссией.

Особенно усилилась пропаганда с помощью листовок в Гомеле. Репатрирующиеся австрийские подданные⁶⁴ охотно раздают нашим солдатам подстрекательскую газетенку «Ди Вельтреволюцион»⁶⁵.

Куда более опасная устная агитация выражается главным образом в распространении неправдоподобных слухов о нашем Западном фронте, о ситуации в Германии, а также положении ее армии, о якобы достигнутых большевиками успехах в борьбе с германскими войсками на Украине.

Раздача газет и листовок вкуче с усилиями губернских и уездных старост весьма подействовала просвещению населения, особенно крестьян. У этой работы есть благоприятные перспективы.

Запрет на ведение пропаганды военными инстанциями⁶⁶ отнял одно из самых действенных средств по защите и укреплению наших же войск. Посольство⁶⁷ едва ли в состоянии представить сколько-нибудь подходящую замену.

⁶⁰ Располагалась на Черниговщине и в окрестностях Сум.

⁶¹ Бригады пограничной стражи формировались под руководством украинского министерства внутренних дел, однако ощутимых результатов добиться вплоть до кризиса гетманского режима не удалось.

⁶² Так в оригинале, вполне вероятно — одна из частых в германских документах ошибок в топонимике.

⁶³ Весь абзац о немцах-колонистах заключен в скобки. В оригинале вычеркнут. Изменена нумерация пунктов.

⁶⁴ Имеются в виду десятки, а затем и сотни тысяч освобожденных из плена и отправившихся на запад разными способами пленных из австро-венгерской армии. Среди них вели активную пропагандистскую работу большевики, вербуя так называемых «интернационалистов».

⁶⁵ «Die Weltrevolution» («Мировая революция»). Эта газета тиражом порой в несколько десятков тысяч экземпляров с весны 1918 г. издавалась и распространялась (под угрозой смертной казни при поимке германскими патрулями) образовавшими особую группу в составе РКП(б) интернационалистами, многие из которых потом стали членами коммунистических партий Германии, Австрии и других стран.

⁶⁶ К политической деятельности в германской армии ее командование всегда относилось очень настороженно. Введенное в сентябре 1917 г. «патриотическое просвещение» вызвало противоречивые отклики и в целом имело крайне низкий эффект. Чтобы пресечь политизацию военной среды и идейный раскол в офицерстве, германское Верховное главнокомандование осенью 1918 г. запретило ее дальнейшее проведение.

⁶⁷ Имеется в виду деятельность германского посольства в Киеве во главе с бароном А. Муммом фон Шварценштейном, который в конце октября 1918 г. покинул Киев одновременно с генерал-лейтенантом В. Грёнером. Последний с 27 октября 1918 г. фактически возглавил германскую Ставку, поэтому покинул Украину навсегда. А вот Мумм обратно в украинскую столицу, хотя с должности его никто не снимал, так и не вернулся.

9) Транспортировка репатрирующихся сильно осложняется жалким состоянием, в котором находятся железные дороги⁶⁸. Уже сформированные эшелоны нередко целыми днями в полной погрузке простаивают на станциях, но отправления все нет. Беженцы, взявшие с собой в вагоны лишь очень немного продовольствия, из-за этого оказываются в отчаянном положении. Число беженцев, постоянно находящихся в городе Гомель, нарастает. Обеспечить им продовольствие в и без того достаточно сложной ситуации со снабжением города чрезвычайно трудно. (Помочь может быстрый вывоз и разгрузка Гомеля за счет отправки части беженцев в расположенные далее к югу местности)⁶⁹.

Относительно состояния сельского хозяйства, промышленности, торговли, финансов и цен см. прилагаемый экономический отчет⁷⁰.

Подпись: Генерал от артиллерии Г(ронау).

Адресаты: группа армий «Киев» — 3 копии.

Штабы и 1-е офицеры Генштаба: 18-й кавбригады, 47-й ландверной, 95-й пехотной дивизий — по 1 копии.

Bundesarchiv-Militärarchiv. PH 6-II/16. Bl. 16–19a

Библиография

Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. Сб. документов / Под ред. О.К. Иванцовой и др. М., 2014.

Документы внешней политики СССР. Т. 1–24. М., 1958–2000.

Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). Сб. документов / Под ред. М. Горького, И. Минца, Р. Эйдемана. М., 1936.

Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

Ланник Л.В. «Украинский фактор» в кампании 1918 г. на Западном фронте: цена и последствия интервенции для Центральных держав // Русский сборник. Т. 28. М., 2020. С. 487–513.

Машкевич С. Киев 1917–1920. Прощание с империей. Т. 1. Киев, 2019.

Машкевич С.В. «Wir werden Ordnung schaffen!». Начало немецкой оккупации Украины, февраль–апрель 1918 г. (по материалам немецких архивов) // Русский сборник. Т. 28. М., 2020. С. 242–285.

Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб., 2013.

Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапальского договора, в 2-х т. Т. 1. От Октябрьской революции до конца 1918 г. М., 1968.

Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапальского договора, в 2-х т. Т. 2. 1919–1922 гг. М., 1971.

Украина — 1918. Взгляд из Германии / Пер. с немецкого и комментарии Л.В. Ланника. М., 2018.

Ereignisse in der Ukraine 1914–1922: Deren Bedeutung und historische Hintergründe / Hrsg. von T. Hornykiewicz, 4 Bd. Philadelphia, 1966–1969. Bd. 3.

Fedyshyn O.S. Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution, 1917–1918. New Brunswick, 1971.

Mędrzecki W. Niemiecka interwencja militarna na Ukrainie w 1918 roku. Warszawa, 2000.

Militarismus gegen Sowjetmacht 1917 bis 1919. Das Fiasko der ersten antisowjetischen Aggression des deutschen Militarismus. Berlin, 1967.

Reshetar J.S. The Ukrainian revolution, 1917–1920: a study in nationalism. Princeton, 1952.

The Ukraine, 1917–1921: A Study in Revolution / Ed. T. Hunczak. Cambridge, 1977.

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.

⁶⁸ Миграционные потоки, в том числе военнопленные, интернированные и беженцы, в 1918 г. были громадными. Только по официальным данным (не учитывающим огромное количество пересекавших демаркационную линию нелегально) в обе стороны за март–октябрь 1918 г. линию разграничения германских и советских войск пересекло более 1 млн человек.

⁶⁹ В оригинале текст в скобках вычеркнут.

⁷⁰ Отчет не сохранился.

References

- Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Documents of foreign policy of the USSR]. T. 1–24. Moskva, 1958–2000. (In Russ.)
- Getman P.P. Skoropadskij. Ukraina na perelome. 1918 god. Sb. Dokumentov / Pod red. O.K. Ivancovoj i dr. [Hetman P.P. Skoropadsky. Ukraine at the turning point. 1918. Collection of documents / Under the editorship of O.K. Ivantsova and others]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Krah germanskoj okkupacii na Ukraine (po dokumentam okkupantov). Sb. Dokumentov / Pod red. M. Gor'kogo, I. Minca, R. Ejdemana [The collapse of the German occupation in Ukraine (based on the documents of the occupiers). Collection of documents / Under the editorship of M. Gorky, I. Mintz, R. Eideman]. Moskva, 1936. (In Russ.)
- Lannik L.V. “Ukrainskij faktor” v kampanii 1918 g. na Zapadnom fronte: cena i posledstviya intervencii dlya Central'nyh derzhav [“The Ukrainian factor” in the 1918 campaign on the Western front: the price and consequences of intervention for the Central powers] // Russkij sbornik [Russian Collection]. Vol. 28. Moskva, 2020. P. 487–513. (In Russ.)
- Lannik L.V. Posle Rossijskoj imperii. Germanskaya okkupacija 1918 g. [After the Russian Empire. German occupation of 1918]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)
- Mashkevich S. Kiev 1917–1920. Proshchanie s imperiej [Kiev 1917–1920. Farewell to the Empire]. T. 1. Kiev, 2019. (In Russ.)
- Mashkevich S.V. “Wir werden Ordnung schaffen!” Nachalo nemeckoj okkupacii Ukrainy, fevral'–aprel' 1918 g. (po materialam nemeckih arhivov) [“Wir werden Ordnung schaffen!” Beginning of the German occupation of Ukraine, February–April 1918 (based on the materials of German archives)] // Russkij sbornik [Russian Collection]. Vol. 28. Moskva, 2020. P. 242–285. (In Russ.)
- Puchenkov A.S. Ukraina i Krym v 1918 – nachale 1919 g. Oчерki politicheskoi istorii [Ukraine and Crimea in 1918 – early 1919. Essays on political history]. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)
- Sovetsko-germanskije otnosheniya ot Oktyabr'skoj revolyucii do zaklyucheniya Rapall'skogo dogovora, v 2-x t. T. 1. Ot Oktyabr'skoj revolyucii do kontsa 1918 g. [Soviet-German relations from the October revolution to the conclusion of the Treaty of the Rappallo Treaty, 2 vol. Vol. 1. From the October revolution to the end of 1918]. Moskva, 1968. (In Russ.)
- Sovetsko-germanskije otnosheniya ot Oktyabr'skoj revolyucii do zaklyucheniya Rapall'skogo dogovora, v 2-x t. T. 2. 1919–1922 gg. [Soviet-German relations from the October revolution to the conclusion of the Treaty of the Rappallo Treaty, 2 vol. Vol. 2. 1919–1922 gg.]. Moskva, 1971. (In Russ.)
- Ukraina – 1918. Vzgljad iz Germanii / Per. s nemetskogo i kommentarii L.V. Lannika [Ukraine–1918. View from Germany / Trans. from German and comments by L.V. Lannik]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Ereignisse in der Ukraine 1914–1922: Deren Bedeutung und historische Hintergründe / Hrsg. von T. Hornykiewicz, 4 Bd. Philadelphia, 1966–1969. Bd. 3.
- Fedyshyn O.S. Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution, 1917–1918. New Brunswick, 1971.
- Mędrzecki W. Niemiecka interwencja militarna na Ukrainie w 1918 roku. Warszawa, 2000.
- Militarismus gegen Sowjetmacht 1917 bis 1919. Das Fiasko der ersten antisowjetischen Aggression des deutschen Militarismus. Berlin, 1967.
- Reshetar J.S. The Ukrainian revolution, 1917–1920: a study in nationalism. Princeton, 1952.
- The Ukraine, 1917–1921: A Study in Revolution / Ed. T. Hunczak. Cambridge, 1977.
- Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.

DOI: 10.31857/S013038640013389-5

© 2021 г. М.Д. БУХАРИН

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА ИЗ ТУРФАНСКОГО СОБРАНИЯ

Бухарин Михаил Дмитриевич – действительный член РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: michabucha@gmail.com

Researcher ID: R-9643-2017

Аннотация. Северо-Западный Китай в целом и Восточный Туркестан в частности играли значительную роль в истории Древности и Средневековья, выступая связующим звеном между цивилизациями Дальнего Востока, Центральной и Южной Азии, Ближнего Востока и Средиземноморья. С конца XIX в. до начала Первой мировой войны несколько археологических экспедиций из России, Германии, Великобритании, Франции, Японии и Швеции исследовали оазисы Восточного Туркестана. Важнейшую роль в этом процессе играли экспедиции Русского и Берлинского комитетов, работавшие под руководством С.Ф. Ольденбурга в 1909–1910 и 1914–1915 гг. и А. Грюнведеля и А. фон Ле Кока, работавшие в 1902–1913 гг. соответственно. Значительная часть накопленных материалов до сих пор не введена в научный оборот, а наименее известными являются результаты работ экспедиции М.М. Березовского (1905–1907 гг.), также снаряженной Русским комитетом. Одновременная работа российских и немецких экспедиций привела к конфликту, к которому немецкие ученые готовились заранее, опираясь в том числе на поддержку дипломатов Великобритании, в частности британского консула в Кашгаре Дж. Макартни. В статье публикуются три документа из Турфанского собрания (Музей азиатского искусства, Берлин), проливающие свет на историю российско-германско-британского противостояния в Восточном Туркестане в 1906–1908 гг. Как показывают данные документы, все сведения о деятельности российских археологов немедленно передавались в Берлин, немецкие исследователи заранее готовили запасные пути возвращения в Германию через Индию, а не через Россию, готовясь к развитию конфликта с российскими коллегами.

Ключевые слова: Центральная Азия, Восточный Туркестан, Северо-Западный Китай, «Большая игра», история археологии.

M.D. Bukharin

New Documents on the History of Exploration of East Turkestan from the Turfan-Sammlung

Mikhail Bukharin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: michabucha@gmail.com

Researcher ID: R-9643-2017

Abstract. Northwest China, in General, and East Turkestan, in particular, played a significant role in the history of Antiquity and the Middle Ages, acting as a bridge between the civilizations of the Far East, Central and South Asia, the Middle East and the Mediterranean. From the end of the 19th century to the beginning of World War I, several archaeological expeditions explored the oases of East Turkestan. The most important role in this process was played by the expeditions of the Russian and Berlin committees, which worked under the leadership of S.F. Oldenburg from 1909–1910 and 1914–1915, and

A. Grünwedel and A. von Le Coq, in 1902–1913 respectively. A significant part of the accumulated materials has not yet been published, and the least known are the results of the expedition of M.M. Berezovsky (1905–1907). The simultaneous work of Russian and German expeditions led to a conflict, to which German scholars had prepared in advance, relying, inter alia, on the support of British diplomats, in particular the British Consul in Kashgar G. Macartney. Below three documents from the Turfan-Sammlung (Museum of Asian Art, Berlin) are published. They shed more light on the history of the Russian-German-British confrontation in East Turkestan in 1906–1908. According to these documents, all information about the activities of Russian archaeologists was immediately transmitted to Berlin; German scholars prepared in advance spare ways of returning to Germany through India, and not through Russia, being ready for the development of a conflict with Russian colleagues.

Keywords: Central Asia, East Turkestan, Northwest China, “Big Game”, history of archeology.

Несмотря на кажущуюся удаленность от главных центров экономического и политического развития цивилизаций Центральной Азии и Дальнего Востока, Северо-Западный Китай в целом и Восточный Туркестан в частности, занимающий территорию современного Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР, был и остается одним из узловых пунктов мировой истории. В Древности и раннем Средневековье через этот регион проходила одна из ветвей Великого Шелкового пути, соединявшая Дальний Восток, Южную и Центральную Азию, Ближний Восток и Средиземноморье. Вполне закономерно, что именно в Восточном Туркестане и в прилегающих регионах в разное время процветали различные религиозные системы, стимулировавшие развитие своеобразных направлений в искусстве и литературе.

Одним из главных памятников средневекового искусства и архитектуры Северо-Западного Китая является Цяньфодун («Пещеры тысячи будд»), расположенный рядом с совр. Дуньхуаном. Этот памятник состоит из около 500 буддийских пещерных храмов, сохранивших росписи, скульптуру, надписи, рукописи различного содержания, покрывающие более 1000 лет развития буддийского искусства и литературы, и впитавшего в себя традиции нескольких школ. Наиболее интенсивный период изучения Цяньфодуна приходится на начало XX в., когда на нем работали экспедиции М.А. Стейна (1907 г.), П. Пельо (1908 г.) и С.Ф. Ольденбурга (1914–1915 гг.). Памятник подвергся разрушению в результате природного и антропогенного воздействия, и архивные материалы, относящиеся к начальному периоду исследования Цяньфодуна, имеют исключительное значение для реконструкции его облика, частично утерянного.

История изучения Восточного Туркестана и дуньхуановедение как научные дисциплины обладают примечательной особенностью: «история изучения» до настоящего времени не отделилась от собственно «изучения», так как целый ряд источников, базовых для истории Северо-Западного Китая значительных периодов, до сих пор не введены в научный оборот. Лишь в 2020 г. подготовлено к печати «Описание пещер Чан-фодуна близ Дунь-хуана» выдающегося востоковеда академика С.Ф. Ольденбурга, сохранившееся в черновой рукописи и написанное по результатам Второй Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг.¹ Судьба этой работы крайне сложная: рукописные черновики и фотоматериалы должны были лечь в основу шеститомной публикации, однако послереволюционное лихолетье, вызвавшее значительные трудности в жизни Академии наук (С.Ф. Ольденбург в 1904–1929 гг. исполнял должность ее неперемennого секретаря), сменившееся «академическим делом» и опалой, болезни в последние годы жизни оказались непреодолимым препятствием для подготовки этой работы к печати самим академиком Ольденбургом. К 1940 г. рукопись «Описания пещер...» была перепечатана

---

¹ Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. V. Вторая Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг.: С. Ф. Ольденбург. Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана / Под ред. М.Д. Бухарина, М.Б. Пиотровского, И.В. Тункиной. М., 2020.

на машинке Е.Г. Ольденбург (вдовой Сергея Федоровича) и О.А. Крауш. Один экземпляр, сданный затем на хранение в архив АН СССР (ныне – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН), белло отредактировал академик Ф.И. Щербатской. При перепечатке были допущены ошибки при передаче номенклатуры, а два экземпляра, сданные в Государственный Эрмитаж и в Институт востоковедения АН СССР (ныне – Институт восточных рукописей РАН), Щербатской не редактировал вообще. Тем не менее с экземпляра, хранящегося в Эрмитаже, был сделан перевод на китайский язык². Таким образом, даже базовый источник по истории и истории изучения Восточного Туркестана введен в научный оборот на языке оригинала с должной предпечатной редакторской подготовкой только в 2020 г.

За последние годы в серии «Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века» издано несколько сотен источников, относящихся к истории Восточного Туркестана. Ценность этих источников, однако, значительно шире восточно-туркестанского контекста, они проливают свет на многие обстоятельства внешней политики Российской империи и соседних стран, развитие науки и образования в России. Между тем значительный объем источников остается неизданным. Если место хранения материалов экспедиций М.А. Стейна хорошо известно (Британский музей), то судьба рукописных материалов четырех Прусских Императорских турфанских экспедиций, работавших в Восточном Туркестане под руководством А. Грюнведеля в 1902–1903 и в 1905–1907 гг. и А. фон Ле Кока в 1904–1905 и в 1913–1914 гг.³ остается крайне неясной. До сих пор не издан ни один рукописный документ, относящийся к их истории. Место хранения дневников, маршрутных и бухгалтерских расчетов, иных рукописных материалов, составившихся в ходе работ, доподлинно неизвестно.

Нельзя сказать, что археологическое изучение Центральной Азии было непосредственно частью «Большой игры» – противостояния России и Великобритании за преобладание в регионе. Тем не менее эта «холодная война» отражалась на подготовке работ и их развитии. Документы, относящиеся к истории российских, немецких, английских экспедиций, имеют прямое отношение не только к истории науки, но и к политической истории. В этой связи каждый новый обнаруженный документ имеет значительную ценность. Общий контекст научного исследования Северо-Западного Китая еще только восстанавливается, по этой причине значение того или иного документа может многократно вырасти.

В настоящий момент история российско-немецкого научного противостояния в Восточном Туркестане реконструируется в основном на материале российских архивных собраний. Небольшой процент документов происходит из Турфанского собрания Музея азиатского искусства в Берлине. Эти материалы были недавно изданы⁴. Повторные поиски в коллекции музея привели к обнаружению еще трех документов, имеющих непосредственное отношение к истории работ российских экспедиций в Восточном Туркестане и не опубликованных ранее. Благодаря любезности хранителя коллекции Карен Дрейер появилась возможность их издать.

Первый документ представляет собой письмо, написанное А. Грюнведем Р. Пишелю 25 февраля 1906 г., т.е. в начале работ Третьей Прусской Императорской Турфанской экспедиции. Альберт Грюнведель (Albert Grünwedel, 1856–1935) руководил работой экспедиции, которая, как и три другие экспедиции, была снаряжена министерством

² Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Т. VI / Отв. ред. Л.Н. Меньшиков, Вей Тун-сянь. Шанхай, 2005. (На кит. яз.)

³ Кратко, но красочно историю этих экспедиций см.: *Dreyer C. Abenteuer Seidenstrasse. Die Berliner Turfan-Expeditionen. 1902–1914. Leipzig, 2015.*

⁴ Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. I: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания / Под общ. ред. М.Д. Бухарина. М., 2018.

культуры Германии. Рихард Пишель (Richard Pischel, 1849–1908) – крупный немецкий востоковед-индолог. В 1888–1902 гг. Пишель занимал пост управляющего делами и библиотекаря «Немецкого востоковедного общества» (Deutsche Morgenländische Gesellschaft). С 1900 г. Пишель – ректор университета Галле; с 1902 г. – профессор кафедры индологии в Университете Фридриха-Вильгельма (Берлин). Пишель возглавлял Турфанский комитет – орган, который координировал всю работу немецких ученых в Восточном Туркестане.

В ходе экспедиции немецкие исследователи работали на городищах Куча, Кумтура, Кызыл, Шорчук (Шикшин), Асса-шари, Иликель и Хами. Работа шла параллельно с деятельностью экспедиции М.М. Березовского (1848–1912), снаряженной Русским комитетом, которым руководил академик В.В. Радлов. Экспедиция Березовского работала в Восточном Туркестане в 1905–1907 гг. На период одновременного ведения работ экспедициями Грюнведеля и Березовского пришелся наиболее острый момент в развитии конфликта между двумя экспедициями – один из наиболее сложных периодов в истории археологического изучения Восточного Туркестана, и в отношениях между Русским и Берлинским Турфанскими комитетами. Еще до начала работ, уже в 1903–1904 гг., оба комитета заключили договор о разделе областей ведения работ. Обстоятельства развития конфликта ввиду нарушения положений данного договора ранее уже рассматривались⁵. Достаточно повторить, что окончательную редакцию договора составили, вероятно, в устной форме, и она была известна лишь С.Ф. Ольденбургу и А. Грюнведелю: В.В. Радлова, Р. Писшеля и М.М. Березовского по какой-то причине не посвятили в детали.

Обе экспедиции в начале 1906 г. работали по соседству – в 25–30 км друг от друга. Экспедиция М.М. Березовского продолжала работу в Куче до 19 февраля 1906 г., а экспедиция А. Грюнведеля с 30 января 1906 г. работала в Кызыле. В Куче немецкая экспедиция работала с 1 мая. Однако, судя по тому, что в письме Грюнведеля Пишелю, публикуемом ниже, говорится о возвращении в Кучу 25 февраля, можно предположить, что Грюнведель посещал Кучу и в тот период, когда в ней работали российские ученые. Говорить об этом приходится лишь предположительно, так как самое раннее письмо Грюнведеля Березовскому датируется 21 мая 1906 г., т.е. тем временем, когда конфликт между экспедициями достиг высшей точки и едва не дошел до применения огнестрельного оружия⁶.

Между тем уже в 1904 г. немецкие археологи проявляли подозрительность в отношении коллег и выражали неуверенность в том, что отношения с российскими учеными позволят им вернуться в Германию через Россию⁷. Как известно из писем А. Грюнведеля А. Куну и С. Гедину за 1905 г. и письма русского консула в Кашгаре С.А. Колоколова С.Ф. Ольденбургу от 16 октября 1906 г.⁸, А. фон Ле Кок вернулся в Берлин через Индию, а не через Россию. Такой вариант развития событий немецкие ученые предусматривали и в феврале 1906 г., до того, как конфликт между экспедициями вышел на пиковый уровень, но уже в ходе одновременной работы с экспедицией М.М. Березовского.

Документ сохранился не полностью. Почерк не оставляет сомнений в том, что его автором был А. Грюнведель, под тайным советником имеется в виду носивший это титул председатель Турфанского комитета Р. Пишель. Обращение к другому тайному советнику – академику В.В. Радлову, председателю Русского комитета, – не представляется правдоподобным.

⁵ Бухарин М.Д. «Тяжелы эти окраины...». Изучение Восточного Туркестана и Монголии в конце XIX – начале XX века // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX в. Т. I: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 29–56.

⁶ См.: Бухарин М.Д. Переписка М.М. Березовского и А. Грюнведеля // Там же. С. 499–504.

⁷ Бухарин М.Д. «Тяжелы эти окраины...». С. 37.

⁸ См.: Там же. 43–44, 54.

№ 1

А. Грюнведель – [Р. Пишелю]

Kutscha, 25. Februar
1906

Hochverehrter Herr Geheimrath!

Nach Kutscha zurückgekehrt, erfahre ich zufällig im Gespräch mit Herren der Expedition, dass die Preussischen Regierungspässe für Herrn Albert von Le Coq und für Herrn Bartus abgelaufen sind. Ich bitte Sie daher, für die genannten Herrn Preussische Regierungspässe beantragen zu wollen mit Visirung der Kaiserlich Chinesischen Gesandtschaft in Berlin; unter Bezugnahme auf die früher für die genannten Herren ausgestellten, aber mit der Erlaubniss für ganz China, damit eine eventuelle Rückreise über Peking möglich ist – ferner mit Visirung grossbritanische Consulat und das Kaiserlich Russische Consulat in Berlin, wegen der Rückreise über Indien, beziehungsweise durch Russland – je nach den Umständen.

[...]

[A. Grünwedel]

Turfan-Akten 5890

Перевод

Куча, 25 февраля
1906 г.

Глубокоуважаемый господин тайный советник!

Вернувшись в Кучу, я случайно узнал в разговоре с членами экспедиции, что срок действия прусских правительственных паспортов господина Альберта фон Ле Кока и господина Бартуса истек. По этой причине я прошу Вас запросить прусские правительственные паспорта для вышеупомянутых господ с визой Императорского китайского посольства в Берлине; ссылаясь на [паспорта], ранее выданные вышеупомянутым господам, но с разрешением [проезда] по всему Китаю, так чтобы была возможна обратная поездка через Пекин, далее с визами консульства Великобритании и Императорского русского консульства в Берлине, в связи с обратной поездкой через Индию, или через Россию, в зависимости от обстоятельств.

[...]

[А. Грюнведель]

Следующий документ содержательно продолжает предыдущий. Как следует из письма А. Грюнведеля Дж. Макартни, союзником немецких ученых выступил британский политический агент и генеральный консул в Кашгаре в 1890–1918 гг. Дж. Макартни (Macartney, George; 1867–1945)⁹. Макартни – наполовину китаец, его мать была родственницей Лар Ванга – одного из руководителей Тайпинского восстания 1850–1864 гг. Начал карьеру как переводчик в экспедиции Ф.Э. Янгхазбенда в 1890 г. Макартни обладал колоссальным влиянием в центральноазиатском регионе. Документ не датирован. В нем говорится, что экспедиция готовится к отъезду в Кызыл из Кумтуры. Судя по письму к жене от 1 апреля 1906 г.¹⁰, работа в Кызыле шла в марте – апреле 1906 г.

⁹ О нем см. подробно: *Мясников В.С. Образ Н.Ф. Петровского в английском зеркале... // Петровский Н.Ф. Туркестанские письма / Отв. ред. В.С. Мясников. М., 2010. С. 4–19; Skrine C., Nightingale P. Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London, 1973.*

¹⁰ См.: *Dreyer C. Op. cit. S. 152.*

№ 2

А. Грюнведель – Дж. Макартни

Die Pässe sind zu senden an die Adresse:

Political Agent George Macartney Esq.

С.Ж.Е.

Via India Kashgar

Chinese Turkestan

Wenn Sie sehr beschäftigt sind, bitte ich, diesen Brief an die Generalverwaltung weiter geben zu wollen:

Berezofskii ist hier mit seinem Begleiter, einem Architekten, der ebenfalls Berezofskii heisst: die Beziehungen, welche wir zu ihm haben, sind die angenehmsten. B[erezofskii] kenne ich als verträglichen und durchweg anständigen Mann.

Verzeihen Sie, bitte, die neue Störung und noch mehr das merkwürdige Papier; ich kann, da alles für die Weiterreise nach Qyzyl verpackt ist, im Moment kein anderes aufreiben.

Im Allgemeinen sind die Resultate in Qumtura wissenschaftlich *sehr wertvoll*, nur die Manuscriptfunde sind schwach.

Mit herzlichen Grüßen von uns allen,

Ihr ergebener

Albert Grünwedel.

Turfan-Akten 5891–5892

Перевод

Паспорта должны быть отправлены по адресу:

Политический агент Джордж Макартни, эсквайр

С.Ж.Е.

Через Индию Кашгар

Китайский Туркестан

Если Вы очень заняты, я прошу передать это письмо в Главное управление [музеев]:

Здесь находится Березовский со своим спутником, архитектором, которого тоже зовут Березовский¹¹, – отношения, которые у нас с ним самые приятные. Березовского я знаю как приличного и исключительно порядочного человека.

Простите, пожалуйста, за новое беспокойство и еще более – за странную бумагу; я не могу найти другую, так как все упаковано для дальнейшей поездки в Кызыл.

В целом результаты из Кумтуры очень ценны с научной точки зрения, только находки рукописей незначительны.

С сердечным приветом от всех нас,

Преданный Вам

Альберт Грюнведель.

Третий документ представляет собой один из кратких докладов А. фон Ле Кока в Главное управление королевских музеев. Альберт фон Ле Кок (Albert von Le Coq, 1860–1930), сотрудник Этнологического музея в Берлине, руководил II и IV Прусскими Императорскими Турфанскими экспедициями. Ранее были изданы три докладные записки А. Грюнведеля, адресованные в Главное управление¹². В них давался отчет о работах российских коллег, предлагалось обоснование необходимости снарядить собственные экспедиции в Восточный Туркестан, представлялись сметы расходов.

¹¹ Имеется в виду Николай Матвеевич Березовский (1879–1941) – двоюродный брат М.М. Березовского, выпускник Института гражданских инженеров, архитектор и художник.

¹² Бухарин М.Д. Докладные записки и отчеты А. Грюнведеля в Главное управление королевских музеев // Восточный Туркестан и Монголия. Т. I. С. 343–362.

Публикуемый ниже документ представляет собой письмо А. фон Ле Кока также в Главное управление королевских музеев, в котором цитируется фрагмент письма Дж. Макартни. В нем британский консул в Кашгаре сообщает А. фон Ле Коку о том, что в Кашгар прибыл М.М. Березовский, который выразил удовлетворение результатами работ в Куче. Судя по дневнику, в Кашгар Березовский прибыл 30 декабря 1907 г. Он остановился у помощника консула И.А. Бобровникова¹³. Возможно, на том или ином дипломатическом приеме обсуждались результаты работы. Прямо или косвенно эти сведения могли попасть к Дж. Макартни – британскому консулу в Кашгаре, который, несомненно, знал о конфликте между российской и германской экспедициями. Макартни передал эти сведения Ле Коку, а тот счел необходимым известить Главное управление королевских музеев. Возможно, Макартни полагал, что именно удовлетворение результатами работ, выраженный Березовским, и привлечет внимание Ле Кока.

Примечателен данный документ, однако, не только этим. Как только кому-либо из действующих лиц «Большой археологической игры» становилось известным что-либо о деятельности конкурентов, сразу следовал обмен сведениями.

№ 3

А. фон Ле Кок – в Главное управление королевских музеев

E. № 262/08

Der Generalverwaltung vorgelegt

G.G.

F. W. K. Müller

d. 8. II/1908

[...]

Zu den Turfanakten

F. W. K. Müller

d. 12 Februar/1908

Ein Privatbrief des Herrn Ges. Macartney, Political Agent, Kashgar, an den Unterzeichneten enthält folgenden Passus:

“Mr. Birozofski (Berezowskii) has reached Kashgar a few days ago; he pronounced himself greatly pleased, in every respect, with the results of his archaeological work in Kucha”.

Berlin, 6 Feb. 1908.

Turfan-Akten 2141.

Перевод

Представлено в Главное управление [музеев]

Ф. В. К. Мюллер

8.02.1908

[...]

К Турфанским документам

Ф. В. К. Мюллер

12.02.1908

Частное письмо господина посланника Макартни, политического агента в Кашгаре, подписавшего [настоящий документ], содержит следующий фрагмент:

¹³ *Березовский М.М.* Дневник путешествий за 1907 г. // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. II: Географические, археологические и исторические исследования / Под общ. ред. М.Д. Бухарина. М., 2018. С. 394.

«Господин Бирозофски (Березовский) несколько дней назад прибыл в Кашгар; он выразил полное удовлетворение во всех отношениях результатами своей археологической работы в Куче».

Берлин, 6 февраля 1908 г.

Суммируя данные трех документов, опубликованных выше, можно сказать, что они дополняют картину событий, разворачивавшихся в Восточном Туркестане в 1906–1907 гг. Немецкие археологи с готовностью шли на конфликт с российскими коллегами, заранее готовя запасной обратный путь через Индию. В этом им помогал один из наиболее влиятельных дипломатических представителей в Китае – британский консул в Кашгаре Дж. Макартни. Макартни собирал сведения о деятельности российских археологов и с готовностью передавал их немецким коллегам в частной переписке. Те, в свою очередь, уведомили о происшедшем берлинское Главное управление королевских музеев.

Библиография

Березовский М.М. Дневник путешествий за 1907 г. // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. II: Географические, археологические и исторические исследования / Под общ. ред. М.Д. Бухарина. М., 2018. С. 385–403.

Бухарин М.Д. «Тяжелы эти окраины...». Изучение Восточного Туркестана и Монголии в конце XIX – начале XX в. // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. I: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания / Под общ. ред. М.Д. Бухарина. М., 2018. С. 11–81.

Бухарин М.Д. Докладные записки и отчеты А. Грюнведеля в Главное управление королевских музеев // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. I: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания / Под общ. ред. М.Д. Бухарина. М., 2018. С. 343–362.

Бухарин М.Д. Переписка М.М. Березовского и А. Грюнведеля // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX в. Т. I: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания / Под общ. ред. М.Д. Бухарина. М., 2018. С. 499–504.

Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. I–II / Под общ. ред. М.Д. Бухарина. М., 2018.

Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. V: Вторая Русская Туркестанская экспедиция 1914–1915 гг.: С.Ф. Ольденбург. Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана / Под ред. М.Д. Бухарина, М.Б. Пиотровского, И.В. Тункиной. М., 2020.

Мясников В.С. Образ Н.Ф. Петровского в английском зеркале... // *Петровский Н.Ф.* Туркестанские письма / Отв. ред. В.С. Мясников. М., 2010. С. 4–19.

Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Т. VI / Отв. ред. Л.Н. Меньшиков, Вей Тунсянь. Шанхай, 2005. (На кит. яз.)

Dreyer C. Abenteurer Seidenstrasse. Die Berliner Turfan-Expeditionen. 1902–1914. Leipzig, 2015.

Skrine C., Nightingale P. Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London, 1973.

References

Berezovskii M.M. Dnevnik puteshestvii za 1907 g. [Dairy of the Travel in 1907] // Vostochnyi Turkestan i Mongoliia. Istoriia izuchenii v kontse XIX – pervoi treti XX vv. T. II: Geograficheskie, arheologicheskie i istoricheskie issledovaniia / Pod. red. M.D. Bukharina [Eastern Turkestan and Mongolia. History of Exploration at the End of the 19th – First Third of the 20th Centuries. Vol. II: Geographical, Archaeological and Historical Investigations / Ed. M.D. Bukharin]. Moskva, 2018. P. 385–403. (In Russ.)

Bukharin M.D. "Tyazhely eti okrainy..." Izuchenie Vostochnogo Turkeстана i Mongolii v kontse XIX – nachale XX vv. ["Hard are these Outskirts..." Exploration of Eastern Turkestan and Mongolia at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century] // Vostochnyi Turkestan i Mongoliia. Istoriia izuchenii v kontse

XIX – pervoi treti XX vv. T. I: Epistolyarnye dokumenty iz arhivov Rossiiskoi akademii nauk i Turfanskogo sobraniia / Pod obshch. red. M.D. Bukharina [Eastern Turkestan and Mongolia. History of Exploration at the End of the 19th – First Third of the 20th cent. Vol. I: Correspondence from the Archives of the Russian Academy of Sciences and Turfan Collection / Ed. M.D. Bukharin]. Moskva, 2018. P. 11–81. (In Russ.)

Bukharin M.D. Dokladnye zapiski i otchety A. Grünwedelia v Glavnoe upravlenie korolevskikh muzeev [Memorandum and Reports of A. Grünwedel to Generalverwaltung der königlichen Museen // Vostochnyi Turkestan i Mongoliia. Istoriia izucheniia v kontse XIX – pervoi treti XX vv. T. I: Epistolyarnye dokumenty iz arhivov Rossiiskoi akademii nauk i Turfanskogo sobraniia / Pod obshch. red. M.D. Bukharina [Eastern Turkestan and Mongolia. History of Exploration at the End of the 19th – First Third of the 20th cent. Vol. I: Correspondence from the Archives of the Russian Academy of Sciences and Turfan Collection / Ed. M.D. Bukharin]. Moskva, 2018. P. 343–362. (In Russ.)

Bukharin M.D. Perepiska M.M. Berezovskogo i A. Gryunvedelya [Correspondence of M.M. Berezovskiy and A. Grünwedel] // Vostochnyi Turkestan i Mongoliia. Istoriia izucheniia v kontse XIX – pervoi treti XX vv. T. I: Epistolyarnye dokumenty iz arhivov Rossiiskoi akademii nauk i Turfanskogo sobraniia / Pod obshch. red. M.D. Bukharina [Eastern Turkestan and Mongolia. History of Exploration at the End of the 19th – First Third of the 20th cent. Vol. I: Correspondence from the Archives of the Russian Academy of Sciences and Turfan Collection / Ed. M.D. Bukharin]. Moskva, 2018. P. 499–504. (In Russ.)

Myasnikov V.S. Obraz N.F. Petrovskogo v angliiskom zerkale... [Image of N.F. Petrovskiy in English Mirror] // *Petrovskii N.F.* Turkestanskii pis'ma / Otv.red. V.S. Myasnikov [Turkestan Letters / Ed. V.S. Myasnikov]. Moskva, 2010. P. 4–19. (In Russ.)

Pamyatniki iskusstva iz Dun'huana, khanyashchiesya v Gosudarstvennom Ermitazhe. T. VI. / Otv.red. L.N. Men'shikov, Wei Tongxian [Dunhuang Art Relics Collected in the State Hermitage Museum of Russia. Vol. VI / Eds. L.N. Men'shikov, Wei Tongxian]. Shanghai, 2005. (In Chinese)

Vostochnyi Turkestan i Mongoliia. Istoriia izucheniia v kontse XIX – pervoi treti XX veka. T. I–II / Pod obshch. red. M.D. Bukharina [East Turkestan and Mongolia. History of study at the end of the 19th – first third of the 20th century. Vol. I–II / Ed. M.D. Bukharin]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Vostochnyi Turkestan i Mongoliia. Istoriia izucheniia v kontse XIX – pervoi treti XX veka. T.V. Vtoraya Russkaya Turkestanskaya ekspeditsiia 1914–1915 gg. S.F. Ol'denburg. Opisanie peshcher Chan-fo-duna bliz Dun'-huana / Pod Red. M.D. Bukharina, M.B. Piotrovskogo, I.V. Tunkinoi [Eastern Turkestan and Mongolia. History of Exploration at the End of the 19th – First Third of the 20th century. Vol. V: the Second Russian Turkestan expedition of 1914–1915. S.F. Oldenburg / Eds. M.D. Bukharin, M.B. Piotrovskiy, I.V. Tunkina]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Dreyer C. Abenteuer Seidenstrasse. Die Berliner Turfan-Expeditionen. 1902–1914. Leipzig, 2015.

Skrine C., Nightingale P. Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London, 1973.

DOI: 10.31857/S013038640013390-7

© 2021 г. А.О. НАУМОВ

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ДЖОЗЕФА НАЯ

Наумов Александр Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

E-mail: anaoumov@mail.ru

Researcher ID: AAX-7789-2020

Аннотация. Популярная сегодня теория «мягкой силы» была разработана в США в начале 1990-х годов проф. Джоозефом Наем-младшим. Американский исследователь охарактеризовал «мягкую силу» как способность государства добиваться желаемого на международной арене путем привлечения симпатий, а не с помощью угроз, давления, подачек или подкупа. Благодаря Дж. Наю эта концепция прочно вошла в современный научный лексикон, стала предметом детального анализа ученых, была интегрирована во внешнеполитические стратегии США, Великобритании, Китая, России и многих других стран.

Введение в научный оборот термина «мягкая сила» впервые превратило применение элементов культурного и идеологического воздействия в эффективный инструментарий для достижения геополитических целей. Сегодня любое государство, претендующее на глобальный или региональный статус в мировой политике, просто обязано иметь в своем внешнеполитическом арсенале инструменты «мягкой силы». При этом идея укрепления своих международных позиций путем привлекательности, конечно, не нова. Задолго до появления концепции Дж. Ная различные акторы в той или иной степени использовали описанные им механизмы. На протяжении веков развивалась и эволюционировала и теоретическая мысль в этом направлении. Автор последовательно анализирует ведущие концепции прошлого, семантически связанные с теорией Дж. Ная. Особое внимание в статье уделяется идеям крупнейших древнекитайских философов Лао-цзы, Мо-цзы, Конфуция и других, трудам итальянских мыслителей Н. Макиавелли и А. Грамши, а также «мягкосиловым» инструментам внешнеполитической стратегии нацистской Германии.

Ключевые слова: «мягкая сила», Дж. Най, Лао-цзы, Сунь-цзы, Н. Макиавелли, А. Грамши, «культурная гегемония», нацизм, Й. Геббельс, внешняя политика, международные отношения.

A.O. Naumov

Ideological and Political Origins of J.S. Nye's Concept of Soft Power

Alexander Naumov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

The study was carried out with the support of the Interdisciplinary scientific and educational school of Moscow University "Preservation of the world cultural and historical heritage".

E-mail: anaoumov@mail.ru

Researcher ID: AAX-7789-2020

Abstract. The popular theory of soft power was created in the United States in the early 1990s by Joseph S. Nye, Jr. An American researcher with extensive practical experience in public administration described soft power as the ability to achieve what is desired in the international arena by attracting sympathy, rather than using pressure or bribery. The integration of the term «soft power» into academic life for the first time turned the use of elements of cultural and ideological influence in the international relations into an effective tool for achieving geopolitical goals. Today any state that claims a certain status in world politics is simply obliged to have the soft power tools in its foreign policy strategy. At the same time the idea of strengthening its position in world politics through attractiveness is certainly not new. Long before the Nye's concept appeared, different actors used mechanisms described by him. Over the centuries theoretical thought has also developed and evolved in this direction.

The author analyzes the leading concepts of the past, which are semantically related to J.S. Nye's theory and studies original cases of implementation of soft power technologies in practice. Special attention is paid to the ideas of several ancient Chinese thinkers and Italian philosophers N. Machiavelli and A. Gramsci, as well as soft-power tools of the foreign policy strategy of Nazi Germany in the mid-1930s.

Keywords: soft power, J.S. Nye, Lao-Tzu, Sun-Tzu, N. Machiavelli, A. Gramsci, cultural hegemony, Nazism, J. Goebbels.

Концепция «мягкой силы» была разработана одним из наиболее авторитетных представителей современной американской неолиберальной традиции профессором Гарвардского университета Джозефом Наем-младшим. Впервые этот термин был использован им в статье, которая так и называлась — «Мягкая сила»¹. Дальнейшее развитие концепция получила в книге «Обязанный лидировать: меняющийся характер американской мощи»². Но основная, классическая, работа Дж. Най на эту тему «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике»³ была издана в 2004 г. Спустя семь лет он написал еще одну фундаментальную монографию — «Будущее власти»⁴, в которой продолжил разработку этой концепции.

В самом общем смысле под «мягкой силой» Дж. Най понимает «способность достигать желаемого посредством притяжения, а не принуждения или платежей». «Мягкую силу» исследователь рассматривает в качестве косвенного способа осуществления власти. С его точки зрения, страна способна достичь своих целей на международной арене, если остальные захотят следовать ее примеру добровольно, исходя из высокой оценки уровня ее открытости и процветания, а не в результате оказания прямого давления с помощью военно-политических и экономических методов. В отличие от «жесткой силы», склоняющей субъекта мировой политики к принятию тех или иных действий через навязывание своей воли, «мягкая сила» основывается на способности формировать предпочтения объекта воздействия⁵.

В науке превалирует точка зрения (и она представляется справедливой), что концепт «мягкой силы» сформировался как результат более ранних теоретических наработок. Не вызывает также сомнения, что технологии «мягкой силы» активно применялись акторами мировой политики на протяжении всей истории человечества. Именно поэтому анализ истоков концепции Дж. Най, безусловно, является серьезной научной проблемой, тем более что она практически не затрагивалась ранее в отечественной историографии.

Идейные истоки теории «мягкой силы» можно обнаружить уже в датированных VIII–III вв. до н.э. сочинениях древнекитайских мудрецов. Так, в трактате «Книга пути

¹ Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153–151.

² Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1990.

³ Nye J.S. Soft Power: the Means to Success in World Politics. New York, 2004.

⁴ Nye J.S. The Future of Power. New York, 2010.

⁵ Nye J.S. Soft Power: the Means to Success in World Politics. P. X, 5.

и достоинства», основополагающем источнике даосизма, авторство которого традиционно приписывается Лао-цзы (VI–V вв. до н.э.), была сформулирована концепция «недеяния», согласно которой каждый человек должен руководствоваться в своей жизни мягкими принципами и способами действия и отвергать жесткие, не делать того, что противно природе. Лао-цзы отвергал войну как способ достижения государственных целей и отмечал, что «в мире самые слабые побеждают самых сильных... Твердое и крепкое – это то, что погибает, а нежное и слабое есть то, что начинает жить»⁶. Основатель школы моистов Мо-цзы (V–IV вв. до н.э.) также придерживался пацифистских взглядов. Он сформулировал теорию «всеобщей любви и взаимной выгоды», согласно которой человек должен проявлять любовь ко всем окружающим его людям, и тогда в благодарность за это он получит ответную любовь, что в конечном счете приведет к взаимной выгоде. Именно мягкий образ повседневного действия человека, по мнению Мо-цзы, способствует достижению желаемых результатов⁷. Против насилия также выступал Мэн-цзы, различавший два типа правителей: истинного правителя (ван), руководствующегося человеколюбием и мягкой силой, и гегемона (ба), опирающегося на принуждение и пренебрегающего гуманностью. По Мэн-цзы, «покоряющему людей силой не покорить их сердца. На это у него не хватит никаких сил. Покоряющему людей добродетелями удастся вызвать радость из самых глубин их сердец, все покорятся ему со всей искренностью»⁸.

Идеи «мягкой силы» перекликаются и с постулатами учения Конфуция. Особенно явно «мягкий» характер конфуцианства прослеживается при сопоставлении с концепциями школы легистов (фацзя) – его исторических противников в вопросах государственного управления. В качестве основного метода социальной регуляции легисты позиционировали жесткий и непререкаемый закон (фа), которому Конфуций противопоставлял мягкий ритуал (ли), основанный на традиционных родоплеменных ценностях. В «Аналектах Конфуция» говорилось: «Если наставлять народ путем введения правления, основанного на законе, и поддерживать порядок угрозой наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится чувства стыда. Если наставлять народ путем введения правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем использования правил, в народе появится чувство стыда, и он исправится»⁹.

Примечательно, что даже знаменитый стратег Древнего Китая Сунь-цзы не отдавал предпочтения «жесткой силе». Война, по его убеждению, есть путь обмана и необходимое зло, которого следует избегать, насколько это возможно. Один из его афоризмов гласил, что сразиться и сто раз победить – не есть лучшее из лучшего, лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь¹⁰. Сунь-цзы считал, что поскольку война лишь один из способов получения выгоды, притом, как правило, наиболее затратный и не всегда самый эффективный, то жесткие средства должны использоваться правителем только в исключительных случаях.

Определенный вклад в эволюцию концепции «мягкой силы» внес знаменитый итальянский ренессансный мыслитель и государственный деятель Н. Макиавелли. Он писал, что основными методами правителя должны быть как сила, так и благородство, которые для более эффективного управления следует сочетать (это нашло воплощение в восходящей к античности формуле «льва и лисы»). Макиавелли считал, что грубая сила неизбежно сопровождается «мягким» воздействием, ведь в силу основных человеческих инстинктов военная мощь не может добровольно вызывать симпатии подданных

⁶ Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М. – Л., 1950. С. 56–57.

⁷ Янгутов Л.Е. Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 160.

⁸ Мэн-цзы / Под ред. Л. Н. Меньшикова. СПб., 1999. С. 53.

⁹ Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М., 1998. С. 306.

¹⁰ Сунь-цзы. Искусство войны. М., 2019. С. 17.

ее обладателя, поэтому для достижения более эффективных результатов следует использовать и несиловые методы влияния на объект. По мнению Макиавелли, власть держится на силе и согласии, и любой властитель при управлении государством должен вызывать у своих подданных как чувство страха, так и чувство любви. Правда, в соответствии с духом той исторической эпохи философ считал, что цель оправдывает средства, и поэтому отдавал предпочтение страху, т.е. «жесткой силе» подавления. «Говорят, — писал Макиавелли, — что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если приходится выбирать, то надежнее выбрать страх... Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы, если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти»¹¹. Дж. Най отсюда делал вывод, что между реализмом и «мягкой силой» нет никакого противоречия¹².

Отметим, что Макиавелли жил и творил на рубеже XV–XVI вв., когда католичество играло огромную роль в жизни Европы. И в Ватикане отдавали себе отчет в эффективности «технологий» «мягкой силы» для удержания и укрепления собственных позиций. Широко известен, например, хорошо демонстрирующий данный тезис девиз генерала ордена иезуитов К. Аквавива: «Будем тверды в достижении цели и мягки в способах ее достижения»¹³. В 1662 г. именно при папе римском была образована особая конгрегация, целью которой было распространение веры с помощью миссионерской деятельности, после чего, собственно, и появился термин «пропаганда».

Вспоминая успешные примеры комбинирования технологий «жесткой силы» и «мягкой силы», а также связанные с этим вопросы пропаганды, нельзя не вспомнить о событиях 30-х годов XX в. в Германии. Малоизвестно, но факт: Третий рейх активно использовал данные методики, предложив свой, весьма специфический вариант «мягкой силы». Хотя он был обречен на неудачу ввиду человеконенавистнической идеологии нацизма, тем не менее на короткий исторический период оказался удивительно действенным и эффективным. К середине 1930-х годов нацистский режим обзавелся весьма привлекательным имиджем на международной арене. Германии удалось создать представление о себе как об успешном и быстроразвивающемся государстве, едва ли не главном борце за мир в Европе и одновременно бескомпромиссном противнике коммунизма, которого так боялись политические элиты Великобритании, Франции и других стран. Когда же рейх вступил на путь экспансии, его военно-политическая, экономическая и идеологическая мощь уже самим фактом своего существования оказывала гипнотическое воздействие на объекты будущей агрессии, лишая многих из них воли к сопротивлению. Гитлеровский режим внес огромный вклад и в идею использования пропаганды в качестве внутри- и внешнеполитического оружия. Разработанная Й. Геббельсом система «тотальной пропаганды» активно использовалась для массовой обработки населения в нацистском духе и идеологической подготовки новой мировой войны. Важно отметить, что ключевое значение Геббельс придавал, как и впоследствии Дж. Най, силе идей, которые, по его мнению, были предпосылкой любой пропаганды. Намного опередив автора концепции «мягкой силы», Геббельс считал: пропаганда работает лучше всего тогда, когда те, чьим сознанием она манипулирует, уверены, что действуют по собственной воле, искренне веря в идею, поданную носителем «мягкой силы»¹⁴. Не будет большим преувеличением сказать, что разработанные и апробированные пропагандистские технологии Третьего рейха, в том числе пресловутые принципы пропаганды Геббельса (предельная простота любых посланий, максимальное однообразие ясных, кратких

¹¹ *Макиавелли Н.* Государь: Сочинения. М., 1998. С. 93–94.

¹² *Най Дж.* Будущее власти. М., 2014. С. 150.

¹³ *Душенко К.В.* Всемирная история в изречениях и цитатах. М., 2008. С. 19.

¹⁴ *Kater M.* Inside Nazis. The Goebbels Diaries, 1924–1941 // *Canadian Journal of History*. Vol. 25. 1990. P. 233–243.

и хлестких посланий, воздействия в основном на чувства и т.п.), затем легли в основу созданной в США в 1960-е годы концепции публичной дипломатии (сконструировавший этот концепт американский ученый Э. Галлион считал публичную дипломатию эвфемизмом понятия «пропаганда»), ныне ключевого инструмента наращивания потенциала «мягкой силы» любого международного актора.

О феномене привлекательности нацистского режима в данном контексте в 1939 г. писал один из предшественников Дж. Ная Э. Карр. Уже тогда он структурировал и выделил три типа силы (власти) государств на международной арене: экономическую силу, военную силу и «власть над мнениями», которая в реалиях того времени была во многом синонимична современной «мягкой силе». В своей знаменитой работе «Двадцатилетний кризис, 1919–1939» он серьезно размышлял на эту тему и отмечал растущую значимость подобной силы, без широкого использования которой Германия, по его мнению, не смогла бы с такой поразительной быстротой набрать необходимую мощь для успешного развертывания своей агрессии в Европе¹⁵.

Говоря об идейных истоках «мягкой силы», никак нельзя обойти вниманием современника Э. Карра, итальянского философа, деятеля коммунистического движения, одного из основоположников неомарксизма А. Грамши. О влиянии его трудов на разработку концепта «мягкой силы» говорил непосредственно Дж. Най¹⁶. Опираясь в том числе на идеи Макиавелли (в интерпретации итальянского коммуниста они получили название «макиавеллиевский Кентавр»), Грамши создал учение о «культурной гегемонии»¹⁷. Ее источниками он называл образовательные учреждения (в первую очередь школу), прессу, частные организации, церковь, профсоюзы, а ее основой – интеллигенцию, которая осуществляет гегемонию через идеи в форме интеллектуального и морального руководства. При этом гегемония предполагает именно активное и благожелательное согласие общества, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Грамши писал, что «интеллигенты – это “приказчики” господствующей группы, выполняющие вспомогательные функции, связанные с осуществлением этой группой социальной гегемонии и политической власти... они помогают обеспечить “стихийное” согласие народных масс с тем направлением, которое навязывает обществу основная господствующая группа; это согласие возникает “исторически” в связи с престижем (а значит, и доверием), которым пользуется господствующая группа благодаря своей роли в производстве»¹⁸. Важную роль в осуществлении данной власти, по Грамши, играет «культурное ядро» – совокупность представлений общества о мире и человеке, добре и зле, традиции, символы, предрассудки, эмпирические знания и опыт предыдущих поколений, запечатленные в массовом сознании и культуре образы. Подрыв «культурного ядра» происходит путем «молекулярной агрессии», что ведет к революции. Для наиболее эффективного воздействия на «культурное ядро» и его взлома, по мнению Грамши, необходимо длительное «мягкое» воздействие на сознание широких народных масс при помощи СМИ, культурных и образовательных проектов, публичного и экспертного дискурса соответствующей направленности (т.е. тех самых технологий «мягкой силы»), которые постепенно создают новое «культурное ядро».

Среди трудов второй половины XX в., связанных с этой тематикой, следует выделить теоретические наработки таких исследователей, как С. Льюкс, П. Бурдьё, М. Баратц, П. Бахрах, А. Вавинг и др. Британский политический и социальный теоретик С. Льюкс,

¹⁵ Carr E. *The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*. New York, 2001. P. 21–25.

¹⁶ Nye J.S. *The Limits of Chinese Soft Power* // Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-civil-society-nationalism-soft-power-by-joseph-s--nye-2015-07?barrier-accesspaylog> (дата обращения: 19.03.2020).

¹⁷ Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Т. 3. Тюремные тетради. М., 1959. С. 158, 241.

¹⁸ Грамши А. Искусство и политика. Т. I. М., 1991. С. 174.

например, выделял три «измерения силы». Первое представляет собой силу принимать и реализовывать решения; второе — устанавливать повестку и формировать таким образом пространство дискурса; третье — способность манипулировать желаниями и предпочтениями других, убеждать их хотеть того же, чего желает субъект силы. По сути, «мягкая сила» в понимании Дж. Найя включает в себя второе и особенно третье «измерение силы». Здесь также идет речь о формировании предпочтений и устремлений, основанных на привлекательных идеях и ценностях как неких образцах для подражания. При этом особенностью третьего «измерения силы», по Льюксу, является то, что оно препятствует возникновению чувства недовольства при помощи формирования у людей нового восприятия и предпочтений, обеспечивающих принятие роли желаний носителя силы как естественных или даже благотворных для себя¹⁹.

Небезынтересна и созданная также в 1970-е годы концепция символической власти П. Бурдьё. По мнению французского социолога, символическая сила — это специфическая власть, которая может изменять и формировать категории оценки и восприятия общества, оказывающие влияние на его организацию. Данная власть является преобразенной, невидимой, неузнаваемой; она сильна тогда, когда те, кто подчиняются ее воздействию, не догадываются о ее существовании. Особую важность имеют символические системы, структурирующие социум, — искусство, язык, религия. Бурдьё подчеркивал важность такой силы в противовес марксистским концепциям примата экономики и считал, что при ее использовании можно добиться тех же целей, которых обычно достигают, применяя инструменты «жесткой силы», правда, только в том случае, если эта власть является признанной. Исследователь указывал на идеологическую функцию господствующего дискурса, выражающуюся в навязывании восприятия текущего порядка вещей как естественного при помощи замаскированного внедрения ментальных структур и систем классификации, подогнанных к общественным институтам²⁰.

Идея обретения силы и власти через привлекательность не нова. На протяжении столетий человеческой истории мыслители, ученые и политические деятели искали подходы к эффективному решению задач на внутренней и международной арене без применения грубой силы. Древнекитайские мудрецы, мыслители Нового времени, политики и ученые XX в. предлагали различные варианты достижения желаемого путем убеждения, притяжения, привлечения и соблазна. Но только в 1990 г. Дж. Най, безусловно, используя опыт предшественников, сумел создать полноценную, научно проработанную концепцию «мягкой силы» и, действуя в духе американского практицизма, показал возможность ее применения как эффективного инструмента для увеличения влияния государства на мировой арене.

Библиография

- Грамши А.* Избранные произведения в трех томах. Т. 3. Тюремные тетради. М., 1959.
Грамши А. Искусство и политика. Т. I. М., 1991.
Душенко К.В. Всемирная история в изречениях и цитатах. М., 2008.
Макиавелли Н. Государь. М., 1998.
Мэн-цзы / Под ред. Л.Н. Меньшикова. СПб., 1999.
Най Дж. Будущее власти. М., 2014.
Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». Факсимильный текст «Лунь юй» с коммент. Чжу Си. М., 1998.
Сунь-цзы. Искусство войны. М., 2019.
Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М. — Л., 1950.
Янгутов Л.Е. Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 159–167.

¹⁹ Lukes S. Power: A Radical View. London, 1974. P. 16–29.

²⁰ Bourdieu P. Sur le pouvoir symbolique // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 1977. № 3. P. 405–411.

- Bourdieu P.* Sur le pouvoir symbolique // *Annales. Economies, sociétés, civilisations*, 1977. № 3. P. 405–411.
- Carr E.* The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. New York, 2001.
- Kater M.* Inside Nazis. The Goebbels Diaries, 1924–1941 // *Canadian Journal of History*. Vol. 25. 1990. P. 233–243.
- Lukes S.* Power: A Radical View. London, 1974.
- Nye J.S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1990.
- Nye J.S.* Soft Power // *Foreign Policy*. № 80. 1990. P. 153–151.
- Nye J.S.* Soft Power: the Means to Success in World Politics. New York, 2004.
- Nye J.S.* The Future of Power. New York, 2010.
- Nye J.S.* The Limits of Chinese Soft Power // Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-civil-society-nationalism-soft-power-by-joseph-s--nye-2015-07?barrier-accesspaylog> (дата обращения: 19.03.2020).

References

- Dushenko K.V.* Vsemirnaia istoriia v izrecheniiakh i tsitatakh [World History in Aphorism and Quotes]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Gramshi A.* Iskusstvo i politika [Art and Politics]. Vol. I. Moskva, 1991. (In Russ.)
- Gramshi A.* Izbrannye proizvedeniia v trekh tomakh, t. 3. Tiuremnye tetrad [Selected Works in Three Volumes. 3rd Volume. The Prison Notebooks]. Moskva, 1959. (In Russ.)
- Machiavelli N.* Gosudar' [The Prince]. Moskva, 1998. (In Russ.)
- Men-tszy / Pod red. L.N. Men'shikova [Meng-Tzu / Ed. by L.N. Menshikov]. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)
- Nye J.* Budushchee vlasti [The Future of Power]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Perelomov L.S.* Konfutsii: «Lun' iui». Faksimil'nyi tekst «Lun' iuia» s komment. Chzhu Si [Confucius: "Analects". Facsimile Text of "Analects" with Comments Zhu Xi]. Moskva, 1998. (In Russ.)
- Sun Tzu.* Iskusstvo voyny [Art of War]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Yang Hing-shun.* Drevnekitaiskii filosof Lao-Tszy i ego uchenie [Ancient Chinese Philosopher Lao-Tzu and His Teachings]. Moskva – Leningrad, 1950. (In Russ.)
- Yangulov L.E.* Dukhovnye istoki politicheskoi strategii «miagkoi sily» Kitaia [Spiritual Origins of the Political Strategy of Chinese Soft Power] // *Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]*. 2016. № 4. P. 159–167. (In Russ.)
- Bourdieu P.* Sur le pouvoir symbolique // *Annales. Economic. Societe. Civilisations*. 1977. № 3. P. 405–411.
- Carr E.* The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. New York, 2001.
- Kater M.* Inside Nazis. The Goebbels Diaries, 1924–1941 // *Canadian Journal of History*. Vol. 25. 1990. P. 233–243.
- Lukes S.* Power: A Radical View. London, 1974.
- Nye J.S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1990.
- Nye J.S.* Soft Power // *Foreign Policy*. № 80. 1990. P. 153–151.
- Nye J.S.* Soft Power: the Means to Success in World Politics. New York, 2004.
- Nye J.S.* The Future of Power. New York, 2010.
- Nye J.S.* The Limits of Chinese Soft Power // Project Syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-civil-society-nationalism-soft-power-by-joseph-s--nye-2015-07?barrier-accesspaylog> (access date: 19.03.2020).

DOI: 10.31857/S013038640013392-9

© 2021 г. А.А. Орлов

БРИТАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII века:
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВЕКТОР

Рец. на книгу: Т.Л. Лабутина. БРИТАНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ И ЕКАТЕРИНА II.
ДИАЛОГ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ. СПб.: Алетейя, 2019, 458 с.

Орлов Александр Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

E-mail: arkigolkin@yandex.ru

Researcher ID: AAY-9535-2020

A.A. Orlov

BRITISH DIPLOMACY OF THE SECOND HALF OF THE 18th century:
THE PETERSBURG VECTOR

Rec. ad op.: T.L. Labutina. BRITISH DIPLOMATS AND CATHERINE II. DIALOGUE
AND OPPOSITION. Saint-Petersburg: Aletheia, 2019, 458 p.

Alexander Orlov, Institute of History and Politics of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

E-mail: arkigolkin@yandex.ru

Researcher ID: AAY-9535-2020

Монография является продолжением предшествующих исследований Т.Л. Лабутиной в рамках реализации проекта «Британская культура в России в XVI–XVIII вв. Восприятие, заимствования и отторжение», посвященного политическим, экономическим и культурным связям России и Англии от их возникновения в середине XVI в. до конца XVIII в.¹ В новом исследовании, вышедшем в серии *Rex Britannica*, Т.Л. Лабутина всесторонне изучает деятельность корпуса британских дипломатов в России во время правления Екатерины II. Автор во введении справедливо отмечает, что «ученые чаще всего обращались к отдельным вопросам» русско-английских отношений этого периода, и что в отечественной историографии отсутствует какой-либо обобщающий труд по данной проблеме (с. 12). Автор на основе большого количества источников изучает переговорный

процесс британских дипломатов с Екатериной II и ее министрами (с. 6) и дает всестороннюю оценку деятельности каждого британского посла на своем посту. Книга состоит из введения, двенадцати глав и заключения.

Первая глава монографии формально выходит за хронологические рамки, обозначенные в названии, и посвящена общению великой княгини Екатерины Алексеевны с английским дипломатом Чарлзом Уильямсом накануне Семилетней войны 1756–1763 гг. Это отступление от рамок представляется оправданным, поскольку на основе секретной переписки Екатерины и Уильямса Т.Л. Лабутина показывает читателю первый опыт общения будущей императрицы с официальным представителем Лондона. Автор детально исследует этапы их взаимоотношений, рычаги скрытого влияния на великую княгиню и ее роль временного агента «мягкой силы» и платного информатора при русском дворе. По мнению Т.Л. Лабутиной, миссия Уильямса потерпела неудачу: он не смог предотвратить усиления влияния

¹ Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011; *её же*. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.

Франции в России. «Общение с опытным послом явилось для молодой Екатерины своеобразной школой искусной дипломатии, прекрасно освоенной ею в зрелые годы» (с. 48).

Вторая глава посвящена короткому, но насыщенному событиями периоду в российской истории (смерть императрицы Елизаветы Петровны, недолгое правление Петра III и дворцовый переворот 1762 г.), когда в Петербурге британским послом был Роберт Кейт. На основе многочисленных источников автор детально воссоздает цепочку судьбоносных для нашей страны событий 1761–1762 гг. Анализируя английскую позицию, Т.Л. Лабутина приходит к мнению, что Лондон в целом оставался индифферентным к событиям в далекой России, «он (король Георг III. – А.О.) продолжал интересоваться исключительно привилегиями и выгодами от торговли с Россией, а также получением преференций от проводимого Великобританией курса внешней политики» (с. 71).

О дипломатической миссии Джона Хобарта графа Бэкингема (он в традициях русской историографии XIX–XX вв. в монографии назван графом Бэкингэмширом) повествует третья глава². Главной задачей нового посла Т.Л. Лабутина видит продление союзного договора 1741 г., а также пролонгацию торгового договора 1734 г. Здесь приведен краткий обзор англо-русских торговых связей, ставших основой тесных дипломатических контактов. Автор анализирует первые серьезные противоречия Екатерины II с английским двором по вопросам внешней политики (Польша, Швеция, Турция), вылившиеся в затруднительные, закончившиеся ничем переговоры по обоим договорам и отзывом британского посла. Причину этого автор видит в нежелании «Великобритании идти на какие-либо уступки при заключении договоров с Россией» (с. 93). Т.Л. Лабутина цитирует мемуары Бэкингема, который за свое недолгое пребывание в России составил интересные заметки как об императрице и ее приближенных, так и о нравах и повседневной жизни русского двора начала царствования Екатерины II.

Четвертая глава рассказывает о попытках молодого посла Джорджа Макартни (в названии главы он ошибочно назван Джоном)³, сменившего на этом посту Бэкингема, заключить торговый и военный союз с Россией и о непростых перего-

ворах с руководителем внешней политики России графом Н.И. Паниным. Усиление позиции России на международной арене позволяло Петербургу действовать со все большей оглядкой на свои личные интересы. Английскому королю пришлось пойти на уступки, чтобы сохранить прежние привилегии британского купечества в России, но при этом торговый договор 1766 г. был выгоден обеим странам. Как утверждает автор, с приходом к власти Екатерины II политический союз с Россией становится одной из целей внешней политики Великобритании (с. 102–103). Однако попытка Лондона привязать союзный договор к торговому провалилась из-за желания Англии сохранить нейтралитет в грядущей русско-турецкой войне.

Пятая глава посвящена деятельности сразу двух англичан: Генри (Генриха) Ширили, оставшегося ненадолго заведовать делами английского посольства после отъезда Макартни, и Чарлза Каткарта (Кэткарта). Здесь автор обозначает внешнеполитические факторы, сблизившие Россию и Англию, а именно заинтересованность обеих держав «в ослаблении усилившегося влияния Франции на севере Европы – в Швеции, Дании, Польше» (с. 112). Ширили видел причину неудачи англо-русских переговоров в происках Пруссии, в нежелании этого сближения со стороны короля Фридриха II. Т.Л. Лабутина же считает, что виной этому был не столько прусский король, сколько осложнившиеся в ту пору отношения России с Польшей и Турцией (с. 116). Первоначально Лондон стремился сохранить свою торговлю в Леванте, но русско-турецкая война изменила приоритеты: «союз с Россией был в ту пору для англичан необходим, а Турция находилась под влиянием их противника – Франции» (с. 124). Автор отмечает двойственную политику Англии: стремление помочь России, чтобы заключить с ней союз, и противодействие свободному доступу российских кораблей в Средиземноморье. В результате обе стороны отказались от посреднической роли Лондона в заключении перемирия.

Миссия посла Роберта Ганнинга, описанная в шестой главе, проходила в непростое для императрицы время: продолжалась война с Турцией и нарастало недовольство ряда приближенных ее правлением. Глава разбита на пять частей, в каждой из которых рассмотрены англо-русские противоречия, мешавшие Ганнингу добиться поставленной задачи – заключить оборонительный союз. Первая часть – отказ Лондона субсидировать Данию, чтобы оградить ее от нападения со стороны Франции. Вторая – расхождение взглядов на польский и шведский вопросы (разделы

² Это касается и написания имен других британских дипломатов: Чарльз Генбюри Уильямс вместо Чарльз Хэнбери Уильямс, Чарльз Кэткарт вместо Чарльз Каткарт, виконт Веймут вместо Томас Тинн, виконт Уэймут, Джеймс Гаррис, граф Мальмсбюри вместо Джеймс Хэррис, граф Малмсбери.

³ Эта ошибка повторяется на с. 141 (гл. 6).

Польши и желание России восстановить конституционную систему правления в Швеции). Третья — желание Лондона выступить посредником в заключении мира между Россией и Турцией. Четвертая — начало войны за независимость тринадцати колоний в Америке и отказ России поддержать в ней Лондон, крайне негативно воспринятый в Британии. Пятая часть — восстание Е.И. Пугачёва в освещении Ганнинга. Послу, как и его предшественникам, не удалось заключить союз с Россией, но он стал свидетелем важных событий российской истории и, по мнению автора, «для наших соотечественников... интересен своими описаниями» этих событий (с. 185).

Три следующие главы повествуют о миссии в России опытного дипломата Джеймса Гарриса (Хэрриса). Седьмая глава продолжает историю попыток Англии заключить союзный договор с Екатериной II. Вступление в войну Франции, а позже и Испании на стороне американских патриотов, поставило Лондон в крайне опасную ситуацию, и подписание союза с Россией Сент-Джеймскому кабинету было жизненно необходимо. Для содействия переговорам к ним был привлечен фаворит императрицы Г.А. Потёмкин, который поддерживал заключение союза с Англией. Однако угроза войны с Турцией не позволила России вступить в конфликт с Францией. Т.Л. Лабутина справедливо отмечает, что «как бы тепло лично Екатерина ни относилась к Британии, ее симпатии не распространялись на Георга III или его администрацию» (с. 206).

Восьмая глава посвящена значимому внешнеполитическому проекту екатерининской дипломатии — «Вооруженному нейтралитету» 1780 г. — и реакции на него со стороны Лондона. Автор монографии приходит к мнению, что возросший статус России на международной арене «вызвал у многих британцев восхищение», но его результатом стало то, что с этого момента в Англии стали рассматривать Россию «как державу, которая представляла для них угрозу» (с. 233–234).

Взаимоотношениям двух стран в период действия «Вооруженного нейтралитета» посвящена девятая глава. В первой части автор рассматривает интересный эпизод, связанный с попыткой Англии заручиться поддержкой Екатерины II путем передачи России острова Менорка в Средиземном море (используется термин «территориальный подкуп»), как ответ на слухи о возможной передаче Франции островов в Карибском море. Вторая часть повествует о предложении Россией посредничества при заключении мира между Англией и Голландией. Впрочем, императрица вскоре

охладела к этому плану из-за войны с Турцией и присоединения Крыма, о чем говорится в третьей части главы.

Разведывательная деятельность названных выше британских послов в России описана в десятой главе. Во многих публикациях Т.Л. Лабутина и ранее обращалась к этой теме⁴. «Сведения об армии и флоте Российской империи, естественно, занимали первостепенное место в разведывательной информации послов. Но не только этим ограничивались дипломаты. Важными для правительства Великобритании, а значит и для послов, представлялись данные о первых лицах Российского государства... Все дипломаты рассматривали их (императрицу и лиц из ее ближайшего окружения. — *А.О.*) как потенциальный источник информации, который можно было использовать в интересах Великобритании» (с. 318).

В одиннадцатой главе дан подробный разбор работы Дж. Макартни «Описание России 1767 года» (*An Account of Russia. 1767. London, 1768*), изданной им анонимно по возвращении в Англию и представляющей, по мнению Т.Л. Лабутиной, «краткую энциклопедию российской жизни в первые годы правления Екатерины II» (с. 322). Автор считает, что этот труд, несмотря на глобальные трансформации и перемены внутри России, на завоевание ею позиций одной из ведущих держав в Европе, способствовал тому, что «прежний стереотип о "варварском" характере русского народа продолжал сохраняться в общественном мнении Великобритании» (с. 363–364).

Завершающая, двенадцатая глава, состоящая из двух частей (первая — об отношениях Екатерины II и ее сына, великого князя Павла Петровича; вторая — о министрах и приближенных императрицы), раскрывает «впечатления о Екатерине II, ее внутренней и внешней политике, министрах и придворных, обычаях и нравах русских людей, а также неординарных событиях в жизни страны», нашедших отражение в депешах британских послов (с. 365).

В заключении Т.Л. Лабутина приходит к выводу, что «на протяжении почти трех десятилетий (в 1756–1783 гг. — *А.О.*) британская сторона делала все возможное, чтобы добиться в переговорах [с Россией] (о пролонгации торгового и оборонительного договоров) наибольших преференций для своей страны» (с. 451). Эти усилия натолкнулись на твердую и взвешенную позицию Екатерины II, ее министров и приближенных. Великобритания

⁴ См., например: *Лабутина Т.Л.* Английские «рыцари плаща и кинжала» при дворе Екатерины II // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 37–56.

должна была с этим считаться. Если первоначально в Петербург направлялись далеко не профессиональные дипломаты, то, столкнувшись с поражением и даже провалом их миссий, Лондон стал заменять их на более опытных послов. Однако получилось так, что Екатерина II скорее сама использовала англичан (к примеру, их помощь в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.), нежели позволяла втягивать себя в интриги, направленные против России (с. 452). Благодаря искусной внешней политике Екатерины II международное значение России поднялось на новый уровень. Без участия Петербурга больше уже не могли заключаться союзы и вестись переговоры с другими государствами. С Россией теперь были вынуждены считаться все ведущие европейские державы (с. 453).

К недостаткам работы можно отнести отсутствие в монографии анализа переписки и оценки деятельности послов Аллейна Фицгерберта, 1-го барона Сайнт-Хеленс и Чарлза Уитворта (он ошибочно назван графом), находившихся в России в последнее десятилетие долгого правления Екатерины II, на период которого пришлось немало ключевых событий европейской истории, а также реализация давней мечты Лондона — заключение нового союзного договора с Россией. Все это оставляет у читателя некое чувство недосказанности и незавершенности. Автор сама упоминает об этом, сетуя на отсутствие переписки этих послов в российских книгохранилищах, и выражает надежду,

что исследование данной проблемы еще получит свое продолжение (с. 455).

Однако, принимая во внимание, что исследование является обобщающим, следует отметить, что в нем весьма полно воссоздана непростая картина англо-русских взаимоотношений в период правления Екатерины II. Можно констатировать, что новая монография Т.Л. Лабутиной заполняет имеющийся пробел в отечественной историографии, является актуальной и основательно фундаментальной научной работой.

Библиография

Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011.

Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.

Лабутина Т.Л. Английские «рыцари плаща и кинжала» при дворе Екатерины II // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 37–56.

References

Labutina T.L. Anglichane v dopetrovskoi Rossii [Englishmen in pre-Petrine Russia]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)

Labutina T.L. Britantsy v Rossii v XVIII veke [Britons in Russia in the XVIII century]. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)

Labutina T.L. Angliiskie “rytsari plashcha i kinzhala” pri dvore Ekateriny II [English “knights of the cloak and dagger” at the court of Catherine II] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary History]. 2019. № 5. S. 37–56. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640013393-0

© 2021 г. А.Б. Соколов

ПРЕСТУПНОСТЬ И НАКАЗАНИЯ В АНГЛИИ XVIII века

Рец. на книгу: С. Васильева, И. Эрлихсон. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ В АНГЛИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XVIII века.

Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетейя, 2020, 484 с.

Соколов Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

E-mail: sokolov_1457@mail.ru

Researcher ID: AAF-6283-2019

A.B. Sokolov

CRIME AND PUNISHMENT IN ENGLAND IN THE 18th century

Rec. ad op.: S. Vasilieva, I. Ehrlichson. CRIME AND PUNISHMENT IN ENGLISH SOCIAL THOUGHT OF THE 18th century. Essays on intellectual history. Saint-Petersburg: Aletheia, 2020, 484 p.

Andrey Sokolov, Yaroslavl State Pedagogical University Named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

E-mail: sokolov_1457@mail.ru

Researcher ID: AAF-6283-2019

Книга рязанских историков Светланы Васильевой и Ирины Эрлихсон в серии *Pax Britannica* продолжает традицию изучения просветительской мысли. После появления работ М. Фуко и возникновения новой культурной и новой социальной истории тема преступности и наказания стала одним из приоритетов современной историографии. Достоинством работы является обращение к относительно малоизвестным авторам XVIII в.; в тех случаях, когда речь идет о знаменитостях (например, Д. Дефо или Г. Филдинг), предметом изучения стали труды, прежде находившиеся на периферии исследований.

С. Васильева и И. Эрлихсон определили жанр книги как «Очерки». Это позволяет снять вопросы, связанные с выбором «действующих лиц», объясняет ограничения, которые авторы книги наложили на себя в плане использования источников, сконцентрировавшись на политических сочинениях, памфлетах и других литературных произведениях. Книга написана на основе серьезной историографической работы. Библиографический список литературы составил, не считая источников, около 400 наименований. Видимо, все эти труды имели для авторов значение. Однако в нем отсутствует монография видного английского историка-марксиста Э. Томпсона «Виги и охотники» (Лондон, 1975), с которой фактически началась «новая история преступности» в британской историографии. Можно приветствовать намерение придать «Преступлению и наказанию» междисциплинарный характер. Авторы подчеркивают интерес к теоретическому осмыслению темы, используют труды по праву и криминологии, по литературоведению, по общей и социальной психологии, психоанализу.

Рецензируемая книга состоит из девяти разных по объему глав, структурированных (за исключением первой) по персональному принципу. Глава первая содержит анализ известного как «Ньюгейтский календарь» сборника биографий преступников, описаний их преступлений и казней. Эти криминальные истории, некий вид детективной литературы невысокого уровня, но имевшей назидательный подтекст. Они издавались на сотнях страниц каждой почти до середины XIX в. и представляли собой весьма дорогие издания, недоступные низам. Рассказы составлялись на основе разных материалов, в том числе

протоколов Лондонского уголовного суда. «Ньюгейтские календари» трудно отнести к разряду «общественной мысли», но поскольку С. Васильева и И. Эрлихсон заявили о следовании принципам (новой) интеллектуальной истории, весьма расширительно трактующей продукт интеллектуальной деятельности людей, выхода за рамки темы здесь не усматривается. Авторы использовали некоторые части «Ньюгейтского календаря» и провели классификацию отраженных в нем преступлений по видам и с учетом гендерного признака (с. 66, 93). Авторы хорошо понимают, что данный источник имеет литературный характер, содержит выдуманные эпизоды и требует осторожного отношения.

Во второй главе авторы рассмотрели три написанных в 1720-х годах публицистических произведения Д. Дефо, одно из которых принадлежит его перу предположительно. Наибольший интерес представляет изданный под псевдонимом памфлет, его название переведено как «Вторичные мысли – самые лучшие, или совершенствование последней схемы по предотвращению уличных разбоев». С. Васильева и И. Эрлихсон трактуют это сочинение как буржуазное по духу, что проявилось, в частности, в презрительном отношении к низам, Дефо обвиняет их в падении нравов и создании «криминогенной обстановки». Утверждение, что Дефо глубоко раскрыл социально-экономические корни преступности, представляется преувеличением, ведь он, как и подавляющее большинство современников, видел их в низкой морали бедноты и алкоголе. Далее рассмотрены написанные Дефо биографии знаменитых преступников XVIII в. Джона (Джека) Шеппарда и Джонатана Уайлда. В первом случае авторство Дефо неочевидно, на что указывают авторы, но, в конце концов, принимают как установленный факт.

Третья глава посвящена сочинению Бернарда Мандевилля «Расследование о причинах частых казней в Тайберне»; его заслуга, по мнению авторов, в том, что он первым сформулировал принцип неотвратимости наказания, являясь в этом предшественником Ч. Беккариа. В четвертой главе обстоятельно рассмотрен вклад Генри Филдинга в изучение причин преступности. Он, как известно, был не только писателем, автором «Истории Тома Джонса, найденыша», но и судьей, одновременно руководившим в Лондоне полицейской

работой. С. Васильева и И. Эрлихсон характеризуют Филдинга как реформатора-практика и как теоретика. Они особенно высоко оценили труд 1751 г. «Исследование причин недавнего роста грабежей» как «один из самых глубоких общественных трактатов середины XVIII столетия», содержащий «конкретные и конструктивные идеи» по борьбе с преступностью (с. 282). Между тем не стоит сбрасывать со счетов, что Филдинг писал свои сочинения на эту тему по заказу властей, давая угодную им интерпретацию, и именно за лояльность получил доходную синекуру. Он недаром догадывался, что «низкие люди» «бросят ему упрек в лести и восхвалении власти» (с. 241). Поиски истоков преступности в «роскоши низших классов» (?), в развлечении и упадке нравов, подобному тому, что пережила Римская империя, в отравлении джином, сетования о слабостях судопроизводства, за которыми проглядывает желание расширить полномочия правительства, предложения поставить виселицу прямо во дворе Олд Бейли, право же, не выглядят как рывок в теоретическом осмыслении темы.

Представляется, что оригинальнее смотрятся идеи Джонаса Хэнвея. Его работе «Одинокое тюремное заключение» посвящена пятая глава книги. В многостороннем творчестве этого мыслителя тема наказания лежит на периферии интересов, он обратился к ней за несколько лет до смерти. В основе аргументации Хэнвея лежал принцип веры. Будучи противником смертной казни, критически оценивая эффективность казни и телесных наказаний, он приступил к разработке проекта тюрьмы как исправительного заведения, описав архитектуру, устройство, регламентацию заключения, в том числе женщин с детьми, подчеркнув предпочтительность одиночного заключения. В основу исправления он помещал моральное наставление. С. Васильева и И. Эрлихсон отметили, что труд Хэнвея стал одним из источников для книги «Надзирать и наказывать» М. Фуко.

Вниманием не обойден самый знаменитый британский реформатор пенитенциарной системы Джон Говард. О его главной работе «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе» повествуется в шестой главе. Авторы называют Говарда создателем социологического метода в криминологии, подчеркивают, что его система была развита другими практиками тюремного дела не только в Англии, но и в других странах. Под влиянием евангелизма он, как и Хэнвей, выступал против смертной казни, разрабатывая проект идеальной тюрьмы, отдавал преимущество содержанию в одиночной каме-

ре (для предотвращения «морального заражения»). Как и Хэнвей, он придавал исключительное значение моральному наставлению заключенных. Будучи врачом, Говард много писал о санитарных условиях. Главными фигурами в системе перевоспитания преступников должны были стать, по его мнению, капеллан и врач. Однако настоящей «изюминкой» его концепции являлась идея о важности использования коррекционного потенциала трудовой деятельности для исправления осужденных. С. Васильева и И. Эрлихсон справедливо отметили близость проектов Хэнвея и Говарда. Действительно, их труды по рассматриваемому вопросу вышли с разницей всего в год. Хотелось бы знать, были ли эти люди связаны, имело ли место интеллектуальное общение между ними. Авторы рецензируемой монографии склонны считать, что к их мнению прислушивался даже парламент и акт 1779 г. знаменовал переход «от репрессии к пенитенциарной системе современного типа» (с. 342). Нет ли здесь противоречия с тем, что во второй половине XVIII в. в Лондоне было повешено в пять раз больше преступников, чем в 1701–1750 г. (эти данные можно найти, например, в известной авторам книге В. Гэтрела)?

Почти половина седьмой главы, посвященной Иеремии Бентаму, создателю концепции утилитаризма, одному из основателей идеологии либерализма, отведена экскурсу об отношении к принудительному труду. В нем представлены взгляды по этому вопросу от Т. Мора до старших современников Бентама, экономистов и юристов. Кстати, об упомянутом Дж. Беллере есть отличная монография Т.А. Павловой, которая не учтена в библиографическом списке. По мнению авторов «Преступления и наказания», новизна взглядов Бентама состояла в рационализации идеи принудительного труда. Выделяя экономическую и нравственную составляющие, он ставил на первое место не устрашение, а вознаграждение (с. 368), причем считал, что даже обращение к Библии или благочестивым книгам могло быть вызвано желанием бездельничать. Также они считают заслугой Бентама постановку проблемы профессиональных различий между арестантами. Бентам не проводил грань между преступником и нищим, и в этом, наоборот, мало оригинального. Кроме «Замечаний» на проект парламентского билля, написанных в 1777 г., перу Бентама принадлежит работа «Паноптикон», представлявшая собой программу создания исправительного дома для преступников, которую пронизывает стержневая идея – буквально ежеминутный контроль над каждым заключенным. Это подтверждает концепцию

Фуко, считавшего наблюдение основой современных дисциплинарных технологий, а современную тюрьму их образцом. Авторы показали, что Бентам увлекся проектом, предпринял шаги (в конечном счете неуспешные) для его реализации, сотрудничал с видными квакерами, в том числе с У. Алленом, основавшим в 1816 г. «Общество улучшения тюремного содержания».

Глава восьмая дает некоторое представление о восприятии в английском обществе идей реформирования пенитенциарной системы и их (не) популярности. В ней рассмотрены трактат священника, юриста по образованию, Мартина Мэдана «Размышления об исполнительном производстве» и сочинение Самюэля Ромилли, парламентария и также юриста, «Обзор недавней публикации», содержащее его критику. Мэдан выступил как ярый противник нововведений, твердо убежденный в том, что причина роста преступности кроется в недолжном исполнении законов, в отсутствии твердости у судей, которые часто уступают чувствам вместо того, чтобы руководствоваться исключительно законом. В результате утрачен авторитет закона. Выступая против реформ, Мэдан полагал, что «благоразумным гражданам» стоит не сетовать о суровости законодательства, а «уповать» на него. Ответ Ромилли содержал, как пишут С. Васильева и И. Эрлихсон, «впервые с научно-теоретических позиций» обоснование закономерности: суровость наказания не ведет к снижению преступности, скорее наоборот. Наказание должно определяться принципом соразмерности. Он приводил пример Англии, где наказания суровы, но краж и грабежей больше, чем в других странах. Кроме того, устаревшие законы нужно отменять или изменять. Если верить авторам рецензируемой книги, трактат Мэдана имел огромный успех, а критика Ромилли осталась почти незамеченной. Хотелось бы глубже понять причины этого, ведь если судить по предыдущим главам, намерения реформ опирались на широкую общественную поддержку.

В завершающей самой краткой девятой главе рассмотрены два труда священника Джона Брюстера «О предотвращении преступлений и преимуществвах одиночного заключения» и «Проповеди для тюрем»; последнее было адресовано тюремным пасторам и узникам. Он был противником смертной казни и содержание в полной изоляции считал необходимым условием для исправления путем осознания собственного греха. Авторы называют его создателем «теологии тюрьмы»: он разработал содержание проповедей тюремных священнослужителей.

Наряду с частными замечаниями хотелось бы поставить несколько более общих вопросов, которые могут быть предметом обсуждения. Во-первых, действительно ли преступность в Англии была ужасной по сравнению с другими странами? Ситуация живописуется следующим образом: «Реальность в своем неприглядном проявлении превосходила самое смелое воображение. Дороги кишели шайками разбойников, останавливавших почтовые кареты и расправлявшихся с пассажирами при намеке на сопротивление. И в предместьях больших городов, и на центральных улицах прохожим грозила опасность быть ограбленными и убитыми» (с. 59). Леденящие душу оценки звучат в разных главах. Не является ли такое представление отчасти следствием того, что англичане рассуждали о состоянии преступности более открыто, чем современники на континенте? Некоторые путешественники считали Англию безопаснее других стран, но и мнение о толпах нищих, проституток и воровских шайках было распространено широко. Косвенным доказательством превосходства Англии в сфере преступности служит жестокость уголовных законов и широкое применение смертной казни. Английские комментаторы разъясняли: более широкое, чем на континенте, применение смертной казни компенсирует слабость полицейского контроля как условия сохранения личных прав свободнорожденных англичан. Вопрос об уровне преступности в Англии может обсуждаться, но не стоит изображать положение в апокалипсических тонах.

Во-вторых, не всегда убедительно использование авторами трудов по криминологии, психологии и смежных областей. Его алгоритм, как правило, таков: дается пример преступления или биографические сведения о преступнике, а затем подбирается тезис из современной литературы по праву, якобы помогающий раскрыть личность преступника и характер преступления. Нельзя быть уверенным в том, что представления, бытующие в криминологии в наши дни, универсальны и адекватно отражают контекст XVIII в. Действительно ли цитирование из работы российского криминального психолога о чертах преступника-рецидивиста (начало «преступной карьеры» в несовершеннолетнем возрасте, низкий образовательный и культурный уровень, деформация нравственного сознания и отсутствие стимулов к трудовой деятельности) помогает понять некоего Джона Ланкастера, повешенного в Тайберне в 1748 г., даже при внешних совпадениях (с. 86)? Нельзя быть уверенным, что в основе «поведенческой стратегии» Шеппарда был «ярко выраженный

эскапизм» в его «протестной модели», выражающийся в несогласии с «удушающей атмосферой многочисленных запретов и монотонности вяло-текущего времени» (с. 169–170). Относясь с интересом к концепции Ф. Ариеса о типах смерти, все же считаю натяжкой объяснение поведения Уайлда на эшафоте наступлением эпохи смерти «далекой и близкой» (с. 187). Над этим можно размышлять, взяв непосредственно книгу мастиготского французского историка и внеся ее в библиографию. Кстати, есть опечатка по поводу даты казни Уайлда: 1724 г. (с. 189) и 1725 г. (с. 172, 197). Надо все время помнить: «Ньюгейтский календарь» или сочинения Дефо – литературные произведения, и трудно сказать, что в них осталось от «реальных» шеппардов, ланкастеров или уайлдов. Преувеличенно звучит утверждение, что «Ньюгейтский календарь» «является уникальным свидетельством эмоционального режима, в котором функционировала рассматриваемая эпоха. Эмоции универсальны и атемпоральны» (с. 64). Кстати, культурная история эмоций указывает на обратное: темпоральный и контекстный характер эмоций. Стремясь сделать доводы убедительнее за счет «смежной» литературы, авторы подчас уведолят читателя в сторону, например отведя несколько страниц сравнению Дефо и Диккенса.

В-третьих, авторы определяют теоретические подходы к изучаемой теме, но, как показалось, не расставляют точки над *i*. Они выделили три самые влиятельные интерпретации причин преступности: бихевиоризм, связываемый, в частности, с именем Ч. Ломброзо, который объяснял ее изначальными свойствами природы отдельных людей; либеральный, или социальный подход, возлагавший ответственность на неблагоприятную среду; и марксистский, связывающий проблему преступности со складыванием капитализма. Авторы более-менее отделили себя от первого подхода, но недостаточно четко обозначили собственные позиции. Судя по характеру сносок на классиков марксизма, марксистский подход они готовы принять как основной. Разумеется, это право любого автора, но возникают некоторые вопросы. Протицировав знаменитое высказывание из «Манифеста Коммунистической партии» о разрушении буржу-

азией патриархальных идилических отношений, авторы книги продолжают: «Их (женщин. – А.С.) тело и душа – капитал для эксплуатации, они являются не активным субъектом, а объектом для обладания, товаром, чью стоимость в конечном счете определяют мужчины. И по факту, цена, которую платит женщина за выживание в буржуазном мире, где традиционные нормы постепенно вытесняются новой индивидуалистической идеологией, крайне высока – полная утрата личности» (с. 104). Не правда ли, такой подход в марксистско-феминистском духе упрощает дискурс о «самой древней профессии» и женской преступности, и вообще о природе женщины? Наше общество по сути буржуазное, но разве мало женщин преуспело в нем не продажей собственного тела? Напомним, что М. Вебер, на которого авторы тоже ссылаются, призывал не путать капитализм и жадность, ибо стремление набить карманы существовало во все времена, а этика капитализма предопределила непоследовательную гуманизацию, в том числе в вопросах положения женщин. Этот факт плохо стыкуется с цитатой, которую авторы поддерживают: «Капиталистический строй формирует у человека вампирические наклонности, в том числе вуайеризм» (с. 125). Сказано сильно, но что под этим подразумевается, можно только догадываться. Небесспорно сравнение «Ньюгейтского календаря» с реалити-шоу, когда «внимание зрителей приковано к безобразному и аномальному», что якобы реализует «коллективную психотерапевтическую функцию».

Есть небрежности в оформлении работы. Как правило, нет необходимости переводить на русский названия мест («Средний Темпл» – почему тогда не Мидл Храм?) или журналов («Боец»). Стоит ли придумывать такие выражения, как «отзеркалить» (с. 400) или «ветеран криминального мира» (с. 401)? Почему в сноске на «Манифест Коммунистической партии» и в библиографии впереди Энгельс потом Маркс? Несмотря на отмеченные недостатки, книгу С. Васильевой и И. Эрлихсон можно рекомендовать специалистам и студентам-историкам как новаторскую по замыслу, расширяющую представления о британской истории XVIII в.

DOI: 10.31857/S013038640013395-2

© 2021 г. М.В. Стрелец

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**Рец. на книгу: В.А. Зубачевский. ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (первая треть XX века): ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ. М.: Политическая энциклопедия, 2019, 278 с.***Стрелец Михаил Васильевич — доктор исторических наук, профессор Брестского государственного технического университета (Брест, Беларусь).**E-mail: mstrelez@mail.ru**ORCID: 0000-0003-1593-7202***M.V. Strelets**

A NEW STUDY ON THE HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE

Rec. ad op.: V.A. Zubachevsky. RUSSIAN POLITICS IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE (the first third of the 20th century): A GEOPOLITICAL ASPECT. Moscow: Political encyclopedia, 2019, 278 p.*Mikhail Strelets, Brest State Technical University (Brest, Belarus).**E-mail: mstrelez@mail.ru**ORCID: 0000-0003-1593-7202*

Содержание монографии доктора исторических наук, профессора Омского государственного педагогического университета В.А. Зубачевского соответствует предмету и цели исследования, заявленным автором: «Предмет настоящего исследования — политика России в ЦВЕ в контексте международных отношений первой трети XX века. Цель научного труда — анализ политики России по защите ее государственных интересов на западных рубежах, преломление политики и идеологии России в связи с конфликтами в ЦВЕ, которые воздействовали на обстановку в регионе и Европе в целом» (с. 13).

В монографии прослеживаются семь сюжетных линий. Первая: комплексный показ историографического, методологического, источниковедческого аспектов политики России в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ). Вторая: новое прочтение политики России в ЦВЕ в преддверии и годы Первой мировой войны. Третья: системный анализ проблемы западных рубежей бывшей Российской империи в годы Гражданской войны

в России (1917–1920 гг.). Четвертая: рассмотрение советско-польской войны в контексте геополитической трансформации ЦВЕ. Пятая: выяснение, сработала ли «конфликтная модель» политики РСФСР (СССР) в ЦВЕ. Шестая: изучение анатомии политики России в ЦВЕ (1924–1929 гг.). Седьмая: исследование политики России, Германии и Польши в ЦВЕ (1929–1934 гг.).

Автором убедительно доказано наличие «стратегического интереса официального Петербурга к сопредельным территориям Германии и Австро-Венгрии в преддверии мировой войны» (с. 57); выявлен решающий фактор, который побуждал Россию «уклониться от назревающего военного конфликта» (с. 57). Это было связано с «неудобством геополитической конфигурации западных российских рубежей» (с. 82). Из текста следует, что ни царское, ни Временное правительство «не имели целостной программы послевоенного устройства западных рубежей России» (с. 83). С автором можно согласиться в том, что «военная оккупация западных земель Российской империи и усилившееся после

Февральской революции стремление народов региона к национальной независимости заложили на данном этапе “длинного периода” основу для последующей геополитической трансформации ЦВЕ» (с. 94).

Вниманию читателей предлагается объективная характеристика геополитической ситуации в ЦВЕ во время Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Научную ценность представляет сравнительный анализ подходов высших органов власти в Российской империи и правительства В.И. Ленина к западным российским рубежам.

Впервые в исторической науке установлено, что «концепция мировой революции после начала иностранной интервенции приобрела форму революционной геополитики с элементами реальной политики, включившей стремление большевиков к компромиссу с новыми государствами ЦВЕ» (с. 94). Обосновано утверждение, что исход Гражданской войны был в немалой степени предрешен великодержавной политикой Белого движения, которая в содержательном плане не отличалась от подходов правящих политических элит Российской империи. Эта политика не принесла Белому движению успеха на международной арене. Автор выводит причинно-следственные связи свершившихся к началу 1920 г. событий: «произошла серьезная геополитическая трансформация “ближнего Запада” России» (с. 94). Историк утверждает, что это никак не стыковалось с национальными интересами России. В то же время автор обращает внимание читателя на следующее обстоятельство: «Государства-члены Антанты не завершили территориальное размежевание в регионе. Это вселяло в Германию, Польшу, Советскую Россию и другие заинтересованные страны надежду, что установленные границы имеют временный характер и положение дел можно изменить дипломатическими, а скорее – военно-политическими методами, в пользу того или иного государства» (с. 94).

Историк стремится разгадать загадки, связанные с отношениями России, Польши, Германии, Литвы, Чехословакии в 1920 г. Ученый изучил проблемный комплекс под названием «Советско-польская граница как “санитарный кордон”»: геополитические замыслы его создателей и противников (осень 1920 – весна 1921 года)».

Война Польши против РСФСР, Литовско-Белорусской ССР (ЛитБела) и Украинской ССР началась в феврале 1919 г. Ее главный инициатор начальник Польской державы Юзеф Пилсудский сформулировал федералистскую концепцию, реа-

лизация которой имела бы геостратегические, этнокультурные последствия.

В.А. Зубачевский отмечает, что «к началу 1920 года в польском общественном сознании окрепло убеждение, что Польша может обрести былое могущество и стать влиятельным государством Центральной Европы, способным противостоять Германии и России, при условии включения в ее состав значительных территорий на востоке» (с. 151). Польское общественное сознание, естественно, не могло быть безразлично к тому, какой будет реакция Москвы на концепцию Пилсудского. С февраля 1919 г. до весны 1920 г. в Советской России брали в расчет наличие военно-стратегической инициативы на стороне поляков. После поражения Красной Армии в марте 1919 г. на Польском фронте не велось активных военных действий. Автор не видит логики в том, что «лидеры большевиков заняли в начале 1920 года позицию максимальных территориальных уступок Польше в обмен на мирный договор» (с. 151), и считает, что Советская Россия могла бы сделать меньше уступок Польше. Автор увидел проявления реальной политики в линии, которую проводила Москва в промежутке между апрелем и июлем 1920 г. «В апреле 1920 года политическое и военное руководство Советской России отказалось от надежд на разрешение конфликта ценой территориальных уступок и приняло решение о подготовке к активным военным действиям против Польши, но планов похода Красной Армии на Варшаву в то время не разрабатывали. Будущее военное противостояние трактовалось скорее как противодействие необоснованным притязаниям поляков на ряд исконно российских земель» (с. 151).

Ключевые события войны Польши против РСФСР, ЛитБела и УССР совпали по времени с обсуждением территориальных вопросов на Парижской мирной конференции. Эти вопросы входили в компетенцию территориальной комиссии, которая предлагала проложить советско-польскую границу в соответствии с этническим принципом. Это предложение 8 декабря 1919 г. поддержал Верховный совет Антанты. 10 июля 1920 г. было заключено соглашение представителей Польши, Великобритании, Франции о польско-советской границе, о чем Советской России официально сообщил министр иностранных дел Великобритании лорд Дж. Керзон. Так возник термин «линия Керзона». Эту линию можно характеризовать как пропольскую, что отмечено в монографии.

Варшава, поддержанная 10 июля 1920 г. Лондоном и Парижем, желала, чтобы войска советских Западного и Юго-Западного фронтов не продвинулись дальше «линии Керзона». В таком случае Польша на уровне официальных заявлений была готова к прекращению военных действий и началу переговоров с Советской Россией. Этот сценарий был реальным до «чуда на Висле», случившегося в середине августа 1920 г. После победы Пилсудского под Варшавой над войсками советского Западного фронта польская сторона захватила стратегическую инициативу, прочно ее удерживала и, естественно, ставила вопрос о значительно большем территориальном приращении на Востоке.

Поражение Красной Армии под Варшавой заставило Советскую Россию в ходе мирных переговоров с Польшей пойти на серьезные территориальные уступки. «Военно-политическая ситуация в ЦВЕ осенью 1920 — весной 1921 г. оставалась крайне нестабильной, что создавало для большевиков возможность балансирования между революционной геополитикой и реальной политикой» (с. 151–152).

В марте 1921 г. произошли события, после которых ощущалось, что в Кремле «начался медленный процесс перехода к реальной оценке международной обстановки» (с. 196). В Риге был подписан мирный договор между РСФСР и УССР с одной стороны и Польшей — с другой. В это время ленинское руководство пошло на демонтаж политики военного коммунизма, взяв курс на новую экономическую политику.

Однако политика Москвы в международных делах, как и ранее, была полна противоречий и не давала оснований считать РСФСР предсказуемым партнером. «Свою роль играло... то, что западные державы не решили проблему статуса ряда спорных территорий и конфликтная ситуация вокруг них сохранялась. Политический кризис 1923 года возродил надежды большевиков на победу социалистических революций в некоторых странах ЦВЕ при помощи Коминтерна и советских силовых ведомств» (с. 196–197).

Однако «внутренний конфликт в руководстве РКП (б) осенью 1923 г. помешал Советскому государству пойти на открытую поддержку революционного движения в Германии» (с. 198). В противном случае дело могло дойти до регионального военного конфликта. В.А. Зубачевский верно отметил, что «опыт поражений, подобных германскому, подталкивал лидеров большевиков к пониманию их причин как чисто внутренних, порожденных тем или иным

“уклоном”, что укрепляло позиции Сталина и его приверженцев в партии и способствовало нарастанию государственнического подхода к международным отношениям» (с. 198).

Автор дает сбалансированную оценку военно-политического сотрудничества СССР и Германии. Он оценивает советско-германские военно-политические отношения в 1920-е годы как позитивное явление в борьбе против «санитарного кордона», созданного версальскими миротворцами, в частности, для изоляции Германии и Советского Союза. «Сочетание рапальской и локарнской линий в политике Веймарской республики помогало ей готовить “мирную ревизию” Версальской системы, но это было выгодно в 1920-е годы и Советскому Союзу» (с. 230–231).

Историк изучает причины обострения германо-польских отношений в 1929–1933 годах. Всесторонне показаны начало германо-польского сотрудничества и крушение плана «Восточное Локарно». Автор пришел к выводу: «Германо-польский пакт о ненападении прорвал усилившуюся после выхода Германии из Лиги Наций внешнеполитическую изоляцию “третьего рейха”, ослабил систему французских союзов на востоке Европы и положил начало заключению Германией двусторонних договоров с соседними государствами, которые использовались ею для подрыва усилий СССР и миролюбивых сил Запада, направленных на создание системы коллективной безопасности (“Восточное Локарно”» (с. 253).

Монография В.А. Зубачевского решает крупную научную проблему. В то же время ее автор обозначил важные вопросы, над которыми еще предстоит работать. Ряд выводов и оценок, содержащихся в труде, дают основание для внесения корректив в учебники и пособия по новейшей истории стран Европы и Америки. Исследование способствует обогащению представлений о социокультурном аспекте международных отношений.

Труд В.А. Зубачевского заинтересует не только историков, но и практических работников, задействованных на центральноевропейском направлении внешней политики Российской Федерации. Как подчеркивает автор, «анализ политики России в первой трети XX века с геополитических позиций важен для прогнозирования внешней политики Российской Федерации» (с. 253–254).

DOI: 10.31857/S013038640013396-3

© 2021 г. М.М. Сиротинская

ИСТОРИЯ ХОЛОКОСТА И АНТИГИТЛЕРОВСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

Рец. на книгу: И.А. Альтман, Б.Л. Хавкин. НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ, ХОЛОКОСТ И АНТИГИТЛЕРОВСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В ГЕРМАНИИ (1933–1939 гг.): материалы к спецкурсу для студентов РГГУ. М.: МИК, 2020, 152 с.

Сиротинская Мария Моисеевна — кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: masha_sirotinskaia@mail.ru

Researcher ID: ABC-2839-2020

М.М. Sirotinskaya

HISTORY OF THE HOLOCAUST AND ANTI-HITLER RESISTANCE IN GERMANY

Rec. ad op.: I.A. Altman, B.L. Khavkin. NATIONAL SOCIALISM, THE HOLOCAUST, AND ANTI-HITLER RESISTANCE IN GERMANY (1933–1939): materials for a special course for students of RSUH. M.: MIK, 2020, 152 p.

Maria Sirotinskaya, Historical-Archival Institute, Russian State University for the Humanities, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: masha_sirotinskaia@mail.ru

Researcher ID: ABC-2839-2020

Спецкурс профессоров Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) к.и.н. И.А. Альтмана и д.и.н. Б.Л. Хавкина посвящен истории Холокоста и антигитлеровского Сопротивления в Германии в 1933–1939 гг. и предназначен для студентов факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, изучающих в магистратуре по направлению «Международные отношения» новый модуль «Политика памяти: Холокост и геноциды». Это первая и единственная на постсоветском пространстве образовательная программа с профилем, направленным на комплексное изучение проблематики политики памяти о Холокосте и геноцидах.

Авторы пособия хорошо известны российским и зарубежным исследователям. И.А. Альтман — председатель Центра «Холокост», директор Международного научно-просветительского центра истории Холокоста и геноцидов РГГУ, составитель сборника документов «Неизвестная "Черная книга"»

(Москва — Иерусалим, 1993 г.), автор исследования «Жертвы ненависти. Холокост в СССР (1941–1945)» (М., 2002, переиздание на немецком языке 2008 г.), автор учебного пособия для вузов «Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР» (М., 2002), руководитель проекта и главный редактор «Энциклопедии Холокоста на территории СССР» (М., 2009, 2-е изд. 2011 г.).

Б.Л. Хавкин — признанный специалист по истории российско-германских отношений, национал-социализма и антигитлеровского Сопротивления в Третьем рейхе, истории немецких евреев, автор шести монографий и полутора сотен статей, опубликованных в России, Белоруссии, Германии, Австрии и Израиле. Его монография об антинацистском Сопротивлении немецких евреев легла в основу спецкурса¹.

¹*Хавкин Б.Л.* Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии. Антинацистское Сопротивление немецких евреев. М., 2018. 243 с.

Материалы спецкурса включают введение, основную часть, заключение, приложения, в которых приводятся важные законодательные акты Третьего рейха по еврейскому вопросу, библиографический список, тематику аналитических работ, вопросы и задания, иллюстрации.

Во введении ставится проблема, определяются цели и задачи курса, его актуальность, обусловленная ролью, которую играет в российском обществе историческая память о Великой Отечественной и Второй мировой войнах.

Авторы пособия справедливо отмечают необходимость противодействия неонацистской идеологии, попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны. Его новизна – в изучении вклада немецких евреев в антинацистское Сопротивление в Германии. Новым для российской историографии является изучение антинацистского Сопротивления немцев и немецких евреев в контексте анализа нацистской идеологии и Холокоста (с. 6).

Авторы дают следующее определение понятия Холокост: «политика нацистской Германии, ее союзников и пособников по преследованию и массовому уничтожению евреев в 1933–1945 гг.» (с. 5). При этом под «преследованием» в определении Холокоста понимается не только и не столько изгнание евреев из Германии. Это был комплекс законодательных актов нацистской Германии, ее союзников и пособников, направленный против прав немецких евреев и еврейского населения всех оккупированных Германией стран. Нацисты использовали в своей терминологии понятия «всеобщее» и «окончательное решение еврейского вопроса». Под первым они понимали полное изгнание евреев из Германии. Под вторым – поголовное уничтожение еврейского народа (с. 5).

Большим достоинством работы является акцент на источниковую базу исследования. Привлечены материалы Государственного архива РФ, Центрального архива ФСБ России, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива социально-политической истории, а также документы из германских архивов. Используются конституционные и законодательные акты, дипломатические документы, статистические материалы. Авторы опирались также на источники личного происхождения (мемуары, письма, дневники), периодические издания. Проведен серьезный историографический анализ исследований по изучаемой проблематике. Отмечается малая изученность документов Эвианской конференции (Франция, июль 1938 г.), один из которых (документ № 6) впервые публикуется в России в переводе Б.Л. Хавкина.

Основная часть состоит из разделов «Национал-социализм и евреи в Германии», «Холокост в Германии (1933–1939 гг.)», «Антигитлеровское Сопротивление в Третьем рейхе». В разделе «Национал-социализм и евреи в Германии» объясняются причины прихода к власти нацистов, прослеживаются истоки нацизма и антисемитизма в Германии, даются определения понятий «фашизм» и «нацизм». Немецкие национал-социалисты, как подчеркивают авторы, взяли на вооружение формулировку итальянского «дуче» Муссолини: «Фашизм – это социализм, взявший все лучшее от социализма, но социализм национальный, не ориентированный на мировую революцию, и государственно-корпоративный, а не стремящийся к отмиранию государства» (с. 22). Германский национал-социализм отличал от итальянского фашизма расовый антисемитизм в экстремистских его проявлениях. В книге проведен анализ одного из главных источников нацистской идеологии – книги Гитлера «Майн Кампф».

В разделе «Холокост в Германии (1933–1939 гг.)» изучены законодательные акты Третьего рейха в отношении немецких евреев. Интерес вызывает раздел о «еврейском вопросе» на проходивших в 1936 г. в Германии Олимпийских играх, из которых нацисты сумели извлечь политические дивиденды, не допустив их бойкота. Авторы отмечают скромные итоги Эвианской конференции 5–16 июля 1938 г. по проблеме помощи еврейским беженцам. В Эвиане был одобрен принцип финансирования приема беженцев не государствами, а частными организациями. Из 32 государств-участников конференции лишь Доминиканская Республика с определенными условиями согласилась принимать по 10 тыс. евреев в год течение двух лет. Авторы впервые в отечественной литературе рассказывают о провалившихся франкопольских планах переселения евреев на Мадагаскар.

Раздел «Антигитлеровское Сопротивление в Третьем рейхе» посвящен участникам Сопротивления, формам и методам их борьбы. Впервые в российской историографии авторы подробно рассказывают о еврейских организациях, рисуют картину постепенно затухающей еврейской жизни в Германии.

Акцентируется внимание на участии евреев в немецком антигитлеровском Сопротивлении, в частности в антифашистской борьбе коммунистов и социал-демократов. Особо подчеркивается активность молодых евреев в Берлине из подпольной группы Герберта Баума. Приведены биографические сведения о некоторых еврейских участниках германского Сопротивления, количество которых составляло 2–3 тыс. человек – 1–2% от менее 200 тыс. евреев, находившихся в рейхе на

1 сентября 1939 г., и примерно 0,25% от 800 тыс. немцев-участников Сопrotивления (с. 107–108).

По приводимым авторами данным израильского историка Ицхака Арада, из проживавших до 1933 г. в Германии полумиллиона «немцев Моисеевой веры» лишь 15 тыс. пережили Холокост (с. 116). Всего же от нацистского расового террора погибли до 6 млн евреев (с. 117).

И.А. Альтман и Б.Л. Хавкин приходят к справедливому выводу о значительном вкладе еврейской части германского антинацистского Сопrotивления в общую победу Объединенных Наций над фашизмом.

Хотелось бы высказать пожелание, чтобы в дальнейшем в учебных пособиях по истории национал-социализма, Холокоста и Сопrotивления шире был представлен международный контекст. Авторы кратко упоминают об откликах мирового сообщества на нацистский антисемитизм в 1930-е годы (с. 91–92), но, думается, реакция правительств и общественности европейских стран, а также США на Холокост в Германии могла бы стать предметом более детального рассмотрения.

Несомненно, учебное пособие И.А. Альтмана и Б.Л. Хавкина, написанное интересно и увлекательно, будет полезно не только студентам – бакалаврам и магистрантам, обучающимся по специальностям «История», «Международные отношения», «Международная журналистика», «Политология», «Архивоведение». Эту книгу с интересом прочтут учителя истории, старшеклассники, все, кто интересуется новейшей еврейской, немецкой и европейской историей, историей международных отношений XX в.

Библиография

Хавкин Б.Л. Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии. Антинацистское Сопrotивление немецких евреев. М., 2018. 243 с.

References

Khavkin B.L. Rasizm i antisemitizm v gitlerovskoi Germanii. Antinatsistskoe Soprotivlenie nemetskikh evreev [Racism and anti-Semitism in Hitler's Germany. Anti-Nazi Resistance of German Jews]. Moskva, 2018. 243 c. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640013397-4

© 2021 г. **Б.Л. Хавкин**

ОТ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ К ПАМЯТИ НАРОДА

Рец. на книгу: ПАМЯТЬ НАРОДА. ПАМЯТЬ СЕМЬИ. Под ред. Н.Э. Вашкау (отв. ред.), А.А. Лакизюк. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2020, 384 с.

Хавкин Борис Львович – доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российской государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: novistor@mail.ru

Researcher ID: ABC-4513-2020

B.L. Khavkin

FROM THE MEMORY OF THE FAMILY TO THE MEMORY OF THE PEOPLE

Rec. ad op.: MEMORY OF THE PEOPLE. THE MEMORY OF THE FAMILY.

Eds. N.E. Vaschkau (resp. ed.), A.A. Lakizuk. Lipetsk: LSPU named after P.P. Semenov-Tyuan-Shansky, 2020, 384 p.

Boris Khavkin, Institute of the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: novistor@mail.ru

Researcher ID: ABC-4513-2020

Историческая память народа формируется на основе личной и семейной истории людей. Осознавать себя и свою семью частью истории страны и мира, постигать историю через судьбы близких родственников—одна из наивысших гуманистических идей современности. Отраженная в исторической памяти история своих предков позволяет молодежи не просто заучивать на уроках далекие от их жизни факты, но и проникать в суть своей истории, учиться сострадать, делать собственные выводы, мыслить. Поэтому актуальная задача изучения истории семьи должна стать важнейшей составляющей национальной политики памяти.

История Второй мировой (с 1939 г.) и для бывшего Советского Союза и нынешней России — Великой Отечественной войны (с 1941 г.) является важнейшим элементом национальной исторической памяти, на ее основе строится новая историческая политика современной России. Советскому Союзу, историческим преемником которого является Россия, по праву принадлежала ведущая роль в достижении Великой Победы и статус мировой державы. Эти факты невозможно оспорить, но можно по-разному оценивать с учетом изменения политической конъюнктуры: на наших глазах происходит новая политизация исторических знаний, их превращение в аргумент политики.

В настоящее время в связи с «похолоданием» международных отношений вокруг исторических событий Второй мировой войны идут настоящие «войны памяти». В этой связи очень важно сохранить позитивный опыт совместного «преодоления» исторического прошлого, достигнутый Россией и Германией в конце XX — начале XXI в. В основе этого опыта — личная и семейная история.

В канун 75-летия окончания Второй мировой войны Липецким государственным педагогическим университетом им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (ЛГПУ) при содействии российского филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) издан сборник 60 научно-исследовательских работ студентов и магистрантов ЛГПУ и других российских университетов, принимавших участие в проекте по созданию генеалогического древа семьи и написанию биографий прадедов, принимавших участие в Великой Отечественной войне. Издание предназначено преподавателям, студентам, учащимся старших классов школ, учителям истории, а также всем, кто интересуется историей Второй мировой и Великой Отечественной войны.

Сборник был подготовлен под научным руководством профессора кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ, признанного специалиста по истории российско-германских отношений и

истории российских немцев д.и.н. Н.Э. Вашкау¹. Рецензентами выступили д-р Р.Х. Петер, научный сотрудник Института истории университета Галле (ФРГ), и д.ю.н. Н.С. Нижник, профессор Санкт-Петербургского университета МВД России.

Книгу открывает вступительное слово Н.Э. Вашкау: «Сегодня мы являемся свидетелями того, как историю Второй мировой войны переписывают, искажают. Поэтому важно знать факты, изучать документы, чтобы иметь собственную точку зрения на те события. Я надеюсь, что прикосновение к личной истории своих прадедов, понимание тех чувств, которые они испытывали, когда героически сражались, когда шли на верную смерть, поможет навсегда сохранить память о них. Потому что речь идет не просто об изучении страниц нашего прошлого, а о сохранении исторической правды» (с. 8).

Во вступительной статье (на немецком и русском языках) «Короткая память. Как совершалось то, что стало настоящим — осколки послевоенной истории Германии» руководитель Фонда Розы Люксембург в Москве К. Кайзер отмечает: «Германия, бледная мать», как ее в 1945 году именовал Бертольт Брехт, особо выделявшаяся “в ряду запятнавших себя”, давно уже не “презренна среди народов”. Напротив, с 1990 года она окончательно заседает там (в европейских структурах. — *Б.Х.*) как ведущая европейская держава, поучающая и требовательная. Позволяет себя хвалить, а иногда и прославлять за образцовую, международно признанную политику памяти и истории. Она интенсивно развивает тот миф, который после его трудного рождения сегодня становится чуть ли не основополагающей государственной идеей. Однако все это, в том числе и несомненно правильное и похвальное, было достигнуто в борьбе, в жестких социальных, политических и образовательных дебатах против консервативных, реставрационных и рваншистских тенденций... В отличие от ГДР, в Федеративной Республике велись жесткие споры вокруг признания антифашистского Сопротивления именно Сопротивлением, а не государственной изменой Германии или даже терроризмом. В первые годы существования ФРГ так относились даже к участникам покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, организаторы которого вплоть

¹ См.: «...Хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат вермахта из сталинградского окружения / Составитель и автор введения Н.Э. Вашкау. М., 2013; *Вашкау Н.Э.* Материалы политического архива МИД ФРГ о республике немцев Поволжья. 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 100–113.

до Сталинградской битвы в основном поддерживали военную политику Гитлера, а сегодня пользуются высоким авторитетом. На этих тернистых путях политика памяти и истории получила общественное признание вопреки открытой позиции и тайным желаниям политических, экономических и социальных элит в Западной Германии. Они помогли стереть пятна на репутации Германии, а затем были сосланы в своего рода гражданский общественно-политический “заповедник”. Сегодня они прочно укоренены там и получают некоторое финансирование как часть культуры памяти. К этому резервуару обращаются, когда это служит поддержанию репутации Германии, для произнесения воскресных и памятных речей внутри страны и за рубежом. Но реальная европейская и внешняя политика Германии в Европе не производит – самое позднее после 1989 года – впечатление окончательно освобожденной от уз прошлого... На фоне этой истории неудивительно, что в Федеративной Республике существует одна тема, которая неуклонно исключается из прорабатывания и памяти о прошлом. Даже сегодня. Это жертвы народов Советского Союза в войне на уничтожение, которую фашистский вермахт вел против “еврейского большевизма”, это убитые советские военнопленные и мирные жители... Да, сегодня официально оглашаются факты и число жертв, в том числе на всех памятных мероприятиях по случаю 75-й годовщины освобождения от фашизма. На войне погибли 27 миллионов граждан Советского Союза. Около 5,7 миллиона военнослужащих Красной Армии оказались в немецком плену и не менее 3,3 миллиона из них погибли от голода, холода, болезней, принудительных работ или были расстреляны. Однако “эхо-комната”, в которой звучат все эти факты и цифры, уже давно перестроена, старая мебель в ней заменена новой. И в ней сидит некогда бледная от стыда мать-Германия, но теперь украшенная безупречным макияжем и в удобном кресле. В союзе даже с некоторыми из тех, на кого до 1945 года она насылала войну и уничтожение, она пользуется теперь короткой памятью ныне живущих» (с. 13–16).

Но память ныне живущих не всегда коротка. Об этом свидетельствуют материалы книги. Значительная ее часть основана на исследованиях авторов-студентов, их интервью с представителями старшего поколения, воспоминаниях, письмах, фотографиях и других документах их родственников, рассказывающих историю семей во время Великой Отечественной войны. Сборник состоит из четырех частей, названием каждой стали строки из стихов и песен, посвященных войне: I. «Он

вчера не вернулся из боя»; II. «Четвертый год соленный пот и кровь рекой»; III. «Просто ты умела ждать, как никто другой»; IV. «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой».

В книге история семей авторов вписывается в историю страны. Приведем лишь некоторые названия публикуемых студенческих работ: А.Е. Иванникова «История моей семьи в истории страны»; Р.Н. Ефрушин «Вклад моей семьи в Победу, или исследование, которое дало неожиданный результат»; А.М. Сафонова «Воспоминания о прошлом для будущего поколения»; Ю.Ю. Быкова «История моей семьи»; М.М. Измалкова «Военные дороги моих прадедов»; А.Д. Жучкова «История Новолипецкого металлургического комбината и семьи Кузнецовых»; М.А. Головина «Пройти всю войну и погибнуть 9 мая 1945 года»; А.В. Данковцева «Жизнь глазами маленькой девочки Зины»; В.А. Пригородов «Моя семья в годы Великой Отечественной войны»; Л.А. Реутина «Родословная как живая история семьи»; Ю.И. Аксенова «Гвардии ефрейтор – артиллерист Александр Мячин»; В.И. Алфёрова «Мы, архангельские... Помните о нас»; Г.М. Кенебаева «К истории польских детских домов на территории Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны»; А.А. Лакизюк, А.О. Вовк «Пропавшие без вести»; М.Е. Синельников «Похоронка»; К.В. Змеева «Эхо войны и память сердца»; О.А. Душкина «Как история моей семьи переключается с историей страны»; А.В. Широкова «Портрет отца»; Я.В. Мохотаева «Бессмертный полк моей семьи»; А.И. Шарапова «Семь поколений нашего рода»; Б.В. Сушков «Повседневность войны. Мои размышления»; Е.Е. Темникова «Проблемы восстановления и развития советской деревни в первые послевоенные годы (1946–1953 гг.)».

Книга снабжена редкими фотографиями из личных архивов, которые имеют самостоятельную источниковую ценность. Представление о военных наградах дает цветная вкладка, где помещены фотографии орденов и медалей, описание времени их учреждения и Положения о награждении.

Каждый из рассказов заканчивается признанием ребят в том, что исследование открыло для них историю своего рода, показало, насколько сильно каждая семья повлияла на судьбу страны в целом. «Молодое поколение теперь будет продолжать писать эту историю своими благородными поступками, а мы, их учителя и наставники, им в этом поможем», – подчеркивает Н.Э. Вашкау (с. 8).

Пожелаем же юным авторам, создавшим своим трудом новый источник личного происхождения по проблеме исторической памяти, и их

наставникам успехов в благородном деле писания и сохранения семейной истории. Из этих маленьких очерков складывается историография страны и всемирная история.

Библиография

«...Хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат вермахта из сталинградского окружения / Составитель и автор введения Н.Э. Вашкау. М., 2013.

Вашкау Н.Э. Материалы политического архива МИД ФРГ о республике немцев Поволжья. 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 100–113.

References

“...Khot' raz napishu tebe pravdu”. Pis'ma soldat vermakhta iz stalingradskogo okruzheniia / Sostavitel' i avtor vvedeniia N.E. Vashkau [“...I'll write you the truth for once”. Letters of Wehrmacht soldiers from Stalingrad environment / Compiler and author of introduction for N.E. Vashkau]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Vashkau N.E. Materialy politicheskogo arkhiva MID FRG o respublikе nemtsev Povolzh'ia. 1920–1930-e gody [Materials of the political archive of the German foreign Ministry about the Republic of Volga Germans. 1920s–1930s] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary History]. 2014. № 5. S. 100–113. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640013398-5

© 2021 г. А. Буллер

ВОСПРИЯТИЕ «ДРУГОГО»/«ЧУЖОГО» В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ

Рец. на книгу: «СВОЙ»/«ЧУЖОЙ» В КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ СТРАН ЗАПАДА И РОССИИ. СПб.: «Алетейя», 2019, 498 с.

Буллер Андреас – министерство по социальным делам и интеграции земли Баден-Вюртемберг (Штутгарт, Германия); Томский государственный университет (Томск, Россия).

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00421.

E-mail: andreas.buller@gmail.com

Researcher ID: U-1491-2017

A. Buller

PERCEPTION OF THE “OTHER”/“ALIEN” IN THE CULTURAL SPACE BETWEEN RUSSIA AND THE WEST

Rec. ad op.: “FRIEND”/“FOE” IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATIONS OF THE COUNTRIES OF THE WEST AND RUSSIA. Saint-Petersburg: “Aletheia”, 2019, 498 p.

Andreas Buller, Ministry of Social Affairs and Integration in Stuttgart (Stuttgart, Germany); Tomsk State University (Tomsk, Russia).

The article is part of a project supported by the Russian Science Foundation (№ 19-18-00421).

E-mail: andreas.buller@gmail.com

Researcher ID: U-1491-2017

Оценить в небольшой рецензии сборник статей 20 авторов, которые в 23 главах описали различные аспекты многогранной проблемы восприятия «другого»/«чужого» в культурном пространстве между Россией и Западом, практически невозможно. Но уделить внимание некоторым дис-

куссионным понятиям рецензируемого сборника, задача вполне выполнимая и, более того, даже необходимая. Опуская хвалебные слова в адрес авторов, без сомнения, удавшегося и интересного сборника, в русле традиции немецкого историка Р. Козеллека следует проанализировать ключевые

понятия коллективной монографии. Основательный лингвистический и исторический анализ этих понятий в рамках небольшой рецензии осуществить невозможно. Я преследую более скромную цель: пытаться продемонстрировать, что далеко не все применяемые в сборнике понятия и категории в состоянии образцово выполнить функцию «когнитивных инструментов» познания прошлого. Говоря о «когнитивных инструментах», я опираюсь на Марка Блока и использую его термин «ремесло историка». Ведь никакое ремесло не может обойтись без определенных «инструментов», каковыми для историка являются его понятия. Речь конкретно пойдет об анализе следующих используемых в монографии понятий: имагология, русофобия, ксенофобия и европейская идентичность.

В немецкоязычном пространстве понятие «имагология» (от лат. *imago* — «образ», «изображение»), надо сказать, употребляется большей частью в литературоведении, а не в теории истории. В немецкой Википедии не найти объяснения этому понятию. Удачное определение понятия «имагология» дает немецкий лексикон киноискусства¹. В лексиконе указывается, что в последнее время вместо понятия «имагология» в немецкоязычном пространстве специалистами употребляется термин «межкультурная герменевтика» (*interkulturelle Hermeneutik*), что, конечно, не является случайностью. Ибо если под герменевтикой понимать не только искусство интерпретации текстов, но и общую теорию восприятия и понимания действительности, то тогда герменевтика вполне может внести свой вклад в познание процессов межкультурной коммуникации. Но я считаю, что важную роль в понимании межкультурных процессов играет не только герменевтика, но и «история ментальности», которая является частью исторической антропологии и по этой причине, как считает Ульрих Раульф, в состоянии исследовать «историческое априори» в области ментальной истории. Последняя позволяет нам раскрыть глубинные структуры человеческого мышления, которые определяют как границы, так и характер человеческого восприятия «другого»/«чужого»². Но как бы мы не обозначили историческую дисциплину, занимающуюся исследованием процессов восприятия «своего»/«другого»/«чужого», речь в ней идет в первую

очередь об образах, которые рождаются в определенных ситуациях и у конкретных субъектов (по этой причине понятие «имагология», несмотря на редкость своего употребления, подобрано здесь все-таки удачно). Любой исторический образ принадлежит «кому-то» в двойном смысле, ибо любой образ был создан «кем-то» и является образом «кого-то» или «чего-то». Единственное, что человека связывает с прошлым, это его образы прошлого.

Но такая же — двойная — принадлежность характерна и для понятий «другой»/«чужой», которые тоже принадлежат, с одной стороны, определенному носителю образа, а с другой — презентуемому этим образом объекту. Иногда образ «соединяет» в себе несоединимое, как это, например, делает «образ врага», который содержит в себе то, что он отвергает. Блестящий анализ образа/образов дает нам французский философ Поль Рикёр, который использует при этом немецкие обозначения (*Bild, Abbild, Urbild*).

Даже если образ является явным искажением своего объекта, он тем не менее существует. Мы вполне можем его критиковать, категорически отвергать и не признавать, но мы не в состоянии отменить его существование. Мы, однако, в состоянии противопоставить отрицаемым нами образам прошлого свои собственные представления о нем, ибо образы, в отличие от сингулярного, уникального и неповторимого прошлого, в состоянии размножаться и меняться. По этой причине одно и то же прошлое является нам, как правило, в многочисленных образах. На становление исторических образов свое влияние оказывают самые различные факторы, которые в своей замечательной статье исследует Л.П. Репина. Ее анализ заставляет нас невольно задуматься о том, какое отношение исторические образы имеют к той действительности, чьими «образами» они являются или, выражаясь иначе, какое отношение историческое знание имеет к изображенной им реальности?

Другую сторону проблемы рождения исторических образов удачно освещает Т.Л. Лабутина, которая обращается к проблеме стереотипов исторического мышления. Понятие «стереотип» наполнено в нашем представлении, скорее, негативным содержанием. При этом сами по себе стереотипы выполняют в процессе человеческого познания не только негативную, но и позитивную функцию, ибо они позволяют категоризировать, схематизировать и упорядочивать действительность. Без стереотипов осуществить это было бы непросто. Проблемы со стереотипами возникают лишь тогда, когда они, принимая форму клише,

¹ Art. *Imagologie* im *Lexikon der Filmbegriffe*. URL: <https://film-lexikon.uni-kiel.de/index.php?action=lexikon-&tag-det&id=8229> (access date: 07.04.2020)

² *Mentalitäten-Geschichte* / Hrsg. U. Raulff. Berlin, 1987. S. 9 и др.

предрасудков и предрешений, деформируют и экстремально упрощают реальность. Именно эту деформирующую функцию стереотипов и исследует Т.Л. Лабутина. Очень интересным моментом ее анализа является образ «врага», который рождается в результате радикальной ломки действительности. Понятия «враг» уничтожает всякие нюансы между «другими»/«чужими», радикализируя межчеловеческие отношения. Враг имеет преобладающую силу (слабого противника мы, как правило, «врагом» не считаем). Враг это тот, кто становится непосредственной угрозой и представляет для нас реальную опасность. В условиях борьбы враг превращается в объект ненависти. Но никто никогда не является врагом изначально, а становится таковым в ходе, можно сказать, стандартно протекающего процесса: встреча - конфронтация - столкновение - борьба. Мы в состоянии читать и распознавать «знаки» этого процесса. Приведу конкретный пример.

3 сентября 1939 г. в газете «Известия» была опубликована статья «Военные действия между Германией и Польшей», которая в довольно спокойном тоне перечисляла военные успехи вермахта в Польше. Статья не содержала в себе никакой оценки происходящего, а являлась, скорее, нейтральной сводкой событий. С началом Великой Отечественной войны тон советских газет по отношению к Германии стал, однако, меняться самым радикальным образом, достигнув своей кульминации в напечатанной 24 июля 1942 г. в газете «Красная звезда» статье Ильи Эренбурга «Убий», где прозвучал прямой призыв «убить немца». Для того чтобы понять, почему тон газет в течение менее чем двух лет изменился радикальным образом, необходимо обратиться к той реальности, которую советские газеты в своих статьях в принципе отразили вполне адекватно.

Пример с газетными статьями демонстрирует нам наглядно, что перемены в восприятии «другого»/«чужого» невозможно объяснить, исследуя одни только человеческие восприятия, а их можно объяснить, обратившись к тому событийному контексту, в котором эти восприятия возникли. Причины конкретных интерпретаций лежат не только в их носителях, но и в тех реальных ситуациях, которые в состоянии в буквальном смысле слова «поставить людей» или рядом друг с другом, или же, наоборот, развести друг против друга. Однако в случае с русофобией люди оказываются одновременно и рядом друг с другом, и против друг друга. Но вначале о понятиях русофобия и ксенофобия. Монография уделяет большое внимание именно этим понятиям.

Обратимся к понятию «руссофобия». Замечу, что руссофобия есть одна из форм проявления «фобии». В нашем современном языке «фобия» обозначает не только страх, но и прямую враждебность, которая может проявлять себя по отношению к самым различным группам общества — мусульманам, чернокожим, евреям, представителям сексуальных меньшинств и т.д. Отсюда и термины — ксенофобия, исламофобия, славянофобия, гомофобия, антисемитизм, расизм и т.д. Исследованием различных форм «фобий» в немецком обществе занялись в рамках своего многолетнего проекта «Menschenbezogene Gruppenfeindlichkeit» («Групповая враждебность у людей») специалисты университета Билефельда³. Их исследование уникально: оно пытается раскрыть универсальные механизмы проявления враждебности одних групп людей по отношению к другим. Подобные универсальные причины возникновения враждебности или «фобий» прослеживаются, несомненно, и в истории, которая, кроме руссофобии, знает и другие формы проявления враждебности по отношению к «другому»/«чужому». Можно привести пример «немецко-французской враждебности», которую немцы, по причине ее длительного характера, называли «наследственной». Высшим пунктом немецко-французской конфронтации стали кровопролитные и изнурительные сражения при Вердене в 1916 г. («Верденская мясорубка»). Очень сложными в новой и новейшей истории были также немецко-английские отношения, которые тоже время от времени принимали враждебный характер.

Эти примеры подтверждают, что межнациональная или межгрупповая враждебность является универсальным феноменом. Однако этот универсализм далеко не всегда присутствует в работах российских историков, которые, замыкаясь на «руссофобии», закрывают себе доступ к пониманию «фобии» как таковой. Последняя проявляла себя в самые различные исторические периоды, в самых различных нациях и в самых различных социальных группах и слоях. Исследование «фобий» требует, таким образом, дифференцированного подхода к ней.

Кроме того, в таком сложном социальном организме, как человеческое общество, кроме чувства враждебности, без всякого сомнения, всегда параллельно присутствовали и проявляли себя другие чувства/эмоции, которые к тому же динамично развивались и менялись. На этот момент

³ URL: <https://pub.uni-bielefeld.de/project/P439> (access date: 07.04.2020).

указывает А.В. Голубев: «Представления русских об иностранцах вообще трудно определить сколько-нибудь однозначно: они формировались в зависимости от исторической эпохи, от конкретной ситуации, от образовательного уровня и социального статуса носителей этих представлений» (с. 98). Отношение к «другому»/«чужому» носит, таким образом, динамичный характер, является многослойным и многогранным. Но именно эту многослойность и многогранность межкультурных отношений никоим образом не отражает заголовок статьи «Русофобия в Великобритании XIX века» (М.В. Жолудов), ибо он изначально предлагает нам определенную, однозначно отрицательную перспективу анализа проблемы восприятия «другого»/«чужого». Почему в этом случае не была выбрана более нейтральная формулировка, как, например, «Отношение к России и русским в Великобритании XIX века», которая позволила бы описать всю сложную палитру коллективных чувств к России и русским, а сделан акцент на русофобию, мне не совсем понятно. В сборнике имеются и другие статьи на тему русофобии, что свидетельствует о повышенном интересе российских историков к этому феномену. Именно этот повышенный интерес и заставил меня заняться поиском работ в современной немецкой историографии, которые содержали бы понятие «германофобия» («Deutschfeindlichkeit») или «вражда к немцам». Однако моя попытка найти конкретную работу на эту тему не увенчалась успехом. О различных формах «вражды к немцам» особенно охотно писали нацистские историки, а также историки Германской империи и Веймарской республики, но современные немецкие историки отказываются употреблять термин «Deutschfeindlichkeit», а тем более ставить его в заголовок своих статей. Почему? Потому что понятие «вражда к немцам» широко используется в националистических, правоэкстремистских и популистских кругах, которые менее всего заинтересованы в объективном освещении прошлого. Поэтому в немецкой политической и научной литературе понятие «вражда к немцам» обозначается как «Kampfbegriff», т.е. как средство политической и идеологической борьбы. И это не случайно. Такие понятия не облегчают, а усложняют процесс познания прошлого. Они не создают, а разрушают. Они лишают историка возможности нейтрального и независимого познания прошлого. Там, где такие понятия употребляются, объективные и нейтральные дискуссии о прошлом немедленно заканчиваются.

Менее подозрительным в этом отношении является выражение «ксенофобия». В немецком языке в качестве альтернативного и широко употребляемого термина используется слово «Fremdenfeindlichkeit», которое, как мне кажется, обладает большим потенциалом агрессивности, ибо обозначает крайне нетерпимое, неприязненное и даже ненавистное отношение к «другому»/«чужому». Но анализируя употребление понятия «ксенофобия» российскими историками, вынужден констатировать, что оно описывает очень широкий спектр поведенческих моделей отношения к «другому»/«чужому» — от крайне враждебных (ненависть) до более сдержанных, как, например, неприязнь, отвержение или отторжение. Кроме того, под категорию ксенофобии в рецензируемом сборнике попали, можно сказать безобидные характеристики и выражения, как, например: «алчен», «вероломен», «угрюм», «высокомерен», «недоверчив», а также «склонен к пьянству» и «ленив». Речь здесь, разумеется, идет не о комплементах, но и не о ксенофобии. Мы не можем назвать ксенофобией любое негативное мнение иностранца о России и русских, а иначе и алкоголик может обвинить свою жену в ксенофобии, ибо она, обозвав его «пьяной свиньей», лишила его таким образом законного права пребывания в «человеческом царстве». А иначе и неприлежный ученик может пожаловаться на «ксенофобию» своей строгой учительницы, которая назвала его безалаберным и ленивым. Я понимаю, что речь здесь идет о «ранимой русской душе», но может быть душе этой необходимо объяснить, что и ксенофобия имеет свои границы. Далеко не каждое нелестное замечание иностранца по отношению к России и русским является ксенофобией, а тем более — русофобией. Исследуя нелестные исторические характеристики, мы должны воспринимать их в горизонте того времени, в котором они прозвучали, потому что произносились и воспринимались они другими людьми. Здесь историку не мешало бы, по моему мнению, обратиться к исторической антропологии, которая в состоянии объяснить и описать универсальные причины возникновения «фобий».

Рецензию я закончу анализом темы европейской идентичности, о которой в монографии пишет Г.С. Климова. Вопреки автору статьи я не считаю европейскую идентичность «чистой абстракцией» (с. 81). И я объясню почему. Но вначале я бы хотел указать на три возможности европейской самоидентификации. Европейец, как правило, может идентифицировать себя (а) с европейской культурой, (в) с Европейским союзом

(ЕС) и (с) с «европейскими», а если выразиться вернее, с универсальными ценностями (выражение «европейские ценности» употребляют, как правило, малограмотные политики).

Вначале замечу, что даже так называемые «евроскептики», к которым относится, например, Великобритания, не ставят под сомнение свою принадлежность к европейской культуре, к которой, без всякого сомнения, относится и Россия. В культурном отношении Россия принадлежит Европе и является Европой. В этом не может быть никаких сомнений.

Но идентификация с европейской культурой не предполагает наличие европейского гражданства. Можно жить в ЕС и в то же время не идентифицировать себя с Европой (что и подтверждает Г.С. Климова в статье многочисленными примерами). С другой стороны, можно жить и вне ЕС, например в России, и в то же время идентифицировать себя с Европой и ее ценностями. Но что есть тогда «европейская идея»?

Европейская идея основывается не на национальной принадлежности, а на универсальных ценностях, и это является исключительной особенностью такого межгосударственного образования, как ЕС. У гражданина ЕС в принципе нет национальности, но есть европейская идентичность, которая, между прочим, оказалась более прочной, чем, например, советская идентичность. Также советская идентичность основывалась не на национальных признаках, а определялась идеологическими и мировоззренческими (коммунистическими) принципами. Однако коммунистическая идентичность базировалась не на универсальных, а на классовых ценностях. Ее существенная проблема заключалась в том, что она была лишена универсального характера. Также религиозная и национальная идентичности не имеют универсального характера, ибо они, объединяя людей по

религиозному или национальному признаку, «разбивают» их таким образом на группы. Общечеловеческая идентичность этого не делает, ибо она имеет под собой универсальную основу, а потому и ненавистна сторонникам «групповых ценностей». Если попытаться установить, кто сегодня в ЕС ставит под сомнение универсальные ценности, то придется констатировать, что их отрицают прежде всего сторонники групповых интересов — экстремисты, крайние националисты, расисты, исламисты и другие религиозные фанатики, одним словом, не самые лучшие представители человеческого рода. Напомню, что необходимость соблюдения универсальных этических ценностей категорически отвергал как национал-социализм, так и коммунизм. Об этом факте стоит задуматься всем, кто иронично отзывается о «европейских ценностях» или же критикует их, солидаризируясь таким образом с сомнительными политическими силами и идеологиями прошлого и настоящего.

Основанный на универсальных ценностях союз европейских стран имеет хорошие шансы стать общечеловеческим проектом, от которого выиграет все человечество. Провал европейского эксперимента может, наоборот, привести человечество к трагедии, ибо тогда все мы опять можем оказаться в своих окруженных ракетами «национальных хижинах», недоверчиво наблюдая с винтовкой в руках за движениями своего соседа, который в любой момент может принять для нас образ «врага».

Библиография/References

Art. Imagologie im Lexikon der Filmbegriffe. URL: <https://filmlexikon.uni-kiel.de/index.php?action=lexikon&tag-det&id=8229> (access date: 07.04.2020).

Mentalitäten-Geschichte / Hrsg. U. Raulff. Berlin, 1987. URL: <https://pub.uni-bielefeld.de/project/P439> (access date: 07.04.2020).

DOI: 10.31857/S013038640013400-8

© 2021 г. А.С. Зданевич, Н.Е. Хохолькова

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕЛОМ В ИСТОРИИ АФРИКИ. ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ»

Зданевич Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры африканистики восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: azdanevich78@gmail.com

Researcher ID: C-2258-2016

Хохолькова Надежда Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН (Москва, Россия).

E-mail: khokholkova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5165-1925

A.S. Zdanevich, N.E. Khokholkova

ALL-RUSSIAN CONFERENCE “A TURNING POINT IN THE HISTORY OF AFRICA. EXPECTATIONS AND REALITY”

Alexander Zdanevich, Department of African Studies, Faculty of Asian & African Studies, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: azdanevich78@gmail.com

Researcher ID: C-2258-2016

Nadezhda Khokholkova, Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: khokholkova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5165-1925

1960 г. вошел в историю как «Год Африки», точка отсчета постколониальной эры, когда 17 молодых африканских государств обрели независимость, встали на путь суверенного развития. В 2020 г. мир отметил 60-летие освобождения Африки. Круглая дата и растущее значение континента в текущей повестке в глобальном масштабе диктуют формат и частоту встреч представителей академического сообщества. Данный исторический этап стал важной вехой для отечественных африканистов разных поколений, а также привлек к обсуждению коллег – историков, антропологов, культурологов и многих других специалистов, занимающихся Африкой профессионально.

14 октября 2020 г. состоялась Всероссийская научная конференция «Перелом в истории Африки. Ожидания и реальность», организованная

Центром африканских исследований Института всеобщей истории (ИВИ) РАН. В мероприятии, проведенном в режиме онлайн, приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa и Ярославля.

Нельзя не отметить тематическое разнообразие докладов и гармоничность программы, выстроенной в соответствии с избранным председателем Оргкомитета, д.и.н., проф. А.С. Балезиным подходом «от общего к частному».

В рамках трех секций и в ходе дискуссий сразу обозначилась главная тема – деколонизация во всем множестве ее измерений: историческом и историографическом, стадийном и региональном, социальном и культурном. В центре внимания докладчиков оказались проблемы политического развития, международных отношений,

образования, исторической памяти, идентичности и т.д.

Конференция открылась выступлением одного из ее главных идейных вдохновителей, руководителя Центра африканских исследований ИВИ РАН академика А.Б. Давидсона. Доклад был посвящен переменам в судьбах народов Африки, свершившимся после Второй мировой войны, и восприятию данных трансформаций советскими исследователями. А.Б. Давидсон обратил внимание на возрастающую роль Африки в современном мире, а также обозначил круг актуальных вопросов, задав тон мероприятию.

Тема деколонизации была развита д.и.н., проф. Ныгусие Кассеа В. Микаэлем (Российский университет дружбы народов) в сообщении «Возникновение независимых государств в Африке – задачи и трудности» и д.фил.н., проф. Н.А. Добронравиным (Санкт-Петербургский госуниверситет), представившим доклад «Правила деколонизации и наказание за их нарушение (Гвинейская Республика, Гвинея-Бисау, Коморы)». Открытое предыдущими докладчиками обсуждение вопроса региональных особенностей и последствий деколонизации было продолжено соискателем О.А. Дженчаковой (Институт Африки РАН), рассмотревшей конфликты в Биафре, Катанге и Кабинде как результат геополитического наследия колониализма.

В соответствии с традицией, на протяжении долгих лет поддерживаемой сотрудниками Центра африканских исследований ИВИ РАН, ряд докладов был посвящен анализу уникальных архивных источников. В ходе заседания первой секции конференции внимание данной проблематике уделено к.и.н. А.В. Воеводский (ИВИ РАН), обратившийся к записям переговоров премьер-министра Южно-Африканского Союза Хендрика Фервурда (1958–1961 гг.) и премьер-министра Великобритании Гарольда Макмиллана (1957–1963 гг.) в феврале 1960 г., хранящимся в Национальном архиве Великобритании, и д.и.н. С.В. Мазов (ИВИ РАН), осветивший материалы отечественных архивов, связанные с началом гражданской войны в Нигерии и советско-нигерийскими отношениями в 1967 г.

Своеобразный и яркий историко-литературный очерк представил д.и.н., проф. А.В. Антошин (Уральский федеральный университет, УрФУ), выступивший с докладом «“Ленин всматривался зорко в дали на гвинейском берегу...”: обретение независимости государствами Западной Африки в творчестве уральского поэта Льва Сорокина».

Динамика преодоления молодыми африканскими государствами переходного этапа от колониализма к современности, параллели и временная переключка в оценках и действиях руководителей «ново-рожденных» независимых африканских государств нашли отражение в выступлении А.С. Балезина (ИВИ РАН) «Молодые африканские государства и колониальное общество: преемственность и перемены (к постановке проблемы)».

Глубокий историко-политологический анализ на южноафриканском материале был дан в докладе д.и.н., проф. И.И. Филатовой (Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ) «Другой перелом. Переход к вооруженной борьбе: причины и следствия». Автор детально продемонстрировала причины и последствия перехода оппозиции к вооруженной борьбе в эпоху борьбы с апартеидом.

Руководитель Лаборатории востоковедения и африканистики Ярославского госуниверситета им. П.Г. Демидова (ЯрГУ) д.и.н., проф. Т.М. Гавристова представила доклад «Африка: становление постколониального дискурса (от Франца Фанона до Ачила Мбембе)». Свое выступление она построила на проведении исторических и философских параллелей в рамках постколониального дискурса.

Выступление к.и.н. Н.Е. Хохольковой (Институт Африки РАН) «Умножение – “измов” и проблема поиска культурной идентичности в контексте африканских постколониальных исследований» сопровождалось дискуссией, так как автором была затронута одна из самых острых и важных на современном этапе проблем – поиск культурной идентичности в африканских обществах.

Не менее «злободневным» выглядело выступление к.и.н. Е.Ю. Чемякина (УрФУ) «Феномен “обратной миграции в Африку”». Миграционные процессы на континенте и вне его границ имеют тенденцию к нарастанию. Возвратные механизмы этого сложного явления, безусловно, необходимо изучать глубоко и детально.

Неизменный интерес специалистов-африканистов, занимающихся проблемами государств региона Великих Озер, вызывают выступления и публикации д.и.н., проф. И.В. Кривушина (НИУ ВШЭ). На этот раз им был подготовлен для обсуждения доклад «1960 год в истории Руанды: избавление от колонизаторов или освобождение от тутси».

К проблемам современной Южной Африки обратилась в выступлении «Проблемы деколонизации образования в ЮАР» к.и.н. В.В. Грибанова (Институт Африки РАН). Коллеги отметили важность и своевременность изучения образовательных

стратегий независимых африканских государств в контексте продолжающегося диспута о «деколонизации умов», столь популярного в наши дни в связи с новой волной расизма в глобальном масштабе.

Представитель петербургской школы африканистики к.и.н. А.С. Зданевич (Санкт-Петербургский госуниверситет) в докладе «Роль молодежи в формировании будущего государств Африканского континента. От декларируемых проблем к возможным решениям» попытался разобраться в перипетиях молодежной политики современных государств Африканского континента.

Антропологи к.и.н. А.А. Банщикова и О.В. Иванченко (обе – Институт Африки РАН)

подготовили совместное выступление «Историческое и современное рабство как факторы межэтнических отношений в современной Танзании». Исследование, основанное на результатах нескольких сезонов «полевой» работы с информантами-танзанийцами, вызвало немалый интерес коллег.

Конференция завершилась обсуждением ее результатов и выражением взаимных благодарностей; материалы планируется опубликовать в рамках специального издания. Организаторы, выступающие и гости отметили высокий научный уровень и актуальность представленных докладов, а также продуктивную и дружескую атмосферу встречи.

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте) или по электронной почте редакции: novistor57@mail.ru.
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.

13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Ю.А. Рябчикова, И.А. Фадеев

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 19.01.2021 г.
Тираж 20 экз. распространяется бесплатно.

70*100¹/₁₆.
Зак. 10/16.

Уч.-изд. л. 23,4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д.3, стр.1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных Технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
  - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых
коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).